Ольга Ворон

АНГЕЛЫ:
АНАБАЗИС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Специальное егерское подразделение «Тайга-2», совместно с секретной группой ФСБ, выполняет нетипичное для себя задание по сопровождению пленного. Группы испытывают крайнюю неприязнь друг к другу, и только понимание того, что оказались не на своей земле, заставляет их объединить усилия. Суровый и сложный путь домой пролегает через сердце чужого мира — дворец царевны-лебедь… От автора: По циклу — Мир Прикосновенности. По сути — попаданцы в магический мир славянских мифов. По духу — любовно-боевая фентезятина, но без пластилинов и томных блонди. Брали в издательство, да серия закрылась — пусть живёт теперь тут)))

- Ольга Ворон
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Эпилог

Ольга Ворон
АНГЕЛЫ: Анабазис

АНГЕЛ — ПТИЦА СТАЙНАЯ

Наполни смыслом каждое мгновенье
Часов и дней неумолимый бег.
Тогда весь мир ты примешь как владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь ЧЕЛОВЕК.

Р. Киплинг (пер. Лозинского)

Глава 1
Офицеры

Лес на той стороне реки казался гуще из-за осеннего подлеска. Вал красно-бурых кустарников выкатывался из-под пышных сосновых крон и нависал над глинистым обрывом. Сухие несброшенные листья пылали, используя последнюю попытку докричаться до окружающего мира и заявить о своём существовании. Но их хвойным собратьям было всё равно — ещё одно закончившееся лето, ещё одна опавшая жизнь. И не важно, что эта жизнь тоже прекрасна, что она дарит шелест соприкосновениями и тонкую нежность касанием. Соснам не понять. Флегматичные циники, они давно уже нашли свой путь — острую колкость в ответ на поглаживание. Что ж… Это позволяет им выживать, не засыпая на зиму. А у их корней хрупкими пальцами смороженных веток долгие шесть месяцев будут ловить отблески солнца навсегда оставшиеся романтиками младшие собратья. Чья судьба лучше?

А он-то, глупец, думал, что всё в своей жизни уже видел… И стал циником, как эти сине-зелёные хвойные громады на том берегу. Ан нет…

За спиной вновь задушено захрипел пленник, и плечи свело судорогой остановленного движения. Куда-то нужно было срочно использовать народившееся напряжение, и он в который уже раз наклонился почти к самой воде и поднял голыш. Холодный камень остудил ладонь и растревожил давний шрам, пролегший поперёк линии судьбы. Михаил подбросил камень на руке раз, другой, широко размахнулся и, словно гранату, швырнул вперёд. Проследил за плавной траекторией — голыш ухнулся, почти долетев до другого берега. Круги от падения мгновенно скрыла клокочущие волны быстрой воды. «Недолёт!», — усмехнулся Михаил и растёр закоченевшую ладонь о колено. На камуфляжном «хэбэ» уже появилось влажное пятно от частого вытирания руки. Что поделаешь, привычка. Услышав шаги со спины, он тут же определил человека. Ему можно было верить.

— Мих.

В плечо, глубокомысленно булькнув, ткнулась фляга. Он, не глядя, подхватил её из руки товарища и скользящим ударом ладони свинтил незатянутую крышку. Юрка присел рядом на корточки. Нервным взглядом обежал противоположный берег. За спиной снова вскрикнул истязаемый, и это поторопило руку Медведева. Горлышко фляжки ударило по зубам, а содержимое

опалило глотку.

— Немирофф?

— Столичная.

— Ещё есть?

— У Игната две банки спирта неучтёнкой… — задумчиво сдал товарищ.

— Скажи — пусть отдаст тебе на раскупорку, — распорядился Михаил. — А звездюлей я ему по возвращении навешаю.

— Лады, — качнулся Юрий.

Помолчали. Прислушались. За спинами хрип перешёл в стон. Ударов уже не было слышно. На сегодня — всё.

— Ребята устали, Мих…

— Ты это мне говоришь?

— Не заводись.

— Не завожусь, — согласился он. — Уточняю, — и вернул флягу.

Юрий забрал протянутую фляжку и задумчиво побултыхал её возле уха. Плеск показался звонким. Хватит здесь ещё на раз для пятерых? Михаил едва заметно хмыкнул. В такие моменты понимаешь, что работа психолога — это чистой воды одурачивание. Вот настоящая работа в действии — не чинясь, дать ребятам глотнуть, выкурить с ними сигаретку-другую, поговорить, если получится. А потом, в тепле и спокойствии, можно и посидеть, накропать отчёты. Ничто ещё не сравнилось в эффективности с хорошей выпивкой и общением на равных.

— Зараза, — сплюнул Михаил. — Душу выматывает. Я не дурак подраться в охоточку, либо за дело какое. А когда вот так, равнодушно, как работу делают…

— Ребята говорят, — исподлобья взглянул Юрий, — если здесь ещё поплутаем немного, то «объект» не довезём. Либо он от побоев кончится, либо мы его сами пришьём, чтоб не мучился.

Командир егерского подразделения Михаил Медведев снова потянулся за голышом. Правильно ребята говорят… Рука подбросила ледяной камень раз-другой и пошла по широкой дуге за спину. Друг и помощник Юрий Зубров согласованным мягким движением сдал в сторону ровно на те сантиметры, что требовались для хорошего замаха. Правильно ребята говорят… Голыш сорвался с ладони и стылым метеоритом помчался к другому берегу. Вместо уже привычного плюханья в воду раздалось едва различимое за шумом реки чавканье — камень вошёл в мягкий глинозём крутого обрыва. Капитан Медведев невесело усмехнулся. «Правильно ребята говорят. Только Юрка не договаривает. Есть и третий вариант, о котором они наверняка треплются, но о котором сказать вслух нельзя. Либо пленник

сдохнет сам, либо его добьют, либо, блин, этих положим нафиг».

— Никогда не думал, что буду работать при гестапо, — просипел Михаил и сплюнул на камни.

Вот уже почти неделю отряд плутал по лесу. Ориентиров нет, связь потеряна, долгожданная вертолётная площадка, к которой должны были выйти ещё шесть дней назад, так и не появилась. Более того — чем дальше продвигались, тем больше местность отличалась от карты. Старые схемы уже ничем не могли помочь. Навигационная система сдохла сразу после выхода из ущелья. Ребята, посланные обратно, до ущелья, с которого началось движение группы, не дошли — потеряли след. Да и пленник… Этот чёртов пленник! Капитан ненавидел его всем сердцем. Ему страстно хотелось, чтобы его вовсе не было, или вдруг не стало. Он даже был готов этому поспособствовать. Но сам же понимал, что ненависть к пленному лишь отголосок происходящего внутри. Не впервые за службу ему становилось противно дело, которое делал, но в первый раз ум и совесть настолько оказывались не в ладу. Презрение к работе оборачивалось ненавистью к внешнему раздражителю. Так было проще. Но Михаил не искал лёгких путей.

— Читаешь мои мысли, — скупо прокомментировал Юрий.

Медведев вздохнул. Пожалуй, это мысли не только офицеров отряда. Посмотреть, как Славян волком смотрит на «раверсников» или как Родимец косится. Да те же Батон и Ворон! А уж Кирпич-то до чего спокойный мужик, а видно — едва сдерживается. Уж он бы опустил свои лапищи на шеи ненавистных «инквизиторов»!

Так уж получалось, что и в штатном режиме всегда сталкивались интересы «Р-Аверса» и охраняющих их егерей. Одни — в комфортабельных условиях закрытой базы, другие — вечно на сухом пайке мотаются по лесу. Одним — высокие зарплаты и особые условия отдыха семействам на берегах морей, другим — дай Бог, если хватит копейки на проживание бабе да детям. Одним — во всём и всегда приоритет, другим — шиш с маслом. А вот теперь столкнулись в одном задании «таёжники» и «раверсники» — и оказалось, что разница в чём-то более важном, пусть не в глобальном, но в самом нутряном, духовном. И глядят друг на друга волками.

Всё так, да только есть такое слово… И хотя «Тайга» совсем не для военных дел создавалась, а как карманное подразделение одного начальника, и от обычных армейских проблем оказывалась далеко, но что такое «приказ» тут никому объяснять не нужно было.

Офицеры молча смотрели в воду. Быстрое течение в каменистом русле создавало неспокойную поверхность,

непривычную для взглядов волжан. По водным завихрениям то здесь, то там появлялись тонкие перья белоснежной пены, но тут же исчезали под новыми волнами. Вода была ледяной. В этих местах рано становилось холодно, и в первую очередь это отражалась на воде. Здесь реки, в силу своего природного неспокойного характера, остывали рано, вставали нескоро, но зато надёжно. По таким рекам зимой армии водить можно. Да так и было в стародавние времена.

Медведев смотрел на воду и думал о том, что, как не крути, а в хорошее время они попали в эти леса. Пусть и плутать приходится порядочно и нервничать по поводу окружающих странностей, а всё равно хорошо: ни летнего гнуса тебе, ни весеннего звериного гона, ни ледяного дыхания зимней стужи. Здешняя осень благоволила к странникам. Днём ещё тепло, солнышко подчас припекает, так что можно и погреться и даже позагорать, а по ночам уже схватывает морозцем и тем спасает от комарья и мошкары. Зверьё перед зимой очумело носится, занятое запасом продовольствия на зиму — хоть голыми руками бери. Птицы на юг подаются. Летят стройными клиньями, перекликаются. Опять же цвета какие! В заволжских лесах по этой поре красное и жёлтое преобладает. А здесь вся радуга на ветках, не исключая и тёмных тонов, которыми кое-где окрашиваются листья. Благодать.

По воде мимо понесло сорванный лист. Жёлтый в бурую крапинку. Закрутило в бурунах. Два офицера молча сопровождали взглядами кружение листа в волнах, пока его не уволокло за резкий поворот. Там, на повороте, обрыв противоположного берега реки плавно переходил в залысину пологого «языка».

— Смотри-ка! — Громким шёпотом привлёк внимание друга Юрий. — Никак лиса!

Михаил присмотрелся и увидел почти неприметную на фоне осенних кустарников тонкую мордочку выходящего из леса зверя. Быстро подпрыгивая тонкими лапами на каменном берегу, рыжая патрикеевна выходила к воде. За ней весело скакали три пушистых шарика. Лиса зорко оглядела пространство, недовольно подёргала чёрными ушами, увидев двуногих на противоположной стороне реки, но команды «отставить» своему выводку не дала. Только построже тявкнула, призывая щенков к порядку. Но тем и без того уже хватало забот — большие валуны, громоздящиеся на берегу, оказывались серьёзным препятствием для слабых ещё лап. Лиса запрыгнула на один из камней и пригнулась к воде.

— Хитрая бестия, — почти беззвучно сказал Михаил. — Хочет ног не замочить.

— Лап, — хмыкнув, поправил товарища Юрий. — Однако щенки накупаются.

Рыжая мамаша напилась, оглядела сверху лисят, безуспешно сражающихся с камнями и собственными лапками. Потом снова посмотрела на противоположный берег. Люди её беспокоили. Она откровенно подёргала носом, вбирая новый запах, подумала, поглядывая на незнакомцев то одним, то другим глазом.

— Однако непуганая, — задумчиво произнёс Юрий. — Сразу чувствуется — с людьми ещё не сталкивалась. Запах наш уловила, но не убегает.

— Да. Далеко нас занесло…

— Мих, — Юрий потрясённо обернулся, внезапно осознав странность, — Осень же!

— И что?

— Дык! Щенки-то уже большенькими должны быть!

Михаил помолчал, потёр щетину и хмуро предположил:

— Может, поздняя случка?

— В диком лесу? — покачал головой Юрий. Глаза у него стали настороженными, былая лёгкая улыбка исчезла.

Лиса, видимо, решила, что пора домой и коротко тявкнула на выводок.

— Равняйсь! Смирно! Шагом марш! — прокомментировал Юрий.

Щенки засеменили за мамашей. Она высоко вскидывала тонкие лапки, чтобы бежать по камням, а они преодолевали препятствия большими, но не всегда умелыми прыжками. Лиса нашла прореху в плотной волне кустарников и одного за другим впихнула туда выводок. Последний раз посмотрела на людей и скользнула вслед за детьми.

— Да, за всю свою жизнь впервые вижу лису со щенками. Говорят, лисоньки очень пугливые мамаши. А, Миш?

— Говорят.

Он ответил лаконично. За спиной наметилось движение, шаги были непривычными. А, если это не свои, то методом исключения получается… Медведев посмотрел на друга, тот на него, и оба согласованно поднялись. Но уйти не успели.

— Сидите-сидите. Не помешаю, — устало махнул рукой капитан Степан Полынцев и присел рядом на берегу. Стянул с левой кисти полуперчатку, загрязнённую кровью и пылью. Опустил ладони в студёную воду. Кожа мгновенно покраснела.

«Будто Шер-Хан на водопое…» — неприязненно подумал Михаил, про себя помянув слова из книги, с детства вызубренной наизусть.

Юрий посмотрел на умывающегося и громко произнёс:

— Товарищ капитан! Разрешите обратиться к капитану Медведеву?

Полныцев, не оборачиваясь, задумчиво поводил отбитой ладонью в стылой воде:

— Разрешаю.

— Командир, разрешите идти проверять готовность личного состава к ужину?

Михаил в душе выматерился в ответ на мелкое предательство друга, и ответил хмуро:

— Разрешаю.

— Есть!

Юрий демонстративно вытянулся и развернулся на месте.

«Ну-ну, я тебе это ещё припомню», — подумал Михаил.

Раверсник поднял взгляд от воды на капитана и усмехнулся:

— Что вы, как дети, в самом деле. Не выпендривались бы! Я же вашу строевую не проверяю. Мне своих дел хватает.

Медведев снова внутренне матюкнулся, а вслух сухо ответил:

— Это обычная субординация. Основа взаимоотношений…

— Ну да, да. — Степан задумчиво опустил руки в воду. На правой кисти над отбитой костяшкой набухал большой кровоподтёк. — Только, если бы меня здесь сейчас не было, он сказал бы что-то вроде: «Пойду пошукаю, что там есть пожрать», — а Вы бы, Михаил, ответили ему: «Ползи-ползи, улитка, по склону Фудзи!». И никаких вытягиваний и прочего не было бы. А вот для меня этот спектакль устраиваете. И не первый раз, заметьте…

Как и раньше, разговор шёл исключительно на «Вы». Это оказался единственный способ сохранять нормальные рабочие взаимоотношения. Слишком всё было натянуто и напряжено. Назначенный официальным командиром на задание Степан Полынцев вызывал у Медведева стойкую неприязнь за проявляемую жестокость. Впрочем, к «таёжнику» капитан «Р-Аверса» тоже особо позитивных чувств не испытывал, презирая за демонстративное чистоплюйство.

Больше всего Медведеву хотелось долбануть «Главного Инквизитора» по шее, а, потом пройтись по роже кулаками и успокоить ногой поддых. Чуть поменьше хотелось ответить по маме, навернув в многоэтажную фразу множество красивых оборотов, в которых бы упоминался «раверсник» и его команда в самых откровенных позах. Ну и совсем немного — пойти к своим ребятам, попросту проигнорировав разговор. Однако любое из этих действий неминуемо привело бы к единственному исходу — две команды, выполняющие одно задание, подрали бы друг друга. Численный перевес, конечно, был на стороне «таёжников», но…

— Мы вас стесняемся, — буркнул Михаил и с тоской посмотрел на голыши под ногами. Потом — на затылок собеседника.

— Ну да, ну да…

Степан Полынцев задумчиво зачерпнул ладонью ледяную воду, наклонился, выпил. Все его движения говорили о хорошо подготовленном, умелом теле, способном не только мастерски бить связанного человека, но и свободно драться с превосходящим по силе и весу противником. Мощности и уверенности движений не мешала излишняя сухощавость фигуры, с трудом скрадываемая тёжёлой курткой.

— Стеснительные, — опять фыркнул Полынцев, поднимаясь. — Как водку пить, так не стесняемся!

— В медицинских целях. Для поднятия боевого духа. По моему распоряжению, — отчеканил капитан Медведев. Но про себя подумал о том, что нюх у командира спецкоманды «Р-Аверс» уж слишком тонок. Как бы его отбить случайно…

«Раверсник» не стал настаивать на продолжении темы. Может быть, потом, по возвращению на базу, он и поднимет этот вопрос, но сейчас, взглянув на мрачное выражение лица оппонента, посчитал, что давить не следует. Просто, хмурясь своим мыслям, стряхнул с рук капли, погрел пальцы работой, сжимая-разжимая кулак, и достал из нагрудного кармана пачку импортных сигарет. Коротким движением предложил закурить. Медведев отказался. Достал свои. Отечественные. Закурили.

— Послушайте, Михаил, — начал «Инквизитор». — Вы — умный человек…

Не договорив, посмотрел на внезапно поменявшуюся физиономию егеря и жадно затянулся. О лицо Медведева можно было гранит стачивать на мемориальные доски — маска будет оставаться такой же — сурово-квадратной с острыми чертами потенциального рядового дебила.

— В общем, так, Михаил. Ваши ребята на моих откровенно нехорошо косятся. Как бы ни случилось беды. Ваши предложения?

— Мне приказать, чтобы не смотрели? — Поинтересовался Медведев кротко, не выходя из образа.

Степан сбросил пепел и задумчиво спросил:

— Вы серьёзно не видите проблемы?

Медведев посерьёзнел, затушил окурок и сунул в карман — до костра. Поёжился, едва сдержавшись, чтобы не поднять воротник. Солнце уже садилось и становилось заметно прохладнее. Последние лучи пробегали по кронам, а над рекой появлялась тёмная прозрачность сумрака. За спинами, на выбранной под привал полянке, вовсю кипела работа — отдохнув

после дневного перехода, егеря готовились коротать ночь. Снаряжение, не рассчитанное на многодневные переходы, оставляло желать лучшего, поэтому приходилось использовать все силы и способности для обустройства походного комфорта. Благо, это ни для кого не было новым неизведанным делом. В команде Медведева все были со стажем, даже недавно переведённый в отряд сержант Анатолий Якоби, по прозвищу Батон, откровенным новичком в лесу себя не показывал. Что радовало. За одно это можно было простить и длинный язык, и развязанное поведение, и расхлябанность, из-за которой при задержании «твари» и получил дырку в плечо. Сперва показалось — пустяк, обойдётся, что для ста килограммов подвижного мяса какое-то мелкое ножевое ранение. Однако уже на следующий день Анатолия залихорадило.

— Проблему я вижу, — скупо отозвался капитан Медведев.

— Тогда — что предлагаете?

— Ничего. Путей решения я не вижу.

— Вы считаете?

Медведев недобро оскалился:

— А ты купи слона!

— Что? — Степан выпрямился, поворачиваясь к собеседнику.

— Ничего, — махнул рукой Михаил. — Я что ни слово, вы — вопрос. Это разговор или допрос?

Полынцев хмуро посмотрел на кончик сигареты, подрагивающей в сумерках мелкими красными искрами, и отступил:

— Разговор.

Медведев зло оскалился. В словесных битвах он силён не был. Обычно его, заваливая аргументами, легко обыгрывали более ловкие оппоненты и только ослиное упрямство спасало авторитет — он всегда оставался при своём мнении. В оправдание себе ставил то, что мнение его формировалось долго и обстоятельно, а о том, чего не знал, предпочитал и вовсе не спорить. Для друзей детства и студенчества, выбившихся в кандидаты и доктора наук, это становилось поводом постоянных шуток о единственной мозговой извилине военных, которая, как повсеместно известно, от фуражки.

Медведев растёр бедро, холодеющее под мокрым пятном на «хэбэ» и ответил:

— Я считаю, что пока вы будете продолжать каждодневные избиения пленника, мы общего языка не найдём. Я лично не вижу повода к доведению человека до состояния крайнего истощения и травмирования.

— Понимаю, — задумчиво протянул раверсник.

— Но ничего поделать не можете? — пошёл Медведев в наступление.

— Это вы правильно заметили, — усмехнулся Степан. — Не могу. И мы с вами уже говорили об этом… Вы отвечаете за нашу доставку до указанной базы, а я отвечаю за пленника. И, одновременно с этим, отвечаю и за жизни ваших и моих людей. Если эту тварь оставить без присмотра или ослабить внимание, то она положит всех. И вырвется на свободу. Такую ответственность я на себя взять не могу и не хочу. А вы?

— А я не вижу повода к такому отношению!

— Эх, Михаил, — вздохнул раверсник. — Я не в первый раз повторяю вам: мы имеем дело не с человеком! И частично вы уже могли в этом убедиться…

— Высокая способность к регенерации тканей, конечно, является странной. Но не признак не-человека, — сухо отозвался Михаил.

Да, кое в чём он действительно имел возможность убедиться. На следующий день после первого избиения, проведённого «раверсниками», пленный поднялся на ноги и пошёл. Он шёл тяжёлой медленной походкой пьяного или больного, но он двигался, хотя «таёжники» ещё вечером однозначно пришли к выводу, что срочно нужен санитарный борт. Способности к восстановлению у пленника были потрясающие. Особенно восхищала скорость сращивания поломанных костей…

— Да, вы правы. Это условие необходимое, но не достаточное, — кивнул Степан. — Однако полно и других явлений, о которых Вы сейчас умалчиваете.

Михаил молча отвернулся к реке, разглядывая россыпь бликов на быстрых струях.

Пленный вот уже неделю не кормлен, воды ему дают по сто пятьдесят грамм в день, руки-ноги повязаны, глаза во время переходов под повязкой, но… Но он продолжал двигаться с грацией подраненного тигра, двигаться и молчать. Это странно, это вопиюще невероятно! И всё-таки для Медведева пленник оставался человеком. Более того — сильным человеком, которого смогли «взять» только ловушкой, подобной той, в которую угодил Шер-Хан. Лавина противников в одном ущелье. И газ… Уйма газа была выброшена в воздух и долго не оседала на камнях. Многие были убеждены, что можно идти и брать «объект» голыми руками. Оказалось — нет. Когда брали — как и требовалось, живьём, — он, уже будучи весьма ослаблен, сумел поломать нескольких ребят. Благо, не медведевской группы — у него лишь Батону прилетело в плечо. А свалился пленник только после того, как был оглушён, и положил его лично старший лейтенант Юрий

Зубров, за что ему честь и хвала.

— Я не верю в сказки об оборотнях, — тихо сказал капитан Медведев.

— А он не оборотень, — усмехнулся раверсник. — Он, скорее, вампир.

— Не замечал, чтобы он пил кровь…

Действительно, не замечал. Когда брали «объект», тот дрался в невероятном темпе, и силовые линии его действий были не видны даже подготовленному глазу, знающему, куда нужно смотреть. Но всё-таки, это были вполне обычные техники, без магических пассов, левитации, ударов когтями или выгрызания плоти противников. И никаких тебе попыток пить кровь нападающих или чего хуже. Просто бой. Просто желание выжить и остаться свободным. Ничего другого за действиями пленника Михаил не видел. А уж он знал то, о чем составлял мнение.

— И благо, что не видели этого, — понизил голос командир отряда «Р-Аверс». — Во-первых, зрелище тошнотворное, скажу я Вам. Во-вторых, кровь придаёт этим тварям огромную силу. Так что, если наш узник вдруг сумеет добраться до чьего-то пульса, то после порвёт нас всех, как Тузик грелку.

Раверсник помолчал, задумчиво оглядывая окружающий мир. Пространство над рекой уже потемнело и только на вершинах высоких сосен на другом берегу потока светились нежной зеленцой остатки солнечного света. Закат находился где-то за спинами офицеров. Но офицеры не оборачивались, чтобы посмотреть величественное каждодневное действо. При всём желании, они не смогли бы увидеть заходящее солнце — деревья высились громадами, закрывая половину неба и горизонт под ней. В накатывающем сумраке было холодно и пусто, его прозрачная пелена липко повисала между людьми и намекала на присутствие другой стороны реальности — опасной и неожиданной.

— Кровь — субстанция особенная, — задумчиво продолжил Полынцев. — Она передаёт суть живого. В ней закодирована на уровне потока информация о жизни и биологическом виде. Человеческая кровь наиболее совершенна, поскольку имеет высокочастотный фон, отображаемый в нашей жизни через эмоции и чувства. Такая энергия способна при высвобождении изменять ход истории. Да что там история! Сами причинно-следственные связи этого мира можно разрывать при правильной работе с внутренней силой! А эти твари умеют ею пользоваться. Они добывают энергию из стихий, из деревьев и животных. Но сильнее всего — кровь. Она напрямую попадает в центр координации сил и позволяет перераспределять её по внешнему

контуру. Эти твари способны почти сразу после опрокидывания стаканчика генерировать сильнейший импульс. А главное — совершенно «нулевой», то есть не заряженный, понимаете? Его можно использовать в любых целях.

— Ну-ну, — хмыкнул Михаил. — Сами видели али рассказал кто?

— Зря шутите, зря, — укоризненно покачал головой Степан. — То, что я вам сейчас рассказываю, идёт как совсекретно, между прочим.

— А Вы мне, Степан Андреевич, ещё ничего и не рассказали. Так, теории всякие разводите о корреляции проводящей способности гомогенной жидкостной среды с плотностью заряда и энергией электромагнитного импульса, — Михаил хмыкнул.

Капитан Полынцев с интересом взглянул на собеседника. В его взгляде ясно читалось — умыл, так умыл. Вчистую, можно сказать. Он задумчиво оглядел кроны дальних сосен явно прокручивая в голове представленную ему перед выходом на ознакомление характеристику. Медведев знал — ничего паранормального там было. Командир «Тайги-2», Михаил Прокопьевич Медведев, ласково за глаза называемый своими бойцами Михал Потапычем Топтыгиным, с экстрасенсами не пересекался, теориями биополей не интересовался, эзотерикой тоже. И вообще по жизни был человеком весьма твердолобым.

— Мои данные припоминаете? — Утвердительно спросил Медведев, глядя на задумавшегося.

— Да, — не скрывая, скупо улыбнулся раверсник.

— Так, может, образование моё первое вспомните… — прозрачно намекнул Михаил.

Собеседник на мгновение вскинул глаза вверх.

— Высшее техническое.

«Перечитывает запечатлённое в памяти, — сообразил Медведев, — Этот хрен, пожалуй, все материалы на меня и ребят помнит. Надо бы поосторожнее с ним».

— Физмат лучшего ВУЗа страны, между прочим, — хмыкнул «таёжник». — И нас учили на веру непроверенные сведения не принимать. А Вы говорите — кровь, сила, энергия… Вы это руками, извиняюсь, щупали? Вы представляете себе, какой это мизер — величина заряда в человеческой крови?

— Ну-ну, — натянуто улыбнулся в ответ «Инквизитор». — Нас тоже не профаны учили. И лекции читали не Чумаки местного разлива. Просто не сориентировался в ваших знаниях. Бывает, знаете ли.

— Бывает, — кивнул капитан Медведев и передёрнул плечами. Стало зябко. По воде загулял ветерок, явно похолодало.

За спиной, в лагере, трещали ломаемые на костёр ветки и негромко переговаривались товарищи. Борис Катько, по прозвищу Кирпич, приставал к Вячеславу Кузнецову, по прозвищу Славян, с требованием сейчас же, сию минуту показать ему на палках Кузькину мать, о чём тот давно грозился. Славян отшучивался. Ещё пара-тройка реплик и — либо они возьмутся за дрыны, либо Юрий Зубров им обоим покажет свой вариант кузькиной бабушки.

«Дорога долгая, странность происходящего… Хорошо, что противника нет. Так, паранойя командования, не более того. С чего этим дубовым лбам вообще в голову пришло, что на движение „объекта“ требуется охранение группой „Тайги“? — задумался Медведев. — Тут в сопровождение и четверых „раверсников“ хватило бы вполне и даже с избытком. Идти-то предполагалось от ущелья до полянки, пригодной к посадке вертолёта, всего каких-то полчаса пёхом! Или твердолобые и крепкозадые штабные знали, что не всё так просто? Но откуда? Сводная образцово-показательная рота Кассандр напророчила?.. А что, и такое может быть. При прямом сношении с базой „Р-Аверса“ и не такое возможно».

— Что ж, — вздохнул Полынцев. — Давайте в открытую. У нас наметилось две проблемы…

— Уже две? Размножаются делением? — задумчиво спросил Медведев.

— Потеря ориентиров и психологический климат в коллективе, — сухо прокомментировал Инквизитор. — По второму моменту могу сказать только то, что это проблема ваша. Со стороны моих людей всё корректно.

— Угу.

Приходилось соглашаться. Проблема, действительно, была с их стороны. «Раверсники» выполняли приказ — доставить пленника. У них с собой был только один шприц-тюбик гадости с длинным латинским названием, которая единственно и могла, по уверению специалистов «Р-Аверс», усыпить «объект». Пленный, действительно, провёл в состоянии сомнамбулы несколько часов, которые, должны были, но, увы, не перекрыли время, необходимое для доставки груза на борт и оттуда — на ближайшую базу. Всё пошло наперекосяк. И от этого «перекоса» теперь зло таскались по лесам-горам и бешено смотрели друг на друга. Не в этом ли проявлялась нечеловеческая сущность пленника? Не он ли стравлял команды?

За спиной офицеров лейтенант Юрий Зубров, по прозвищу Юра-сан, почти всерьёз грозил Кирпичу и Славяну гневом шатуна-Топтыгина. Надо бы Медведеву вмешаться и рявкнуть,

оправдывая слова друга, но тогда подтвердятся предположения «раверсника» о проблемах команды. Он же вряд ли поймёт и поверит, что в команде, привыкшей в автономии мотаться по лесам месяцами, есть вольности, которые только приветствуются. Тем более, когда группа вся сплошь состоит из бывших профессиональных туристов, спортсменов, чьи представления о лесе весьма далеки от военных. Поэтому, прикинув, какое зло в данной ситуации наименьшее, Медведев промолчал.

— По первому моменту, — вздохнул Полынцев, — могу отметить, что полагаю возможным вмешательство в полотно причинно-следственных связей некой враждебной нам воли, не желающей выпустить тварь из-под своей опеки.

— О как… — задумчиво протянул Медведев. Происходящее стало напоминать обстановку недобросовестно склёпанного триллера для непритязательного зрителя. — Одни сплошные заблуждения и заблудания. Леший, что ли, водит?

— Вы зря смеётесь…

— Да не смеюсь я, — поморщился он в ответ. — Я по лесам с пятилетнего возраста хожу. Как «водить» может, знаю. Только одно «но». Если бы дело было в лешем, то мы бы уже раз сорок за эти дни проходили по одним и тем же местам. А мы блуждаем в заданном секторе вполне сознательно и пока кругов не нарезаем. Просто в этом секторе даже следов указанных ориентиров нет. Вот и весь сказ…

— Мы могли сбиться с направления и оказаться в другом секторе, — флегматично предположил «раверсник». — Навигация-то сдохла почти сразу, шли по старинке, по компасам, а они подвержены воздействию полей и…

— И некая великая сила их одновременно повернула на фиг. А заодно свинтила созвездия по оси «игрек». И уж, конечно, не забыла перекантовать муравейники! И перевесила мох на противоположную сторону деревьев! И про остальные мелочи тоже подумала. В общем, подошла к вопросу основательно, — Медведев мрачно оскалился.

Его профессиональная гордость была задета. И кем!? Человеком, который в лесу ориентировался с помощью навигационной системы!

Полынцев с внимательным прищуром посмотрел на оппонента. И Медведев сразу понял, что выдал себя последней репликой. Выдал бешенство, охватившее его. Оставалось только надеяться, что «раверсник» сможет понять, что высокоорганизованное сознание профессионала избавится от мешающих эмоций и вскоре Медведев предложит свой вариант решения проблемы. Сам Михаил был в этом уверен. Пока же

разговор зашёл в тупик.

— Вернёмся к костру, — скупо предложил «раверсник». — Да и утро вечера мудреннее. Может, завтра по утречку и решим, что же нам делать дальше.

— Согласен, — коротко отозвался Медведев, но сам подумал о том, что завтрашний день вряд ли расставит все точки. Как и последующие.

Глава 2
Столкновение

Возле костра всё было так, как и предполагал Михаил.

Расчищенная площадка под лагерь. Плотно уложенная поленница под невысокой сосной. Костровище для кухни в квадрате снятого дёрна. Сложенные брёвнышки в двухэтажных стопках — «нодьи» на ночной обогрев. Подготовленное место для сна — аккуратно расстеленный лапник вдоль костров. Натянутые тентом плащи-палатки заслоном над спальным местом «инквизиторов». «Таёжники» хорошо знали своё дело — Медведев не нашёл к чему придраться, хотя именно сейчас очень хотелось.

На стоянке стояла тишина — «раверсники» были большими молчунами, а «таёжники» замолкали при виде хмурых командиров. Полынцев, не останавливаясь, прошёл дальше, туда, где лежал пленный и сидел дежурный «Р-Аверса». Двое других его бойцов в ожидании ужина дремали неподалёку. Михаил только взглянул на то, как они неуютно устроились полусидя, привалившись к дереву, и ему захотелось пожать плечами в ответ на людскую глупость. Не первый день в походе, давно уже могли взять пример с его ребят. А его ребята в это время молчаливо и споро решали вопрос питания. Николай Рощин, по прозвищу Ворон, несуетливо разделывал приготовленную дичь — двух зайцев и уже не узнаваемую пташку. Славян, ответственный за питание, тасовал котелки, раскладывая варёные грибы. По чашкам «таёжников» и банкам из-под тушёнки, приспособленным под кружки для раверсников, уже был разлит таёжным компот.

К моменту подхода командира бойцы поднялись и приняли вольную трактовку предписанного строевым уставом положения. «Типа, смирно», называл её лейтенант Игнат Родимцев. Медведев на такие мелочи внимания не обращал.

— Дичь. Грибы. Компот. Хвойный коктейль.

Славян вопросительно взглянул на командира. Будут ли у него какие-то нарекания к уже ставшему привычным за последние пять дней меню? Но Михаил только угрюмо кивнул и прошёл к сидящему рядом с костром Юрию. Присел поближе к огню, протянул к пламени подмёрзшие на холодном ветру руки. Повернулся к молчаливому другу:

— Почему не поднят заслон?

Тот вскинул удивлённый взгляд:

— Дык. Успеется ещё…

— Ветер налетит — поздно будет, — хмуро обрезал Михаил и

повернулся к сидящему неподалёку Родимцеву. — Пятнадцать минут. И что бы было!

— О-па! — Родимец пружинисто поднялся с места. Сами подтянулись Батон и Кирпич, втроём споро взялись за дело. Кольё и лапник уже были заготовлены, оставалось только приготовить рамы, заложить их ветками и укрепить над спальными местами. Самую энергоёмкую работу взяли на себя Родимцев и Катько. Якоби же досталось что полегче — крепление лапника. Да и правильно — нечего ему с дыркой в плече напрягаться. И так потряхивает.

Михаил на ребят внимания больше не обращал — сделают. Он сидел возле костра и наслаждался теплом, пробивающимся из решётки древесного колодца. Юрий искоса поглядывал на хмурого друга. Встретившись ещё на обучении, они достаточно хорошо знали друг друга, чтобы понимать с полуслова. И разница в возрасте не помешала дружбе. Сейчас, — и это было видно старому товарищу, — Медведев кипел внутри. Нетрудно догадаться — почему. Сложно вытянуть из Топтыгина эмоции. Заставить высказать наболевшее и тем распрощаться с ним. И только одному человеку на земле он мог позволить такую вольность.

— На что злишься?

— С чего ты взял? Не злюсь я, — пожал плечами Михаил.

— Однако, злишься. Во зле прибываешь, злость себе позволяешь, злобу затаиваешь. Излишние приказы отдаёшь. Время на исполнение по минимуму. А достойный хатамото должен заботиться о своих верных самураях и не давать им неисполнимых поручений без надобности — это приводит к преждевременному харакири, — усмехнулся Зубров и кивнул на споро работающих товарищей.

Медведев потёр заросший подбородок.

— Ну, Юра-сан… Эти…,- он едва заметно повёл головой в сторону «раверсников», — от своего не отступят. Им плевать, что мы здесь гуляем уже неделю и конца-края не видно! «Объект» должен быть доставлен. Любой ценой. И «сеансы» они не прекратят.

— Чем объясняют-то? — поморщился друг.

— Да всё тем же! Если он сумеет полностью регенерироваться и восстановить функции, то порвёт нас и уйдёт. Как будто не видят, что он день ото дня всё слабее. Ещё пара-тройка «сеансов» и кончится. Ни объект не довезём, ни мучения не облегчим. Да было б за что ему так подыхать! А то просто — эфемерное предположение, что может уйти. Не остановятся они, Юр.

— В общем, боятся, — подытожил друг. — Обезьянья реакция:

вижу чужого — боюсь чужого — нападаю на чужого — убиваю чужого. Тревожность, перетекающая в агрессивность. Ксенофобы.

— Ну-ну. Смотри, как бы ни услышали. Они, поди, таких словов-то не слыхали. Посчитают оскорблением, — хмыкнул Михаил. — И притянут…

— Эти? — Фыркнул Юрий. — Эти не притянут. А те, что могут притянуть, сейчас далеко.

— Ну, так, когда вернёмся.

— Если вернёмся, — усмехнулся помощник, но глаза выдали тревожность.

— Да ну тебя! — Возмутился Михаил. — Скажешь тоже.

— Скажу. Скажу, что происходящее — мистика. Скажу, что мы уже давно должны были выйти на населённый пункт. Скажу, что обшарили весь квадрат и не обнаружили ни малейшего совпадения с картами. Скажу, что немедленно, прямо сейчас нужно идти по следам назад и там, где теряются следы, разбивать бивак. Скажу, что сейчас быстрее поверю в идею параллельных миров, чем в…

— Юр-ка, — по слогам медленно произнёс Михаил и исподлобья глянул на товарища.

— Есть, — пожав плечами, ответил он. Усмехнулся невесело. Обид не было.

Медведев поворошил палкой костёр, заставляя пламя затанцевать в ритме ламбады, и задумчиво сказал:

— Ты прав. Идти назад — нужно. Не найдём следов — встанем лагерем, будем ждать. Но всё это завтра. За неделю уже измотались, нужно отоспаться хотя бы…

Зубров кивнул.

Огонь языками окутывал полешки, танцевал на фоне черноты и вздрагивал от ветра, проникающего за заслон колодца. Жар-птица в клетке. Пока не вырвалась — можно и руки погреть, и воды вскипятить, и светом озарить окружение. Вырвется — не угонишься. Самому бы ноги унести. Может, и пленник у «раверсников» такой?.. Михаил посмотрел в сторону инквизиторов. Вечерний холодок заставил людей подняться и начать приплясывать в ожидании ужина. Как назло, «таёжники» не торопились, основательно занявшись раскладыванием пищи. А может, и специально. Медведев своих людей знал, как облупленных, с них станется затянуть процесс только для того, чтобы поморозить попутчиков.

В этот выход группа «Тайга-2» шла неплохо снаряжённой. Правда, всего-то подразумевалось погулять денёк по лесу. Ну, может разок поесть в походе. Ну, поспать, может быть. Всё это — в условиях благоприятных, считающихся оптимальными,

штатными. Впрочем, оказавшись в лесу на неделю, бойцы неплохо освоились. Благо, было снаряжение, рассчитанное на «однодневку», — пусть и мало, зато есть! Всё же не зима, не минус, не холодные дожди, а во всём остальном помогал опыт и желание устроиться с комфортом. А вот у специалистов «Р-Аверса» дела обстояли не так радужно. По лесу они ходить были не обучены, снаряжения у них — кот наплакал, да и излишне трепетное отношение к охраняемой персоне… Всё это весьма усложняло дело. Ну, чашки им из банок сделали. Ну, на ночь под тентом устраивали. Ну, кормят, поят, на ночлег укладывают. Охраняют. Ведут. Но делиться своими одеждой, обувкой и снаряжением? На подобное предложение — окажись желающие его высказать, — «таёжники» ответят оскалом, которому позавидует любой хищник. Может, потому желающих и не было? И «раверсникам» оставалось только про себя материться на все превратности судьбы.

Пленник лежал на земле метрах в пяти от костра. Если бы не прогал меж деревьев с видом на реку и небо, то в наступившей темноте его не было бы видно. Дежурный охранник сидел рядом с скукоженным телом и зябко кутался в чью-то куртку. Ему нельзя покидать или оставлять без внимания охраняемого, поэтому нельзя и встать и попрыгать для согрева. Михаил посмотрел на недвижимо застывшее на земле тело и поднялся.

— Пойду, свитерок надену.

— Давай, — лениво отозвался Юрий. — Действительно, похолодало.

— Не то слово, — поёжился Михаил и ушёл одеваться.

Медведев делил людей «Тайги» на два типа: морозоустойчивые и теплолюбивые. Юрия и Катько причислял к первым, а себя — к остальным бедолагам. Пока одевался, приготовили стол. Славян разогнулся от земли, где при свете тусклого бивачного фонаря раскладывал питание, и пригласил к ужину:

— Цып-цып-цып! Хавчик-хавчик…

Лагерь мгновенно пришёл в движение. За время, проведённое вместе, у бойцов уже воцарилась некоторая неуставная иерархия, исходя из которой, первыми свои порции получали «раверсники». Объяснялось это простым нежеланием егерей толпиться рядом с ними. В абсолютной тишине специалисты «Р-Аверса» получали порции и быстро уходили к своему костру греться. И тут же «таёжники» расхватывали приборы и садились в круг своего огня. Михаил в общем столпотворении не участвовал. Его приборы и порцию дежурный заранее отставлял ближе к походному очагу, дабы не остыло и не потерялось в сумерках.

Капитан натянул на неохватные плечи поларовый свитер и накинул куртку. И в который раз порадовался тому обстоятельству, что в день выхода на операцию появилась у него идея использовать возможность и походить с ребятами по пересечёнке — в удовольствие, без напряга. Не получилось. Но только благодаря этой неожиданной мысли он приказал ребятам взять снаряжение. В результате — его люди не мёрзли, в каждом рюкзаке лежали медикаменты, ремонтный набор, инструменты, фильтры и боезапас. Конечно, всё по минимуму, но в ситуации, в которой они оказались, этому можно было радоваться, как манне небесной. Ребята и радовались, за спиной пошучивая над ясновидением Топтыгина. Возможно, они бы и роптали, желая вернуться на неделю назад и прихватить с собой весь положенный груз плюс что-нибудь для души, набив под завязку полный литраж большого походного рюкзака, но сравнение с положением раверсников их отрезвляло и давало повод радоваться и заполненным литрам «малюток» за плечами.

В темноте, неожиданно быстро свалившейся на лагерь, света вырывающихся из «колодца» бликов едва хватало, чтобы не промахиваться ложкой мимо рта и видеть силуэты друг друга. Людям было не привыкать. Сперва молчали, изголодавшись за день ходьбы, с жаром уминая грибы с мясом. Потом начались разговоры. Как всегда — ни о чём. Просили-передавали, обсуждали день и погоду, травили анекдоты. Два главных момента не озвучивали: странное блуждание по лесу и пленника.

— Потапыч… Может, рыбы завтра наловим, — предложил Родимцев. — Грибы с мясом уже приелись. А рыбка будет само то!

— Точно! — Поддержал Вячеслав Кузнецов. — Пока в речку упёрлись. А то потом, наверняка, больше не попадётся.

— Ох, не знаю, попадётся или не попадётся, — Зубров оторвался от кружки, — но рыбки хочется.

— А вам, Юр-сан, рыбы всегда хочется, — беззлобно хмыкнул Катько. — Волжанин, что поделаешь.

— Угу. А тебе — сала. Да побольше, побольше!

Катько с воодушевлением начал объяснять, помогая себе жестами:

— Что такое бутерброд по-украински? Берёшь, значица, кусочек хлебушка. Кладёшь на него тонюсенький ломтик сальца. Сверху, значица, укладываешь шмат сала…

— Выше водружаешь кусманище сала! — Хмыкнул Родимцев.

— А апофеозом становится убирание хлеба из-под этой стопки, — отставляя чистую тарелку, докончил Николай Рощин.

— Ладно, — хлопнул по колену Медведев. — Хорош душу

травить! Есть добровольцы до подъёма рыбалкой заняться?

Народ притих. Несколько минут слажено жевали, поглядывая друг на друга. Потом Зубров вздохнул:

— Давай, я.

— Ну, вот, — фыркнул Медведев и строго взглянул на своих: — как рыбку предлагать, так кто другой, а как добывать — так Юр-сан!

Таёжники приглушённо засмеялись.

— Потапыч, на «рыбку» наш самурай попадётся всегда, — заявил Родимцев, начавший разговор. — Уже даже не интересно его растравливать. Поведётся однозначно!

— Да ну вас, мужики, — вздохнул Юрий. — Бьёте ниже ватерлинии. Рыбалка — святое дело. Апостольское, между прочим. Может, я по воде ходить хочу научиться?

— Неа, крыльями не вышли, — Родимец ткнул пальцем в плечо Зуброва, где когда-то был шеврон с летучей мышью.

Посмеиваясь, уткнулись в чашки. Медведев, усмехаясь всеобщему веселью, достал сигарету, раскурил и пустил по кругу. Сколько здесь времени приведётся шататься — Бог знает, — а курить хочется. Пачки сигарет у всех здорово отощали ещё за первые двое суток в лесу, теперь приходилось экономить — то один не выдержит, закурит и пустит по кругу, то другой. В принципе, все уже не раз проверяли, что бросить курить при отсутствии возможности — дело простое, но иногда приятно сознавать, что скоро домой. Сигаретка в пляшущих пальцах — памятка о доме… Если не затягиваться — одна на всех в самый раз. Зубров принял у товарища слева переходящий огонёк и на правах последнего затянулся. Сощурившись по привычке, посмотрел в сторону молчаливых «раверсников», уже закончивших ужин и теперь негромко о чём-то беседующих возле пленника.

— Однако, — тихо сказал он, — интересно мне — почему всякой мистикой у нас занимается ФСБ?

— Кто-то же должен этим заниматься, — пожал плечами Михаил. — Почему бы не им.

— При царе этим занимался тайный отдел военной разведки, — покачал головой Юрий.

— Так то при царе…

— Инквизитор, — шёпотом предупредил Рощин.

Разговоры тут же смолкли. Степан Полынцев подошёл к костру и присел рядом с Медведевым:

— Холодает. Да и ветер нехорош. Как Вы хотите расположить людей?

— Ваших — как обычно, под тенты, — пожал плечами

Медведев. — А мои орлы сейчас экран себе повесят из плёнки. Жарко будет, как в бане.

Полынцев обежал хмурым взглядом сидящих «таёжников» и кивнул. Говорить о том, что плёнка мала — ветер будет донимать с краёв и в дождь все вымокнут, — не стал. И то ладно. Ведь ответственность на командине, а опыта за Медведевым порядочно, чтобы успеть подумать о мелочах. И говорить об этом необязательно. Да и ребята его… Достаточно посмотреть, как они втихаря ухмыляются, что бы понять, что вопросы об их ночлеге излишни — эти устроятся с всевозможным комфортом, даже в худших условиях.

— Товарищ капитан, — Юрий прокашлялся, прежде чем продолжить — Может быть, расскажите, кого мы так трепетно охраняем?

Полынцев повёл плечами и, подумав, ответил:

— Ну, раз сложилась такая сказка… Отчего ж не рассказать…

Михаил посмотрел на то, как Полынцев достал из кармана сигареты, прикурил, наклонившись к самому огню. Не так уж просто Инквизитор относится к «тварям», как пытается показать! В круге костра прекратили позвякивать посудой и ожидающе примолкли. Так просто, для себя, Медведев отметил, что сигарету командир «Р-Аверса» по кругу пускать не собирался. В принципе, и не должен. Но всё равно — жест. «Каждый сам за себя — основной закон джунглей».

— Называют они себя — Тэра, — заговорил Полынцев, сощурившись на свет костра. — Раса их пришла на Землю ещё до ледникового периода и за прошедшее время неплохо ассимилировалась. От человека они фактически не отличаемы. Те же рожи, те же потроха. Только мозги иначе работают да способности выше наших. Выносливость, как у верблюдов. Регенерация на грани фантастики. Быстрота реакций. Вам, должно быть, показалось, что он сверхъестественно дрался, когда его брали? Магия там, гипноз, ясновидение?.. Но всё проще — он успевал просчитать чужие действия и приходил к выводам о траектории атаки быстрее, чем она оформлялась. В результате одного движения хватает, чтобы противника положить. Из научно необъяснимой магии у них немного фокусов, но весьма неприятных — умеют, черти, своё личное оружие вытаскивать из какого-то тайника в подпространстве, в глубокой медитации могут остановить сердце, сымитировав смерть, бывает, сквозь огонь пробегают — и хоть бы хны… Ну, на что они ещё способны? Генерирование тепла, лечение наложением рук, видение потоков энергии,… да много всего…

— А откуда знаете? — вклинился Славян.

— В «Р-Аверсе» есть отдел по обучению, — усмехнулся Полынцев. — Там инструктор — тэра-полукровка. Живьём показывает множество фокусов, доступных ему. Потрясающее зрелище. После этого фильмы о Супермене или человеке-Пауке кажутся не сказкой, а реальностью. Вангу, Джуну и многих других проверить уже не представляется возможным, но нынешние экстрасенсы уже на учёте как «неразбуженые» Тэра. На внешность особо не отличишь, поэтому проверяют тотально кровь, сетчатку глаз и прочее.

— Что значит «неразбуженные»?

— Это значит — «куколка», — охотно пояснил Полынцев, — Тэра может жить среди обычных людей и не ведать, что он не-человек. Под воздействием окружающих он будет вполне адекватным, не подозревая о сущности своих ненормальных способностей. В «кукольном» состоянии он может пребывать до встречи с тэра-пробудителем, который обнаружит родство в человеке и передаст ему часть своей силы. Инициация для них священнодействие, замешенное на крови и энергетике, потому не каждый может пробудить себе подобных… Но даже в «кукольном» состоянии тэра можно определить… По иному развитию психики. Все тэра-полукровки люди какие-то недоделанные, чудные, хотя всего-то два механизма разума нас отличают: способность к взрывным сверхусилиям и повышенная чувствительность. А в результате — совершенно иная природа и осмысление жизни! Тэра — потенциальные убийцы. С детского возраста способны осознанно убивать ради выживания или отстаивания своих представлений. И умеют, чёрт возьми! Игры, обман, манипуляции не понимают вообще — всё принимают за чистую монету, даже совершенную ересь. Поздняя половозрелость, зато с фонтаном гормональных переживаний, настолько, что творят непотребства совершенные, если себя не контролируют. Гуманистических принципов не приемлют. Такие понятия как «прощение», «милосердие», «благодарность» у них искажены до неузнаваемости…

— Это как? — поинтересовался Юрий.

— Под прощением они понимают наказание или самонаказание, — с готовностью отозвался раверсник. — Простил по-настоящему тот, кто ударил. Тот, кто отпустил грехи и не обиделся — не простил. Милосердие — это, по их мнению, сумасшествие, которого нельзя допускать, поскольку милосердие немотивированно. Благодарность — это та ещё штучка! «Спасибо» или не говорят вообще, или, если сказали, то считают себя уже вполне свободными от каких-либо обязательств. «Долг» для них понятие несуществующее. Они просто не понимают, что это

такое. По их мнению, они никому, кроме себя, ничего не должны. Даже маме с папой…

«Ну, с прощением всё понятно… — подумал Медведев, — одна из прелестей Закона Джунглей и состоит в том, что с наказанием кончаются все счеты. После него не бывает никаких придирок. Но вот вопрос благодарности и долга… это серьёзно».

— А чем эти Тэра мешают? — Смотря в землю, спросил Якоби. Его заметно потряхивало — вечерний холодок да плюс лихорадка от ранения. Клинок тэра был остёр. Судя по состоянию — зацепил-таки кость.

Полынцев помолчал, прежде чем ответить. Потом заговорил медленно, с остановками. Момент восхищения способностями тэра прошёл, и снова вырвалась задавливаемая сильной волей организованного сознания ненависть:

— Тэра — паразиты. Именно так. Вирусы. Глисты. Они паразитируют на человечестве. Неразбуженные — сами того не понимая, собирают силу с окружающих людей, а разбуженные… это другая сторона медали. У тэра своя структурная сеть вот уже веков тридцать. Храм Солнца. Действует по всей планете. Тайно-тайный союз.

Михаил задумался: «Тайно-тайный? Это из классификаций иезуитов. Союз, о котором даже догадываться не должны. Свидетели и особо думающие уничтожаются. Тайна — превыше всего. Неужели до сего дня сохранились такие организации? При нынешнем-то уровне работы СМИ, демократии, плюрализме и свободе слова, когда любой гадкий утёныш, мечтая стать соловьём, поёт обо всём, что знает, чего не знает и о чём догадывается? А тэра до сих сохранили и тайну своего существования, и развитую сеть».

— Этот союз активно вмешивается в жизнь людей, перестраивает общества и меняет политику государств. Всё, вроде бы, по мелочи работают, но всегда в точку. Там человек не успел на встречу, здесь письмо глупое затерялось, а в результате — война меж странами или падение урожая на полях государства… Тонко работают. Держат нас, человечество, в узде. Направляют уколами стимула в полупопия — направо, налево, направо! Войны — их механизм нашего сдерживания.

— Угу, — протянул Анатолий Якоби. — То, в чём раньше евреи и масоны были виноваты, теперь, в свете последних инструкций правительства, положено сваливать на этих…, етит их душу,… тэров!

Медведев в душе взвыл. Предки Якоби ухитрились пострадать в прошедшем веке от всех правительств России — от временного до первопрезидентского. Теперь Анатолий, взятый в «Тайгу»

только благодаря прошению капитана, тихо точил зубы на гонителей рода. И под негласным надзором и мягкой опекой Юрия стачивал их.

Полынцев высказывание Якоби проигнорировал. Словно его и не было. Только Медведеву не нужно было объяснять, чем дело кончится. Такую реплику особист не забудет. «Эх! — думал Медведев, — Щенок готов утопиться, лишь бы укусить луну в воде… Вот и Толька, как тот щенок. Укусил-таки луну в воде».

— Самое нехорошее, что нас ждёт, господа, это время, когда такие, как этот, — Полынцев кивнул в сторону пленника, — смогут полноценно раскрыть себя. Сеть Храмов стремится к мировому господству, к диктатуре по расовому признаку. Это внутренний враг, имеющий потенциал стать внешним. Человечество будут ждать тяжёлые дни, если мы не сможем остановить их. Пока же у нас ещё есть время для действий. На нашей стороне то, что они фактически не отличаются от людей, пока их способности не разбужены. А значит — уязвимы, как мы. Это нас спасает. Иначе бы уже давно они смогли организоваться и поработить род человеческий…

— Ну, блин, понятно дело! — Опять вклинился Якоби. — Значит, сильный враг. Уважим пулей в лоб?

Полынцев тонко усмехнулся:

— Ваше предложение не…

— А я не предлагаю. Я, етит твою душу, настаиваю, — усмехнулся Якоби.

— Толя! — одёрнул Михаил.

Но было поздно — Батон взорвался:

— Какого черта мы тащим его по лесам? Куда должны были довести? До лысого склона? И где он, твою дивизию!?.. Мы здесь, может, ещё год топтаться будем! И возможно — из-за него же! Завёл, тварь чёртовая, не выберемся! Всё, нафиг, задолбало! Это в вашем управлении садомазо распространённо, а мне не в кайф, когда за здорово-живёшь калечат! Нам его не вывести, самим бы выбраться! Не можем довести — пристрелить к чертям собачьим! Пишите потом — при попытке к побегу. Нефиг мужику маяться беспричинно, а нам тут ковыряться! А не могёте своего суженного-ряженного сами кончить, так за этим не постоит!

Медведев стиснул кулаки: «Йок! Зная Полынцева, Батону светит очень нехороший приём дома. А с его-то личным делом… Эх. А если я влезу — тоже ничего хорошего…. Вот, ведь, блин — Батон…»

А Батон, упруго поднявшись, двинулся в сторону пленника. Двое «раверсников» мгновенно оказались на его пути. Походка Анатолия стала пьяной, раскачивающейся, не предвещающей

ничего хорошего, а у костра рывком поднялись таёжники.

Время потекло вялым киселём, обтекая тренированные сознания, готовые к бою.

Командир «Тайги-2» сжал кулаки. В голове заметались мысли, вихрем пролетая за мгновения, требующиеся на принятие решения: «Ну ситуёвина, блин. Ну, Батон подкузьмил! Если не влезть — потом на нём отыграются. А влезу — всех рикошетом зацепит…».

Медведев начал подниматься, сам толком ещё не решив, что делать, как заметил, что общее движение не затронуло Полынцева — тот продолжал сидеть возле костра и хмуро смотреть на… На него. Капитан «Р-Аверса» не смотрел в сторону Якоби, не глядел на впрягающихся бойцов, он в упор смотрел на командира «таёжников» и ждал его действий. Потому ли, что столкновение на уровне людей — это столкновения на уровне ответственных руководителей? Нет, было в этом что-то особенное. И оттого опасное даже выше, чем думалось. Это ощущение опасности, равное тому, что испытывал уже не раз в горах на сложных маршрутах, скрутило под грудиной и заставило лихорадочно решать.

«…А Наташка говорила, что малого хочет. Может быть, и ждёт уже — что-то загадочная в последние недели ходит… А я получается и хлеба с маслом достать не могу. Всё из-за своего чистоплюйства. Думал хорошеньким остаться с такой-то работой?! Твою душу! Свинство и так, и так… Это и называется — дёргать смерть за усы!», — со злой бесшабашной удалью подумал Медведев.

— Батон! — окрик негромкий, даже не в сторону бойца, а так — в пространство. Всё равно услышит.

Он услышал. Остановился на выдох, продолжая едва заметно пружинить с ноги на ногу. Остановились и другие. Юрий, что-то буркнув себе под нос, опустился на прежнее место.

— Сядь, — так же негромко сказал Михаил.

Батон ещё раза три покачался туда-сюда, останавливая внутренний маятник и, спиной вперёд, молча вернулся к костру. Блики на скулах выдали бледность. Опустились на свои места и другие. Напряжённо и зло: на «раверсника» — за то, что вообще существует; на Батона — за то, что крыша поехала; на Топтыгина — что остановил. Медведев бегло оглядел своих людей и посмотрел прямо в глаза Полынцеву.

— Вы, капитан, неплохо выстроили свою речь. Проникновенно получилось. — Медведев неторопливо говорил, борясь с желанием натворить уж совсем непоправимого. — Только вот ни одного аргумента мы не услышали. Одни сказки. А

потому на весь этот бред мне посрать большой ароматной кучей… И пока я не услышу что-то более аргументированное, чем весь этот ералаш, я не дам калечить пленного. Усекли?..

Полынцев сощурился:

— Не дадите калечить? Ну-ну, — поднялся и бросил, словно грязью облил, — Ещё поговорим.

И ушёл, кивнув своему человеку, уже схватившемуся за кобуру. Тот, двинулся за командиром, прикрывая его движение, хотя повода егеря не давали, молча сидя на своих местах.

Медведев сплюнул и исподлобья оглядел своих людей. Таёжники молчали. Он чувствовал ещё минуту назад, что люди готовы защищать его и товарища, оголтело бросаясь на неприятеля, но вот прошло это мгновение, запал угас и окружающие полны задумчивой растерянности. Вроде и прошёл конфликт после долгого напряжения, а, вот поди ж ты, никакой разрядки не получилось. Пшик один. И ещё хорошо, если потом, на «базе» он не аукнется. Не в том положении команда, чтобы рисковать, ох, не в том…

Медведев понял и глухо сказал, в одну фразу освобождая от ответственности и сомнений:

— Не вибруруйте, парни. Вы исполняете приказ, — И, поднявшись, добавил: — Холодает. Поставьте заслон. Зубров, доложишь.

Уходя к берегу, он спиной чувствовал взгляды.

Глава 3
Пленник

Вода пела, негромко играя на ксилофоне камней. Мелодия лилась непринуждённо и светло, поднимаясь лёгким звоном в нешироком коридоре берегов. Деревья, высившиеся с двух сторон, качали кронами в такт. У воды нет цели, у неё только направление течения, да и это не её выбор, а воля стиснувшего её мира. Слева — горы, справа — горы, сверху — давящее небо, снизу — выстланная камнем твердь. Так появляется река. И убегает по камням потерянная свобода и желание обрести её вновь. Вода, как надежда. Она не существует в настоящем времени, она направлена в будущее, в котором — Бог весть, но очень хочется, чтоб было лучше. Надежда, как вода. Её, кажется, всегда можно собрать в горсти, но невозможно удержать. Вот такая музыка…

Сидя возле камней, согнувшись в три погибели, Медведев вполне и сам мог сойти за камень. Огромный холодный валун, в зелёных пятнах мха и влаги. Покатый спиной и плечами от долгого общения с холодом терпеливо обтачивающей надежды. С такими же сонно-медлительными мыслями о вечном. С такой же основательностью и безразличием к окружающему пространству. Медведев смотрел на блики, прыгающие по мелким волнам. Грани неровностей водной поверхности отражали свет рёдких звёзд, и оттого казалось, что река жива, что она подмигивает и призывает к близкому знакомству.

Внезапное движение слева заставило насторожиться. Ладонь вдоль корпуса плавно заскользила к кобуре. Рукоять холодно тронула ладонь. Не цепляясь гладкой поверхностью за кобуру, легко оказалась в руке. Сжать покрепче — вот и нулевая готовность. Но торопиться не следует, совсем не следует. Поэтому, замерев на месте, он чуть повернул голову и скосил взгляд.

Зелёные глаза внимательно разглядывали его, светясь лукавой хитрецой. Мол, я о тебе всё знаю, человек, но всё равно интересно посмотреть на двуногого вот так близко. Медведев задержал вздох и взмолился, чтобы никто из ребят не припёрся за ним на берег. Не так часто можно обменяться взглядами с дикой рысью на дистанции в семь шагов! Потом вспомнил, что позвал Зуброва. Жаль, если вспугнёт. Хотя… Юра-сан — не нескладёха, он может и так подойти, что…

Большая лохматая кошка застыла на стволе поваленного

дерева, кроной ушедшего в реку. Она казалась странным продолжением сосны — такая же рыжеватая, как кора, и такая же пятнистая. Словно большой нарост на стволе. Только нервно подрагивающие кисточки на ушах и зелёные огоньки глаз давали знать, что создание это вполне самостоятельное и, в случае чего, может броситься и располосовать, чего себе никогда бы не позволило дерево. Вот Медведев и замер, внимательно разглядывая таёжную бестию. Обильно заросшие огромные лапы, пятнистую пушистую спинку и светлое брюхо, уже меняющее окраску. А рысь смотрела на него. Ухмылялась в усы и щурилась. «Багира, — подумал Медведев, — Нашенский вариант пантеры». Рыси надоело наблюдать за недвижимым человеком, и, осторожно ступая по стволу, она направилась к воде. Ветви поломанного дерева мешали лесной кошке, заставляя балансировать. Пару раз большие лапы срывались со ствола, цепляя когтями тонкую кору, но рысь легко восстанавливала равновесие.

Сзади почудилось движение, засвербело под лопатками от ощущения взгляда. Свой? Чужой? Зверь? Человек? «Тварь»? Медведев прижал запястье вооружённой руки к животу — в границах силуэта в темноте оружие незаметно. Посмотрел на рысь. Кошка, занятая своим делом, ничего не ощущала.

Когда движение опасно приблизилось и Медведев напрягся, послушался знакомый шёпот:

— Чу, Мих. Я.

Капитан расслабил пальцы. Юрий тихой тенью оказался рядом, приник к большому валуну и всмотрелся в сосредоточенно продвигающегося меж сосновых веток зверя. Повернулся на миг к товарищу и оскалился:

— Ветер в нашу сторону! Не чует.

— И кто из нас после этого шатун? — задумчиво спросил Медведев.

Когда надо, любой «таёжник» ходит, подобно призраку, бесшумно. Но никто не мог двигаться так, как Зубров — словно бестелесный дух. Вот и сейчас, добираясь до командира, Зубров успел осознать, что тот неспроста затих среди глыб, и добрался до него скользящей тенью. Рысь, если и поняла, что число зрителей её акробатического этюда прибавилось, то виду не показала. Она прошла по стволу до середины, нагнулась, почти слившись с деревом, стала невидимой за ветками, и стала пить.

— Ну?

— Заслон поставлен. Отбой дан. Ребята тебя ждут.

— Зачем?

Медведев почувствовал лёгкую тревожность. Мужики ждут…

Вот ведь незадача! Ну не готов он откровенно отвечать на их вопросы. В себе-то толком не разобрался, а тут. Если зададут в лоб «какого черта?», то и сказать-то в ответ будет нечего. Михаил хмуро оглядел воду, противоположный берег, кромку крон над ним, небо… Да, ветер усиливался. И, кажется, на западе появлялись тучи. Кабы всё-таки ни дождь.

— Пошли, — коротко сказал он и первым скользнул в сторону лагеря.

Рысь продолжила пить, словно ухода людей не заметила. Только хвост дёрнулся…

Свет нодий отражался от зеркальной поверхности спасательной плёнки и этим выдавал местоположение бивака. Однако в сложившейся ситуации риск был оправдан. Проходя недалеко от пленника, Михаил невольно покосился. Тот лежал на земле, не шевелясь. Да и двигался ли он с времени последнего избиения? Кажется, что, как оказался под ногами, так и остался валяться в скрюченном состоянии. Михаила передёрнуло. Коли бы случилось такое, и кто-то из людей лежал бы вот так, неподвижной расслабленной массой, он бы посчитал, что дело — табак. А с этим… Сдох бы этот пленный поскорее — и хлопот меньше и проблем!

Подходя к нодье, Медведев ускорил шаг. Когда мороз бежит по коже и полагаешь, что вскоре случиться что-то недоброе, каждый реагирует по-своему — один начинает замедлять движения, а другой, наоборот, ускоряться. Это всё инстинктивное, природное, досталось от животных предков. И изжить такое — всё равно, что родиться заново. Михаил не первый раз пересиливал себя, волей заставляя производить действия, обратные желаемым. И вот странность — на скалах или в схватке он всегда более спокоен и выдержан, способен легко управлять скоростью своего тела, а вот в такой глупой ситуации получалось это слабо. Шаг стал порывист, движения поменяли плавную траекторию на острые углы, плечи покато приподнялись, напрягаясь.

Все, кроме Рощина, уже отошедшего от огня для ночного дежурства, сидели на своих спальных местах. Грелись.

— Чего не спим, мужики? — спросил капитан, подсев к бойцам.

— Дело такое, — кашлянул Родимцев. — Этот конь в пальто в покое нас не оставит…

Медведев усмехнулся:

— Ну, если вы срочно научитесь улыбаться, а не скалится, когда они тварь свою обрабатывают, и начнёте делать реверансы, то…

— Потапыч, — глаза Якоби лихорадочно блестели: — Хорош

наивняк гнать! Здесь дело не в том, будем ли мы поворачиваться и наклоняться. Полынцев — кент неадекватный, ему до фонаря наши реверансы! Ты же видел, как он распахивает эту тварь! У него рожа такая удовлетворённая, блин! И он тебя со свету сживёт за сегодняшний наезд. Мне-то — фигня, выгонят и всё. А я бы и так перекантовался! А вот тебе он жизнь попортит.

— Батон! — Юрий поморщился, — Не нагоняй тоски.

— А чё Батон? — пожал плечами Родимец. — Батон прав. Наша группа давно глаза мозолит своей ненормальностью, Топтыгин всем носы натянул своим ранним званием, а то, что у нас крыша была крепкая, все знают. Да только теперь-то её нет! Перевели полкана, а мы-то тут, как репей на чьей-то заднице. Натираем мозоль на этом месте. Так что всё припомнят, приплюсуют нынешнее, и подгонят под неподчинение. И — всё. Капец. Сроку, может, и не дадут, но уж точно расформируют нафиг.

— Мужики, — Анатолий обернулся на стоящих товарищей, — моё это… Потапыч только из-за меня впрягся. И, если надо…

— Так. Все высказались? — Медведев с размаху припечатал ладонью о колено. — Совещание пленума ЦК считаю закрытым. Всё, братва, — рэг-ла-мэнт! Славян!

— Ась? — Вскинулся Кузнецов.

— Вколешь нашему герою, — он кивнул на Якоби, — что-нибудь такое, чтобы я его пару часов не видел и не слышал.

— Есть.

— Ну, всё, мужики — отбой!

И поднялся. Это значило — всё, больше он никого не слушает. А ещё — не учите учёного, хлопцы. А то худо будет. Товарищи стали молча располагаться на своих местах. Только Юрий подзадержался. Встал рядом с другом, тихо спросил:

— Так какого..?

Медведев вздохнул:

— Юра-сан… Как там, в «Хагакурэ»… «Сделать правильный выбор в ситуации „или-или“ невозможно», да?

— Да, а ещё — «В ситуации „или-или“ без колебаний выбирай смерть», — хмуро отозвался Зубров. — Ты, получается, выбрал?

— Угу. «Я постиг, что Путь Самурая — это смерть», — криво ухмыльнулся Михаил.

Была у Михаила уверенность в том, что это — не конец. Не получился катарсис. Смазалось что-то в момент разговора у костра. Ведь кожей ощущалось, что взрыв не за горами. Чувствовалось, что Полынцев ждёт чего-то… Не был он ни удивлён, ни раздосадован, ни зол в ситуации. Он был готов к ней, а, возможно, и к чему-то большему. Только вот — к чему? Ответ

на этот вопрос наверняка бы сохранил нервы обеим командам. И кому думать о таких тонких материях как порывы человеческих душ и стратегии отношений? Правильно — Зуброву, стратегу-психологу-правой руке. Вот и пусть думает!

Юрий вздохнул, зябко передёрнул плечами — он до последнего не надевал тёплый слой, бравируя возможностями, но вот сейчас начал подмерзать — и кивнул.

— Разберёмся, — проворчал он.

Температура явно опускалась и сейчас достигла около «плюс десять», не выше. Ночка предстояла та ещё.

…

Холод стал донимать Медведева в самый разгар странного сна, в котором смешались люди, кони и чудовищные амёбообразные существа с длинными белыми ресницами по периметру. В этом сне, под прицельными взглядами существ, он со всей своей командой бегал по лесу в поисках закопанной во вторую мировую большой мощности мины, которая должна была вот-вот, а где её зарыли, никто из ветеранов не помнил — то ли под калиной, то ли под бузиной. Вот и моталась группа от куста до куста, в бешеном ритме передвигая ногами и махая сапёрными лопатками. А откуда-то сверху покрикивали и грозились ремнями старшекурсники из учебки, которых Топтыгин до сих пор не мог забыть, со скрежетом зубовным поминая отнюдь не в молитвах. В общем, сущий кошмар.

Михаил недовольно подтянул ноги ближе. Огня, что ли, недостаточно? Встать, раздуть? Или толкнуть в бок того, кто ближе? Ведь, наверняка, так же мается, но ленится приподняться, и ждёт, у кого первого лопнет терпенье. А даже если и спит — нечего спать, когда людям вокруг неуютно!.. Медведев вздохнул и открыл глаза. По лицу текла холодная капелька. Дотронулся до лба — влажная шапка плюхнула и выдавила из себя пару ручейков. Это разбудило окончательно. Рывком поднялся. Картина маслом. Шишкин Иван. «Первый снег».

Мокрые грязноватые комья снега покрывали все открытое пространство, исключая небольшой пятачок вокруг нодий. Стволы чернели открытыми порталами. Ветви кустарников махрились налипшими белыми массами. В зелёных иголках увязли снежные клочки, сгрудились на сосновых лапах, прогнули их к земле. А поверх всё ещё летел и летел серыми кляксами снег. Первый. Мокрый. Косой. Злой до тепла и человеческой жизни. Самая опасная для людей в автономии погода — минус один, ветер и снег с дождём.

— Вот-те, бабка, и Юрьев день, — присвистнул Медведев, взглянул на часы и сдвинул с корпуса защитное полотнище,

приваленное лапником. Подвернул ткань, чтобы не охладить спящего рядом Катько. Тот заворочался. Обернулся, приоткрыв глаза, посмотрел на командира, как на врага народа, и закутался поплотнее. Ясное дело — он-то до сих пор был в середине, холода не испытывал! Разве только голову морозило.

Пока шнуровал холодные влажные ботинки, осматривался. Тёмная фигура под белым контуром выделялась возле ветвистого боярышника, с другой стороны лагеря, возле сосны, сидел ещё один сугроб — дежурный «Р-Аверса». Медведев поднялся, помахал руками, разгоняя кровь и согреваясь, потом поправил плёнку над спальным местом, подтянул по углам норовящий провиснуть под мокрым снегом тент. Поворошив нодью, приподнял клином бревно, заставляя огонь под ним заняться сильнее, и погрел руки от жарко пыхнувшего костра. На пробудившихся от шума Родимца и Кузнецова махнул рукой, — мол, спите, давайте. Те, убедившись, что по лагерю шляется ни кто иной, а медведь-шатун Топтыгин, снова рухнули на ветки — досыпать. Батон так только заворочался — всё-таки не в форме.

Медведев подошёл и подсел к дежурному.

Юрий передёрнул плечами, отчего с дождевика слетели белые комочки:

— Зазяб?

— Да уж не июль-месяц, — хмыкнул в ответ Михаил. — Давно заступил?

— Час.

— А ветер когда сменился? До тебя?

— Ветер до меня. — Подтвердил Юрий и повёл плечами: — Понимаю, что тент теперь не сдержит снег ни черта, но не будить же ребят — все ж вымотались за день!

— Да, — поморщился Медведев. — А теперь ещё и вымокнут…

— Так что — перетягиваться?

Михаил посмотрел на то, как по косой чертили пространство белые кометы снега и покачал головой. Если переносить площадку ночлега в сторону, то и нодьи передвигать придётся. А перенести лагерь в таких условиях сложнее, чем заново поставиться. Да и проблема не так уж глобальна — всего-то крайнего слева снежком осыпает да остальным шапки немного намочит. Обойдётся.

— Перетопчутся. До рассвета три часа. А там и поднимем всех, — решил Медведев.

— Как скажешь.

Взгляд Михаила зацепился за сидящего неподалёку.

— Кажись, дрыхнет… — изумился он.

Зубров пригляделся к «раверснику» и хмыкнул:

— Ничего удивительного. Это нас семеро, а их-то четверо. Забодались, поди, «тварь» сторожить по четверть суток на брата. Да и подготовленность к таким прогулкам, опять же, хромает на все четыре копыта. В общем, слабаки.

— Уставшие слабаки… — С нехорошей ласковостью в голосе отозвался Медведев.

Зубров насторожился:

— Миха, не дури. Не твои люди.

Он ещё хорошо помнил, как капитан гонял «своих» до состояния слипания глаз в движении. След в след десятки километров по среднегорью, но люди спали на ходу, рискуя переломать шеи. А на стоянке капитан, то бешено крича, то ласково воркуя, требовал действия, обещая охаживать подвернувшимся под руку дубьём. И трижды заставлял переставлять лагерь. И всю ночь ловил дежурных на сне. А через день устроил ребятам прогулку в баню. Ну, и водочку, конечно… Жаль, сам не остался. А то бы многое о себе услышал. Занятное.

— Я только гляну, — фальшиво отмахнулся Медведев, не отводя глаз со спящего.

— Миха! — Громким шёпотом попытался остановить Зубров, но без толку — он уже ловкой тихой тенью скользнул к караульному. Юрий досадливо крякнул и подтянулся следом. На всякий случай. Так, чтобы и под руку не попасться, и в случае чего, помочь. Кому помощь больше потребуется.

Медведев добрался до объекта и навис над сидящим. Тот головы не поднял, продолжая сидеть, мешковато оплыв от расслабления. Капитан усмехнулся, собравшись уже шугнуть заснувшего.

Звук справа заставил остановиться и замереть. Звук до тошноты знакомый.

Замер на миг, словно в ледяной омут, втянутый в ощущения.

…снег, снег по тропе, под шагом превращается в грязь, чавкает…, ноги скользят, уставшие до дрожи, едва успевают найти опору…, из рук рвёт край полотнища под весом тела, быстрее перехватить…, дрожь и стон сквозь зубы…, вздрагивает лицо, губы трясутся… и хриплое «держись, Сашка, держись… уже скоро, держись…»…

Так дышат, кончаясь от шока.

Медведев отвернулся от дежурного и посмотрел на свернувшегося калачиком человека под ногами. Белое снеговое покрывало уже не таяло на теле. Казалось, что движение отсутствовало. Только лицо дрожало. На чёрных густых волосах слежался снег и от подрагивания человека иногда лениво сползал

комочками вниз. От носа по лицу ползла широкая кровавая полоса и тяжёлым густым теплом протаивала снег под замёрзшей щекой. Кровь в темноте казалась подобна мазуту.

— Капец, — тихо сказал Зубров, подойдя к командиру вплотную.

Медведев присел возле пленного на корточки. Протянул руку. Тронул под снегом кожу на шее. Белая масса неохотно раздалась в стороны от его пальцев. Пульс слабый. Точно — конец. Тепло организм уже не вырабатывает. Даже дрожи, положенной активно выживающему телу, нет. Только губы вздрагивают да ресницы. Воздух хватается такими мелкими глотками, что не тревожит грудной клетки. Короткое, поверхностное дыхание шока.

— Ещё часа два, может, и протянет, — предположил Юрий.

— Возможно, — глухо отозвался Михаил.

— Странный он… Молчал всё время, как рыба об лёд. И когда били, и вот теперь… Мог же дёрнуть охранника. Не знаю, конечно, но хоть поближе к костру «раверсники» перевели бы. Наверное…

— Наверное… — Пересмешничал Медведев на неуверенность товарища. — Потому и молчал, что знал — ничего подобного они не сделают. Так пересрались от страха, что мозги слиплись.

Ладонь сама легла на рукоять десантного ножа. Капитан бесшумно вытянул лезвие из ножен.

— Не зачем затягивать, — просто сказал он и положил ладонь на скулу пленника, с силой прижимая голову к земле — дабы не дёргался в агонии. Под пальцами засвербел тающий снег.

— Мишка! — Юрий скрипнул зубами и схватил за запястье друга, не давая совершить непоправимое — Топтыгин, как настоящий медведь, долго раскачивается, но потом стремительно действует. Риск не успеть остановить его словом есть всегда. А в нынешней ситуации это чревато такими осложнениями, что…

Михаил повернулся к товарищу. Мрачно оскалился. Хотел, было, стряхнуть руку, задерживающую замах, но не успел. Сам вздрогнул от неожиданности — пленник едва слышно застонал и потянулся скрюченными скованными руками к лицу. Закоченевшие пальцы опалили холодом запястье Медведева. Вцепились, словно повисли на руке. Сизые дрожащие губы приоткрылись, выпуская мертвенно-тихий звук. Михаил нахмурился, стряхнул всё-таки руку Зуброва и наклонился к пленнику ближе, чтобы разобрать слова.

— Пре…ве…и…

Медведев, убирая ладонь, стёр снег со лба и волос пленника. Влага размазалась по лицу и новый снежок, шлёпнувшись о кожу, смялся на ней в бесформенный комок. Ещё один. Ещё. «Тварь» с

трудом открывал глаза. Ресницы неохотно размыкались, стряхивая оцепенение холодной снежной кашицы.

— Осторожно, — напомнил Юрий.

Наклонившись почти до самых губ, Михаил тронул лезвием трепетающую жилку на шее. Царапнул излишне хрупкую на холоде кожу. Пленник распахнул глаза. Тёмные, синие, усталослепые, заполненные белёсым туманом. Глаза, никуда не смотрящие. Направленные в себя, утонувшие в усталости.

— Пре…свет…лый…

— Бредит, — тихо предположил Зубров. — Пойдём отсюда.

Михаил кивнул, но с места не двинулся.

— Подо…жди…, - губы выпустили ещё одно тихое облачко. Глаза приобрели осмысленность и взглянули на склонившегося. — Дай… мне… минуту…

Михаил кинул взгляд на Зуброва — слышит ли? Тот в ответ кивнул. В руке неожиданно возникла холодная матовость оружия. Не только слышит, но и готов. Если что.

— По…молиться…

Медведева передёрнуло. Острие вильнуло вдоль сонной артерии.

— По…смотри на… меня…

Не смотреть не было сил. Михаил и так не отводил хмурого взгляда от синих глаз, лишь боковым зрением видя положение запорошённого снегом тела. Чувства говорили о том, что перед ним полудохлый человек, не способный на резкие движения, а ум напоминал о недавних чудесах воскрешения. Вот и ждал странного и опасного.

Чёрные зрачки в глазах закрыли синеву. Двумя точно направленными головками зажжённых стрел вонзились в мозг…

…

Лес тёмен. Слишком тёмен и страшен. Лес очень стар и одинок. Он не отпускает…

Деревья перстами полуголых веток указывают вниз. То ли предостерегают, то ли закрывают путь. Ладонями тёмных листьев касаются лица. И остаются на коже капли, будто причастие прикосновенности. Вздрагиваешь, отворачиваешься. Поздно. Ты — помечен. Тёмной ладонью мира. В ней серебряными нитями — судьба. От одного начала — в стороны. От корешка — к самым кончикам. Серебром отливает в лунном свете… Такой Луны не может быть. Огромной. Всегда полной. Похожей на лик уставшего героя. Героя, который проиграл… Когда последний раз Лунь опускал глаза? Когда последний раз видел тропы идущих? Давно… И знать, нет тому резона. И тебе не следует надеяться на его заступу… Продирайся сквозь тёмную чащу и благодари

предков за сильный рассудок. За то, что нет твёрдости в сердце. За то, что оно разрывается на части, бешено стучa. Это ты ещё ничего не понял, шагнув с безлюдного перекрёстка на неожиданную дорогу. Сердце же уже почувствовало серебряный свет и далёкий тонкий звук. Сердце вспомнило то, чего не было в жизни твоей и не могло быть доныне. Не от того ли тебе и страшно идти вперёд и так же страшно повернуть назад?..

Лес чужой. Но нет в нём ни гнева, ни желания уничтожить пришельца. В нём нет страсти. Но нет и покоя. Он, словно древний одинокий старик, похоронивший всех, кто мог принять из его рук посох дороги… Он смотрит тусклыми глазами замшелых камней. Он морщинит переносицы дубов… Он тянется тонкими пальцами… Он хочет ощутить тебя, Человек Идущий. Быть может ты — его последняя надежда. Тот, кто способен принять великое и горькое и понести, сгибаясь от непосильного груза на хребтине… Быть может, ты станешь его сыном. Долгожданным. Выстраданным в одиночестве… Быть может. Сырой лес чист после дождя, которого ты не застал. Но это и хорошо, что вы не встретились, Человек Идущий по тропе! Дождь в этом мире не менее тосклив и одинок, чем лес. Он тоже старик. И тоже потерял счёт векам в надежде и безнадёжности… И изредка встречаются два старика, два скорбных вопроса. Встречаются и молчат, теребя воздух меж собой… Дождь ещё надеется. Более чем надеется. Дождь трогает землю тонкими ручками — он ищет следы. Следы пришедшего… Не тебя ли?.. Быть может ты — его будущее? Ты — тот, кто примет на ладони тёмные тучи и вдохнёт в них свет и лёгкость? Ты — Человек Бегущий к Солнцу?.. Хорошо, что ты не встретился с дождём. И хорошо, что Лунь давно уже перестал искать, вглядываясь в пространство и время со своего высокого поста. Хорошо, что больше никто сюда не заглядывает. Хорошо. Ведь сегодня пришёл ты, Человек Идущий. Ты зашёл в лес и лес принял тебя. Принял и вдохнул твой запах. И ждёт открытия твоего сердца, чтоб услышать имя твоё… Лес надеется. И очень хочет быть тем, кто первый узнает благую весть… И кажется, что он шепчет:

…Чего ты испугался, Человек?.. Я не причиню тебе вреда… Да, я огромен для тебя. А ты мал для меня. Но я боюсь тебя чуть ли не больше, чем ты меня, Человек Идущий! Смотри — я убираю от твоих сумасшедших ног свои корни в землю. Не беги так! Я боюсь, что ты можешь споткнуться… Смотри — я сдерживаю плоды на ветках… Я опасаюсь, что падение их повредит тебя… Ты такой маленький. И такой хрупкий… Смотри — я поднимаю тяжёлые ветви, чтобы ты не раздирал в кровь свою плоть, продираясь в них… Я опускаю к тебе самые тонкие веточки —

погляди, они почти как в твоём мире!.. Я просто Лес, Человек Идущий… Просто Лес и ничего больше. Не бойся меня, пожалуйста… Я стану твоим другом. Я стану твоим учителем. Я стану твоим домом… Я стану… Только назови себя… Назови себя Человеком Бегущим К Солнцу…

…

— Мишка! Мих!

Огонь на щёках. Холодно и погано. Какая зараза бьёт по лицу? Сейчас как… Нет, глаза не размыкаются и слабость в руках… Что это было? Лес…, тьма…, человек…

— Я тебе сейчас грабли пообломаю! Назад, я сказал!

Юрка?..

— Руки!! Руки, сучьи дети! И без фокусов! Положим за милую душу!

Точно — Юрка.

— Славян, Батон, хватайте этого и тащите на лежанку!.. Кирпич, помоги с Топтыгиным!..

— Вы что себе позволяете, Зубров?!

Ага, а это, кажется, Инквизитор. Полынцев. Вот черти принесли. Какого он тут?

— Родимец, Ворон. Гасите, если двинутся, — глухо процедил Зубров, и Медведев ощутил, как тело воспаряет над землёй.

— Есть, — Родимцев ответил спокойно. Значит, всё под контролем. Только, что — всё?

— Зубров!

— Пошёл к чёрту!

Голос Юрия уставший. Злой и напряжённый. Таким он был редко. Однако открыть глаза для того, чтобы взглянуть на то, в каком же дерьме сидит команда, у Медведева ещё не было сил. И всё крутились перед глазами старый Лунь в зените, калейдоскоп звёзд и паутины веток.

Зубров сквозь зубы прошипел ругательства, опуская командира на лапник. Рядом тяжело сели Славян и Батон с грузом. Тихий стон откуда-то сбоку. В плечо Медведева вяло ткнулось расслабленное тело. Откатилось от удара.

— Раздевайте обоих, — распорядился Зубров.

Только когда с него начали снимать одежду, он понял, что замёрз настолько, что мелко дрожит. Всё тело было влажным, и насквозь пропотевшая ткань не грела на холоде. Огромные лапищи Катько спешно сдирали с него вещи.

— Ничё, ничё, командир. Щас получшеет, — уговаривал Кирпич.

А тот уже чувствовал, как по обнажённому телу струиться тепло от сильных рук, разгоняющих кровь по застывшим

напряжённым мышцам. Пыхтящий от работы Зубров мял мясо, как тесто. В плечо ткнулась иголка. Славян тихо матюгнулся по поводу спазмированных гиппопотамов, гнущих иглы. Тепло поползло вглубь тела, мягко раздвигая ткани и проникая в центр.

Дрожь почти прекратилась. Медведев с трудом разлепил глаза и посмотрел вперёд. Разминал его уже Катько. Зубров мудрил с костром где-то сбоку.

— Очнулся! — оскалился Кирпич.

Михаил огляделся — все на месте, все при деле. Славян растирал лежащего рядом пленного. Зубров грел воду на костре. Батон сушил одежду над огнём. Родимцев и Ворон молчаливым скульптурным ансамблем изображали воплощённую смерть. Автоматы направлены в сторону «раверсников». Лица каменных истуканов. Полынцев и компания занялись своим костерком, но видно, что мысли их в этом деле не присутствуют.

— Всё, мужики, — прокашлялся Медведев. — Я в норме.

— Вот и ладушки! — ответил Кирпич, но мощного болезненного массажа не прекратил. — Лежи, пока есть возможность.

— Как этот? — Медведев поморщился — кивок в сторону пленного резко свёл мышцы шеи.

Славян, не прекращая работы, быстро вытер о предплечье лоб и отозвался:

— Жив пока.

— Катько! Посади Топтыгина, — хмуро попросил Юрий, набирая в кружку воду из котла.

— На скоко?

Кирпич закутал Медведева в свитера Зуброва и Рощина. Накинул сверху тент, прикрывая от снега.

— Пожизненно, — хмыкнул Славян, рукавом смахивая с носа капельку пота.

— А за что? — Продолжил стебаться Катько, помогая Медведеву сесть. И правильно — тот с трудом удерживал тело на дрожащих руках. Корпус не желал выпрямляться.

Медведев стиснул зубы, предполагая ответ Славяна. Есть за что. Судя по тому, к чему всё пришло.

— Гм… — шутливо задумался Славян. — А за развращение малолетних в особо извращённой форме! — И кивнул в сторону «раверсников».

— О, какой тост! За это надо выпить! — подошёл Зубров и подал кружку. — Держи, генацвале!

Медведев ухватился двумя руками за кружку, спрятал взгляд в вареве и вдохнул тепло. Пар опалил ноздри лесным запахом. Ягоды, хвоя, орешки, спирт, вода. Убойная вещь.

— Этому… — он не стал поднимать глаз, просто повёл головой в сторону пленника, — тоже.

— Сделаем. Как очнётся, — присел рядом Зубров. Внимательно посмотрел в лицо командира. Медведев взглянул исподлобья. Как дальше жить-то будем? Юрка кулаком ткнул в плечо — будем. И усмехнулся: — Допивай да спи. До рассвета ещё часа два.

Медведев скривился, обжигаясь, допил таёжный коктейль и отдал кружку. С поддержкой Катько улёгся. Ощущения были такие, словно только что без роздыху поднялся на трёхтысячник. Он лежал, стараясь не шевелиться, чувствовал, как мышцы подрагивают ослабленным болезненным студнем, и смотрел вверх. Тёмный потолок экрана кое-где проблёскивал золотисто-алым — блики костров отражались от зеркальной плёнки. А мимо, почти сквозь душу, летели белые комочки. Холодные, злые, опасные…

Глава 4
Маугли

Тяжёлый сон, словно распоясавшаяся бездна, плескался в сознании. Ударял густыми волнами в борта рассудочности и давил, давил, давил весомым страхом на сердце…

Медведев вздрогнул от ощущения давления металла на грудь. Напротив сердца, под сосок упиралась холодная железка. Он ещё не открыл глаз, но стиснул зубы и прижал локти к корпусу — едва заметного подъёма ресниц будет довольно, чтобы разглядеть опасность и действовать по обстановке. Замирать, бить, бежать. Близко, почти в упор, звучало чьё-то тяжёлое хриплое дыхание. И ещё было тепло. Человеческое тепло, тесно прижавшееся к груди. Противник в непосредственной близости?

Чуть приоткрыл глаза. Рядом лежал человек. «Тварь».

Медведев отодвинулся от соседа и увидел предмет, который принял за оружие. Дужка наручников на жёсткой сцепке с издевательским названием «нежность» упиралась в его кожу.

— Чёрт, — пробурчал Медведев хмуро.

— Пресветлый… — не открывая глаз, прошептал «тварь». И снова замолк. Видимо, состояние оставалось тяжёлым.

— Вот и познакомились, — мрачно заключил Михаил, отстранился ещё дальше от опасного соседства и вздохнул с облегчением. Оглядел лагерь. Кроме тяжёлой тишины да обманно расслабленных Кирпича и Славяна, сидящих между двумя группами, всё было, как обычно. Зубров и Батон занимались раскладкой завтрака, Родимец рядом разбирался со снаряжением. Только Ворон отсутствовал. Заметив проснувшегося, Родимцев прихватил стопку одежды и, подойдя, подал капитану:

— Утро!

— Угу. Спасибо, Игнат, — кивнул Медведев и стал натягивать просушенную форму.

Солнце где-то на востоке уже проявлялось золотым, подсвечивающим края туч в проёмах меж сосен, а холод всё также донимал. Снегопад закончился, и даже снег кое-где растаял, но в тенистых участках продолжал лежать серыми оладьями, норовящими при любом шаге протаять, что б оставить неприкрытой мешанину жёлтых иголок. В ветках тоже кое-где ещё оставалась снежная бахрома, изрядно потерявшая свою колючесть и теперь комочками цепляющаяся за иголки и разноцветные листья. Всё наводило на мысли о ранней зиме, чья телеграмма о скором прибытии опоздала настолько, что гостья уже застала на

пороге, и бежать поздно. Кто не спрятался — она не виновата.

Медведев поднялся, поправил тент на спящем. Тот не отреагировал. Капитан постоял, оглядываясь. Краем глаза посмотрел и в сторону «раверсников». И сразу стиснул зубы. Полынцев, заметив его пробуждение и подъём, тоже привстал на месте, чтоб стало хорошо видно, что он ждёт. И посмотрел однозначно. Выругавшись про себя, Медведев передёрнул плечами и вразвалочку двинулся к командиру враждебного лагеря.

Полынцев тоже не стоял на месте. Сделал несколько медленных шагов навстречу. Дальше двигаться не стал, при этом сделав вид, что не заметил поднявшегося на его пути Кирпича. Хотя не заметить такого мамонта тяжело. Полынцев просто остановился, выказав небольшим встречным движением уважение к противнику. «Вот, ведь, какой получается вестерн про двух неудачливых ковбоев…», — усмехнулся Медведев.

Следуя курсом мимо костра и ребят, склонившихся над чашками, Медведев с тоской думал о том, что одна глупость всегда тянет за собой другую, а потом их целый табор, и этот цыганский бардак мешает жить, со всех сторон галдя и предсказывая будущее. А чего его предсказывать, если оно и так ясно, как божий день?

— Юр-сан, — негромко окликнул Якоби старшего лейтенанта и глазами показал на неторопливо шагающего капитана. Зубров поднялся навстречу командиру. Закрыл от него путь к оппозиционному лагерю.

— Утро боброе, Юр, — Михаил попытался обойти товарища, но неудачно.

— Привет, — коротко отозвался Зубров, смещаясь. — Миша, тебе плохо.

— Чего? — Брови Медведева поползли вверх. Губы неуверенно дрогнули. Шутит?

— Тебе плохо. Ты теряешь сознание. Ты падаешь и не отсвечиваешь, — Юрий смотрел предельно серьёзно. — Сейчас, Мих.

Медведев замер, соображая, потом усмехнулся, приоткрыл рот ответить, но вдруг закатил глаза и, расслабляясь всем телом, начал валиться вперёд, на руки другу.

— Родимец! — Крикнул Зубров, подхватывая рушащегося командира. Игнат подскочил и помог уложить Медведева на землю возле костра.

Михаил приоткрыл глаза и оглядел склонившихся. Зубров серьёзен, как эпитафия тирана, Родимцев откровенно встревожен. Рядом уже начали мелькать лица подхватившегося Батона и

вынырнувшего неизвестно откуда Ворона.

— Уже можно вставать? — Негромко спросил Медведев у режиссёра только что разыгранного спектакля.

— Нет, — лаконично ответил тот и повернулся к ребятам: — Мужики, Топтыгин ещё не вполне… Соорудите ему чайку, — и подмигнул значительно. — Всё ясно?

— Ясно! — переглянувшись, кивнули Ворон и Родимец.

— Секу на раз! — меланхолично отозвался Батон.

— Батон, тебя в первую очередь касается, — как был, на корточках, повернулся к нему Зубров. — Только сорви, блин… — и показал низко над землёй кулак.

— Обижаете, — скорбно констатировал тот и сосредоточился на сохранении напряжённо-встревоженного выражения лица.

Зубров хмыкнул над потугами криминальной морды изобразить величие сострадания:

— Сгинь, Гамлет — принц датский! Пока «лицедейку» не подрихтовали! Мим, блин.

Батон благоразумно смылся к костру, сев к «раверсникам» спиной и занявшись раскладкой питания по тарелкам. Родимец подал кружку капитану и опустился рядом, одновременно и загородив от любопытных взглядов, и сделав вид, что подпирает больного. Медведев хлебнул кипяточку с ягодами и взглянул на заместителя:

— Ну, Станиславский, жарь.

Зубров повернулся вполоборота к костру и спросил:

— Ты куда собрался, Миш? К Полынцеву, да? Себе приговор подписывать?

Медведев сдержанно отозвался:

— Поговорить.

— Так не спеши, — холодно бросил Юрий. — А то успеешь.

Медведев потёр щетину:

— Юра-сан… Ты чего мне сказать-то имеешь?

Зубров зло прищурился на командира и снова отвернулся к огню.

— Ворон, отнеси мужикам хавчик.

— Есть, — Николай подхватился с чашками.

— На вопросы не отвечать, — вдогон предупредил Ворона Зубров. Тот на ходу что-то буркнул и исчез в направлении «раверсников».

— Ну, — поторопил Медведев, зная, что просто так Зубров разговоры не затягивает. — Хорошо тянуть волынку!

— Миш, — Юрий внимательно посмотрел на товарища. — Что вчера с тобой было, помнишь?

— С трудом, — задумался он. — После того, как наклонился

ближе к пленному, потерял ощущения тела и словил глюк. Огромный лес с деревьями высотой эдак с двадцатиэтажку. Ветви с мою руку толщиной. Листья, правда, почти как нормальные. Ну, может, чуть побольше. Дубы в основном. Я бегу по этому лесу и чувствую, что он как-то ментально моё сознание ощупывает, что-то вызнать пытается. Ну, и требует, чтобы я назвал себя. Имя, в общем, моё выпытывает… Очнулся на том, что ты меня по лицу охаживаешь. И?..

Зубров смотрел на него с тоской профессионала, понимающего что-почём.

Медведев понизил голос:

— Юр, что со мной было? И вообще, что случилось, пока я был в отрубе?

Заместитель невесело усмехнулся и, отвернувшись, начал рассказывать:

— Однако, Миш, ты не просто вырубился. Ты тут такого шороху навёл, что всем тошно стало. В общем, так, — он сплюнул, — Когда «тварь» повлиял на тебя, ты схватился за голову и свалился на землю. Начался припадок…

— Чего? — Медведев опешил.

— Забило тебя, — по-простому пояснил Зубров. — Пока я из твоей судорожной ручки нож выкручивал, пока прижимал, тут и дежурный проснулся. Я голову поднимаю — под дулом. Стоит дурак, зовёт своих. Перепугался чёрт, — мы тут перед ним трое валяемся в крови — ты меня зацепил-таки лезвием. Ну, со стороны Полынцев со своими подтягивается. Бегут во всеоружии. Думаю, всё — звездец. Сейчас всех накроет. Он же не поверит, что ты… — Он усмехнулся краем рта и со значением посмотрел на капитана, перейдя на тон официальных объяснительных: — … подошёл к пленному, дабы проверить его жизненные функции, поскольку дежурный заснул, а пленный признаков жизни не подавал. А нож в руках, потому что был предупреждён о невероятных возможностях «твари» и опасался за свою жизнь. И тут он оказал на тебя психологическое воздействие и ты потерял сознание… Усёк?

Медведев поперхнулся, быстро взглянул на внимательно ожидающего товарища. Кивнул. Зубров продолжил в своей обычной манере:

— Тут тебя отпустило. Ты и заорал. Так уж получилось, что Полынцев именно в это время оказался над тобой. Ну, а тут, — Он развёл руками. — Сам понимаешь…

— Да… — Выдохнул Медведев.

Представить себе, как мужики подорвались на защиту вопящего окровавленного командира… В общем, он мог. И оттого

захотелось, раскачиваясь ванькой-встанькой, долго нудно монотонно материться. На весь свет. За глупость человеческую, помноженную на закон её величества Подлости. Если неприятность может случиться — она обязательно случится. Если ты её всеми силами избегаешь, то она случится в двойном размере.

— Дежурный пальнуть ухитрился с перепугу. Благо, не прицельно. Но Родимцу этого хватило, чтобы скомандовать атаку. Я-то уже положен был кем-то из «раверсников». — Зубров усмехнулся. — По его мнению…

— Ясен-пень, — хмуро отозвался Медведев. Каков в рукопашной Юра-сан, он знал не понаслышке. И то, что в сложившейся ситуации друг готов был «лечь» ради сохранения мира между командами, тоже вполне понимал.

— Ну, дальше — больше. С песнями и плясками «Р-Аверс» отбросили. Полынцев своих увёл. Благо, до совсем уж непоправимого не дошло. Так что — никто не стрелял, обошлось дипломатией.

— Слышал я частично вашу дипло-мать-её. Сначала ударь, а потом подавай голос…

Дежурный Батон и вернувшийся Ворон разложили по мискам мясо с грибами — остатки вчерашнего питания и стали раздавать. В первую очередь — старшим. Медведев кивнул, приняв чашку и, взяв ложку, задумчиво помешал варево. Помолчал, раздумывая, потом поинтересовался:

— Как там Полынцев?

— Промолчал, — отозвался Ворон, не отвлекаясь от раздачи.

— Угу, — Медведев подумал о том, чего ему будет стоить это молчание, и повернулся к Зуброву — Ну, меня вытащили — это понятно. А «тварь»-то зачем?

Зубров обернулся, посмотрел внимательно. Помедлил с ответом. А заговорил о другом:

— Мих. Я неким образом… принял участие в том, что произошло с тобой.

— Не понял.

— Я видел то же, что и ты. Но со стороны. Словно на окружающую действительность наложили другую — огромный лес и бегущего человека. Только этот человек был не ты, а «тварь».

— Так.

— Потом ты завалился, потеряв сознание, и картинка на миг изменилась — белая пустыня, какие-то руины, колокол на полуобрушившейся арке и человек — «тварь». Он стоит, словно к кресту прибит — ноги вместе, руки широко распахнуты. Смотрит

вверх на тёмно-красную луну. И шепчет что-то, словно молится. А потом опускает глаза и глядит сквозь меня. Усмехается и говорит: «Помни о птице, мотылёк, летя к огню — так назову меч!». Вот так.

— И?

— Знаешь, — Юрий стал устало-насмешливым, — я японской поэзией увлекался когда-то.

— Помню — было дело, — отозвался Михаил. И быстро посчитал слоги. Пять-семь-пять. Получалось классическое хокку.

— Это — моё, — тоскливо усмехнулся друг. — Пять лет назад написал. Думал — пуля в висок, а строчка на лист… Вот и всё, что останется после меня.

Медведев отвёл взгляд. Он помнил. Пять лет назад, почти под тридцатилетний юбилей, друг потерял семью — жену и дочку — в автомобильной катастрофе. Было время — и он, и другие товарищи чуть ли не посменно пытались сторожить Юру-сана, полагая страшное. Или тактично висели на хвосте, или навязывались в гости каждый день. Однажды не «уберегли» — сорвался в неизвестном направлении. Но, когда, спохватившись, товарищи собрались поднимать по тревоге знакомых и искать везде — от любимых мест до моргов, — он вернулся. Молчаливый и уставший. Но живой. Где был, что происходило — до сих пор оставалось его личной тайной. Впрочем, лезть в такие тайны охотников днём с огнём.

— Так вот и подумалось, — Зубров, не отрываясь, смотрел на костёр, скрывая внезапную пустоту взгляда. — Что, если с тобой или мной что-нибудь случится, то единственная будет зацепочка — пленный. А если он кончится раньше времени или Полынцев его под себя загребёт, то вряд ли мы что-нибудь узнаем.

Медведев с искренним восхищением посмотрел на товарища. Любой бы на его месте действовал по правилу: «когда сомневаешься — опустоши магазин». А у Зуброва, как обычно, мышления хватило на то, чтобы «тварь» не только как опасность определить, но и как возможное противоядие.

— Что дальше предлагаешь? — Поинтересовался Михаил.

— Не предлагаю, — поморщился заместитель, — предполагаю.

— Ммм?

— Однако, есть у меня одна паскудная мыслишка… Насчёт Полынцева. — Зубров недобро сощурился, вглядываясь в проёмы стволов. — Вчера, когда спор вышел, я наблюдал за происходящем. Сегодня сделал некоторые выводы. Значит, так. Даю вводные. Инквизитор не с перепугу начал рассказывать о «твари». Была у него своя цель. Иначе бы не трепался. Не

случайно он проигнорировал Батона — мог бы с первого слова рявкнуть так, что тот пожух бы, но не стал — ждал развития. Ну и человек его как-то уж слишком вовремя рядом оказался. Да и остальные ждали нападения отнюдь не со стороны леса. К тому же Полынцев весьма серьёзно следил за тобой. А сегодня раверсники долго пытались реанимировать связь со своей станции… В общем, наводит на мысль. — И выжидающе посмотрел на командира.

— О том, что он ждал конфликта? Так кто ж его не ждал!

— Мих, ты издеваешься? Я ж тебе уже не только разжевал, но и в рот положил!

Юрий смотрел недобро — непонимание другом несложных, с его точки зрения, вещей вызывало досаду. Михаил тоже нахмурился, прокручивая в голове только что высказанные товарищем наблюдения. Переспрашивать не хотелось — он-то, конечно, объяснит, о чём идёт речь, но, наверняка, потом будет ходить смурной полдня. Итак, дано… Нужно вычислить… Михаил опешил, внезапно споткнувшись размышлением на невероятной догадке.

— Провокация?..

— Ага.

Зубров усмехнулся весело. Медведев досадливо сплюнул. Вот тебе и приплыли.

— Кстати, это раскрывает и некоторые моменты, бывшие мне ранее непонятными. Почему, например, ФСБэшники в нашем конкретном случае занимаются ловлей «тварей». Или почему «тварь» конвоируем мы и целая группа «Р-Аверса», хотя хватило бы и офицера в сопровождение, — продолжил Зубров, кивком поблагодарив Якоби, передавшего ему кружку. — Вероятно, Полынцев имеет серьёзные полномочия для задержания резидентов Тэра, внедрённых в костяк армии. С чего только его взгляд упал на тебя — вот загадка?

— Может, к личному делу прицепился? — пожал плечами Медведев.

— Может быть, — кивнул Юрий. — Однако не понимаю, чего так может быть такого-эдакого. Разве только твоя фатальная везучесть? Или как ты в одиночку раненый с того болота выбрался, а по всем прикидкам — не мог? Может, у тебя в крови какая-нибудь странная штука плавает? Как думаешь? Или всё-таки влияет особенность самой группы? Как не крути, а мы, по сути, скорее личная команда твоего дяди, чем войсковое подразделение. Может, это под него копают, а?

Медведев угрюмо пожал плечами. У него предположений не было. Оставалась только злость. А вот гадать, из-за чего что в

этом мире происходит, сейчас не хотелось. Вот Юра — аналитик и психолог — пусть этим и занимается. Тем более, что для него это в удовольствие, в отличие от основной, но, по счастью, реже требующейся специализации. Зубров понял, хмыкнул и ушёл в размышления. То, что он хотел сказать командиру — он сказал, пусть теперь каждый занимается своими делами. Медведев тоже не рвался продолжить разговор. У него было над чем подумать.

Ветер с севера гнал тучи, словно перекатывал огромные валуны по склону. Ледяные, тяжёлые, злые. Замедленной, но не менее опасной лавиной они мчались к югу, неся в себя ярость будущей зимы. Чувствовалась в них холодная напряжённая заряженность, словно в орудии немалого калибра, уже отягощённым лёгшим в ствол снарядом. Ощущалась угроза плотного артобстрела. Ещё немного тишины и рухнет заслон тёплого воздуха. И накроет снежным зарядом.

— Топтыгин!

Михаил оглянулся. Окликнувший его Родимец кивнул, указав на пробудившегося.

«Тварь» сидел на месте и тёр скованными ладонями лицо. Просыпался. Щурился на свет и даже болезненно позёвывал, устало стирая с лица застывшие грязь и кровь. Капитан деланно тяжело поднялся с бревна, на котором сидел, изображая обессиленного, подцепил кружкой компот из котла и направился к пленнику. Тот сразу приметил движение. Выпрямился, свёл скованные руки на груди, прижав локти к бокам, и стал хмуро ждать.

Медведев шёл и, с каждый метром приближаясь, всё более рассматривал своё «несчастье». Синие, зелёные, красные и бордовые пятна разводов на теле до холодка по спине поражали богатством хитросплетений. Боди-арт отдыхает. Если бы ещё не знать, что это на пленнике за живопись такая и как с неё бывает худо. Впрочем, только движение закрытия выдавало состояние и ощущения «твари». Глаза на измождённом избитом лице остались спокойными, надорванные губы плотно сжались, но линия их не говорила ни о боли, ни о ненависти, ни о страхе. Подойдя вплотную к спальному месту, Медведев нахмурился больше и подавил желание грязно выругаться. Только сейчас он смог рассмотреть, что пленник молод, ему от силы лет восемнадцать. Но тяжесть во взгляде и суровая готовность широких тренированных плеч несколько сглаживала впечатление детскости. Под неотрывной внимательностью синих глаз Михаил присел на корточки рядом с «тварью».

— Ну, что? Змёрз, Маугли? — Вспомнилось к месту. Действительно, лёгкая дрожь уже побежала по телу пленника. Не

июнь-месяц всё же.

Юноша не отозвался, продолжая исподлобья наблюдать. Медведев хмыкнул — ничего другого он и не ожидал. «Если его не кормить, оно умрёт», — вспомнил он любимую книгу и подал пленному кружку.

Замедленно, словно полагая, что движение будет обманом, «Маугли» протянул скованные руки и обхватил кружку ладонями. Взгляда от горла Медведева он при этом так и не отвёл. Капитан уважительно крякнул — ладошки юноши были широкие, жилистые, с суровыми узлами сухожилий на запястьях, что указывало на многолетнюю боевую тренировку. У самого Михаила пятнадцать лет назад такого не наблюдалось. Впрочем, подготовленность юноши была понятна ещё тогда, в ущелье. Сейчас лишь отмечалось, что не только и не столько физиологические таланты «твари» делали его настолько опасным противником, — как это пытался показать Полынцев, — а обычная тренированность, пусть и более жёсткая, чем та, которую в своей жизни пришлось пройти Медведеву.

Пил «Маугли» жадно. Вздрагивая от боли в потревоженном лице, судорожно хватая компот с воздухом пополам, почти захлёбываясь. Кружка опустела за какие-то секунды. Юноша устало убрал руки от лица и опустил голову, восстанавливая сорванное дыхание. Плечи потеряли громоздкую напряжённость и стали покаты от расслабления. С осторожностью облизав разодранные губы, пленник поднял голову и вернул кружку.

— Спасибо…

— О-па, — Медведев опешил, глядя на пленника. — Ты что сказал? — На его памяти пленный заговорил впервые.

— Спасибо.

Медведев помолчал, всматриваясь в тёмное лицо, выражающее спокойное ожидание. Этой странной пугающей сосредоточенностью да разводами гематом пленник показался равен киношным индейцам в боевой раскраске.

— Ещё хочешь?

Глаза взметнулись.

— Да.

Медведев кивнул и поднялся. «Тварь» был всё также спокоен. Никаких проявлений страха или готовности к боевым действиям. Тело подрагивало от холода, но юноша даже не пытался натянуть на себя покрывало. Возможно, опасался, что движение будет неправильно понято застывшим рядом Родимцем. Зачерпывая кружку второй раз, Медведев бросил взгляд в сторону «раверсников» — в их лагере была тишина и малоподвижность. Полынцев сидел вполоборота к биваку «таёжников» и не подавал

вида, что видит происходящее, хотя, — Михаил мог спорить на что угодно — наверняка, не пропускал ни единой детали.

Подавая кружку пленнику, он снова присел рядом с ним и спросил о том, что интересовало более всего:

— Ты — человек?

Даже сам внутри чертыхнулся, настолько наивно и глупо это прозвучало. Но Маугли, уже протянувший скованные руки, замер, напряжённо приподняв плечи. Взгляд с кружки метнулся вверх, скользнул по лицу офицера и ушёл куда-то в сторону и вбок. Язык снова прошёлся по разорванным набухшим губам. Руки опустились.

— Нет.

Медведев нахмурился и снова протянул компот пленному:

— Бери!

Пленник вздрогнул и быстрым рывком схватился за кружку. В этот раз он пил значительно медленнее, последние глотки просто катал во рту, растягивая удовольствие и снимая последствия долгой жажды. Возвращая кружку, внимательно вгляделся в лицо Медведева. А того даже передёрнуло от накатившего понимания, что, по сути, он ничего не знает о способностях пленника и, возможно, именно в этот момент тот готовит рывок на поражение. Маугли же, внезапно отвернулся, задавленно прокашлялся, с трудом сдерживаясь, чтобы не раззявить рот и тем не порвать его ещё больше. Спросил, опустив глаза:

— Вы понимаете, что вода для меня — жизнь?

— Некоторая составляющая жизни, — флегматично ответил Медведев.

— Что я сбегу при любой возможности?

— Попытаешься сбежать.

— Что Вы не в безопасности рядом со мной?

— В относительной небезопасности.

Медведев усмехнулся, посмотрев на то, как при каждом его последующем спокойном комментарии к репликам внимательный синий взгляд становится всё рассеяннее. Пацан, он и есть пацан. Детский максимализм в крови гуляет. Враги могут быть либо такими, либо такими. То, что он всё это время находиться под прицелом двух минимум стволов, он то ли не осознаёт, то ли делает вид, что не замечает. Михаил не был бы самим собой, если б не увидел, как с его приближением к пленному, поменяли местоположение Родимец и Ворон. А бежать… Судя по всему, некуда отсюда бежать. Знали бы — сами уже быстро делали ноги.

— Как тебя зовут, Маугли?

Пленный повёл плечом, болезненно скривился, отозвался сухо:

— Маугли.

— Ну-ну. Пусть будет так, — усмехнулся Медведев. — Что вчера было, помнишь?

— Да.

— И?..

— Мы обменялись мирами.

Михаил пожевал губу. Он полагал, что ответ будет более простой. Маугли вздохнул, разгадав его растерянность, наконец, решившись, болезненно закутался в покрывало и медленно произнёс:

— Когда воин, не успевший продолжиться в потомстве, готовится к смерти, он дарит другу или недругу, остающемуся жить, свой внутренний мир. Свою печать понимания. Для того, чтобы здесь осталась его часть… Я полагал, что Ваша рука будет твёрдой.

Пленник болезненно скривился и отвёл глаза. То ли обвинил, то ли оскорбил, а затем попросту смутился. Впрочем, ни то, ни другое душу Медведева не ранило. Он размышлял, сопоставляя только что сказанное с видимым вчера. Юрий говорил, что видел не Михаила, а «тварь», бегущим по лесу… Это проясняло дело. Только вот почему он и Юрию привиделся? Неясно. Но с этим можно обождать.

— Где мы находимся, знаешь?

Пленный задумчиво посмотрел на капитана. Попытался пожать плечами:

— Вероятно, в одной из близлежащих реальностей.

— Гм… — Медведев рассеяно потёр щетину. Ответ был ожидаем, но болезнен. — А как отсюда выбраться не подскажешь?

— Нет, — Маугли коротко мотнул головой.

Михаил поморщился. Вот это действительно было жаль… Довести пленника живым до точки контакта — его обязанность перед начальством, вывести ребят невредимыми домой — обязанность перед Богом и собой.

Михаил ещё раз внимательно осмотрел пленного. Мальчишка совсем. Даже за красно-синими разводами на лице просматривалась лёгкость черт. Не было ни весомой тяжести заматерения, ни строгой лаконичности морщин пожившего. Наивная округлость молодости почти сошла, сменившись остротой изможденья, но всё же следы её оставались заметны. В тонкой сетке морщин бывших улыбок, в выражении глаз, привыкших к любопытству и в молодой удали. Вот и всё. Редкая поросль над верхней губой, упрямые складки да усталость в глазах. Мальчишка. Но, помня о том, как он провёл последнюю неделю… Нет, этот человек не будет говорить за здорово-живёшь,

за кружку компота да за «спасибо». Такие не сдаются до последнего. Таких только ломать.

«И жаль до невозможности, да деваться… некуда. Ситуёвина…»

— Зубров!

Юра-сан неспешным шагом дошёл, присел на корточки и взглянул вопросительно. Пленник при его приближении вздрогнул и прижал руки к корпусу, закрываясь. Догадался.

— Полагаю, что Маугля знает, в какую сторону нам топать до хаты… Поспрошать бы, — и скупо улыбнулся, — а я пока с Полынцевым поговорю.

Зубров задумчиво поджал губы, словно хотел возразить, но, поразмыслив, кивнул. Взгляд его стал рассеянным. Таким туманно-серым, что показалось, свет в них перестал отражаться, оставаясь за матовой плёнкой отрешённости. Медведев не любил такого взгляда. Настолько он не шёл спокойному лицу, настолько контрастировал с тем, что Михаил знал о друге по жизни. Но сейчас умения и знания друга были очень нужны. Медведев поднялся и, мельком взглянув на то, как, по мере осознания происходящего, меняется лицо пленника, становясь из усталого натянуто-бесстрастным, двинулся к лагерю группы «Р-Аверса».

С севера тянуло холодом, но оставалась ещё надежда, что боги будут милостивы и люди смогут покинуть этот край до того, как здесь начнётся злая вакханалия снега и ветра. Если только пленный заговорит. Впрочем, почему — «если»? У Зуброва — заговорит.

Глава 5
Стервы

Пожалуй, Медведев уже пару раз успел пожалеть о том, как выстроил доклад. Подсказки опытного аналитика — это, конечно, хорошее подспорье, но кто же мог предположить, что упёртый «раверсник» пропустит все объяснения мимо ушей, открыто ухмыляясь. Для него уже существовало некое объяснение происходящему и всё иное просто отсекалось как неудобоваримая чушь.

Медведев же, отстранённо глядя в проём сосен на краснеющий вдали боярышник, с трудом сдерживался, чтобы не наговорить лишнего. Само то, что ему приходилось стоять, разжёвывать своё поведение и действия команды, и ждать решений провокатора, было противно. Если в начале совместного пути к Полынцеву и его людям Михаил испытывал только пренебрежение и азарт соперника, то сейчас его пронзала здравая злость. Хотелось не стоять мало ли не навытяжку, а разить плотно сжатыми кулаками, не давая пощады. За оскорбление достоинства офицера, за провокацию, но более того — за жизнь. За вот такую странную, смешную жизнь, где, чем больше ты отдаёшь людям, тем опаснее и противнее их благодарность. Где работаешь за копейки, а отвечаешь головой.

Полынцев косо усмехнулся:

— В рассудочности вам не откажешь, Михаил. Впрочем, должно быть, благодарить за высказанную вами сейчас галиматью стоит Зуброва. У вас бы мозгов не хватило на такую ахинею. Вы — вояка честный, офицер, белые перчатки, чистые сопливчики… Ещё, поди, и гордитесь своим чистоплюйством. И званием, полученным по блату. Волосатая рука у дядюшки, а?

Медведев выпрямился. Полынцев знал, куда бить. Раннее звание и у самого Михаила вызывало неудовольствие, а понимание его возможного источника — досаду. И даже то, что знающие его опытные люди утверждали, что звание более чем заслуженно, не успокаивало.

— Так Вы не думайте, Михаил… Дядюшка не поможет. И погоны недолго осталось носить. Это я вам обеспечу. Недолго чистеньким ходить — дерьма хватит.

Полынцев слова цедил, словно был переполнен презрением и злостью. Но глаза оставались ясными, холодными, изучающими. Медведев же едва сдерживался, понимая, что происходящее — и подтверждение предположения Зуброва, и ещё одна провокация.

Ещё один способ вывести его из себя. Знать бы только — зачем. Рассудок сдерживал напор эмоций, рвущихся наружу. Но кулаки сжимались, брови сходились, а спина выпрямлялась, набирая упругий прогиб, способный пружинной мощью выхлестнуться в удар. Приходилось напрягать волю, чтобы не позволять себе лишних движений.

Желчь в словах Полынцева расплёскивалась, грозя залить мелкой гадостью всё окружающее пространство. А Медведев нашёл взглядом ветвь с гнездом где-то дальше и выше мотающейся перед ним фигуры раверсника и не отводил от неё глаз. «А вдруг птица прилетит? — думал он, — хотя, вряд ли. При таком дерьме ни одна живая тварь рядом быть не захочет. Кстати, как там „тварь“? Ора не слышно. Юрка, конечно, работает тихо, но не до такой же степени… С другой стороны, и мальчишка не сопля — „инквизиторы“ работали, так его слышно почти не было… А зелёная сосна на фоне красного орешника просто чудо как хороша! А Полынцев… А что, Полынцев? Он не оригинален. Людям непременно надо расставлять ловушки для других людей, а без этого они все будут недовольны».

— Ребят ваших — туда, откуда понабирали. А то собрали всякое дерьмо, аж в носу свербит от вашей концентрированности. Да и стройбат рад будет такому звёздному пополнению. Зуброва в отставку — о жизни подумать, девку себе какую-нить найти. Все проблемы от переполненных яиц.

А вот этого ему говорить не следовало. Медведев замер, — за Зуброва он порвёт. Не сейчас, так позже. Не так, так иначе. Почувствовал, как в спину вбуравились взгляды бойцов. «Таёжники» при последних словах начали подтягиваться к месту действия.

— Ладно, хорош, — словно почувствовав, что перегнул палку, сам себя одёрнул Полынцев, — Сейчас передаёте пленника моим ребятам, и сворачиваете лагерь. Дальше идём по моим распоряжениям.

— Угу. — Медведев оскалился. — Вспомните детство. Конфетка такая была. Сладкая. «А ну-ка отними!» — называлась.

Полынцев сощурился и улыбнулся. Весело, озорно, словно его только что потешили новым анекдотом.

— Да это никак вызов! — Повернулся он вполоборота к своим людям. «Раверсники» неприкрыто усмехнулись. Судя по всему, в своего командира они верили безоговорочно. — Да ты в своём уме, Медведев?!

— В своём, — ощерился Михаил, поводя тяжёлыми плечами. — И твой рассчитываю вправить.

— Ну-ну, — улыбка Полынцева стала откровенным оскалом.

Подраться он оказывался охотник. — Как сойдёмся? На ножах? На дрынах?

— Я больше доверяю рукам.

Полынцев кивнул:

— Пусть будут руки. Я тоже мало верю в посредников… Мужики, расступись!

Медведев ощутил поток воздуха раздавшихся в стороны людей.

Фигура противника стала центром галактики, в рукавах которой, где-то там, на периферии, белели хорошо знакомые лица. У бойцов возбуждённо приплясывали плечи, словно самим хотелось сорваться в драку. И Михаил не был уверен, что останутся на месте, как выяснится, кто — кого. Каждая команда готова была порвать за командира.

Снег пошёл неожиданно. Словно всё время до того сдерживался, стараясь не мешать нарастающему напряжению, а вот теперь, в самый разгар противостояния, вдруг не вытерпел и повалил белыми хлопьями. Края огромной, накрывшей лес, тучи ещё подсвечивались солнцем и оттого казались сиреневыми.

Ещё секунду Медведев и Полынцев тяжело перекатывались с ноги на ногу, разгоняя внутренние волчки, а потом сдвинулись навстречу друг другу.

И — понеслось!

Михаил хэкнул, вдаряя связку. Кулак — стопа — локоть — колено. Эшелон прокатился по мясу, но особого урона не нанёс. Полынцев вовремя обкатал движение по касательной и даже ухитрился приложиться по движущемуся, с лихвой оплатив атаку. Локоть — ударом по шее, стопа — скатыванием по голени… Такую мать!.. Припал-выпрямился.

— Слева! Слева!

— Вали!

Темп! Темп! С разворота — на новый виток. Руками по верхнему уровню. Колено в солнышко, стопа по подъёму. Ннна! Ага! Полынцев стремительно выдохнул, отринул и осел. Или только приноровился к атаке? Щит предплечья глухо столкнулся с направленным в горло ударом, ладонь отзеркалила в подбородок, но в полёте была подхвачена на болевой. Эх!

— Давай! Гаси!!

— Темп!!!

Последний шанс спасти напряжённые пальцы — зажать в кулак и свои, и чужие. И бить, бить, бить! Свободным локтем и коленями в корпус. Ха! Ха! Ха! На третьем пропущенном ударе Полынцев согнулся и отпустил заломленную кисть. Ага! Рывок! Хэк! Стопа мощно вошла в корпус. Сейчас! Фиг. Полынцев почти

сквозь тело пропустил ногу мимо и с размаху встретил основанием ладони в лицо.

— Ааа! Жми! Жми!!!

— Дави бычару!

Твою мать! Обкатал, но рухнул на спину. Ногами — по коленям! Ха! Ха! Хэк! Полынцев, пытающийся зайти со стороны, свалился от подсекающего по подъёму плюс стопой в пах. Пах-то он прикрыл… Но рухнул. Свалился по науке — на лежащего руками, выставленными по верхнему уровню. Обмен! Голова задребезжала, засаднило скулу, а с лица нависшего сверху Полынцева закапало прямо на глаза. На шее сжался тесный телесный ошейник предплечий…

— Дави! Дави гада!

— Гаси его! Гаси-и-и-и!

Бить! Бить из положения «лёжа под» неудобно. Но — надо. Иначе — писец. Белый, пушистый. Медведев молотил всеми четырьмя конечностями по навалившемуся сверху. Мясо под ударами встряхивало, как холодец на блюде. Но капкан на горле не ослаблялся. Полынцев глухо выматерился и стал дожимать… Перед глазами поплыло, нос забился кровью. Не останавливаться! Мать твою за ногу! Твою мать!

…

— Та-та-та-та-та-та!

«Офонарели, что ли, очередью садить?! Патронов — раз-два и обчёлся!», — Медведев приподнял голову и с трудом открыл глаза. Чья-то бесцеремонная рука схватила за затылок и вдавила обратно в землю. Хвоинки жёстко оцарапали веки. Нос забился кровью и грязью. Кто здесь такой умный?

— Куда?!

Хриплый голос Родимца указал на личность автоматчика-транжиры слева.

Снова очередь в неизвестном направлении. Трах-тибидох почти над головой.

Внезапный протяжный вой на высокой ноте ввинтился в уши. Медведев распахнул рот от удара по барабанным перепонкам, и зажмурился, вдавливаясь в землю. Секунда, два, три…

Чёрт! Да куда ж!..

Вой оборвался внезапно. Тишина. Даже пули не стрекочут. Пару раз хлебнув воздуха и ощутив себя вполне живым, Михаил вытащил оружие и снова приподнял голову. На этот раз — осторожнее.

Тихий лес. Ни шевеления, ни звуков. Только покошенные ветви ещё сотрясались.

Слева корчился Родимцев. Вжавшись лицом в уже

перепаханную телом хвойную подстилку, он тихо матерился и елозил. Справа за сосенкой к земле припал Полынцев. Рожа в крови. В руках пистолет. Обменялись взглядами. Глаза командира «раверсников» были настолько же ошалевшими. Значит, тоже ещё не врубился в ситуацию. Впереди, сзади, с боков россыпью чёрных и зелёных конфетти — вперемежку бойцы «Р-Аверса» и «Тайги». Лежбище очумелых варанов. Медведев обернулся к Родимцу — того всё также корчило. Рванул вдоль земли. Оказавшись вплотную, завалил раненого на бок и шёпотом выругался. Словно мелкой тёркой прошлось нечто по телу лейтенанта. Ткань — в порезах, сквозь них кровь просачивается, смешивается с хвоей и землёй, грязью пропитывает… Хоть гадай на рунах — где рана!.. Чем такое можно сделать?

— Что там? — оскаливаясь, выдохнул Родимец сквозь зубы. И со свистом втянул воздух.

Продолжая оглядываться, Михаил пробежал руками по корпусу раненого. Всё оказалось не так плохо, как почудилось при первом взгляде:

— Херня. Царапины. Заживёт.

— Угу, — процедил лейтенант, — на мне всё, как не собаке. Главное, чтоб не «капец». «Капец» неизлечим.

— Что происходит, Игнат?

— А чёрт его знает!

Медведев почувствовал приближение сбоку. Обернулся. А кого, он, собственно, ещё ожидал увидеть? Доблестный медик. Славян пихнул командира в бок, попросту заставляя принять положение слева. С двух сторон подхватили раненого и живенько-живенько — за сосенки, за бугорок… Родимцев только зашипел сквозь зубы, когда поволокли.

— Что это было, Слав? — Спросил Медведев.

— Чёрт его знает, — коротко отозвался Славян, разрывая зубами пачку салфеток.

Оглядывая притихший лес, Медведев про себя изощрённо выругался на информативность и однообразие полученных ответов и прикинул, почему ж Зубров всё ещё не здесь с докладом.

— Вы, что, блин, не видели, во что садили?

— Видели, — хватанул воздух ртом Родимцев. — В чёрт-знает-что.

Да что ж такое!? Офонарели, что ли?

— В кого стреляли?! — зарычал капитан, теряя терпение.

— В сиреневых летучих мышей величиной с человека.

— Твою мать! — Медведев ошалелым взглядом окинул притихший лес. — Кто команду дал?

— Я, — Родимцев стиснул зубы, прямо глянув на командира.

Медведев снова обшарил взглядом лес. Тишина. Только птиц нет. Снежок летит… комочками. Белый, холодный, противный…

— Капитан, — сбоку позвал незнакомый голос.

Медведев обернулся. Недалеко залёгший «раверсник» криво улыбнулся:

— Это гарпии, капитан.

Точно. Массовые галлюцинации. «Афганка» в костре, ЛСД в чае, птичка-мутант и мухоморы среди грибочков. Вот Зубров придёт, тогда…

— Где Юр-сан?

— Там, на биваке, — Славян дёрнул головой, отведя взгляд.

Бивак оставался в той стороне, куда с минуту назад уходили пули…

Метров двадцать, обзор неплохой, но на площадке людей не видно. То ли затихорились, то ли уже положены неизвестным противником. А судя по реакции Славяна, Зуброва не слышно уже давно…

— Та-а-ак, — протянул Медведев. Да так протянул, что Вячеслав оглянулся.

Михаил сплюнул и рванул вдоль земли в сторону бивака.

Сосенки. Боярышник. Пенёчки. Бугорочки… Знать бы от кого хорониться, да знать бы, где этот кто-то.

Костёр ещё горит, но котёл перевёрнут, валяется рядом. Может, кто из своих задел… Кто здесь оставался? Зубров, Батон, Кирпич и «тварь»… Может, кто и из своих. Только блеском свежезаточенного лезвия сверкает на чёрной копоти птичье перо, засевшее в металле. И это уже на массовую истерию не спишешь. Здоровое перо — в пол локтя. Тонкое стальное кружево отливает сиреневым, словно можно придать металлу несвойственную ему цветовую гамму. Впрочем, здесь уже всё возможно. Михаил с тревогой обшарил взглядом территорию лагеря. Второй снаряд обнаружил вонзившимся в дерево. Дрожание после сильного столкновения ещё колебало перо. Ещё с десяток вошли в землю возле кустарника. Судя по наклону — ковровая бомбардировка сверху.

— Медведев!

Полынцев дал о себе знать ещё на подходе. И — правильно. Оказавшись рядом, бегло осмотрел местные достопримечательности и хмуро прокомментировал:

— Бред сивого мерина.

Михаил ощерился, процедил сквозь зубы:

— Если этот «сивый мерин» Зуброва сожрал…

— Сожрёшь твоего Зуброва! — Хмыкнул Полынцев. — Он сам

кого угодно со всеми потрохами. Вон топает!

Медведев сглотнул. Действительно, — топает.

Зубров появился из-за обстрелянного кустарника настолько внезапно, словно вынырнул из воды. Шёл открыто и спокойно, будто не было опасности или тревоги. Даже улыбался, хотя и натянуто.

— Юрка!

Зубров в ответ на предупреждающий жест только отмахнулся. Как был, так и дошёл до командиров. Присел рядом. Рукав окровавлен. Ранение, как у Родимца — масса мелких, но довольно-таки длинных порезов. Заметив взгляд Михаила, Юрий скривился:

— Плюются суки.

— Юр-сан…

— Это — стервы, Мих, — Зубров невесело усмехнулся, опережая с ответом. — Эталонный вид птице-людей. Всякие серены, гарпии, сирины, гамаюны и прочая, и прочая. Для нашего мира — мифическое создание, для этого, — он обвёл глазами лес, — норма. Агрессивны и стервозны, как и следует из названия. Однако убивать умеют и любят.

Медведев с трудом удержался от длинной матерной тирады. Происходящее уже давно переступило через границы возможного. Вместо этого присел рядом, опустил пистолет в кобуру и, приглашая продолжать, качнул головой:

— Так.

— На нас вышел их конфликт-отряд. — Продолжил Зубров. — «Погранцы», одним словом. Они в бой не завязываются. Максимум: подкат — проверка на сопротивляемость — откат. Если бы Кирпич не шугнулся и не начал стрелять, то они ушли бы втихую, а мы бы потом сильно удивились неожиданному налёту крупного рукокрылого отряда. Ну, да ладно. Главное — мы теперь знаем, чего ждать. Сейчас эти суки уже, наверняка, в гнездо чешут с донесением. Скоро здесь будет их орда. — Юрий невесело усмехнулся.

— Откуда? — спросил Медведев.

Зубров в ответ только головой мотнул в сторону. Михаил посмотрел. Батон и Кирпич помогали «твари» добраться до костра. Доковыляв, тот сел возле огня и ссутулился, подставляя голое тело под тёплые потоки. В ладони скованных рук спрятал лицо. Змёрз, Маугля. Батон стянул с себя куртку и накинул на плечи пленника. Тот поблагодарил отрешённым кивком и снова замер, сберегая остатки тепла. Его знобило, лихорадочный взгляд пылал наравне с костром.

— Как нам отсюда выбраться, он сказал? — Хмуро

поинтересовался Медведев.

— Он не знает.

— А ты спрашивал?

«Вы выходите на остановке?» — «Да» — «А те, что перед вами?» — «Да» — «А вы спрашивали?». Но в данном случае вопрос был совсем не анекдотичным, он подразумевал вполне конкретную форму разговора. Юрий устало посмотрел на командира:

— Спрашивал, Мих. Пусть не так, как ты полагал, но — спрашивал. И именно поэтому мы имеем хотя бы то, что имеем.

Медведев замолк, попытавшись вникнуть в произнесённое и представить себе то, что упустил из внимания, пока был занят своим содержательным «разговором» с Полынцевым. Шума, наводящего на мысли о форсированном допросе, со стороны бивака точно не было. А что было? Да ничего. Тишина стояла. Может Зубров и разговаривал с «тварью», но тогда это была вполне мирная беседа, не нуждающаяся в повышении голоса.

Командир «Р-Аверса» утёр разбитое лицо о рукав и предложил:

— Давай я поговорю. У меня опыта побольше. Будут тебе ответы.

Зубров повернулся к нему всем корпусом и сухо проговорил:

— Ещё раз! Я получил ответы именно потому, что знаю, как таким людям задавать вопросы.

— Ага. А я — не знаю, да? — «раверсник» откровенно недобро удивился.

— Вашими методами вы ничего не добьётесь. Скорее он сдохнет, чем что-либо сообщит.

— Угу, — Полынцев ощерился. — А у тебя, значит, за «спасибо» говорит!

— Не за «спасибо», — Зубров являл образец бесстрастности.

Медведев поспешил влезть в разговор:

— Мужики, у каждого урода — своя метода. Короче — спорить не о чем. Главное мы имеем — пленный говорит. Если есть результат одного метода, то не стоит его менять на другой. Особенно в нашем случае.

— Разумно, — проворчал «раверсник» и снова вытерся рукавом. Кровь из разбитого носа и порванной щеки и не думала останавливаться.

— Что-нибудь ещё, Юр-сан?

Зубров пожал плечами:

— Это всё, что успели. Что ещё нужно — спроси сам.

Медведев кивнул и двинулся к пленному. Сзади подтянулись товарищи. Когда до «твари» оставалось несколько шагов, тот

вздрогнул и резко обернулся. Синие глаза метнулись двумя лихорадочными маяками, но тут же погасли, сделавшись тусклыми. Медведев присел рядом. Голое тело в разводах «под хохлому» кое-где уже переходящее в «под гжель» нескрываемо дрожало. Толку от наброшенной куртки было мало. Разве только от ветерка в спину защищало. Вчера промокшие рубашку и свитерок с пленного, судя по всему, попросту срезали, а сегодня надеть куртку на скованные руки не представлялось возможным. Пацана лихорадило. Пальцы плясали от холода. Опухшие губы вздрагивали.

— На вопросы ответишь, Маугли?

Пленный поднял уставший больной взгляд на Медведева, перевёл на вставшего рядом невозмутимого Зуброва, и, получив его одобрительный кивок, облизал губы:

— Да.

Медведев пересёкся глазами с Полынцевым. Тот лишь хмыкнул, пожав плечами.

— Где мы находимся?

— Судя по тому, кто на нас нападает, это Ирада — мир стерв. Один из параллельных миров.

— Кто противник?

— Рукокрылые перворождённые. Рост в зависимости от статуса, но в среднем приблизительно с человека, тело развитое, мускулистое, приспособленное как к недолгим перелётам, так и к передвижению по земле. Существо ловко пользуется деревьями для перемещения в пространстве. Оружие магическое, биологическое и внешний инструментарий. Обычно пользуются всеми вариантами. Отличительной чертой является магическая способность к воплощению металла, то есть его генерированию в любых формах.

Пленный говорил, словно ученик отвечающий экзаменатору. Чем-то его речь напоминала чтение энциклопедии. Михаил подумал о том, что потом, при случае, неплохо было бы узнать бы, где бывают такие справочники.

— Оружие?

Маугли прикрыл глаза, вспоминая, и продолжил, чётко вбивая слова, чтобы голос не дрожал:

— Крылья с когтями, мощные лапы. Метательные стальные перья на крыльях, могут выбрасываться с высокой точностью на расстояние до тридцати метров, как одиночно, так и серией. «Плевок» — выброс на несколько метров сотен мелких лезвий. Мощный челюстной аппарат, быстро разлагающий слюнный секрет делает укус тяжёлым ранением. У некоторых видов есть жало — используется только один раз, после этого особь умирает.

Предпочитают в близком бою обычное вооружение — колюще-режущее. Некоторые виды имеют возможность левитации и прочие проявления, нарушающие физические законы. Кроме этого, стервы отличаются высокой ментальной мощью. Но в этом плане их способности слабо изучены.

— В чём основная опасность?

Маугли поддёрнул спадающую куртку, и хмуро ответил:

— В массовости и фанатизме. Пока не положат врага, не остановятся. Даже, если на этом погибнет всё гнездо. Стервы нетерпимы к любым нарушениям их суверенитета. Постоянно в войне между общинами-гнёздами. Агрессивны. Плотоядны. Пожирают себе подобных.

— Как нам добраться до дома?

— Не знаю. — Маугли покачал головой, поднял глаза. — Я не скрываю. Я просто не знаю.

Медведев усмехнулся задумчиво. Главный вопрос оставался не решён.

— Ладно, вернёмся к нашим баранкам, — задумчиво потёр подбородок Михаил. — Как можно положить этих стерв?

Маугли судорожно передёрнул плечами, помолчал, глядя на костёр. Отозвался в тот момент, когда ближе на шаг подступил невозмутимый Зубров. Заговорил быстро:

— Не знаю. Стратегии битв с перворождёнными я не изучал — это не моя спецификация. Могу только предполагать.

— Валяй, — кивнул Михаил.

Зубров тенью мотнулся назад.

— В теле стерв несколько воплощений энергетических центров. При прямом попадании должны разрываться внутренние связи сущности. Где находятся центры, навскидку не скажу. Нужно смотреть…

— Посмотришь, — Медведев кивнул — в этом свете ситуация становилась лучше. Увереннее себя осознаёшь, понимая, что что-то можешь противопоставить навалившейся силе. — Как бороться с ордой?

— По легендам, — пожал плечами Маугли, — были воины, которые занимались зачисткой подавленных Ирадой территорий маленькими отрядами, но обычно это происходило большими силами… В принципе, стервам не чужды представления о чести и на этом можно играть. Обычно воины захватывали Королеву или другое начальственное лицо гнезда. При угрозе жизни Королевы стервы отступают. Главное, не убить её и не оскорбить — после такого они не отступят, пока не уничтожат противников, или пока всё гнездо не поляжет. А тогда, возможно, начнут мстить другие.

— Гнёзд сколько?

— Не знаю. Наверняка, больше сотни — мир большой.

— Ясно. — Медведев поднялся и посмотрел на товарищей: — Ещё вопросы будут?

— Будут. — Зубров подсел ближе к пленному. — Окажись ты здесь один или в составе слабовооружённого отряда, что бы решил делать?

Медведев кивнул заместителю — хороший вопрос, выверенный. Пленный хмуро уставился в костёр. Впрочем, нежелания говорить не проявил. Задумался — не иначе.

— Попытался бы пробиться к домену, — наконец отозвался Маугли. — Там вызвал бы поддержку. Если бы добрался…

— Хм… Всё занимательнее и занимательнее, — потёр подбородок Михаил. — Домен — это, полагаю, пограничная застава? Где находится?

— Не совсем. Это оставленный по взаимной договорённости на территории противника пост. Некий буфер. Там никого, как правило, нет. Просто центр связи, позволяет контактировать со своей реальностью. Такие посты оставлены во всех смежных мирах. Точно так же, как инорасы в нашей реальности оставляли свои приграничные базы. Где находится ближайший домен — не знаю. Могу по внутреннему компасу предположить направление движения, но не расстояние до объекта.

Медведев кивнул. Вот и ладненько. Теперь появлялась некоторая определённость. А вместе с ней и уверенность.

— А по вызову кто придёт? — поинтересовался Полынцев.

Маугли не отреагировал. Демонстративно замер, глядя в огонь. Только плечи напряглись. «Раверсник» закаменел лицом и сдвинулся к пленному. Зубров тоже на месте не остался — поднялся и вытянулся до звона в оси. Предчувствие грозы всколыхнуло пространство.

— Мужики! — Медведев мгновенно оказался в напряжённом поле между ними. Как раз над пленным. — Хорош! — И приказал излишне гордому и дурному мальчишке: — Ответь!

— Тэра. Пограничный отряд адептов. — Маугли отреагировал мгновенно. Но взгляд от костра не оторвал.

— Так, — нахмурился Полынцев, взглянул на Михаила: — Думаю, решение однозначное — двигаться? — Медведев кивнул. — Тогда пойду я своих собирать. Подтягивайся — поговорим.

Михаил проводил взглядом уходящего «раверсника» и внезапно осознал, что в последнем разговоре перешёл с ним на «ты». Вот так вот незаметно и бесповоротно. То ли обмен пламенными любезностями в кулачном бою подействовал, то ли общая проблема свела, но теперь уже ему стало ясно — Полынцев

«свой». Сволочь, конечно. Но — свой. И это важно. И пленный этот — будь он неладен! — тоже «свой». Потому что есть и «почужее» вокруг. А значит, теперь — все вместе. Потому что — «скинув кожу, уже не влезешь в неё снова».

Медведев повернулся к Катько и кивнул на пленника:

— Этого… Маугли… одеть и накормить, чем Бог послал. Ключи от наручников у Полынцева на прокат возьми. — Командир перевёл взгляд на задумчивого заместителя. — Юра-сан! Отойдём!

Тяжесть в руке явно указывала на то, что перо и впрямь было металлическим. Цельнолитое, идеально симметричное. По краям заточенное до бритвенной остроты, внутри — почти кружевное. Если бы не странная расцветка, то посчитал бы элитным изделием по спецзаказу.

— Нужно захватить. — Зубров подошёл сзади неслышно. — Если дело дойдёт до рукопашной — неплохое подспорье может быть. Да и метать их сподручно. Только хвостовик изолентой замотать и готовый дротик.

— Захватим, — хмуро отозвался Медведев, думая о другом. — По-твоему, Маугли доведёт нас до места?

— Почему ж не доведёт? Если направление чует, то значит — доберёмся.

— Я не о том.

— А, понятно. Думаю, что к полупроводникам типа Сусанина он не относится.

— Зато может явить сверхпроводимость по примеру Моисея!

Старой шутке усмехнулись оба. Зубров посерьёзнел первым:

— Полагаю, Мих, что у него резона нет путать нас. Он сейчас не в лучшем положении.

— Это я заметил, — усмехнулся Медведев. — До сих пор гадаю, чем ты его так застращал. Парень-то явно не из пугливых! Что сделал, если не секрет фирмы?

— Пообещал убить.

— Не оригинально, — пожал плечами Михаил, разочаровываясь.

— Убить чисто при переходе границы в нашу реальность, — Юрий был предельно серьёзен. — За одно то, что не окажется в лабораториях «Р-Аверса», он готов сотрудничать. «За», Мих, а не «из-за»…

— Понятно, — коротко отозвался Медведев. Теперь действительно становилось ясно.

— Есть такие птицы, Мих, — грустно усмехнулся Юрий. — Они в неволе не поют…

Медведев кивнул. Да, есть и такие птицы…

Глава 6
Дорога

Горка круто забрала вверх. Известняковая пыль и крошка под туристическими ботинками от стаявшего снега уподобились манной каше-размазне, скользкой и ненадёжной. Сметанообразная масса с вкраплением мелких камней забила протекторы, и теперь итак неровная поверхность грозила в любой момент предательски уйти из-под ног. Идти стало труднее.

Шаг за шагом, медленно и осторожно.

Взгляд по верхнему уровню, взгляд под ноги, взгляд по верхнему уровню, взгляд…

Маугли двигался, тяжело пошатываясь и неуверенно ступая на особо крутых участках горной непролазности. Лихорадка прогрессировала, появился сухой надрывный кашель, грозящий усилиться. Пленник часто останавливался, приваливаясь плечом к дереву, и отдыхал, подчас даже закрывая глаза от усталости. Он мог себе позволить эту слабость — его никто не торопил, не дёргал, не бил, принуждая двигаться дальше. В моменты остановки вокруг застывали «таёжники», спокойно и даже с некоторым сочувствием ожидая, когда он сможет идти. Возможно, именно понимающие взгляды окружающих заставляли пленника напрягать волю и шагать, ведя отряд по нитке ощущений дальнего зова.

Непролазный кустарник впереди не оставлял шансов. Следовало обходить.

Медведев остановился на пятачке, едва хватившем для того, чтобы укрепиться на подъёме, и обернулся. Идущий следом Ворон задержался в наиболее удачном положении и вскинул голову. Чуть ниже Маугли с трудом одолевал подъём. Сзади его страховал невозмутимый Катько. За его неохватными плечами рассмотреть идущих следом не представлялось возможным. «Катько — это вам не только морда кирпичом, пулемёт и сбруя, это ещё и сто двадцать килограммов злого подвижного мяса!» — посмеивался после знакомства Батон. Как только по шеям не получил…

Медведев взглянул на то, как двигался пленный — не поднимая головы, устало шатаясь из стороны в сторону, цепляясь скованными руками за всё, что могло оказаться опорой в движении. Каждый следующий шаг он выполнял, затрачивая не только физические, но и моральные силы. Но другого пути не было. Внутренний компас, эта странная способность тэра, звал по

направлению в горы. Складывалось у Михаила впечатление, что неглупые люди — или не-люди? — ставившие домен, воспользовались рельефом местности. Сверху-то защищаться удобнее, особенно, когда над тобой открытое небо, о котором за последние восемь часов уже научились мечтать. Главное, чтобы эти размышления оказались правильными. Весьма не хотелось топать ещё несколько километров по высоткам под густыми кронами, скрывающими возможные взгляды стерв.

Маугли ещё пошатнулся, неуверенно перенёс стопу выше и… Медведева прошиб пот. Суровый кашель сотряс пленного, заставив его согнуться. Опора оказалась безвозвратно потеряна. Тело ещё миг боролось с законом всемирного тяготения, а потом, сдалось и, скатываясь в клубок, полетело вниз. Михаил успел заметить, словно в замедленном кино, как вскидывает бледное лицо с искривлённым кашлем и болью раззявленным порванным ртом, как взгляд с утомлённо-безразличного меняется на насмешливый. Мальчишка был даже рад, что спутал карты судьбе… Неловко прихваченная сосновая ветка, обретя свободу, рванулась обратно. Полетели колким дождём хвоинки…

Кирпич навис над обрывом, привалившись бедром и рюкзаком к стволу скрюченного уродца-кедра, кое-как цепляющегося за кручу. Огромные лапищи цапнули ухающее вниз тело в тот самый момент, когда падение уже стало неизбежностью. Катько крякнул, поднатужившись, и потянул наверх. Напряжённый огромным весом, кедр-карлик взмолился протяжным скрипом, оторвал от земли одну лапу корня, но устоял. Маугли стал карабкаться, удерживаясь на поверхности стопами и скованными руками. К тому времени, как подоспел Ворон, здоровущий «таёжник» уже почти вытащил пленного наверх.

Оказавшись на обрыве, пленник только угрюмо кивнул спасителю. Катько также мрачно помог ему встать и молчаливо подтолкнул в спину. Движение группы было восстановлено. Убедившись, что всё под контролем, Медведев пробежал взглядом по кронам. Нигде ни шевеления, ни звуков. Но что-то подсказывало, что противник уже здесь, уже рядом, терпеливо наблюдает в ожидании. И этому «чему-то» капитан был приучен верить.

Когда после долгого буреломного плавания в кустарнике, отряд внезапно оказался на небольшой площадке лысоватого склона, удержаться от привала не оказалось сил. Медведев только рукой махнул, зная, что жест поймут однозначно. Взглянул на часы.

— Двенадцать минут! Две смены!

Зубров, Ворон и пара «раверсников» застыли на периферии группы коленопреклонёнными «Азазелло», выглядывая возможною опасность. Остальные сгрудились в один табор вокруг троицы — Медведев, Полынцев и Маугли. Два командира и проводник.

Фляжки на губы… Испытание жадностью. Глаза прикрыть. Нежность заката. Ветер на лице. Остывает соль. Редкие снежинки целуют холодом. Рождается спокойность…

Горы не терпят суеты. Горы не выносят излишества. Горы не прощают расточительства. Горы, как мерило высоты души. Чем выше — тем человечнее становишься. Но где-то там, за ледяной кромкой, начинает цениться уже не человеческое… Может быть, божественное. Может быть, дьявольское. И нужно быть ангелом — бессердечным и сильным ангелом, для того, чтобы дойти до вершины…

Медведев с трудом оторвался от воспоминаний. Перед глазами всё ещё пылали фиолетовые разломы ледников и сиреневый излом беспощадной горы на фоне тёмного неба, а рядом уже звучало тихое:

— Топтыгин, Толяну плохеет.

Пришлось встряхнуться.

Славян смотрел в ожидании отклика, что информация принята к сведению. Он не ожидал действий. Какие и от кого тут к чёрту могут быть действия, если отряд в такой-разэдакой ситуации, а вся медицина на нём! И если весь его лекарский запас пасует перед простецкой, как казалось вначале, раной.

— Понял, — разлепил сухие губы Медведев. — Движение в центре группы.

Славян кивнул. Собрался передвинуться обратно к полусонному раненому.

— Я могу помочь.

Глаза пленник так и не открыл. Просто высказался негромко, как о чём-то несущественном и нейтральном и снова замолчал. Михаил услышал. Повернулся. Маугли отдыхал, привалившись спиной к спине с Катько. Габариты их настолько не совпадали, что Кирпичу, огромному, по сравнению с незаматеревшим ещё, но весьма внушительным пацаном-тэра, пришлось согнуться, чтобы дать возможность пленному привалить спину для отдыха. Оттого у «таёжника» сохранялся угрюмый вид.

— Что ты сказал?

Голос Медведева отзеркалил безразличные интонации пленного. Маугли открыл глаза и, выпрямившись, взглянул на капитана.

— Я могу помочь ему, Пресветлый, — медленно, с

остановками произнёс он. — Это моя рана. Я могу её остановить… Если пожелаете.

Последнее сопровождалось пожатием плеч, будто пленный не был уверен в том, что его помощь нужна. Медведев сощурился. Переглянулся с Полынцевым. Тот неохотно кивнул и добавил:

— Слышал о таком. Могут черти. Только вот нет гарантий в том, что он рану зашепчет на выздоровление, а не наоборот.

— Это точно. — Усмехнулся пленник и снова закрыл глаза, приваливаясь к спине Катько. — Нет гарантий.

Взгляд Зуброва — краткий, искромётный, однозначный — Михаил почувствовал спиной. Друг не отвлекался от наблюдения, но частью себя присутствовал в разговоре. И это присутствие, воплощённое в беглом взгляде, было для Медведева весомее философских трактатов.

— Помогай. — Кивнул он Маугли.

Пленник, встрепенулся, взглянул на капитана для подтверждения и добрался до лежащего Якоби. Анатолий на его приближение не отреагировал — боль, потеря крови, усталость, да плюс лихорадка. Сложно ожидать от человека с таким ворохом бед обострённой бдительности. Он до последнего шёл на своих двоих, не давая повода группе задерживаться, но, вот, дошёл сюда и рухнул. Спать, спать, спать — зовёт что-то из-под грудины, тянет по вискам сквозняком усталости, холодит и жарит по суставам. Жестокая лихорадка.

Маугли простёр скованные ладони над повязкой. Закрыл глаза.

— Погодь… Сам-то как? — запоздало дёрнулся Медведев.

Пленный пожал плечами и не отвёл рук от повязки.

— Смена.

Славян, Кирпич, Родимец и один из «раверсников» подхватились и выдвинулись из круга. Смена. Зубров по возвращении придвинулся ближе к Батону. Присел, внимательно вглядываясь в руки Маугли, трепещущие над раненным плечом. Заметив тяжёлый взгляд командира, махнул ему рукой — мол, всё нормально, расслабься. Медведева это не успокоило. Ну, не специалист для него Зубров в экстрасенсорике, чтобы внимать его мнению как откровению! Но всё же взгляд отвёл. Для того чтобы не напрягать целителя. Маугли с трудом, будто преодолевая сопротивление тугой жидкости в пространстве, отлепил ладони от повязки и расслабился. Можно было подумать, что он только что не пассы руками делал, а цемент месил. Вручную. Боднул плечо, стирая пот со лба, и повернулся к сидящему рядом Зуброву:

— Воды побольше. И сна. Через сутки пойдёт на поправку, —

и уже Медведеву: — Пресветлый, последствия оружейного наговора я снял… Теперь это обычное рассечение, добравшееся до кости. Рана чистая, заживёт при отдыхе без особого лечения.

— Спасибо, — кивнул Михаил и поймал себя на мысли, что верит во весь тот бред, что сейчас увидел и услышал. Верит! Вот, ведь, воистину — есть многое на свете, друг Горацио.

Маугли дёрнулся на слово благодарности и закаменел лицом.

— Надеюсь, Пресветлый, — медленно проговорил он, — что Ваши молитвы весомы в этом Пределе.

И отвернувшись, выпрямил спину и замер, углубившись во внутреннее сосредоточение. Медведев недоумённо потёр подбородок.

— Мих, — Юра-сан незаметно оказался близко, почти впритык и заговорил шёпотом: — Спасибо — это «спаси бог!». Молитва благодарения, короче. Раз ты просишь Господа помочь ему, значит сам, типа, помогать в ответ на доброе дело не будешь, а переложишь это дело на высшие инстанции. Вот он и надеется, что твои молитвы — Богу в уши.

— Угу. В джунглях много слов, звук которых расходится со смыслом, — задумчиво протянул Медведев и кивнул. В свете данных объяснений многое вставало на места. Кроме одного… — Ты-то откуда знаешь?

Зубров, сматываясь отдыхать, пожал плечами:

— Припомни, о чём Полынцев трындел.

Медведев вздохнул и снова закрыл глаза.

…Горы, горы… Темнеет небо над белой стеной. Темнеют змеи трещин. Темнеет силуэт впередиидущего. Дрожит воздух. Дыхание сдавило виски… Хочется постоянно трогать нос или зажать его и держать так. Но нельзя. Красный шнур в помутневшем сознании кажется истончившейся Летой. Главное — чтобы не кончалась. Где-то там, выше, сходятся её берега…

Время! Медведев открыл глаза, выплывая из омута памяти. Из самого паршивого её омута… Взглянул на часы.

— Подъём.

…С чего вдруг ему мерещится то, что уже давно, казалось, отболело? Что уже пережёвано, оплакано и аккуратными мазками затёрто? С чего бы? Что предвещает эта память?

Поднимались быстро и аккуратно. Уверенными тренированными движениями, выверенными за сотни таких выходов, накидывали рюкзаки, подтягивали лямки, пристраивали оружие. Идущий первым лейтенант Родимцев показал «двигаем!» — и группа потопала. Вперёд и вверх, а там… Не наши это горы. Кроны закрывают полнеба, поди разберись — далеко ли до вершины.

Взгляд по верхнему уровню, взгляд под ноги, взгляд по верхнему уровню, взгляд…

…А ведь именно тогда он решил, что уйдёт в армию…

Счастливое студенческое время. Диплом. Однозначно — красный. Не зря так наяривал последние три года. Однозначно — военная кафедра с отличием и по такой малопригодной специальности, чтобы никогда не задумываться о призыве в армию. И восхождение. Рекорд! Однозначно — мировой. Взять такую вершину без кислородного оборудования! Это будут вспоминать и повторять! Не зря так корячились восемь лет…

След в след. Движение по звериной тропе диагонально, по зигзагу — поворот корпуса влево, поворот корпуса вправо. Впереди в противофазе Катько. Позади — Батон. Взгляд вверх, взгляд вниз… Небо темнеет, тучи опускаются ниже. Мелкие редкие снежинки всё более колко вгрызаются в кожу. Наверняка, ночью опять посыплет. Да и температурка упадёт.

…Эх, брательник. Двоюродный, а всё равно никого ближе не было. Глаза восхищённые, лицо просящее. Мол, два месяца до распределения! Потом — на взвод. Куда ж он тогда?! И больше никогда не получится попасть на такое восхождение! Погоны — это навсегда, а горы… горы — любовь, от которой придётся отказаться. Не лишай последнего шанса, ирод! Я-де, ведь, тоже всегда хотел и готов хоть сейчас!.. А как же командование?!.

Поворот корпуса влево, поворот корпуса вправо…

Маугли не привередничает, ведёт честно, — чувствуется. Останавливается изредка, прислушивается к себе. Вон, какой напряжённый весь — как струна натянутая. А, ведь, ему по сути всё равно — здесь дохнуть или при переходе…

…А как же командование?.. А командование в лице хмурого брательникова папки — по совместительству дяди Жени и полковника ГРУ — кротко крякнуло и махнуло рукой. Но строго посмотрело на племянника: «Ну, Мишка, уболтал ты парня… Головой у меня отвечаешь!» — «Дык!». Посмеялись.

Метнулось что-то меж веток. Или показалось? Вроде тишина… Темнеет, вот и чудится всякое. Солнышко-то уже закатилось, только отблеском по верху крон ещё теплятся лучики. Сметану под ногами прихватило морозцем. Значит, уже ниже нуля…

Взгляд по верхнему уровню, взгляд под ноги, взгляд по верхнему уровню, взгляд…

…Дык… Дык случился на четвертые сутки восхождения, аккурат после самого сложного участка пути. Да базы — сутки, до ближайшей точки — четыре часа. Брательник, уронив руки, висел на верёвке над бездной, уже не в силах подниматься сам. Лицо

запрокинутое и в глазах — темень. Если бы была возможность сразу оказаться в реанимации…

…Если б да кабы…

Поворот корпуса влево, поворот корпуса вправо…

Чувствуется, что вершина недалеко. Крутизна проявилась. Лес поредел. Кустарника стало больше. Опять же валуны странные стали встречаться. Здоровущие лепёшки. Явно не природного происхождения. Возле них Маугли часто приостанавливался и пытался настроиться на дальний зов. Видимо, не простые камешки.

…Через полгода, сразу после диплома, состоялся разговор. Дядя Женя не наорал, не надавал по шеям, не обматерил. Смотрел угрюмо и тоскливо. «Решил, всё-таки…» — «Решил. Рядовым. В горячую точку» — «Рядовым? В горячую? Не позволю. Пойдёшь в егерское подразделение — как раз по тебе. Будешь у меня шляться по лесам и горам, подальше от баз и плацов. И будешь командиром. Будешь отвечать за людей!» — «Дядь-Жень! Я же только что!..» — «Вот именно поэтому я и буду спокоен за тех, кого ты поведёшь»…

Взгляд по верхнему уровню, взгляд под ноги, взгляд по верхнему уровню, взгляд…

Опять камень. Серый в крапинку красного и синего. Сложно даже представить себе состав этого булыжника. Маугли приостановился, ладони опустил на поверхность. Усмехнулся устало. Словно весточку получил от «своих». Знать бы, о чём.

Потом… Потом учебная группа. Среди обстрелянных, прошедших жёсткий отбор «старичков» он один оказался «мажором» не с боевой точки, а с военной кафедры, не с заслуженными погонами, а с бесплатным приложением к диплому. Да плюс характер его медвежий — упрямо-злой. Вот и учили жить гуртом и неоднократно. Понаутирал кровавых соплей, поразмазывал по асфальту. Пока в отряде не появился Зубр. Об угрюмого и простоватого на вид крепыша местные вояки зубы сточили в первый же день. Зашли следом в туалет трое, вышел только Юрий. Остальных через полчаса вынесли. А днём позже по непонятной причине Зубр взял под своё крыло молодого Топтыгина. А ещё через полгода роли поменялись, и он стал его командиром.

Вот такая, блин, вечная молодость…

«Что есть, то уже было. То, что будет, — это только забытый год, вернувшийся назад», — усмехнулся Медведев воспоминаниям.

Лес окончательно разрядился, и в полумгле стала видна вершина и тёмные тучи над ней. И очертания постройки на лысом

плато.

— Домен! — громко оповестил пленник.

И произнёс он это с невыразимой гордостью. Так, как будто отряд стоял как минимум под стенами крепости Камелот, а никак не перед завалом валунов чуть выше человеческого роста. Очертания каменной кучи на голой вершине не внушали уверенности в защитном потенциале домена. Если это сооружение когда-то на заре веков и было воздвигнуто для того, чтобы горстка отважных людей могла продержаться против армии, то теперь от былой мощи ничего не осталось. Да и была ли она, мощь? В каменном круге диаметром метров в шесть?

— И это приграничный пост?! — даже у молчаливого Ворона эмоций оказалось через край. — Мля… Графские развалины!

— Да нее… Це — Великая Китайская Стена, — предположил Катько. — Версия для лилипутов!

— Копи царя Соломона, — отозвался Славян. — Тридцать тысяч лет спустя.

— Хорош. — Прервал перекличку Медведев. — Не на гражданке! Повылезало тут айкью! Что о вас люди подумают?!

Люди, а именно Полныцев, могли подумать о многом. Например, о том, что Медведев обстоятельно набирал себе команду. Под свой характер и уровень общения. А отнюдь не по принципу специализации, как это отражают документы. Да и мало ли что пишется в личных делах. Важно — что слышится. А слухи давно и упорно ползли, что подразделение было создано специально под Медведева высокопоставленным родственником по отцовской линии. Поэтому Михаил недовольно косился на раверсника, словно читал его мысли.

Полынцев задумчиво посмотрел на угрюмого командира «таёжников», потом перевёл взгляд на очертания развалин на вершине и усмехнулся:

— Нет, господа. Это мини-колизей. После нашествия русо туристо облико морале!

«Господа» с готовностью ухмыльнулись. Отношения между командами явно стали упрощаться. Только Зубров почесал кулаком щетину на подбородке и, напряжённым взглядом обежав кроны, подвёл черту:

— Стоунхендж.

Михаил придвинулся ближе к пленному:

— Эй, Сусанин! Это, значит, и есть домен? Там давно уже не делали ремонта. Некоторый косметический не помешал бы…

Пленник боднул предплечье, стирая пот, и устало пояснил:

— Посты создали тысячелетия три тому назад. А территория полностью отошла к Ираде веков пятнадцать как. Тогда домены и

покинули.

— Н-да. За такой давностью связь накрылась медным тазом.

— Возможно, и накрылась. Но маяк-то работал. Может и остальное действовать.

— Столько лет ни одна аппаратура не выдюжит, — покачал головой Медведев, — Всё в труху проржавеет.

— Там нет аппаратуры. Ломаться, по сути, нечему. Главное, чтобы рамка портала связи оставалась цела. Остальное — вопрос биологии, а не механики.

— А активизировать-то сумеешь? — запоздало поинтересовался Полынцев.

Маугли пожал плечами, отвернувшись. Зубров вынырнул сбоку и встал рядом. Почти беззвучно шепнул что-то односложное пленнику и тот нехотя посмотрел на Инквизитора.

— Это несложно, — Маугли попытался улыбнуться разорванными губами, получился насмешливо-злой оскал. — Вся технология поставлена на крови. Если есть тэра — будет связь.

— Угу, — отвернулся Полынцев. Объяснять ему, что пленник общается только из-под палки Зуброва, было не нужно.

— Ну, поглядим, — потёр щетину Медведев и дал отмашку: — Топаем помаленьку!

Потопали.

И даже прошли метров пять, прежде чем…

Маугли, только начавший движение перед капитаном, внезапно дёрнулся и резко обернулся всем телом. И только после этого Медведев услышал крик. Развернулся, вскинул автомат…

Кричал замыкающий группу «раверсник»…

Что-то…

Кто-то?..

…бело-синим полупрозрачным слизняком вытянувшееся из кроны тащило человека за ворот по стволу вверх… Вниз, по морщинам коры лилась тёмно-сиреневая жидкость, смешиваясь с тёмно-красной. Раверсник бултыхал ногами, пытаясь вырваться, и лупил ножом над головой. Всё больше промахиваясь по живому и пластуя по коре. И орал…

Оружие заговорило одновременно, всего на полтакта опоздав за человеческими криками. Но весомо. Пусть не было видно цели, но пространство зелёной громады обложили матерно свинцом так, что крона заходила ходуном. Вдруг завыло, задребезжало на высоких нотах, принуждая бросить всё и, зажав уши, кинуться ничком на землю, скрутиться калачиком и выть в унисон. Пошатываясь, люди остались на ногах — до судорог свело ладони на оружии. Рядом со злополучным деревом, в крону которого медленнее, чем раньше, но также неудержимо, затягивало

человека, всколыхнулись и другие сосны.

Мгновением позже вокруг глухо засвистел металлический дождь. Перья намного меньше, чем те, что на биваке, ударили по людям. Меньше, но злее. Словно град стрелок…

Дук-дук-дук-дук-дук! — забило по земле бешеным металлом.

Справа рыкнул Катько.

Слева охнул Родимец.

«Раверсник», выскочивший перёд своим командиром, с глухим выдохом провернулся на месте, принимая в плечо удар. Полынцев рухнул на колено рядом с упавшим. Бешено водил стволом, пытаясь поймать хоть какое движение, нащупать взглядом мишень — тщетно.

Маугли подскочил к Медведеву и, присев под отставленный локоть, скованными руками рванул пистолет из кобуры. Михаил не стал задерживать — «лишний боец — не лишний». И рядом заговорил его пистолет. Всего в два слова.

— Сука! — Рыкнул за спиной Полынцев.

А пули уже ушли в цель, надёжно пробив грудину «раверсника», уносимого тварями вверх. Тот выпустил нож и обмяк, став похож на перчатку, которой только что отхлестали щёки. Ещё мгновение и его тело полностью исчезло в кроне. Маугли залупил пулю в кущу соседнего дерева, и оттуда посыпались сначала иголки, потом нечто грузное сверзилось, ломая по пути ветви. Это нечто было студнеобразно и почти прозрачно…

Вот тут-то Полынцев и свалил Маугли. Возникнув из-за спины, он сцепленными в замок руки ухнул на сидящего на одном колене пленника. Тот вздрогнул и, обмякая, повалился на землю.

Кто-то прошил удачной короткой очередью крону, и о землю шмякнулось тело мёртвого «раверсника»…

Зубров сосредоточенно гвоздил по соснам. И попадания были явны.

Медведев прошил очередью зашевелившиеся кроны справа и лихорадочно огляделся. До домена метров пятьдесят. Горка крутая, почти лысая — только невысокий колючий кустарник, да россыпь камней, не особо защищающих, но весьма ноголомных при хорошем беге. А здесь… здесь прижало крепко. С крон лупит железом, словно гвоздемётами кладёт ряды. Плотность — как при хорошем граде… А найти прозрачных существ не так-то просто.

Дук-дук-дук-дук-дук! Маленькие дротики высыпали прямо перед ним. Каменная пыль взвилась, словно от падения стайки микрометеоритов. Ближе, ближе…

Полынцев над пленником рыкнул, побелев и осев. Достало.

Медведев проморгался и заметил-таки прозрачно-сиреневую тень в кроне. Влупил полуобоймы от души и, не дожидаясь падения взвизгнувшей твари, рявкнул:

— Валим! К домену!

Неуставная, зато до боли ясная и простая команда.

Бойцы сорвались с места, резво меняясь ролями по ходу движения. Капитан «таёжников» люто оскалился — началась игра в чехарду с взаимоприкрытием!

Полынцев упрямо пытался тащить Маугли. Левая рука с трудом сгибалась.

Подлетев, Медведев молча подхватил пленника с другой стороны. Вдвоём, подцепив пацана за подмышки, в темпе поволокли его от деревьев.

Дук-дук-дук-дук! — гвоздило по земле…

Из-за плеча просвистело нечто большое, мелькнув сиреневым… И вонзилось в грудь вылетевшего навстречу Ворона. Точно над вооружёнными руками. Он охнул, расслабляясь, почти выпуская автомат, сделал ещё пару шагов и осел. Схватился за перо…

— Коля…!

Сталь вонзилась глубоко и верно, рассадив мясо. «Не вытаскивай!» — хотелось ему закричать. Глазам уже померещилось и остриё вырванного дротика и бешено рвущаяся наружу струя, почти чёрная в закатном свете… Но Ворон, расслабляясь и оплывая, уже отнял руку от вонзившегося в тело пера.

Обернувшийся Катько перебросил автомат на спину и подлетел к теряющему сознание. Подхватил. Глухо выругался, напрягая побитое тело. Медведев стиснул зубы — этот Боливар вынесет и двоих. Главное, чтобы не достали…

С дальнего бугорка, почти от разрушенной стены забили автоматы.

Навстречу уже бежал Славян.

Но это оказался последний выстрел тварей.

Глава 7
Домен

Холодом обдало сразу, как пересекли границу чёрных камней. Свирепым, лютым, таким, от которого прячутся по домам, боясь высунуть нос наружу. Только людям было не до этого.

— Колька!

Катько упал на колено и опустил с плеча Ворона. Зубров подстраховал. Привалили раненого к большому камню периметра — контраст белого лица с чёрным мрамором испугал безнадёжностью.

— Кирпич! — Зубров мотнул головой, показав направление. Сам рванул в другую сторону. Катько скинул рюкзак, перехватил автомат и втиснулся в указанную каменную щель, приготовившись к стрельбе. Залёг, уже на месте вытаскивая свободной рукой перевязочный пакет из кармана, зубами рванул обёртку. Впрочем, также поступали и другие.

С тяжелораненым остался Славян.

Медведев сбросил дотащенного с Полынцевым на пару пленного, потом, схватив за разгрузку, швырнул рядового «раверсника», застопорившегося на входе, в сторону ближайшей свободной щели, и рванул к раненому. Припал на колено.

— Коля?..

Ворон не отозвался.

Славян сосредоточенно готовился тащить перо — обколов, обкладывал рану марлей. Посмотрев секунду за тем, как быстрые руки орудуют с бинтами, капитан позвал на выдох:

— Слав? — большего спрашивать не стал.

— Не уверен, — отозвался Славян, не оборачиваясь.

— Понял.

Медведев поднялся, скинул рюкзак и кинул беглый взгляд на окружающее.

Домен изнутри оказался ещё меньше, чем представлялся снаружи. Круг метров десять. По периметру — валуны и завалы. С два десятка больших чёрных каменных столбов в полтора роста, подобных вылезшим из преисподней рогам Сатаны, расположены на одинаковом расстоянии друг от друга — вот уж и вправду Стоунхендж! Картину портят только завалы битого камня. По-видимому, над «рогами» было кольцо своеобразной крыши, да вот за столько лет ветров, дождей и солнца камень в большинстве секторов не выдержал и обрушился. Где-то он лежал огромными

осколками, где-то раздробился в крупный щебень.

В центре защитного круга стоял меньший, способный оборонить разве что двух-трёх человек. Просто три небольших мегалита — вертикальных каменных столбов с метр высотой, и не более того.

Люди уже заняли места и наблюдали за окружающим пространством. Подошёл Полынцев:

— На другой стороне то же самое, — глухо прокомментировал он. В отличие от Медведева, он до конца ещё не отдышался. По левому боку расплывалось тёмное влажное пятно, поблёскивающее в темноте. — Голый каменистый склон метров тридцать, потом лес. Кустарник кое-где. В общем — совсем уж невидимками не подойдут.

— Ясно, — Медведев мгновение боролся с желанием пойти и проверить самому, но потом сдался и сел на камень. Хотелось курить. Хотелось смотреть на Ворона и молиться. Он не стал делать ни того, ни другого.

Люди молчали. Откуда-то было слышно тяжёлое дыхание, откуда-то — скрип металла о камень, откуда-то — шелест щебня под приноравливающейся подошвой или рукой. И — ни слова. И — ни взгляда назад, на центр круга, единственно в котором сейчас были жизнь и сражение. Славян, Ворон и время.

Николай дышал тяжело, прерывисто, с характерным бульканием… Не открывал глаз и не приходил в сознание. Вячеслав, вытащив железку, тампонировал рану. Впрочем, его хмурость могла бы сказать окружающим о том, что медик не просто не уверен в возможности раненого выжить, он убеждён в обратном. Будет сражаться за друга до последнего, но отыграть его у смерти ему не по плечу. Если раненный не попадёт в госпиталь, то… Могли бы мрачность глаз сказать об этом. Но никто не оборачивался, никто не видел, и так чувствовали.

Михаил обвёл глазами периметр. Все на месте, все при деле. Зубров вот только…

Юр-сан мял пальцы, то зажимая, то разжимая кулак. Жест нерешительности. Выбор, который гложет. Таким — с отрешённо-спокойным выражением лица и выдающей напряжение и неуверенность ладонью — Медведев видел друга только пару раз. Один, когда тот признавался в любви будущей жене, другой — когда размышлял, стоит ли подставляться, перед тем, как наплевав на приказ, увести своих ребят с высоты. За час до лавины. О чём так сосредоточенно он размышлял теперь?

Медведев напрягся, безотчётно стискивая автомат, и беглым взглядом обежал периметр. Тишина. Ожидание, но тишина. И тут ему стало неуютно… Что же может происходить такое, если

«железный» Зубров не находит себе места?! Короткий взгляд Юр-сана. Серый, пронзительный. Туда, где хрипло дышал раненый и почти беззвучно то ли матерился, то ли молился Славян. Зубров облизал сухие губы и отвернулся. Не решился! — понял Медведев.

— Топтыгин, — Юр-сан не стал оборачиваться вторично, — этого… Маугли бы поднять. Вдруг поможет… Как Батону.

Медведев переглянулся с сидящим над пленником Полынцевым. Тот сощурился, решая для себя, стоит ли игра свеч, кивнул в ответ и, перевернув юношу-Тэра лицом вверх, стал приводить в сознание. Михаил отрешённо отметил, что капитан «Р-Аверса» применял неизвестный ему метод акупунктуры. Впрочем, метод оказался действенен. Через пару минут Маугли дёрнулся и инстинктивно потянулся к затылку. Руки в наручниках рвано достигли виска — дальше сцепка не пустила.

— Ну, тварь, — Полынцев встряхнул пленного, принуждая приподняться и сесть. Тот, раскоординировано мотаясь, принял вертикальное положение. Из ноздрей тут же закапало.

Медведев тронул «раверсника» за плечо, аккуратно отодвинул, сопроводив тихим:

— Дай-ка лучше я.

Сомнений в том, что Полынцев, только что потерявший бойца, с пленным миндальничать не будет, у него не было, а реакция упрямого тэра на давление была легко прогнозируема. Степан пожал плечами и сделал приглашающий жест.

— Очухался? — спросил Медведев, присаживаясь рядом, пленник в ответ слабо кивнул. — Вот и ладненько. У нас тут убыток. Ранение в грудь. Лёгкое задето. Поможешь?

Пленник с трудом сел, потряс головой, словно вытрясая из ушей навязчивый белый шум, и посмотрел на раненого. Глаза Маугли остались сонными, тяжело жмурясь и напряжённо пытаясь сфокусироваться. Нос кровоточил, не переставая.

— Понусмотрежно, — пленный сморщился и дрожащими пальцами обжал виски. Подержал так мгновение, потом поднял на капитана взгляд и устало кивнул.

Медведеву не надо было объяснять, в каком состоянии может быть заговаривающийся. Но вариантов не было, да и пленник явно выразил согласие с предложением. Капитан подхватил его под мышки и рывком поднял на ноги. Доволок разделяющие два метра и усадил рядом с раненым. Вячеслав посмотрел на тэра и отвернулся — он сделал уже всё, что было в его силах. Вид Ворона не оставлял сомнений в том, что он скончается, не приходя в сознание.

— Славян! — позвал Зубров. — Смени меня!

Маугли прижал к повязке ходящие ходуном пальцы. Сморщился, приподнял плечи, словно прикоснулся к чему-то холодному или противному. Отнял руку и покачал головой.

— Всё. Меня не хватит.

Медведев нервно оттёр оцарапанную в пути щёку. Присел рядом с пленным, тронул его за плечо. Тот тут же дёрнулся, отодвигаясь от руки, затравленно глянул исподлобья — не иначе в ожидании тяжкого избиения. Капитан досадливо чертыхнулся про себя: «Вот, ведь, забит-то стал насколько… Попробуй его теперь растормоши!». И через силу, успокаивая пульс, спросил:

— Как тебя зовут? По-настоящему. А?

Маугли облизал губы и отозвался:

— Всеволод. Из школы Миромира, — и добавил, словно это что-то значило: — Ведомый.

Сзади к пленнику подошёл Зубров, и тот сгорбился в ожидании удара. Инстинкты превыше рассудочности. Сражаться с ними — дело тяжкое. Неподъёмное, когда так истощён.

— Севка, значит, — улыбка у Михаила получалась натянутая, дрожащая, нервно пляшущая. — Вот что, Сев… Попробуй помочь Ворону, постарайся — и проси, чего хочешь. Выполню.

Всеволод из школы Миромира облизал губы и, запрокинув голову, взглянул на Зуброва. Тот опустил ладонь ему на плечо и кивнул. Маугли вздрогнул, задумался на миг, прислушиваясь к себе, и, неуверенно кивнув, вновь потянулся к ране.

Медведев наблюдал за происходящим и пытался остановить внутренний волчок, завёдшийся на всю катушку в миг начала атаки и до сих пор продолжающий бешено вращаться, сверля живот и поясницу. Ему не в первый раз приходилось терять людей. Но привыкнуть к этому невозможно. Боль со временем становится слабее, но когда снова с кем-то из своих оказываешься по разные стороны смерти — вся боль утрат взваливается на плечи невыносимым грузом. Дрожат на очертаниях камней и людских фигур отражённые в памяти лица, слышатся голоса, и ловишь себя на желании позвать по именам. Словно новое умирание вдруг распахнуло дверь Туда, и видишь заждавшихся друзей…

А волчок неостановимо гудел, будоража тело и сознание.

Маугли резко оторвал руки от раненого и тяжело, натужно закашлялся. Сквозь пальцы, закрывшие лицо, широким потоком полилась кровь. Зубров подхватил согнувшегося и оттащил в сторону. Уложил его на бок, снял свою куртку и бросил поверх. Маугли, сворачиваясь калачиком, продолжал сотрясаться в кашле. Зубров обернулся к капитану:

— Пусть поваляется. Он выложился.

— Вижу, — отозвался Медведев.

Он действительно видел. Он да Полынцев. Остальные назад, на центр круга, не оглядывались. Просто — заняты ожиданием атаки. Просто — не верят в чудеса. Потому-то только трое смогли заметить в темноте неяркое свечение от рук. И только они услышали, как сменилось дыхание раненого — от хрипа с бульканьем пополам до тяжёлых вздохов с едва заметным посвистом. Медведев склонился над Вороном и тронул его горло. Кожа горячая. Под пальцами — трепещущая нитка артерии. Придвинулся ближе к лицу. Увидел, как блестят капельки пота на лбу раненого.

Из-за спины вынырнул Славян и плечом потеснил командира. Михаил молча отодвинулся — он уже уверился в том, что чудо существует, теперь настала очередь медика. Славян облизал губы и неловко улыбнулся — убедился. Подхватил автомат и смылся в сторону периметра.

Взгляд побежал по окружающему, заскользил, ни на чём не концентрируясь. Тёмные тучи, скрывшие небогатый ночной небесный свет. В редких прорехах — мелкие брызги звёзд. Силуэты высящихся камней — щербатая пасть дракона, в которой оказались и вырвутся ли — бог весть! В проёмах каменных клыков — ночная гора, и дальше — ниже — сплошное чёрное покрывало отяжелевших от влаги и снега крон. Неровность этого покрывала — как волны в реке — выше-ниже — высоты… Сердце звенело. Сердце хотело выплеснуться наружу. Этому сердцу вдруг стала тесна клетка рёбер и перины лёгких. Медведев поймал себя на том, что самым вопиющим образом улыбается. По-идиотски, детски, наивно, как никогда. Спохватился, собрался, скрыл улыбку в ладонь, взявшись по старой привычке усиленно тереть подбородок. Наткнулся на взгляд Полынцева — задумчиво-растерянный, — снова не сдержался и ухмыльнулся. Хотел подколоть: обо всём на свете знаете, да не всё руками щупали, — но сзади почудилось странное, и он стремительно обернулся. Своей интуиции Медведев доверял.

Зубров, сгорбившись, стоял у высокого пограничного камня и держался за выступ. И веяло от тёмной фигуры неожиданной слабостью.

— Юрка!

Зубров, не оборачиваясь, махнул рукой, мол, всё в порядке. Не поверив, Михаил подскочил, прижал к камню, отодвигая от угрозы сквозной щели.

— Ты что?

Зубров нырнул головой в сторону, скрывая кровь на лице. Не получилось.

— Отстань, противный, — прогнусавил он и упёрся рукой в плечо друга, наклоняясь.

— Тьфу, ты! Чёрт!

Медведев отступил. Нос у Зуброва кровоточил часто. По его рассказам — с того времени, как был сломан, всегда реагировал на напряжение и усталость. В принципе, ничего страшного. Только Юрий после обычно подолгу отдыхал, отлёживался, действуя по принципу дикого зверья: заболел — поспи! Как бы то ни было, на здоровье Юрия кровопотери не отражались — каждый последующий медосмотр убедительно доказывал, что волжанин крепок и здоров духом и телом.

— Да с чего хоть?! — Медведев развёл руками. Никаких сверхнагрузок за последние дни он не ощущал. А уж «железный» Зубров тем более!

— А хрен его знает, — философски отозвался Юра-сан, стряхнул с ладони последние капли и сел возле камня. Устроился: — Посплю я… Минут надцать. Ага?

— Спи, — Михаил кивнул другу и тот мгновенно вырубился. Вот что-что, а засыпать в тот же миг, как появилась свободная минутка, и просыпаться по первому зову, он умел отлично.

Медведев с некоторой растерянностью посмотрел на лежащих. Отнюдь не греющий душу ряд: Ворон, Маугли, Юра-сан… Под сердцем укололо предощущением дурного.

Сзади подошёл Полынцев.

— Однако мальчишка ещё силён, — задумчиво сказал он. — Я предполагал, что мы его вымотали до предела или около того. А ему ещё на такие фокусы сил хватает!

— Он спас жизнь моему человеку, — напомнил Медведев и исподлобья взглянул на Инквизитора.

— Так я же не спорю! — Раверсник расщедрился на ухмылку. — Просто констатирую. Но не забывай, что моего человека он убил.

— Полагаю, что Всеволод знает о противнике больше нашего… — медленно проговорил он. — И вполне мог догадываться о том, какая судьба ждала… твоего человека. — Очень хотелось сказать «вашего», но он сдержался. Однако Полынцев заминку подметил. Взглянул с прищуром, словно прицелился. Медленно кивнул, согласившись. — Вполне возможно, что пацан считал, что избавляет его от мучений.

— Возможно, — усмехнулся Степан, но глаза остались тёмными, злыми. — Но это не отменяет факта его смерти. Ведь ещё могли бы его вытащить.

— Не отменяет.

— А также не отменяет того, что сейчас мы ждём

восстановления «твари» для того, чтобы добиться от него вызова их погранцев…

Медведев пожал плечами:

— Не думаю, что отряд Тэра может прибыть сиюминутно, как Старик Хоттабыч на ковре-самолёте. А значит — плюс-минус двадцать минут рояля не играют.

Полынцев покачал головой, но перечить не стал. Медведев же, убедившись в том, что возражений не будет, оглядел тёмное пространство новой обители. Тьма сгустилась, и в этой темноте камни и люди стали почти неразличимы.

— Батон!

— Туточки!

— В центр. Отсыпаться. Подниму через два часа.

— Есть!

Тёмная фигура вынырнула из проёма и, пошатываясь на неровностях, двинулась к центральному кругу. Медведев оглядел проёмы: «Кого ещё отправить спать? Ну, не „раверсников“, однозначно. Пусть пока… Пока адреналин в крови гуляет. Чай, не уснут».

— Кирпич?

— Ась?

— На задрых.

Катько молча сдвинулся в центр круга.

— Как дела, Игнат? — Подсел к Родимцеву Медведев.

Темнота внизу казалась материальной. Кроны сосен едва уловимо переходили в тучи. И те, и другие были похоже на взбитые сливки. Черничные на чёрно-кофейном торте. Едва светились разводы туч в небе. Горизонт даже не угадывался. Сплошная пелена разводов. Чёрным по чёрному. Авангардизм. Тушь и сажа.

— Да никак. — Отозвался Родимец. — Не видно ни фига.

— Ну-ну…

— Командир, что здесь такая холодрыга, а? Вроде как теплее было…

— Вот Маугля проснётся, и спросим, — хмыкнул Медведев. — Что здесь за аномалия.

— Как-то оно здесь не так, — вздохнул Родимец, поведя плечами. — На мысли всякие наводит… — И бросил выразительный взгляд на капитана.

Медведев кивнул. Отмахиваться от таких сигналов было не в его привычках. Но сказать в ответ было нечего — самому делалось неуютно в пределе чёрных камней. Может, и было это когда-то вполне дружелюбным местом для людей, но лет-то с той поры минуло столько, что даже запах человеческий из трещин

выветрился.

— Ты вот что… Иди-ка спать, Игнат. Подниму часа через два — смените.

— Лады, — выдохнул Родимец и аккуратно, оберегая израненный бок, откатился с места.

Медведев пристроился на холодных камнях. Не смотря на то, что Игнат под себя место уже подлаживал, острые края осколков впивались в тело. Очень хотелось пить, но Михаил запретил себе думать об этом. Впереди было два часа. Всего каких-то два часа. И — дай то Небо! — чтобы спокойных! Краем глаза заметил, что Полынцев последовал его примеру, заменив кого-то из своих людей. Видимо, того, что прикрыл его собой и получил полновесный заряд в тело. В данной ситуации это было правильно. Народа мало, объект странный, мир чужой. Вообще творится чёрт знает что.

Сзади раздалось позвякивание и вслед тут же — шум маленького каменного обвала. Медведев, не оборачиваясь, процедил сквозь зубы:

— Батон!

— А что — Батон?! Пока лежал на этих треклятых камнях — полупопие отморозил. Вот — пристраиваюсь, чтоб не расколоть случайно.

— Толя, ты у нас такой… ммм… нежный, — проворчал Катько с одной стороны от Якоби.

— Как роза майская, блин, — добавил Родимец с другого бока.

— Но-но! — Проворчал Якоби. — Лапы, главное, при себе держите. А то обслюнявлю нафиг!

— Да пошёл ты…

Медведев выразительно крякнул и шуршание и шёпот прекратились. Минуты через две накрыла тишина — заснули.

Тишина и темнота. Холод и покой. Сочетания холодных оттенков в восприятии не добавляли радости. Хотелось думать о чём-то ином, оторванном от происходящего, находящемся в другой плоскости души. О доме. О том, что там ждут… Медведев никогда не мог настроиться на тот душеспасительный лад, который так часто встречал в песнях, книгах и фильмах, где боец на передовой думает о ждущей его возлюбленной, о том, что скоро они встретятся, и начнётся прекрасная жизнь. Что поделаешь — не был мечтателем, хотя, наверно, романтик в нём жил. В голове крутились не радужные картинки будущего, а оттиски уже произошедшего. О многом, о чём хотелось бы, он просто запрещал себе думать, о самых ярких и сильных воспоминаниях — во избежание размягчения сердца. В этот раз

до мелочей, до игры светотеней на простынях и ощущения объёма капелек влаги на шее жены вспомнился разговор в ночь перед отъездом. Нет, он не позволил себе припомнить то, что было до беседы, но напряжение всё равно проявилось в глубине — тело вспомнило само.

Медведев вздохнул и устало улыбнулся. Тогда разговор по душам не получился, срываясь то в спор, то в воркование. Мешали неловкость и недосказанность. Веяло от Наташи холодной отстранённостью. Но, одновременно с этим, она всё пыталась прижаться ближе — и телом, и словами. Искала тепло. Хотела увериться в том, что любима. Ревновала, глупая. О работе выспрашивала. Ох, неспроста… Наверняка, обрадует, когда встретятся. Вот хлопот добавится! Приятных, но всё-таки — хлопот. Он улыбнулся, с трудом растягивая смёрзшуюся кожу, провёл рукой по лицу, растирая, и посмотрел на часы. Прошло почти полтора часа.

От каменных столбов веяло холодом. И это была не иллюзия. Медведев прикоснулся пальцами к зернистой поверхности и ощутил покалывание. Словно замороженный металл тронул. И ещё. Мелкая вибрация. Он почувствовал её только тогда, когда подушечка пальца легла на трещинку. Маленькая щербинка едва различимо ходила ходуном. Ощутив это, Михаил сконцентрировался и понял, что ему не показалось. Камень содрогался.

Впереди, в проёме мелькнул силуэт. Далеко… И неясно — было ли, нет ли? Вот. Ещё раз.

— Внимание. Гости. — Губы едва шевельнулись.

Но Зубров оказался за спиной почти в тот же момент. Пристроился рядом. Выглянул. Подождал, настраиваясь. Тень на земле — пятно мрака, ещё более тяжёлого и густого, чем окружающая тьма — сдвинулось ближе. У этой тени не было обладателя и не было света, его добывающего. Одинокая, мрачная и острая, тень рывками приближалась к домену.

— Не стреляй, Мих. — Ладонь Зуброва легла на плечо, рванулась дальше, перехватывая оружие. Медведев не то, чтоб выстрелить — удивиться не успел. Когда же понял происходящее, изумление накрыло с головой. Зубров вытянувшись в сторону неприятеля, словно доберман, натянувший поводок, весь обратился во внимание. Черты лица заострились, и проявилась в них опасная хищность.

— Не стрелять, — скомандовал Медведев. С точек негромко отозвались.

— Всеволод! — позвал Зубров, и пленник тихой тенью оказался рядом. Словно змея скользнул между залёгшими и

всмотрелся в темноту.

— Нави, — прокомментировал он, разглядев то, что встревожило людей. — Принюхиваются. Но к самой границе подойти вряд ли посмеют. Защита здесь на века ставилась. Выдюжит.

Зубров кивнул и продолжил внимательно вглядываться в тени.

— Какая защита? — с подозрением спросил Михаил. Ну не камни же имел в виду пленник!

— Периметр вокруг домена, — пояснил Всеволод. — Заговор охранения. Обычный, но усилен в тысячи раз. Проход только для людей.

Медведев кивнул. Магия — это неплохо. В свете недавних чудес складывалось впечатление, что колдовство — вполне работающий механизм, основных законов которого он пока не понимает, но в некоторых случаях ему стоит довериться. Например, когда пленник говорит об этом с уверенностью. Но — доверять да проверять! — и Медведев не упускал из поля зрения придвигающуюся тень.

— Кто такие нави? — Спросил Медведев.

— Твари этого мира. Как наши собаки. При сумеречном и ночном свете прозрачны. При дневном — видны, но редко покидают свои лежбища. Ведут ночной образ жизни. Плотоядны.

— Ты как по учебнику читаешь, — буркнул Михаил.

Пленник смутился:

— Ну, по сути, так и есть. Я не встречал раньше этих тварей. Вспоминаю, что написано…

— Изучал? — поинтересовался капитан.

— Да. Только мой уровень познаний оставляет желать лучшего, — Всеволод отвернулся.

Показалось, или смутился?

— Да нам сейчас любой уровень в тему, — отозвался Юрий.

— Не понимаю, — покачал головой Медведев. — Если объект есть — у него есть тень. Если объект прозрачен — то тени не должно быть. Элементарные законы физики.

— Нет, Пресветлый, здесь законы физики не при чём. — Всеволод тряхнул кудлатой головой: — Навь — есть, он не прозрачен, потому и тень существует. Все, как и должно по законам мира. Вы, Пресветлый, различайте — прозрачность и невидимость. Две разные качественные составляющие. Одно показывает состояние существующего, другое — состояние видящего. Одно — в потоке сущего, другое — существенного.

Медведев оторопело посмотрел на рассуждающего. Вроде бы на одном языке говорили, на русском, а понять сказанное

невозможно. Лабиринт слов. Маугли заметил взгляд и поспешил исправиться:

— Навь непрозрачный. Обычный зверь из плоти и кости. Но он — невидим для людей. Это влияние магии на разум. Если у человеческого сознания существует фильтр, останавливающий подобные воздействия, то оно легко будет видеть навь таковым, какой он и есть. Если фильтров нет — то зверь будет казаться невидимым. Нави — хищники. Сами по себе особи слабосильные. Как шакалы. Но охотятся с помощью развитых гипнотических способностей. Шакалы и гиены могут стаями нападать, а нави — в одиночку или парами, но развили в себе дар влиять на мозг разумных существ. А днём, когда спят или отдыхают после охоты, необходимость в этой способности отпадает, и они становятся видимы.

— Ясно, — кивнул Медведев. — Так они разумны?

— В той же мере, как любой иной хищник. Воздействие идёт не на уровне соприкосновенности сознаний, Пресветлый. Здесь более грубая магия, но она вживлена в само естество зверя.

Медведев задумчиво поджал губы: «Грубая — нежная… Да хоть какая! Противно понимать, что некая тварь способна залезть тебе в голову и вбить туда свои правила. Вот это всегда противно. И от командования, и от власти, и от СМИ, и от учительницы в школе… Все чего-нибудь пытаются вложить в твою голову. Чтобы все джунгли думали завтра так, как бандерлоги сегодня! Будь готов! — Всегда готов! Как полуфабрикат. Только добавь воды. Противно. Но тут ещё хуже — никакой возможности отразить атаку на разум».

— Всеволод, — позвал Зубров, — ты бы прекращал «Пресветлому» ликбез устраивать. Шёл бы лучше… своих вызывал.

Маугли закаменел лицом, склонил голову и, едва слышно извинившись, ретировался.

Михаил проследил за его уходом и повернулся к другу:

— Ну и нафиг? Пацан честно отвечает на вопросы, а ты его…

— Он слишком разговорчив, Мих.

Зубров зло сощурился и неожиданно резко подхватил с насыпи острый камень и запустил в невидимую цель над мотающейся тенью. Камень с быстротой молнии пролетел разделяющие метры и ударил в нечто. Раздался душераздирающий визг, и тень заметалась по земле. В лагере мгновенно пробудились спящие. Юрий сплюнул и ушёл к центру домена.

Медведев вздохнул. Что-то происходило с другом. Только вот — что?

Глава 8
Тэра

Нечастые мелкие снежинки, пробивающие темноту серыми искрами, ложились на чёрные камни и тёмные фигуры людей. Тыкались в кожу холодными иглами неловких практикантов. Хотелось плотнее закутаться, взъерошиться и держаться ближе друг к другу — словно щенки на лежанке, с которой ушла сука. Мир, заполненный пронзительным ветром, темнотой и тишиной до немоты, до нежелания делать лишние движения холодил тело и сознание. Но люди щурились в снег, на сведённых от ветра лицах удерживая косые ухмылки и прищуры.

Медведев посмотрел на молчаливого пленника и в который уже раз задумался — если бы он оказался в таком положении, смог ли вот с таким спокойным достоинством принимать выпавшие тяготы? И сам себе отвечал — нет, не смог бы. И дело тут не в том, что не перенёс бы побоев, унижения, усталости и изуверского холода, от которого заступниками были только джинсы да свитер с чужого плеча. Стерпел бы. И не такое бывало. Но он не смог бы оставаться таким… Наивным, что ли? Задичился бы, щерился на каждого подходящего да готовился в любой момент вцепиться в горло. Ненависть и злость — вот та «горючка», которая бы заставляла пламенный мотор биться, а душу, вымотанную в надсадном вое, ещё надеяться — не выжить, так прихватить с собой. Пленник же, кроме боязливой насторожённости да усталой сосредоточенности, не являл никаких признаков внутреннего катаклизма. Он ещё был способен по-мальчишески неловко улыбаться, а не только скалиться, мог пытливо наблюдать за находящимися рядом, без страха боли или сдерживаемой ярости броска, смел беседовать, а не огрызаться. И Михаил не сомневался — духовная мощь юноши была выкована не в песочнице за игрой в куличики. «Храброе сердце и учтивая речь… Если таковы все Тэра — то человечество обречено», — от таких мыслей становилось даже грустно.

Заметно вздрагивая от холода, Всеволод стоял в малом круге и всматривался в небо между центральных камней. Он демонстративно не замечал нервничающих «раверсников», делая вид, что его не волнует факт нахождения под прицелами. А вот Полынцев, в противовес этому спартанскому спокойствию, едва заметно, но всё-таки дёргался, наблюдая за пленником, освобождённым от наручников. Но снятие оков было единственным условием, при котором Маугли мог выполнить

вызов пограничного отряда Тэра. «Щиты», называл он их, «Щиты Солнца».

— Мне нужен нож, — не опуская лица, тихо попросил Всеволод. Голос вздрогнул. Может быть, от непрекращающейся лихорадки, а, возможно, — из-за напряжения.

Михаил потянул из ножен свой неизменный боевой нож, но Юрий опередил. И не просто опередил по времени, но плечом потеснил командира, не то, чтобы не дать ему возможности передать оружие в протянутую руку, не то, чтобы закрыть собой от опасности. Медведев крякнул от неожиданности и отступил. Всеволод обернулся на звук и демонстративно замедленным движением забрал клинок Зуброва. «Чтобы инквизиторы не пугались», — понял Медведев и с досадой вернул нож на место. Попытался обойти Юрия — и тот тоже сдвинулся с места. Попробовал отстранить — безрезультатно.

— Юр, обзор загораживаешь, — прошипел Михаил товарищу почти в ухо.

— Ты выше — через плечо смотри, — почти беззвучно отозвался тот. — Чай, не в театре.

Медведев почувствовал, что закипает. Странности Зуброва, проявившиеся в последний день, на его взгляд, перешли ту грань, где ещё можно их сносить безропотно.

— Юр! — голос остался тих, но теперь в нём явственно лязгнула сталь приказа, — Уйди.

— Черто-с-два. — чуть повернулся для ответа Зубров, — к вооружённому без оков не пущу.

И Медведев растерялся. Никогда ему ещё не приходилось встречать такой отпор со стороны товарища. Да и был бы повод! А то, так, несуразность какая-то! Просто мальчишка с ножом, уставший, забитый, едва стоящий на ногах! К тому же — его уверенно держали не прицеле. Да и толку будет от широкой спины Юрия, если вдруг чего. Ведь, Михаил, не особо задумываясь, полезет в ситуацию сам. Потому что — «если не я, то кто же?». Медведев оскалился и, подсев, подцепил друга за разгрузку. Так был шанс просто приподнять тяжеловесного крепыша и сдвинуть в сторону. Без членовредительства.

Зубров отшагнул назад, подав вес на руки командира, и тот едва слышно зашипел, осаживаясь — запястья больно напрягло на излом в неудобной позиции. Оставалось только присесть да отпустить плотный хват, чтобы спасти ладони от растяжений. Юрсан чуть обернулся и недобро прищурился. Отступать он был не намерен. Медведев сдал назад ещё больше и хмуро выпрямился. Ну, не на глазах же окружающих устраивать разговор по душам! Всё, что происходило до этого момента, оставалось незаметно для

людей, чьи взгляды были прикованы к тёмной фигуре тэра внутри каменного круга. Михаил вытянулся и посмотрел через плечо друга на пленника.

Всеволод, замерев, всматривался в небо, провисающее тяжёлым намокшим балдахином в фиолетовых и тёмно-серых разводах. Словно ждал чего-то. И можно было бы предположить, что нужного времени, но звёзды не просматривались меж туч. Но вот Маугли вздрогнул и коротким движением полоснул лезвием по запястью. Перекинул нож и, не оглядываясь, протянул Зуброву. Как и положено — рукоятью вперёд. В темноте Медведев не видел потока крови, но, помня силу движения, не сомневался, что она быстро орошает землю под ногами юноши. Впрочем, по тэра нельзя было сказать, что кровопотеря или боль имеют для него какое-то значение. Он недвижимо стоял, развернув руку от себя вдоль тела — чтобы не запачкаться. Ладонь в темноте казалось чёрной. Наконец, посчитав, что земля намочена достаточно, Всеволод отшагнул назад, за предел каменного круга. Хотел пережать измазанное запястье, да Полынцев не дал свободного времени. Блеснули кольца «нежности». Маугли нехотя протянул руки. Замок наручников щёлкнул неожиданно громко, так, что услышали все. И «раверсник» отступил от пленного. Всеволод медленно опустил руки и замер, вглядываясь в проём. Лицо его заострилось.

Зубров чуть обернулся к командиру и констатировал:

— Если сейчас не перевязать — истечёт.

Медведев нахмурился. Высказанное другом было логично, но Полынцев почему-то не перевязал рану пленника. Не потому ли, что считал, что «и так сойдёт»? И Маугли восстановится? Что-то было в этом неправильное… Михаил повернулся к Славяну и кивнул в сторону пленного. Вячеслав быстро сообразил, о чём идёт речь.

По примеру тэра Медведев посмотрел на камни. Холодно. Темно. Ветрено. Тихо. Якоби на охране в проёме внешнего круга оторвался от созерцания темноты за пределами домена и, кинув взгляд назад, недовольно поинтересовался:

— Ну и долго мы в «море волнуется» играть будем?

Медведев не успел ответить. Отозвался Зубров. Словно в два слова подал всё сжатое напряжение момента:

— Заткнись, Батон!

Не один Михаил покосился на Юру-сана. Такое глухое напряжение нечасто можно услышать в голосе обычно спокойного человека. Видимо, допекло. Батон заткнулся.

Свечение между камней появилось из ниоткуда. Источник на взгляд не определялся. Более того — свет не выходил за

невидимую границу, оставаясь в пределе каменного круга. Создавалось ощущение, что воздух горит в прозрачной колбе между монолитов сам по себе, не подвергаясь внешнему воздействию. Когда зазвучал голос, Михаил вздрогнул. И не он один.

— Тур Павел, Храм Один*а*-та, Тер*ия*. Назови себя, странник.

Хрипловатый голос, в котором угадывалось сдержанное удивление. Голос, идущий от свечения.

— Всеволод, Храм Ав*и*нья, школа Мирамира, — подавшись вперёд, торопливо отозвался Маугли. — Со мной десять териеев. Есть тяжелораненый…

Свечение стало тусклым, а в пространстве меж камней возникла тёмная фигура.

Тэра оказался стариком. Но проявлялось это только в сухости фигуры да её почти осязаемой хрупкости. Лицо казалось гладким, настолько мелка была пергаментная сетка тонких морщинок, а широкие ладони на посохе не оставляли сомнений в том, что мощи старику не занимать. Волк Павел исподлобья внимательно оглядел круг и опять повернулся к Маугли. Меж бровей старика появилась складка, когда его глаза нашли поблёскивающие в темноте стальные обручи на запястьях юноши. Появилась и тут же исчезла. Старик снова оглядел столпившихся людей, и взгляд его остановился на Зуброве. Нет, лишь задержался. И уже мгновение спустя метнулся дальше. К Медведеву. Старик приподнял брови и тут же склонил голову:

— Пресветлый… Здоровья и силы!

Медведев хмуро отозвался:

— И вам чтоб не кашлялось.

Ответ получился хамоватым, но Михаил внутри только чертыхнулся — по неясной причине встреченные тэра выделяли его среди окружающих, однозначно именную «пресветлым», а он ещё не удосужился выяснить у пленника, чтобы это значило.

— Нам нужно выйти в Предел Людей, — привлекая внимание, быстро заговорил Маугли.

Старик остановился на полуслове, обращённом к командиру «таёжников», и повернулся к Всеволоду. Несколько мгновений молча рассматривал юношу, приводя в смятение внимательным оценивающим взглядом. Потом задумался о чём-то своём. Во всех его проявлениях чувствовалась неспешность и основательность. И это заставляло Медведева напряжённо поводить плечами — именно сейчас важны быстрота решений и стремительность действий. Но встревать сдерживался, чтобы не нарушить какого-нибудь ритуала неизвестной расы.

Наконец, Тур Павел пришёл к удовлетворившему его выводу

о сути Маугли и кивнул:

— Коридор будет открыт из точки сбора. Полагаю, что часа на движение вам хватит?

— Нет, тур, — покачал головой Всеволод. — Мы атакованы. Вокруг домена — кольцо стерв с навями. Возможно нападение больших отрядов. И среди нас нет сильных, чтобы отыскать точку сбора. Нам нужно перекрытие прямо в домен.

Тур Павел поджал губы и нахмурился. На несколько секунд его фигура сделалась расплывчатой, по контурам пошла рябь. «Помехи, — сообразил Медведев, — А, ведь, сперва принял его за материализацию! А это лишь изображение! В любом случае, возможности тэра далеко обогнали наши».

— Пределы не пересекаются. В помощи отказано, — медленно покачал головой тур. — Вынужден повторить. Коридор откроем через час по времени Предела Людей и всего на час. Сигнал точки будет усилен. Удачи!

Изображение потускнело в светлой колбе воздуха меж камней. Всеволод растерянно обернулся на Медведева. Взгляд «таёжника» оставался тяжёлым, а лицо как прежде оставалось угрюмым — рухнула надежда, казавшаяся такой достижимой, но он ни на мгновение не позволил себе выдать то, что творилось на душе. А внутренний мат-перемат слушать кому бы то ни было без надобности. Маугли стиснул зубы и дёрнулся к камням, игнорируя предупреждающие окрики «раверсников».

— Тур! Прошу выслать «Щиты»! Мы вносим Оплату!

Затемнение фигуры приостановилось. Тур Павел молча оглядел растрёпанного отчаявшегося мальчишку, пытающегося докричатся до судьбы, прислушался к чему-то незримому и кивнул:

— «Щиты» выходят. Ждите.

Когда фигура исчезла, а свечение погасло, Маугли тихо осел на землю. И первым, кто подлетел к нему, оказался Юр-сан. Оттеснив нехилыми плечами «раверсников», он присел возле пленника и, закутав его в сброшенную куртку, помог встать. Маугли безропотно принял помощь и, уже поднявшись, вскинул взгляд. Михаил вздрогнул. Тот взгляд — пронзительно-синий, как лёд высокогорья, когда, устав от слепящего искрения, смыкаешь веки и падаешь в снег. Не видеть бы никогда таких глаз и не чувствовать мольбы их отчаявшегося взора. Не издавая ни звука, губы пленника шевельнулись. «Нужно поговорить», — понял Медведев.

Зубров отвёл Маугли на удобную для сна площадку возле каменного столба и устроил там под молчаливое несогласие Полынцева и его людей. Мрачным «раверсникам», чтобы быть

рядом с пленным, оставалось ютиться на груде камней. Впрочем, им уже было не привыкать. Медведев распорядился по охране и оборудованию лагеря и с неудовольствием подумал о том, что строители соорудили домен отнюдь не для долговременной обороны. Не было ни источников воды, ни растений для питания, ни топлива для костра. Только камни, пресловутая магическая граница да отсутствие деревьев, опасных тайным подходом противника. Вот и всё. Наткнувшись на косой взгляд Родимца и, по его выражению убедившись, что и все прекрасно разберутся сами и совершено незачем у людей над душой стоять, Михаил крякнул и вразвалочку двинулся к пленнику. Поднявшийся навстречу Юрий со значением бросил взгляд на Топтыгина и отойдя на несколько шагов к центру домена демонстративно сел лицом к Маугли и замер — ни дать ни взять сторожевой пёс, готовый к рывку на любое неловкое движение. Медведев скривился, но одёргивать не стал.

Закутанный в куртку с чужого плеча, Маугли сидел, плотно прижав к корпусу ноги, и смотрел снизу вверх. Лицо тёмное, заострившееся, круги под глазами. Очи выделяются в темноте, словно горят сами. Каким-то внутренним светом, смесью наивности и решимости. Блестят, пугая синевой. Эдакий шалашик с двумя маячками наверху. Риф в море. Когда Медведев присел рядом, из-под куртки потянулись руки и лихорадочно дрожащими пальцами вцепились в локоть егеря. Улыбка у пленника получилась дрожащая, детская. Такая, от которой больно кольнуло сердце. Словно ребёнка приказали убить. А он сидит беззащитно и всё понимает…

— Пресветлый! Прошу вас..!

Сзади запоздало дёрнулся и окликнул настороженный «раверсник» и Медведев недовольно повёл плечами. Приняв это на свой счёт, пленник тут же расцепил нервный хват и одёрнулся назад. Глаза потухли. Михаил с трудом подавил желание обернуться на конвоира и огрызнуться так, чтобы того смело куда-нибудь в угол.

Юноша смотрел на камни за спиной таёжника и проявлялись во взгляде неприкрытая усталость. Что-то сломалось в нём во время разговора с соплеменником. Нечто, настолько важное произошло, что разрушило внутреннюю ось несгибаемого мужества. И вот теперь мальчишка был готов просить о помощи и пощаде. Не от своих ли ему нужна была защита?

Но начать разговор Медведев решил не с этого. Если оно и так, и все предположения верны, то незачем ранить словами, а если нет — то тем более не стоит об этом говорить.

— Кровь тэра такая магическая штука, что способна

связывать параллельные миры? — Медведев кашлянул и хмуро подумал о том, что ещё совсем недавно такого разговора бы и не было. Ну, что за бред приходится говорить!.. Как будто не он день назад рассказывал Полынцеву о своём взгляде на всю эту кровавомагическую ахинею.

Маугли закутался плотнее в куртку и мотнул головой:

— Не в магии дело. Просто кровь может рассказать всё о человеке. О том, какой он расы. Только это и важно для того, чтобы наладить связь. А «портал» сквозь разделительный поток миров производит сама суть домена. Здесь под землёй сложная каменная конструкция — автоматический блок связи.

— Странно, — Медведев задумался. — Но почему же именно кровь-то? В страшилках-пугалках всех народов кровь — магическая субстанция, ингредиент, придающий волшебство разным напиткам. Вампиры из неё свою силу черпают. Колдуны делают чародейские эликсиры.

Маугли устало откинулся на камень:

— Вместо крови можно было бы использовать и любую другую часть. Мясо, кожу, кость. Просто это нанесло бы больше урона телу. Да и к тому же кровь — жидкость, проще в применении и легче восполнить. Так что здесь обычный прагматизм.

— Хм… Понятно. И достаточно было просто разлить кровь на камни?

— В общем — да.

— Тогда у домена очень слабая степень защиты, — покачал головой «таёжник». — Получается, что любой мог слить кровь с тебя или другого тэра и получить доступ к связи. Ну, если бы прошёл эту вашу магическую границу.

— Не совсем, — неохотно отозвался Маугли. — Вот вы, Пресветлый, можете одним выстрелом завалить… например, вертолёт?

— Э… — Брови Михаила взлетели. — При стечении обстоятельств. Если повезёт… И, если…

— А новобранец только что из военкомата? — Перебил Всеволод.

— Вряд ли. Тут же не только и не столько повезти должно, как нужно знать — куда стрелять.

— Именно, Пресветлый. И здесь также. Достаточно одной капли крови, чтобы изменить реальность. Просто нужно знать — куда и в какой момент она должна упасть.

— Ну, если бы речь шла о последней капле крови, — усмехаясь, протянул Медведев. — А новобранец по незнанию, да перетрухнув, может тебя и досуха выжать.

— Может, — холодно кивнул Всеволод и отвёл взгляд. — Но, чтобы точно найти необходимое сочетание времени, места и состояния сознания, ему одного меня не хватит. Потребуются десятки и сотни тэра. И чем богаче будет их кровь на силу, тем лучше.

Медведев нахмурился. Горечь в словах юноши была неприкрытой. Горечь и ядовитость. Словно обвинил в чём-то.

— А говорят, что вы пьёте кровь, — «Таёжник» примиряющее улыбнулся. Вот уж во что он не верил в байках Полынцева, так это в вампирскую сущность тэра. — Наверное, не правда?

— Любая Правда — это Ложь, рассматриваемая под другим углом, — пожал плечами Всеволод: — Один может кричать — «Луч!», другой — «Точка!», а, по сути, будут видеть тот же объект с разных сторон, — он помолчал, настраиваясь, а потом с неохотой продолжил, — Пьют. Только суть этого отлична от всяческих вампирских сказок. Кровь для нас — сила. Люди обычно этого не замечают, а мы ощущаем. Вот и делимся силой друг с другом, если кому-то нужна помощь. Это восстанавливает раненых и больных, помогает ведунам в сложных изменениях реальности, подчас может помочь докричатся до Бога.

Капитан посмотрел внимательно. Каким может быть Бог тэра?

— И делитесь силой сами, без принуждения? — он давно уже вырос из идеалистических представлений об инстинктивной природе благотворительности.

Невинный вопрос, но каким волчьим взглядом встретил его Всеволод! Медведев пожал плечами — не хочешь, так не отвечай. Пленник отвернулся. Сжался ещё больше, обхватывая ноги руками.

Медведев потёр отросшую за время вне дома щетину:

— Ты что-то сказать мне имеешь?

— «Щиты» придут за оплату, — неохотно ответил Всеволод. — Оставался единственный шанс — купить помощь, и я от вашего имени предложил им платёж.

— Ну, — Медведев потёр подбородок. Оплата его не страшила, ведь «деньги — это то, что переходит из рук в руки и не становится теплей». — Оплатим, конечно. Финансов, естественно, сейчас нет, но дома соберём, сколько будет нужно — это не проблема. Ты, вот, мне лучше скажи…

— Проблема, — тоскливо перебил Всеволод. — Деньги тут ничего не решают.

— О как, — Медведев задумался. — Оружие? Информация?

— Может быть, и так. — Всеволод продолжал пялиться на дальние камни, старательно не глядя на собеседника. — Но

вероятнее всего — люди.

— Оба-на! — Михаил остолбенел.

— Школы после междоусобицы в девяностых ещё не полностью восстановились… — Сглотнув, пояснил Всеволод. — Число воинов в Храмах не доросло до баланса… Люди теперь стали ценностью. Подготовленные или имеющие особую судьбу люди. Наиболее дорогостоящ тэра, но и просто человек, готовый к инициации, тоже будет высоко оцениваться, если имеет значение для жизни или особые способности. Особенно, если он проходил боевую подготовку…

— У меня таких нет, — коротко отозвался Михаил. В голове было пусто и гулко. Мысли, словно летучие мышки, повисли вниз головами под сводом черепной коробки и наотрез отказывались метаться. Просто свернулись крылышками в коконы и тупо глазели на пустоту и мрак вокруг. И тишина.

— Есть, — вздохнул Маугли и спрятал лицо в руки. — Меж ваших людей в кого пальцем не ткни — все будут ценны. Каждый по своему…

Медведев сглотнул и затравленным взглядом пробежался по домену. Нет, можно, конечно, начать строить прикидки — кого отдавать. Но вот только одна беда — он хорошо знал, что не отдаст никого. Даже того же Полынцева с компанией. Даже того же пленника. А уж про своих вообще говорить нечего — никогда и никому, даже Смерти. Вот такая ситуация.

— Я полагаю, что вы отдадите меня, Пресветлый, — трудно выговорил пленник. — Это будет достойная оплата, и… она ничего не будет стоить вам.

Медведев мазнул взглядом по Маугли и убедился, что вздрагивание голоса ему не почудилось — лицо юноши выдавало внутреннее напряжение. Как тот не старался смотреть в сторону, а взгляд нет-нет, да вскидывался на «Пресветлого».

«Боится? Впрочем, есть чего — мы можем не согласиться и тогда плакали его мечты о возвращении к своим. Или он не этого боится?» — подумал капитан.

— Я не решаю такие вопросы. Ты не мой персональный пленный.

— Полагаю, что никого другого спрашивать об этом «Щиты» Одина-та не станут, — невесело усмехнулся Всеволод. — А уж с «Р-Аверсом», вероятнее всего, и словом не перекинутся. Пока «инквизиторы» под вашей защитой — они живы. Если же вы отринете их — рядом с храмовниками они не проживут и мгновения.

— Вот как… — Задумчиво покусал губу капитан.

Становилась понятна лютая ненависть пленника к

Инквизитору. Судя по признанию, тэра давно знали о существовании отряда по борьбе с ними. И ещё — вероятно, «Р-Аверс» довольно-таки серьёзно досаждал Храмам, если о нём были наслышаны и имели намерение не оставлять в живых при встрече. Это многое проясняло и в отношении самого Медведева. Его признавали за старшего в команде, потому что из поля зрения выпадал Полынцев.

— Ну, со «Щитами», думаю, как-нибудь договоримся, — хмуро протянул Михаил. — Возможно, чем другим откупимся. Ну, а не удастся, тогда уж и будем думать о том, кого отдавать. Может, и тебя. Может, и меня.

Маугли дёрнулся и уставился на капитана. В лихорадочных глазах отразилась паника.

— Шучу-шучу, — поторопился Медведев, почувствовав, что сморозил нечто, потрясающее сами основы миропонимания молодого тэра, — Конечно, ты — единственный кандидат. Не вибрируй, — я не против отдать тебя твоим. Постараюсь убедить Полынцева… Это всё, что ты мне хотел сказать?

— В общем, да. И извиниться, что вёл переговоры от вашего лица.

Медведев махнул рукой — забудь, — и поднялся:

— Главное — договорились. Спи, пока время есть.

Всеволод кивнул, плотнее завернулся в куртку и стал устраиваться для сна. Холод в пределах камней стал достигать того уровня, когда кутайся — не кутайся, а всё равно будет пробирать до основания, промораживая до боли в надкостнице. Медведев нашёл взглядом тёмную фигуру заместителя и, зябко передёрнув плечами, двинулся к нему.

Зубров, как предчувствовал — сменил Славяна, отправив того в центр круга отдыхать, а сам присел возле камней на охране. Так он оказался в относительном одиночестве — в ближайших пяти метрах никого не было. Зубров ждал. Сидел молчаливый, настороженный, скупой на движения и хмуро вглядывался в прогал между мегалитов.

Подойдя почти вплотную, Михаил почувствовал, что весь запал на жёсткий разговор прошёл. Только грустно стало. Присел рядом:

— Юр, какого лешего?..

— Обычного. Волосатого, — буркнул в ответ Зубров и расслабил плечи.

— Ты пацану не веришь? Или мне?

Друг задумался и без желания ответил:

— Однако, не вера это… Но самый простой способ уйти от нас — взять кого-нибудь на нож. С его-то способностями —

плёвое дело. А мы выпустим. Зубами скрипеть будем, но выпустим. Сам понимаешь, — Юрий скованно пожал плечами.

— Понимаю. — Медведев нахмурился. Лицо друга оставалось напряжённым, и возникали сомнения в том, что сказанное было правдой. Или полуправдой. Как там Маугли говорил об Истине и Лжи? Под каким углом рассматривать? — А чего разговаривать не даёшь?

Зубров молчаливо оглядел домен, словно убеждаясь, что тихий разговор услышат только камни, и отозвался:

— Ты не думал о том, что Полынцев неспроста за тобой охоту устраивал? Что ты, возможно, неразбуженный тэра? «Куколка»? Что этот пацан ощущает тебя как своего и в момент, когда выпадет возможность, с превеликим удовольствием причастит тебя своей кровушкой?

— Перегибаешь палку, — покачал головой Медведев. — Я бы тоже его ощущал. Ну, или что-нибудь в этом роде.

— Уверен? — усмехнулся Юрий.

Михаил пожал плечами. Уверенность быстро таяла под насмешливым взглядом товарища. Если уж аналитик группы пришёл к какому выводу, значит, так оно и есть. Зубров ошибается редко.

— Юр. Ну, допустим, — сдался Михаил, — допустим, я — «куколка». И Маугля может меня «разбудить». Ну и что с этого? Я-то на это не пойду. А напоить меня кровью без моего желания — знаешь ли, та ещё морока. Уж во всяком случае, не под силам ослабленному мальчишке. Кстати, почему именно напоить? Может, там какой посложнее ритуал нужно соблюсти? А Полынцев… Да хрен с ним! Отсюда выберемся, потом будем раздумывать, как с его крючка соскочить. К проблемам нужно подходить последовательно.

— Угу, — без оптимизма отозвался товарищ. — Насчёт «пробуждения», ты не сомневайся — механизм передачи, наверняка, прост, как у сифилиса. Иначе тэры не размножались бы инициированием. «Куколок» не вот пруд пруди, поэтому эволюционно необходимо, чтобы передача импульса на перерождение производилась наиболее простым и неприметным способом. И никаких тебе плясок с бубном или зажигательных постельных сцен с кровопусканием. Всё проще. И даже малой доли крови в контакте будет довольно. А уж вывести тебя из строя на пару минут… Ну, давай не будем устраивать детский сад с взаимными уверениями в твоей крутизне! Его возможности плюс ваши беседы тет-а-тет — достаточные условия для тесного контакта. А уж от него до инициации один шаг. К тому же с его наивными глазками уговорить тебя на непойми-что дело плёвое…

— Ёмть! — Михаил ощерился. — Да ты в своём уме?!.

— Да плевать, в каком я уме! Не обо мне речь, — хмуро отозвался Юрий. — Я тебя прошу — слышишь? прошу! — быть предельно осторожным! Здесь речь идёт о том, что сейчас ты человек, а одно неловкое движение и уже не-человек. И после этого — адьёс, амиго, и пиши письма из-за стен лабораторий «Р-Аверса»… Тебе это надо, Мих?

— Не надо, — задумчиво ответил он, остывая. — Есть серьёзное «но», Юр… Если его цель действительно моя инициация, то он — гениальный актёр с выдержкой Штирлица. Он ни разу себя не выдал и не сделал ни одного движения ко мне. Всегда инициатором разговора выступаю я.

— Однако, не довод, — отвернулся Зубров. — Возможно, он на твоё подсознательное воздействует? Если тут собаки мозги редактируют, то что может подготовленный человек?

Медведев пожал плечами. Не убедил. Но заставил задуматься.

— О чём, хоть, говорили? — наконец, поинтересовался Юрий. Михаил вкратце пересказал диалог.

Зубров хмурился, щурясь на снег и недовольно поводя плечами. Потом вздохнул:

— Жаль пацана…

— Почему? — Удивился Медведев. — К своим вернётся. Разве не хорошо?

Юрий покачал головой:

— Нет, Мих, не хорошо. Нет, хорошо, конечно… Но не то «хорошо», что могло бы быть. Вот он и выбирает, чтоб хоть как-то.

Снег укрупнился. Уже не маленькие, едва приметные искорки летели с небес, а серые комья, больше напоминающие тополиный пух. Только обжигающе холодные. Они летели крупными сгустками и тяжело плюхались о поверхности, сплющиваясь и неровно смазываясь по краям.

— Скоро ветерок прижмёт, — хмуро напророчествовал Зубров. — Тучи бесятся… Сейчас опустятся пониже и нехило накроет. Ещё пожалеем, что здесь сидим. Голый камень под жопой, над головой — хлябь, и скрыться некуда.

— Да уж, — зябко поёжился на прогноз друга Михаил. — И чего мы тут окопались? Надо было топать! Если точка в пределах часа пути, то добрели уж как-нибудь… А?

— Нда, — усмехнулся Зубров. — И только сейчас опомнился! А теперь уже поздно метаться. За прошедшие часы стервы на подступах такое, поди, развернули. За здорово-живёшь не прорвёмся однозначно. Не с нашей подготовкой и не нашим боекомплектом. Тут посерьёзнее калибры нужны.

Медведев насупился. В этом свете картина становилась мрачной. Глухо тукнуло сердце, когда подумалось, что, вероятно, Всеволод действовал в своих интересах, докладывая на далёкий пост «Щитов» о тяжелораненом в отряде, невозможности двигаться и отсутствии чувствования точки сборки. Не так уж всё и плохо было… И, наверняка, могли они двигаться, и направление бы правильно определили. И, если бы он задумался раньше, то отряд уже давно выходил в ущелье родного мира. Были бы дома…

— Того… «раверсника» бы забрать… Которого убили у кромки леса, — нахмурился Медведев.

— Вряд ли, — тихо отозвался Юрий. — И стервы его утащили подальше, и «щиты» не захотят рисковать шкурами ради тела не своего человека.

— Пожалуй, ты прав. Но обидно чертовски.

— Да. Плохо помирать вот так, но ещё хуже вот так покоиться…

Замолчали. Медведев достал пачку и закурил. Красный огонёк сигареты — маячок тепла в серой карусели снега.

— Вон. Топают, — кивнул на тропу Юра-сан, — Поднимай своего Мауглю.

Михаил выглянул в проём между камней. Сверху было хорошо видно лоб высотки и качающиеся вдали тёмным облаком под серым покрывалом кроны деревьев. Из-под них в полной тишине и потрясающем спокойствии группа вооружённых людей уверенно выдвигалась в направлении домена.

Глава 9
Бой

Снег полетел гуще. Ветер стал прижимать. Порывы чёрно-белой мешанины влетали в каменный домен и теснили дыхание, забивая лицо холодной массой. Люди щурились исподлобья и отворачивались в поисках нового вдоха. Снег налипал на одежду и кожу, не торопясь таять. Холод пробирал до костей. Мало того, что слои тканей не спасали от пронизывающего ветра, так и ещё и незащищённые ладони и лицо морозило. Белым покрыло землю и даже самым уставшим стало не до сна. Люди быстро группировались в наиболее сохранившемся секторе каменного убежища, недоверчиво смотря на новоприбывших. Лишь Маугли кротко сидел меж двух обрушившихся валунов, сжавшись во взъерошенный ком и пряча глаза от пришедших. Его потряхивало. Катько принёс пленному тент и помог закутаться — хоть какая-то защита.

Первым заслон доменных камней преодолел рослый мужчина, с небрежно лежащим на предплечье автоматом. Из-под серого брезентового костюма был виден воротник тяжёлого поларового свитера, поверх хорошо подогнанного анарака лежала до упора забитая разгрузка, брюки утягивали высокие горные ботинки, а за плечами висел штурмовой рюкзак, с друх сторон клапана которого торчали рукояти тесаков. Огляделся, быстрым взглядом обежав по людям, и уверенно двинулся к центральным камням. За ним зашли и остальные — такие же подтянутые, так же основательно снаряжённые.

Первый снял перчатку и положил ладонь на верх камня, поводил, словно притираясь. Снег под рукой быстро протаял, и стало видно, как пальцы входят в сглаженные углубления.

— Тур Яромир, — сказал первый, наклоняясь почти к самому камню. — Мы на месте. Присутствие тереев подтверждаю. Роняйте шторы.

Ответа он не ждал — отодвинулся, отрывая ладонь от камня, и повернулся к своим. Один из тэра подступил, кивнул на севшего невдалеке на камни подростка:

— Ведущий, Талик просит несколько минут на настройку.

Тур Яромир кивнул:

— Время есть.

И повернулся в сторону людей, молчаливой угрюмой кучкой застывших в одном углу домена. Беглый взгляд окинул стоящих и уткнулся в Медведева. Тур прищурился, рассматривая, и степенно

кивнул, приветствуя. И двинулся навстречу. Михаила словно толкнуло в спину — шагнул вперёд.

Для разговора им потребовалось встать почти впритык, иначе бы пришлось орать, чтобы перекричать порывы ветра, периодами бьющие по ушам раскатистым гулом.

Командир отряда «Щитов» на вид был молод, ему вряд ли исполнилось чуть больше четвертака. Но малоподвижный корпус, литые плечи и уверенный взгляд сощуренных глаз говорили сами за себя. Медведеву стало неловко рядом с ним и он сильнее распрямился. Нечасто приходилось встречаться с людьми такой комплекции. Вроде бы не гигант, как Катько, но, в то же время, крепость прокачанных мышц и тяжёлый костяк создают впечатление неслабых габаритов. А уж на таранную мощь и упругую взрывную силу в таких телах Бог не скупился. Но главное ощущалось, когда глаза встречались с взглядом Ведущего. Столько в них было уверенности и неприкрытого превосходства. Такие глаза были равно щедры и на презрение, и улыбку. Богатство искушённого. В его-то годы! Это и напрягало.

— Яромир. Ведущий Тур Одина-та, — представился он, со спокойным интересом оглядев вставшего на пути капитана «Тайги». Тот, кашлянув, протянул руку в ответ:

— Михаил. Командир егерской группы.

Брови Ведущего приподнялись. Уж, что его так удивило — имя, звание или протянутая рука — Медведев не понял. Впрочем, Ведущий долго выражать удивление и держать паузу в жесте не стал — освободив из-за ремня автомата, двинул ладонь навстречу. Горячая кисть почти опалила заледеневшую кожу «таёжника». Медведев руку тура щадить не пожелал. Тот в ответ тоже не постеснялся.

— Ну, что? — спросил Яромир. — Договариваемся об Оплате и идём?

Михаил молча вгляделся. Смеётся? Но нет — Ведущий остался спокоен и уверен. Видимо, действительно считал происходящее делом обыденным. Медведев кивнул, соглашаясь со сказанным — своя логика в его словах, несомненно, была. Что ещё делать, как не договариваться и идти до дома? Разве не для этого их вызывали? Кольнуло то, что ведущий тэра вместо ознакомления с обстановкой, начал торговаться, но, кинув взгляд на команду тэра, капитан понял, что напрасно засомневался в пришедших — вооружённые по последнему слову техники и снабжённые каждый внушительным арсеналом холодного оружия, бойцы неспешно, но уверенно заменили его людей. С такими и из топора кашу сваришь, и из лопаты — борщ.

Полынцев беззвучно появился рядом. Склонил голову в

молчаливом сухом приветствии. Ведущий Одина-та кинул на него взгляд, зацепился взглядом, молча оглядел «раверсника», и, не сказав ни слова, отвёл потемневшие глаза. Понял, с кем придётся иметь дело.

— Кем расплатишься, Пресветлый Михаил? — С чуть заметным похолоданием в голосе спросил Ведущий.

— Ты ещё Преподобным назови, — буркнул Медведев. — Или Пресвятым великомучеником.

Тур усмехнулся:

— Лады! Без званий. Ну, так на кого сговариваться будем?

— Яромир… — Медведев нахмурился, недовольно повёл плечами. — Я своих людей отдавать не хочу.

Ведущий задумчиво склонил голову набок и от холода сунул руки в карманы.

— У тебя есть что другое? — поинтересовался он.

— Не знаю. Может, ты подскажешь — что заинтересовало бы?

Посмотрел на тэра прямо. И тот отвёл взгляд. Видимо, достаточно оказалось в глазах Михаила всего того, что было на сердце. Да и самому тэра хватило такта и понимания. Может, и сам когда был в похожей ситуации.

— Ну. Не хочешь своих — отдавай этих, — скупо улыбнулся Ведущий и кивнул на «раверсников».

Полынцев ощерился, но возможности ответить Медведев ему не дал. Рукой остановил движение бывшего неприятеля и покачал головой:

— Это тоже… мои.

Яромир пожал плечами:

— Тогда вариантов у тебя нет. Двое переходят ко мне и можно двигаться.

— Двое?! — горло перехватило на вдох.

Тэра удивился:

— А ты полагал меньше?

Михаил сглотнул. Какой тут к чёрту прорыв к погибшему! Живых бы с такими расценками вывести!

— Тур, — сбоку вынырнул пожилой боец. — Нави сбиваются. Стервы готовятся к броску.

Яромир кивнул. Сквозь чёрно-белую мешанину нашёл взглядом кого-то из своих в круге, махнул рукой, подавая им известную команду. Группа пришла в движение, приготавливаясь к уходу. Медведев с интересом посмотрел, как вооружённый мало ли не на революцию отряд, быстро перестраивается, тактично, но неумолимо оттесняя его людей в центр. Лишь двух человек не затронуло движение. Низкорослый тонкокостный подросток с гривой длинных сивых волос, лохмато спадавших на лопатки,

сидел, обняв колени, и не двигался. Возле него монолитом готовности застыл немолодой тэра — по виду, опытный и опасный боец.

— Да. Я полагал меньше. За указание дороги грешно просить две жизни, — глухо отозвался Медведев. Полынцев по правую руку бесшабашно усмехнулся чужакам. Зубров, вставший у левого плеча, согласно кивнул.

— Не за указание, — поморщился тур и оттёр рукавом налипший на лицо снег. — За вывод из чужой реальности. А в условиях приграничного конфликта это много… Смущает, что мы сюда шли, как на параде? — Он хмыкнул, когда капитан кивнул в ответ. — Так сюда нам коридор трое магов обеспечили! А вот отсюда — своими силами.

Михаил тоскливо обернулся и вновь нашёл взглядом подростка. К тому уже подошли двое тэра. Сивый неторопливо поднялся и протянул руки. Один из бойцов тут же подставил слепому мальчишке плечо. Другой вложил в тонкую цепкую ладонь фляжку. Мальчик прижал горлышко к губам и начал жадно пить. Из края рта покатилась чёрной бусиной капля, заблестела в темноте влажная полоска на коже. Кровь.

Медведев стиснул зубы.

— Я отдам одного, — сказал капитан, обернувшись на Ведущего «щитов». И так сказал, чтобы понятно стало, что иного от него можно не ждать.

— Надеюсь, подготовленного, — проворчал Яромир и покосился на Зуброва.

— Вот он, — указал Михаил на сидящего Маугли.

— Недоделок? — Яромир поднял брови. — Смеёшься?

— Мне больше нечего дать.

Хочешь — верь, хочешь — не верь. Торговаться он не умел, врать — тоже.

Ведущий внимательно посмотрел на него. Потом, наклонившись ближе, чтобы не растерялись слова на ветру, медленно проговорил:

— Один недоделок и… твоя кровь. Меня такая цена устроит.

Вот когда напряжение достигло апогея! И вроде — нет прямой угрозы, но так произнёс предложение ведущий тэра, что сразу брюхо свело в холодный монолит. И не понятно с чего, но словно почувствовал такую опасность, что был бы зверем — вздыбил бы загривок. А так… Побледнел разве только. Да в таком месиве снега разве это заметишь. И хорошо, что не видно. Что только сам можешь ощущать, как отливает от щёк и как смерзается в гримасу выбора кожа на лице. Зубров придвинулся вплотную и зло зашипел на ухо:

— Не смей! Даже не думай! Не думай!

— Согласен!

Ответ получился резким, больше похожим на рявканье приказа. И потому услышали все.

Яромир задумчиво посмотрел на напряжённого Топтыгина, на беззвучно матюгнувшегося его помощника, на поднявшего взгляд зажавшегося Маугли, кивнул и отодвинулся к своим. Сделка состоялась.

То, что случилось после, Медведев предугадать не мог. И остановить — тоже. Крутнулось пространство пред глазами смазанной панорамой — всегда спокойный и флегматичный Юрасан развернул его за плечо и, подцепив за разгрузку, шибанул спиной об камень. Только сгруппировался и выдохнул выдавливаемый ударом воздух, как друг подлетел, схватил за грудки и зашипел в лицо:

— Ты сдурел?! Ты хоть соображаешь, подо что подписался?! Кретин на мою голову!.. Ты понимаешь, чего нам это стоит?! Что в это вложено?!.. Долбоящер!

Зарычав, Михаил вцепился в локти друга и, срывая их, с душой двинул коленом вперёд. Нна! Без дураков, серьёзным боевым движением. Зубров, быстро подобравшись, убрал тело из-под удара. Лицо его стало серым. Он отпустил захват, чтобы набрать дистанцию. Не успел. Медведев сцапал его за ворот и разгрузку и, уходя корпусом, со всей дури метнул в камень. Зло оскалился и вдогон добавил — локтем и снова коленом! Лови! Впитывай! Зубров выставленным предплечьем влетел в камень, — голова цела и ладно! — но удары не обкатал. Выдохнул, сгибаясь. Повернулся, пытаясь наладить защиту. Но Михаил торопился: ещё чего не хватало — рисковать! Зная его возможности! Проломал оборону, взял в обхват и швырнул от себя на землю… Нна! Только взглядом проследил — не затылком ли в камни? Юрий тренированно упал на предплечья и перекатился подальше от противника. Но Михаил преследовать не стал.

Ещё горело внутри, бешено выплясывая, яростное пламя безумства, но рассудок, обученный останавливать такие порывы, удерживал тело от уж совсем непоправимого. Медведев молча смотрел на то, как приподнимался товарищ. Насторожено, с готовностью к продолжению. Бедро — колено — ну, вот и на ноги встал, в стойку… А в глазах, размыто косыми белыми полосами медленно тянущегося в ветре снега — ожидание. И — сталь и туман, как при готовности к смерти — своей или чужой.

— Старший лейтенант Зубров! — прохрипел Михаил. Тот не успел отозваться — Медведев не дал, приказав тише и спокойнее: — Займитесь делом…

Мгновение ещё постояв истуканом, Юрий отвернулся и двинулся к бойцам.

«Ну, вот и… плохо, короче… Служили два товарища… ага… Дай жизни, Калуга… Даёшь, Кострома! Обиделся чёрт, всерьёз обиделся…», — Медведев тяжело выдохнул и почувствовал, как загорелись жаром ноздри. Поднёс ладонь — на пальцы закапало. Он стоял, держа ладонь перед собой, и смотрел, как на неё падают капли и снег. Чёрные капли стекались в центр, затапливая линии жизни, а холодные белые комья ложились поверх, закрывая от взгляда мелкое озерцо в руке.

Командир группы «Р-Аверса» оказался рядом незаметно.

— Нда… Горазд ты драться, Михаил, — придвинулся он ближе, чтобы не перекрикивать ветер.

— Уж кто бы говорил, — хмуро отозвался Медведев и, подхватив с земли снег в ладонь, прижал его к носу. — Меня-то приложил на раз.

— Я?! — опешил Полынцев. — Это ты меня положил!

Медведев посмотрел на «раверсника» с подозрением:

— Не понял…

Полынцев пожал плечами и скупо улыбнулся неразбитым уголком рта:

— Ну, вырубил ты меня. Вчистую. У тебя кулаки да колени, что кувалды. Мне и прилетело по самое аллилуйя. Отправил отдыхать.

— Чёрт… — протянул «таёжник». — А мне показалось, что это ты меня…

— Нет, ты! — Полынцев открыто усмехнулся. — Точно знаю — мужики сказали.

— Ну, ни фига себе! — хмыкнул Медведев и покачал головой. Да, бывает же! Сбросил подтаявший красный снег и набрал в ладонь свежий. Опять прижал к носу. Кровь всё не унималась.

Взглянул на своих людей. Ворона спеленали и обвязали, подготовив к переноске. Нести предстояло Катько, Славяну, Родимцу и Зуброву. Батон брался подхватить поклажу раненого товарища в довесок к своей. С одной здоровой рукой и это было не мёд.

Яромир скомандовал своим «на выход!» и люди быстро распределились. А подросток-тэра и его поводырь и страж придвинулись к камням. Сивый положил ладони на чёрные валуны и наклонил голову, прислушиваясь к чему-то неявному. К Медведеву и Полынцеву подступил пожилой боец Одина-та и без слов указал на их место в группе при движении. Оба капитана кивнули и присоединились к своим людям. Заметив подходящего друга, Зубров качнулся и сдал в сторону. Михаил с трудом

сдержался, чтобы не выматериться — как дальше-то?

Маугли оказался рядом. Притихший и присмиревший. Если раньше его несгибаемость ощущалась даже сквозь болезненные подёргивания в каждом движении, то теперь он стал походить на забитого или тяжелобольного. Уставший и затравленный взгляд, напряжённые плечи, локти, прижатые к туловищу — всё вроде бы, как и недавно, но что-то ещё появилось такое во внешности юноши, что говорило о том, что он сломался. «Раверсники» застыли с двух сторон от пленника. Было заметно, что их раздражают взгляды тэра, стоящих поблизости. А «щиты» Одината поглядывали с явным интересом на Всеволода и перебрасывались почти неслышимыми фразами. Словно на светском приёме обсуждали приход того, кого не ожидали — вроде и перекидываются мнениями, но всё стараются, чтоб не особо слышали окружающие.

Подошёл Яромир.

— Выходит пробивная группа. Потом мы. Двигаться тихо. Первые метров двести пройдём невидимками — Талик нас проведёт. — Он кивнул на сивогривого подростка, примеряющего ладони к выбоинам на камнях. — Потом подтянемся к пробивной группе и ввяжемся. Держитесь в центре группы, рядом с Талик — вас магией будут прикрывать от случайностей…

Медведев пожевал губы, нахмурился:

— От каких случайностей?

— Ну, мало ли что прилетит, — усмехнулся Яромир. — Мы сперва по коридору пойдём от домена. Он не плотно зашторенный, как шли сюда, а просто частотный барьер, где стервам некомфортно. Так что, в основном, справляться придётся с навами. А вот потом, почти у самой точки перехода, коридор кончится, и будем пробиваться.

— Ясно, — коротко отозвался Медведев. Если убрать из объяснений магию, то всё действительно становилось понятно.

— Недоделка побереги, — хмыкнул Яромир, направляясь к Талику.

— Постараюсь, — уже в спину уходящему ответил Медведев. И покосился на Маугли. Тот смотрел вперёд, и, казалось, не видел ничего.

Талик оторвал ладони от камней и кивнул Ведущему, незряче определив направление сквозь снег и завывание ветра. Яромир тут же дал отмашку «пробивной группе» под руководством пожилого адепта. Не задерживаясь, тот нырнул в проход меж камней, и за ним, как на привязи, рвануло ещё пятеро бойцов. Сорвались в бег — лишь чёрными силуэтами замелькали за белой штриховкой снега.

Ждать пришлось недолго.

Застучали автоматы. Словно гвозди в гроб — отрешённо, редко, профессионально. В ответ залаяло, завыло, засвистело, пробившись сквозь ветер, ввинтилось в уши — не вытряхнешь, не избежишь, как не пытайся прижаться головой к плечу. Знакомый вой раненых навий. А выстрелы всё частили, кропили свинцом пространство и уже с другой стороны разрезал снежную пелену полувой-полусвист. Медведев раззявил рот, снимая напряжение в ушах.

Врага люди Яромира складывали стопочками, не задерживаясь, словно паяльником по синтетике — остро и неостановимо, — проходили сквозь навий. Уже понятно стало, что «пробивная группа» удаляется, следуя по зачищенному коридору, и стягивает на себя невидимые стаи. Пора бы уже и основному отряду подтягиваться. Медведев покосился на Ведущего. Тот стоял, склонив голову на бок, прислушиваясь к чему-то далёкому, и не торопился давать команду. Михаил сам себе пожал плечами — хозяин-барин.

Только когда напряжение бойцов, ожидающих команды, дало о себе знать лёгкой дрожью, плечи закаменели, а застывшие руки смёрзлись в разлапистые коряжки, Яромир очнулся от раздумья и резко махнул рукой. Двинулись! И сам же первым нырнул в проём. Рванулись!

Центром группы Медведева стал Ворон. Четверо «таёжников» несли пеленгованного товарища, не сбиваясь с ритма. Для тех, кто не один год командно ходит в горы, такая работа — не в новость. Оно и не замечается даже, что ноги ступают одновременно, что отягощённые руки в унисон приподнимаются, перенося тело через препятствия, что плечи однонаправлены. Не замечается и вес. И тела, и рюкзака, плотно прижатого к спине, и автомата, готового к стрельбе… Не замечается — и всё! Словно вырезали из жизни. И оставили только цель. И задачу. Разве что только снег, да тяжёлые площадные удары ветра в бок заставляют подчас сгибаться и сбивают дыхание. Да подчас странно немеют руки… Но и на это — плевать, когда всё сознание, вся душа слитым порывом уже летит куда-то дальше, туда, где цель.

Тэра, окружившие «таёжников» кольцом, шагали, подстраиваясь под идущего впереди Талика. Он и задавал темп. Только Яромир и несколько матёрых бойцов незначительно отрывались от основной массы.

В первое время Медведев был уверен, что их малая сила потребуется, и напряжённо ждал повода. Но вокруг было тихо. На них нави и стервы внимания не обращали. Где-то впереди, всего в каких-то метрах двухстах, гремел бой, а здесь, словно за кормой

прошедшей лодки, были гладь да тишь да благодать. И всё, что требовалось, — не зевать и передвигать ногами.

Всё случилось именно в тот момент, когда он уже уверился, что запрошенная Ярославом цена несоразмерна лёгкости этой прогулки. Воздух вокруг на миг стал вязким, ветром обдал с боков и надавил на тело, щедро осыпав ледяной крошкой. Люди пошатнулись, принимая ударную волну разорванного пространства.

— Круг! — закричал кто-то из «щитов».

Впереди тонко заверещал Талик. Его тёмная фигура согнулась, словно от пинка в живот. Хлынуло изо рта чёрными струями на неровный серый снег.

— Эй!

Маугли возник откуда-то сбоку и, бросившись на Медведева, сшиб его с ног.

Возле горла блеснула сталь наручников. Серое напряжённое лицо напротив.

Мгновенно вспомнилось — тэра, кровь, «куколка», вероятность инициации…

Медведев жёстко вцепился в навалившегося — остановить, упредить, отбросить! Руки заработали, словно пружинный механизм включился — бешено, неудержимо, мощно. Вот уже и переворот, и пленник снизу, крепко прижат к земле. А руки молотят по вздрагивающему телу, по вскинутым скованным руками, молотят — не остановятся.

— Мих! — Зубров схватил со спины за разгрузку и потянул друга от обмякшего пацана.

Совсем рядом в серой карусели снега почуялось тепло, будто от близкого костра. Тронуло кожу на щеках… Он обернулся на ощущение. И тут же завизжало и заходило ходуном пространство, завертелся в вихре снег. А сквозь его мелькание полетели металлические стрелы. Метнулась тёмная фигура — закрыла от стали. Кто это был — человек или тэра — увидеть Медведев не успел.

— Держи!

Медведев почувствовал, как Юр-сан втиснул ему в ладонь сиреневое перо с изолентой на хвосте. Пихнул его в центр группы и отвернулся. Медведев обернулся — на фоне серого снега сгорбился тёмный силуэт друга и замелькали перед ним окровавленные крылья. Зубров дрался. С кем-то почти невидимым за пеленой снега. С кем-то, от кого тянуло теплом и запахом помёта.

Только сейчас Медведев понял, что всё вокруг кипит в котле ближнего боя. Обернулся — люди и тэра стояли кругом, защищая

от крылатых противников, а в центре круга четыре тела на сером снегу: Ворон, Маугли, Родимец, «раверсник»… Успел подумать о том, что Маугли закрыл его собой от стального заряда, скосившего сразу несколько человек перед атакой стерв.

Потом времени на мысли не осталось.

Тёмная фигура в сфере металлического блеска материализовалась прямо перед ним. Успел прянуть в сторону, лишь почувствовав, но не поняв, что за остриё чикнуло по плечу. Шаг назад, два — нога цепляется за что-то мягкое и податливое — и падение на спину! Уже группируясь, рванул пистолет. Уверенно нашёл чёрный силуэт в мельканье тёмных полотен и стального блеска. Выстрел! Два! Три! Фигура согнулась и зло схлопнула крылья с двух сторон от лежащего. Слева и справа по земле чиркнули перья. Морда существа приблизилась, зло зашипела, испугала жутким смешением — серые женские глаза и рот в форме клюва. Клюва, обтянутого кожей.

Внезапно навалившуюся тошноту Медведев сбил единственно работающим средством — заорал и вдарил по склонившейся роже. Визг! Тварь встала на дыбы. Крылья махнули, разбросав снег, землю и кровь. Чёрный силуэт закрыл небо. Снег. Земля. Камни. Кровь. Обсыпало лицо. Михаил, мощно вложившись, ударил ногой в пах существа. Даже, если и нет там особой чувствительности, должна же работать простая механика! Когда существо, чуть всхлипнув, отлетело и согнулось, он опять начал стрелять.

Тварь замотала головой, пропуская пули сквозь себя. Снова приготовилась к нападению.

— Ха!

Зубров появился из серого мельтишенья снега и, одной рукой сгребая и ломая крыло твари, второй смахнул голову сиреневым пером. Войдя как в масло, оно с удивительной лёгкостью расчленило тело.

— Клинком бей! — рявкнул Зубров и метнулся в сторону.

Ситуация стала ясна. Ну, не то чтобы Медведеву сделалось понятно, почему пули не берут этих фантастических тварей, но прояснился главный вопрос — чем же их валить. Там, где современное оружие пасовало, оставалась для серьёзного дела сталь. Михаил ощерился и вскочил на ноги. Теперь он уже сам искал встречи.

Рукокрылая тварь оказалась на полголовы ниже, но почудилась более рослой. Кожистые крылья, увешанные по краям лезвиями, словно юбка оборками, взрыхляли пространство, то открывая, то закрывая тело стервы. Когда они распахивались, стальными веерами проходя по воздуху, тут же в ход пускались

руки — не длинные, но вооружённые стальными копьецами. Вот и пришлось побегать — то перья норовят поделить на части, чертя по воздуху, где только что был, то тычутся острия в новом выпаде! Михаил отступал, нырял в бок, уходя от быстрых уколов, поворачивался, старался задеть. А возможности вернуть стерве перо всё не предоставлялось.

— Вниз!

Нырнул, особо не разбираясь, кому предназначался крик.

Тёмная полоса прошипела над головой и воткнулась в горло стерве. Обернуться и посмотреть на того, кто помог, не успел — сверху спикировала новая тварь, и Михаил снова приник к земле, спасаясь от крыльев. Острое чиркнуло по плечам, когда вращался в сторону. Там же уже стояла ещё одна гарпия. Обдало омерзением от тошнотворного зрелища раззявленной пасти — стерва шла в атаку с боевым визгом. Ввязался — резанул по крылу пером и там набух быстро растущий фиолетовый пузырь.

Стервы прижимали. По очереди слаженно нападая, быстро выматывали. Вроде бы и не били на поражение, но мелких царапин накорябали по живому — словно в сеточку разрисовали. Медведев метался, атаковал и чуял, что сердце уже заходится, что руки стали непослушны от порезов и усталости, а тело уподобилось буддийскому колоколу — огромному, малоподвижному, гудящему при каждом ударе. Противницы уже не воспринимались, как что-то особенное и алогичное, просто — объекты, которые надо достать. Перед глазами кружились серо-сиреневые крылья и металлические перья…

— Славян!

Он рванулся к товарищу, уже понимая, что не успеет. Завязший в бою с одной стервой, Вячеслав не замечал пикирующую вторую. Крылья сомкнулись, закрывая из виду сражающихся, а когда разошлись, помощь уже опоздала. Под ударами Славян упал на четвереньки — два тонких стальных копья проткнули корпус.

— Славян…

Хрипя, Славян приподнялся на колени, упёрся руками в пробившие его насквозь жала, пытаясь вытянуть копьё. Гарпия сбила с ног одним взмахом крыльев.

Михаил удачно отмахнулся от нападавшей сбоку стервы и упрямо продолжил двигаться к упавшему товарищу. А возле того несколько тварей спикировали, взвихрив снег, и ожидающе уставились в небо. Оттуда спускалась лёгкая фигура.

В отличие от других, она не была увешана сталью, но чувство опасности от неё веяло сильнее, чем от остальных. Тварь опустилась недалеко от упавшего человека и сложила крылья.

Они просто схлопнулись за спиной в одну тонкую линию и исчезли, словно и не было. И вместо уродливой рукокрылой твари на снегу оказалась обнажённая девочка-женщина. Длинные фиолетовые волосы, хрупкие плечи, упругие округлости фигуры… Михаил успел заметить и тонкие черты лица, и огромные глаза, и пухленькие губы… И упругие соски, и треугольник курчавых волос… Соединение пленительное и жуткое — ребёнок и зрелая женщина! Она тонко улыбнулась, посмотрев на раненого, безуспешно пытающегося подняться, и двинулась к нему. Шаг, ещё один — снег, кажется, даже не примялся под босыми ногами.

Медведев бешено рванулся сквозь вставшую на пути тварь. Успеть! Только бы успеть! Он сам не понимал, какая опасность угрожает Славяну, но чувствовал, что, возможно, только смерть — милосердное избавление для него.

Девочка добежала до поверженного егеря и присела над ним на корточки. Наклонилась ближе. Фигурка странно изломалась, гибко и нелепо, словно не было у неё ограничений в суставах, и сила тяготения не действовала. Она улыбнулась Славяну и тонкими пальчиками взяла его за виски, посмотрела и вдавила затылком в снег. Вячеслав и не сопротивлялся — то ли сил не было, то ли действовала на него странная магия тварей. Губы что-то шептали, но что — молитвы или проклятье — за стеной криков, визга и скрежетания металла и камней не расслышать. Схватив за волосы раненого, человекообразная тварь резким рывком сорвала скальп… Наклонилась ниже, смешно склонив набок голову, словно плохо пришитую, и заглянула в рану. Пухлые губы расцвели улыбкой. Девочка протянула ладонь в небо и в ней оказалась… обычная ложка. Самая обыкновенная. Как в столовой.

Михаил взревел и рванул вперёд. Сквозь всё и всех! Не разбирая — свои или чужие. Перед глазами — вздрагивающий в агонии друг. И всё. Места тварям там не было. Каким-то шестым чувством ещё ощущался Юрий, несущийся следом, летящий сквозь стерв, но не успевающий не догнать, не оттолкнуть…

Славян не кричал. Он корчился. Но тонкая хрупкая ручка на лбу удерживала голову неподвижной. Пока ложка зачерпывала что-то сочащееся паром из раны. Пока пухленький рот хватал эту жаркую пищу. Пока тварь торопливо глотала…

Одна стерва. Вторая. Третья. Перо в руке норовило выскользнуть от жаркой липкой жижи. Визг звенел в ушах. Вокруг метались крылатые тени. Но спасало только одно — масса Михаила была велика, а острия на крыльях уже не пугали, на ранения же попросту он плевал — и сбивал встающих на пути стерв.

Девочка остановила ложку на полдороге, подняв изумлённый взгляд на рвущегося к ней человека. Зрачки оказались красными. Радужка — нежно-васильковой. И в этих глазах медленно проявлялся ужас. Тварь заверещала, отскакивая от трупа, и рванулась за спины сдвинувшихся стерв. Медведев, пролетев в прыжке над мёртвым телом, сшиб с ног нескольких защитниц, всем весом ломая выставленные крылья. Напоролся на сталь. Проломил. Сшиб стерв, прокатился дальше, снова вскочил на ноги и успел! Успел-таки схватить убегающую тварь!

Медведев, яростно рыча, сжал извивающее тело. Хотелось рвать, хотелось грянуть оземь, хотелось совершить что-то такое страшное, чего бы самому потом пугаться! Девочка всхлипнула и обмякла. Милое личико побелело. Кукольная голова на тонкой шейке свесилось на бок, а потом и вовсе отвалилась. И покатилась под ноги замершим в панике стервам.

Словно сон. Кошмарный сон, навалившийся внезапно после тяжёлого дня. Сон, в котором увяз и никак не выбраться, даже осознав, наконец, что всё происходящее — не реальность. Тут правят иные законы. Так что ж — пытаться удерживать рассудок в узде бывшего понимания действительности? Или сойти с ума в бешеном кружении невозможных событий? А что ты есть — действительность — как не попытка сумасшедшего договориться с другими сумасшедшими о тайных знаках? Что ты есть, как не азбука сознания, не бессмыслица общепринятых слов и сутей, не иллюзия реальности абстракций, не…

Медведев захохотал, прижимая к груди обмякшую тряпичную игрушку. Быстро истлевающее тело таяло в руках. А он хохотал, не в силах остановится.

Стервы бросились молча. Скопом.

Слева оказался Зубров, а справа — неизвестный тэра… Прикрыли. И после отдыха в четыре удара бешеного стучащего сердца, и Медведев включился в бой. Стало полегче — в тройке воины справлялись лучше — но не надолго. Вскоре стерв прибавилось, и они раскололи группу, не успевшую дать отпор. Каждого атаковало несколько тварей.

Михаил завяз в бою и не заметил, как чёрным силуэтом накрыло небо. Лишь показалось, что в глазах потемнело. И — в волосы, в одежду и мышцы впились стальные когти. Заорал, почувствовав, как режет и рвёт тело стальными крючьями. Забился, безуспешно размахивая клинком над головой. Сдавило виски холодными оковами. Запульсировало в глазах, замелькали круги и искры, стала теряться связь с телом…

— Яромир! Меченный!

Михаил узнал голос Юрия, но так и не понял смысла крика.

Сознание уплывало.

— Щиты!!!

Рёв Яромира сорвал тэра с мест, заставляя бешено прорываться к утягиваемому в небо человеку.

Глава 10
Разговор

Снег. Холод. Тишина. Боль.

Уставшее, побитое и подранное тело не хотело просыпаться, не хотело двигаться.

Он открыл глаза и посмотрел в небо. Там снова бесились тучи. Черничные сливки, взбитые всевышним кондитером. Дома Наташа часто делала торт с черникой…

— Мих?

— Ага.

Только сейчас почувствовал лёгкое одеяло на теле, да выжатую анальгетиками до невралгии боль в ранах. Облизал губы и повернулся на зов. Юрий выглядел уставшим. Раненым, побитым, озябшим. Протянул руку, и тот подхватил, помог приподняться. Огляделся. Мир вокруг не обещал чудес: всё тот же каменный предел, всё те же люди, только подранные и битые, да многих не хватает. Да в глазах что-то иное. Зверское проснулось. А не хватает… Славяна не хватает. Ворона. Родимца. И двух раверсников. Батон спал рядом. Катько сидел неподалёку и заматывал хвосты перьев изолентой. Возле колена уже лежала кучка самодельного оружия. С другой стороны громоздилась груда вырванных крыльев, с которых он аккуратно срезал перья. Полынцев, последний оставшийся в живых из группы «Р-Аверса», устало махнул рукой на скупой кивок. Яромир даже не обернулся на взгляд. Молча сидел на камне и что-то теребил в руках. Рядом с ним застыл на коленях воин, не оберёгший Талика. Не иначе — ждал решения своей участи.

— Ворон? Родимец?

— Не вышли, — коротко отозвался Зубров.

Ворон оставался без сознания, когда началось сражение, Родимец был одним из тех, кто защищал его. Живыми или мёртвыми остались на горной тропе люди? — он не знал. Вспомнил гибель Славяна и до скрипа стиснул зубы.

— Я не успел к Славке… — Понял, зачем Маугли убил захваченного навями раверсника и внутренне поблагодарил его за это. На память тут же пришла короткая борьба с пленным тэра. Дёрнулся: — А Всеволод?

— Вышел, — кивнул Юрий: — Не вибрируй — цела наша оплата. Вон, за Катько лежит, отсыпается. Ослаб.

Сил приподняться и посмотреть не оказалось. Медведев расслабился и вяло кивнул.

— Я не за оплату беспокоюсь. Он меня вроде как прикрыл… получается.

— Получается.

— А мог этого не делать…

— Мог, — опять согласился Зубров и перевёл разговор: — Тебя подлатали, насколько сейчас возможно. Целитель тэра убит, так что на большее рассчитывать не приходится. Дойдём до наших, уж тогда… — он замолчал.

— Дойдём, — тихо ответил Михаил. — Должны дойти.

Юрий смахнул с лица снег и отвернулся. Медведев закрыл глаза. Кольнуло под сердце понимание того, что друг ни на грош не поверил оптимистическому прогнозу. Впрочем, попытавшись двигаться, он и сам задумался о том, насколько далеко желаемое от действительного. Тело ответило болью и вялостью на команды. Раненые мышцы жгло, проявлялось ощущение стягивания на местах порезов и уколов. Вспомнил, как летели навстречу сиреневые острия… Вероятно, то, как его подлатали — одно из чудес, являемых миру с периодичностью раз в жизнь.

— А ведь я просто мог застрелить его, — потерянно прошептал Михаил, внезапно снова увидев перед глазами умирающего Славяна: — Но — не сделал этого… Понимаешь? Просто не подумал об оружии… Но пули же не берут только стерв! Людей же могут!

— Могут, — устало согласился Зубров. — Да и стерв тоже могут — тэра их и клали пачками. Только люди не видят, куда надо стрелять. Стервы это ж всего лишь иллюзии. А какие они на самом деле скрыто от людей гипнотической установкой, унаследованной нами от предков. Мы видим человеко-птицу, а, каковы твари на самом деле, могут разглядеть только подготовленные тэра. Не просто тэра, но — адепты, типа этих вот «щитов». Они проходят специальную подготовку и их сознание стойко к различным влияниям извне. Потому они и навий видят, и у стерв зоны поражения определяют…

— Ты мне зубы не заговаривай! — Медведев лихорадочно приподнялся на локте. — Психолог, растудыть! Ты мне скажи — почему я был ближе всех к Славке и не смог? Почему?

— По кочану и по капусте, — вздохнул Юрий. — Инерция сознания. Вцепился в нож и обо всём забыл. Бывает. Тем более, что и винить себя не за что — ты и не знал, чем закончится и кроме тебя рядом были тэра и не отреагировали…

— Мог! Мог же! — Михаил стиснул зубы и снова рухнул. Упёрся взглядом в круговерть черничных туч в небе.

Зубров нахохлился, устало поднял воротник и стёр снег с лица.

А Михаил готов был живьём сжирать себя за потерю.

Юрий потёр заросший подбородок и вздохнул:

— Однако, ты убил Сирина.

— Кого?

Юр-сан усмехнулся:

— Да-да, её самую. Сладкоголосого божка с лицом девицы и телом пташки. Ту, что живёт по поверьям в верхнем Ирии, вроде неба такого, и иногда слетает вниз, чтобы заболтать парочку-другую человек.

— Наши миры соединялись раньше?

— Думаю, предки просто шлялись, где не попадя. Тогда хватало Иванов-дураков на душу населения, — пожал плечами Юрий. — Предки наши не были настолько наивны, чтобы важные знания просто так разбазаривать да пускать на самотёк. Ты ж знаешь — даже самые значимые события забываются народом через поколение. А сказки — хороший способ вдолбить в совершенно юную, ничем не испорченную головёнку нужную информацию. Не этой головёнке, так следующей, обязательно пригодится. Вот и пригождается.

— Ты сегодня блещешь, Цицерон, — хмуро прокомментировал Михаил.

— Потерпи ещё немного, Пресветлый! Тебе ещё предстоит целую лекцию услышать. — Хмыкнул Юра-сан.

— Ну, валяй. Жги, прохфессор.

Юр-сан и «зажёг»:

— Однако, устройство их гнезда напоминает муравейник. У каждой особи свои обязанности и права, одновременно с этим — особое обличие и возможности. Сирин — что-то вроде интеллектуального дворянства у стерв. В устройстве их общества — уровень, совмещающий в себе обязанности интеллигенции и бояр. По идее — сословие меж средним и высшим классом. В воинском деле — ни черта не стоят, хрупки и уязвимы, но более других способны к гипнотическим воздействиям. Далее следуют Гамаюны — глашатаи личной воли Королевы и её внебрачных подруг. Выше Алканосты — что-то вроде генералов и телохранителей. Ну, а выше только — подруги Королевы. И, если нам повезёт, то с ними мы не встретимся. На вершине пирамиды Королева, она же птица-Рарог или жар-птица — матка Гнезда. Вот такая петрушка…

— И?..

— Однако, стервы будут мстить за Сирина, — пожал он плечами. — Яромир, во всяком случае, уже ждёт подхода воинов из гнезда.

— А… — Медведев опешил, — а мы с кем схлестнулись?

— С охотниками, — пояснил Юрий, — всего лишь с охотниками. Их называли в древности Скопами. Нижний уровень, чуть выше работников-моголов. Воины-Магуры заточены под бой на уничтожение, а не под такие хаотичные облавные действия. Видимо, взять нас гнезду важно, а воины успеть к началу не могли, вот и собрали тех, кто был поблизости, чтобы смогли перехватить и задержать.

— Да… ситуёвина. — Медведев снова приподнялся на локтях и осмотрелся. Тэра с непрошибаемым спокойствием занимались лагерными делами. Только иногда косились в сторону молчаливого Ведущего. Тот всё ещё горевал по Талику.

— Нам не позавидуешь, да…

— Пробьёмся, — хмуро ответил он. — Что ты ещё узнал?

— Ну… Тэры не особо болтливый народец. Сами ни о чём охоты говорить не имеют. А я пока и не определил круг вопросов, ответы на которые могли бы помочь полнее составить картину происходящего, но…

— А покороче? — поморщился Михаил.

Зубров откинулся на камень и сощурившись на снег, бледными кометами чертящий пространство домена, подставил под колкие шлепки лицо. Уголки губ приподнялись, но на улыбку выражение походило слабо.

— Яромир связался со своими, доложил обстановку. Пока никто не воспылал энтузиазмом прислать нам подмогу.

— О-па-на… — севшим голосом отозвался Медведев и рывком сел. Юрий не отреагировал, продолжая так же безучастно:

— Мы оказались далеко за нейтральной зоной. На территории стерв, но не особо-то обжитой. Считай, по нашим меркам — «глушь, Саратов». Десант воинов сюда ещё может пройти незамеченным или объяснимым, но вторжение магов, которые могли бы нас вытащить, вызовет заметные возмущения на границе, а это уже — конфликт, грозящий перерасти… сам понимаешь…

— Угу, — Медведев потёр лицо, посмотрел на ладонь — в неярком свете лоснилась в разрезах плёнка новой кожи. — Значит, выбираться самим…

Юрий не ответил.

Михаил же всерьёз задумался о том, что сны на пятницу считаются «в руку». А сейчас до зуда меж лопатками вспомнилось, что снилось… Изба — не изба, может и гостиница в старорусском стиле, а может и просто допотопный домишко каких-то родственников на седьмой воде с киселя. Жена — Наташка — в сарафане, и с сотовым телефоном на пояске. Люлька под потолком, а в люльке младенец пищит. В комнату

заходят люди. Разные. Живые. Мёртвые. Знакомые и неизвестные. Кланяются Наташе, подарки подносят, словно волхвы. А она дары степенно принимает, складывает рядом с детской кроваткой. А возле кроватки сидит Зубров. Растерянный какой-то, ласковый и умилённый. Словно он — отец новорождённого. А сам Медведев смотрит из угла комнаты и никак не может вырваться к людям. Словно в паутину влез. Из хорошей лески… Сон в руку?

— А это, видимо, к тебе, — привлёк внимание Юра-сан.

Медведев вскинулся. Действительно, к нему. Воин, не сумевший оборонить Талика, тяжёлым шагом, вдавливая снег в каменную крошку, подходил ближе. С момента потери подростка-мага, его телохранитель сильно изменился, за час постарев и опустившись. Покатыми плечами и неподнимаемым взглядом он стал сильно отличаться от других тэра, оставшихся и после серьёзной схватки с потерями, пусть и потрёпанными, но спокойными и уверенными. Подошёл. Не глядя на «Пресветлого», опустился, вдавив колено в каменную мешанину и не заметив боли, сложил руки на бедре и в ожидании склонил голову.

Медведев хмуро оглядел коленопреклонённую статую, на чёрной вязаной шапке и сером анораке, которой уже пушился белым слоем, выделяя контур на фоне перечёркнутого снегопадом неба.

— Ну? — мрачно поторопил Михаил. — Говорить будем или это игра такая? Типа, угадайка?

Воин головы не поднял, глаз тоже. Но заговорил сразу:

— Пресветлый, ведущий тур Яромир дал мне в послушание вашу жизнь, — и добавил суше и тише: — Если примите.

Михаил досадливо поморщился: говорят на одном языке — русском, — а понять тэра сложно. Обернулся за помощью к Юрию. Тот задумчиво рассматривал склонённого тэра, но на взгляд друга отреагировал сразу:

— Ему приказано защищать тебя до смерти — его или твоей. Первое предпочтительнее. Если, конечно, ты не погнушаешься того, кто уже однажды упустил жизнь хранимого, и возьмёшь его в стражи, — безучастно «перевёл» Зубров.

На последних словах тэра заметно подобрался. Словно пружина сжалась. Хотя казалось — куда уж сильнее!

Медведев тоже напрягся — скажи Юрий ещё что-то о потере тэра и тот взорвётся. И чем это закончится — один бог знает. Но Зубров благоразумно молчал.

— Как зовут? — повернулся Михаил к тэра.

— Святослав.

— У вас у всех имена такие… из древнерусских?

— Это не имя, прозвище. Имена скрыты. Наша школа

относится к Славянскому Сходу, в ней приняты прозвища родины, — сдержанно ответил тэра. Глаз он так и не поднял. Возможно, в силу принятого в среде тэра этикета, возможно, потому что служба на чужого «Пресветлого» не радовала.

— Ладно, — решился Михаил. — Раз Яромир сказал — так тому и быть! Главное — не мешайся под ногами.

Святослав, наконец, поднял голову. Посмотрел он, впрочем, не на «пресветлого», а на Зуброва:

— Назовёшь равным? Или такой великой милости можно не ждать?

— Сначала покажи себя, сирота, — покачал головой Юрий.

Тэра поднялся с колен:

— Сумей увидеть, Светлый.

Когда он отошёл и пристроился невдалеке, сев в полоборота, Михаил расслабился. Ещё оставалось напряжение от уверенности, что двое сцепятся, но уже стало понятно, что миг возможного столкновения миновал и теперь потянется долгое время тяжёлых трудных взаимоотношений.

— Что ему было надо от тебя?

— Равенство.

— Не понял.

Юра-сан вздохнул и потёр замёрзшие щёки. Взгляд сделался, как у старого сенбернара — мол, когда же все от меня отстанут?

— С точки зрения тэра, «зам» — это очень серьёзное звание. Второй после бога. Масса привилегий. Но дело даже не в них. Совсем не в них! У зама есть то, что тэра ценят больше всего… Возможность быть в духовной близости с Пресветлым. Втыкаешь?

— Нет.

Медведев, с трудом преодолев сопротивление тела, скинул спальник и пересел ближе к другу. Исподлобья быстро оглядел домен. Вокруг не было никого, кто бы заинтересовался негромким разговором.

Юрий же сгорбился, свёл широкие ладони между колен, зажал, пытаясь согреть. И, прикипев взглядом к подрагивающим белым пальцам, начал говорить, равнодушно, монотонно.

— Для тэра не существует дружбы как таковой. Существует звание — «друг». Это как работа, должность, а у некоторых и профессия. Вон, у Маугли твоего, например. Профессиональный младший друг. Беседу поддержать, в работе помочь, спину защитить, знаниями снабдить, по работе подсуетиться, а при необходимости, и собой закрыть. Таких, как Всеволод, мало, и ценятся они на вес золота… — Зубров мрачно рассматривал свои руки и говорил в них тихо, словно боясь, что излишне громкое слово выплеснется из ладоней и, разлетевшись брызгами, станет

доступно всем. — Просто жизнь у тэра не такая, как у людей. Совсем не такая. Кому фартит, тот живёт при храмах-школах. Условия спартанские, конечно, но зато не надо спать с оружием в руках — там все свои. А тот, кто живёт отдельно, да ещё и с задачей постоянной, тем стабильные отношения ни с кем не создашь — есть опасность оказаться по разные стороны баррикад. И не только в противостоянии «тэра-люди», нет… Каждая школа воюет с другими школами. Постоянное противоборство — одно из условий сохранения воинской традиции и должного уровня подготовки воинов. Вроде как смертельная тренировка каждый день. Так и получается, что связываться — дружить, создавать семью, учиться, по сути, можно только со «своими», да и то — с оглядкой. Стабильности в таких связях нет — воины не отвечают за свои жизни. Они все — части Школы, подчинённые её целям. И в их традиции связи существуют только по связкам учитель — ученик, командир — боец, муж — жена. Им проще входить в ту иерархию отношений, что выстроена внутри Храмов. Она древняя, и не отходит от тех традиций, что давали Храмам выжить в тысячелетних сражениях.

— Не понимаю. В команде для хорошей работы все должны быть товарищами. Иначе команде настаёт капут.

Юрий посмотрел искоса, и тут же, скрывая взгляд, огляделся и снова упёрся в ладони.

— Дружба, по определению, это — дружинная связь. Суть её в боевом товариществе, в негласном договоре о взаимопомощи. В этом договоре все стороны равны. И у тэра такое есть. Но во всём, что касается служения — всё жёстко: есть старший и есть младший. Младший рискует жизнью за старшего как за наиболее ценного. Старший проявляет заботу о младшем в мирной жизни. Вот и все договорённости. Старший может набрать себе столько младших, сколько способен вести за собой. Младший может служить только одному старшему.

— Что-то мне это напоминает… Сёгун и самураи?

Зубров кивнул.

— Тэра воспитаны в послушании, и нет большей радости, чем осознавать, что служишь действительно своему старшему, своему до мозга костей — думающему, говорящему и поступающему, как ты бы делал это, будь умнее и сильнее. Это сродни восторгу служения монарху, являющему мудрость, смелость и справедливость. Сродни вере в отца и трепету перед кумиром. Одно из сильнейших чувств. Поверь, оно действительно зажигает сердце изнутри и даёт то чувство справедливости и спокойствия, которых подчас не хватает людям в жизни…

— Понятно.

В дальней части домена, где расположился Яромир, шло совещание — возле своего тэга-старшего присели трое пожилых воинов тэра. Задумчиво рассматривали брошенную в центре карту, наклонялись друг к другу, чтобы неторопливо высказываться и степенно покачивали головами. Один из тэра — старик едва ли не за пятьдесят, — почёсывая седую щетину и косясь в сторону людей, высказывал что-то Яромиру, и тот, склонив голову, внимательно выслушивал.

Юра-сан продолжал:

— Святослав просил у меня равенства. То есть — быть тебе младшим, подобным мне. Если я соглашусь, он будет просить у тебя младшинства. Если нет — он вынужден будет стать младшим мне. А это для того, кто ходил под сильным ведущим не лучшая доля. Ты не смотри, что он служил пацанёнку. Возраст, ведь, сам знаешь не мерило мудрости и силы… После Талика служить мне для Святослава будет мучительно.

— Нда. Запутанно у вас…

Зубров отвёл глаза:

— Запутано.

Помолчали.

— И давно ты?

— Давно. Очень давно.

— До нашей встречи или после?

— До.

— Полынцев, значит, тебя выцеливал…

— Значит.

Медведев хмуро поглядел в небо. Холодные тяжёлые тучи, заваливающие мир снегом, словно каменные груды лавины, несущейся с пика, клубились от севера. Откуда совсем недавно пришли люди. Ветер жестоко карябал кожу, обмораживал до сухих трещин. Кровоточили царапины по телу. Ныли затягивающиеся раны. Окружающее пространство словно усмехалось, чувствуя свою власть. Домен, поставленный как крепость от врага, увы, не мог защитить от холода, голода и усталости. Здесь долго не протянуть.

«Каково?! Юрка — тэра! И молчал, чёрт безрогий! Друг называется… Хоть бы словом обмолвился. Указал, что, мол, так и так — не человек я… Тьфу! Глупость какая… Сказал бы он, что не человек, и что? Поверил бы я? Ага, в зелёных человечков и инопланетный разум. И посоветовал бы прекратить хлестать саке вёдрами…»

— Я-то не выдам, — кашлянув, сказал он. — Только ты за собой последи, чтобы случайно…

— Плевать, — коротко отозвался Юрий.

— А мне не плевать! — обрубил Михаил.

— Если выберемся, всё равно придётся уходить на дно. А ещё вернее — возвращаться в Храм и оседать там.

— Если на выходе не стоит уже сотня-другая инквизиторов…

— Тогда я не выберусь. — Пожал плечами Юра-сан. — Как и Всеволод.

Медведеву захотелось взъерошиться и по-звериному оскалиться. Почувствовал, как лицо сводит в гримасу и одёрнул себя. Подтянул ноги, упёрся локтями в колени и обхватил голову. Пальцы тут же запутались в слипшихся от крови волосах. Задумчиво стал расчёсываться, с трудом раздирая спутанные засохшие прядки. Нехороший получался разговор. И хуже всего было то, что он сам ещё не мог сказать определённо, на чьей он стороне. Да и не существовало для него пока «сторон». Было единое сообщество попавших в странный мир сиреневого металла и прозрачных стервятников. Был он. Был его друг Юрка. Был Полынцев, будь он неладен — тоже свой, но… И были тэра. И тоже — люди. Тоже — отдыхают, смеются, голодают, дерутся, умирают. И все — «свои». Потому что есть и «почужее» вокруг. А потом? Потом, когда изменится окружение и закончится противостояние со стервами… Как будет потом? Перейдут границу и тут же разделяться на три отряда? И повезёт, если будут друг друга сторониться, а не убивать. Потом… Это будет потом. Нужно решать проблемы последовательно. В очередь, в очередь, сучьи дети! В очередь!

— Срок вряд ли будет большим. Да и им ещё доказать надо, что ты шпионил для тэра.

Зубров фыркнул и взглянул насмешливо:

— Ты что, Мих? Какой срок, побойся бога! Это смешно — обвинять открыто в шпионаже на никем не признанную расу!

Михаил понял, что сморозил глупость и осёкся. А Зубров продолжил спокойно, словно к нему это не относилось:

— Попытаются захватить и, если удастся, то отдадут в «Р-Аверс». У них закрытая научная база. Всё, что ждёт тэра там, это работа донором. Вечная. И жить не дадут, и сдохнуть. Кровь тэра — вот что важно. Политические мотивы и законодательство тут ни при чём. Важен доступ к чудотворству.

Михаил стиснул кулаки и пристукнул по колену:

— И вся эта возня с Маугли..!

— Не более, чем поиск нового донора, — кивнул Юрий. — Видимо, старый уже не в состоянии восстанавливаться. Потому и подорвались схватить хоть кого-нибудь. О наших школах они наверняка знают порядочно. Но в спешке удалось только младшего захватить… Или опасались идти на более серьёзную

добычу. Или рассчитывают, что уж мальчишку-то точно обломают. Впрочем, возможно, что он — не более, чем подсадная утка. А цель — я.

— Прицел свинчу нафиг, — буркнул Медведев. — Если они знают местоположение ваших баз, то почему не сотрут их к едрене фене?

Зубров пожал плечами:

— А зачем, Мих? Уничтожать тэра — не в чьих интересах. Ведь тэра сейчас единственные погранцы Земли. Убей нас — человечество останется голым перед всем многообразием мира. А ты теперь, думаю, уже понял, что большинство сказаний и мифов — не сказки вовсе. И мало человечеству не покажется, прежде чем вы хоть какие когти-клыки нарастите для самообороны. А сильным мира вашего нужна не наша гибель, а обладание нашими возможностями. За стенами баз «Р-Аверса» проводят эксперименты по изменению способностей людей. Созданию идеальных солдат из людей. Послушных, безвольных, но сильных. Людские слабости помноженные на нашу мощь. Для этого и нужны части тэра — кровь, нервы, костный мозг, лимфа, ткани печени… Благо, мы быстро регенерируемся. Идеальные лабораторные мышки. Попытки модификации людей с помощью тканей тэра длятся там уже лет сорок, но пока ни к чему не привели. Да что там «Р-Аверс»! Во времена второй мировой и не такие эксперименты проводили. С нашими…

— И вы всё это время знали?!

— Знали, — Зубров отвёл глаза: — Есть строгое постановление Схода о неприкосновенности таких баз. Все тэра, что попадают туда, заранее считаются погибшими.

Михаил в сердцах сплюнул. Юрий заметил, упредил жёсткий вопрос:

— Не думай, что мы так легко бросаем своих, Мих. Этот исключение из правил.

— Судя по тому, что происходит сейчас с нами, оставлять своих на чужой территории без поддержки и помощи для тэра — норма жизни, — хмуро отрезал Михаил.

Юрий покачал головой:

— Нет, Мих. Если небо будет благосклонно, а мы достаточно упёрты, то Храмы смогут нам помочь. Не думай, что им легко даётся вынужденное бездействие. Потерять подготовленный отряд «щитов» — это катастрофа для линии Одина-та. Это — цвет их воинства. Сейчас наверняка на границе, скрипя зубами, ждут сигнала «мечи» Храма. И им не улыбается стать похоронной командой.

— Ага. Только нам-то с того, что они там зубы сточат!

— Тэра не оставляют своих, — сухо повторил Юрий. — «Р-Аверс» — это особое. Я не знаю, что. Но уверен, что есть причины у глав Схода поступать так. Даже теряя сильнейших воинов.

Медведев передёрнул плечами:

— Политика и личные интересы. Что, чаще всего, одно и то же. Деньги. Власть. Слава. Три кита подлости.

— Нет, — Юрий посмотрел снисходительно: — Патриархам лет по сто, а кому и больше. Земное для них — несущественное. Столько веков хранить Храмы в чистоте и боевом духе… Им нет повода рушить незыблемое. Если они решили, что Храм может отдать жертву хозяевам «Р-Аверса», значит, в этом есть выгода Храму. И остаётся только радоваться, что жертве позволительно огрызаться.

Хмуро продолжая копаться в волосах, Михаил вытягивал с прядей слипшиеся бурые комки. А что говорить? Что ему «не плевать», он уже сказал. А о том, что это значит, не Юрию объяснять. Отдать друга «Р-Аверсу» или смерти — выбор не велик. Но он-то не намерен его делать! Всегда существует третий вариант. Просто не всегда он виден. Невооружённым взглядом. А вот если этот взгляд прищурить и хорошо вооружить…

Михаил покосился на молчаливо застывшего рядом друга. Хотелось спросить о многом. О том, каково быть таким, нечеловеком. О том, как он видит будущее. О том, почему тот был против оплаты крови. Об их давней встрече и её поводе. О дружбе и не-дружбе… Промолчал. Зачем усложнять? Запутаться все ещё успеют. «И о будущем не стоит гадать — не наше это дело. Пусть Кассандры настродамят…», — решительно пресёк свои размышления Михаил.

И промолчал. Но это молчание оказалось невыносимым не для него.

— Мы не противники, Мих, — Юрий заговорил тихо, но, с трудом сдерживаясь, сжимал-разжимал кулаки. Как в момент наивысшего напряжения. — Не враги людям. Мы сами — люди. Многие из нас жили и живут как обычные человеки. В закрытых школах обучаются только те, чьи судьбы предопределены служением. Да и не можем мы быть врагами человечеству — у обычных людей рождаются дети-тэра, у тэра рождаются люди. Мы вместе, слиты воедино. И те пара-тройка генетических отличий, что стоят между нами, не мешают человеку полюбить тэра, а тэра влюбиться в человека. Может быть, не все люди понимают, почему так… Может быть, тэра пугает своими способностями… Может быть, тэра очень долго молчали о себе… Но мы — не враги. Мы — стражи этого Предела… Понимаешь? Просто у одной матери среди десятков детишек, умеющих рисовать,

возделывать землю, пасти овец, считать звёзды и строить лодки, вдруг появился сирота-подкидыш, который умеет воевать. По-настоящему воевать. С любым чужаком, пришедшим в дом без зова. Воевать чудовищно и… страшно. Но она вырастила его в любви и заботе и теперь это сын той же матери, Мих. Он не пойдёт против своей семьи.

Михаил потянулся и опустил руку на запястье друга, сжал крепко. И тем остановил беспокойное движение ладоней. Зубров кивнул и замолчал, отворачиваясь.

Глава 11
Послание

— Михаил, — тёплые пальцы крепко, до пульсации сдавили запястье, — поговорить надо.

Он открыл глаза и кивнул. Сон как рукой сняло — над ним склонялся Яромир. Пока поднялся, пока потянулся, волевым усилием заставляя вялое, больное тело двигаться, Ведущий «щитов» уже вернулся на своё место возле малого круга.

Михаил огляделся. Бывший ещё перед рассветом серый снег стал мельче. Взглянул на часы — полдень. Но будто солнце и не думало подниматься в небо. Вокруг оставались сумерки. Тёмные тучи, словно шторы, закрывали свет. И осыпали мир ледяными булавками снега. Холод стоял не зимний, скорее осенний, вряд ли ниже нуля градусов. Но был у него выматывающий тело друг — ветер. Ветер сходил с ума, проникал сквозь прорехи меж камней и пробивал домен вдоль и поперёк. Более-менее спокойно было только за большими валунами. Да и то — всего с полметра безветренный карман, а дальше — стылая волна воздуха накрывала с головой.

Большинство тэра и «таёжники» спали. Вповалку — где кому удалось втиснуться среди камней. Даже Зубров нашёл себе место подле монолита и прилёг. Рядом с ним сидел Святослав, ни дать ни взять — на страже. Последил взглядом за пробудившимся Пресветлым и подал свою фляжку. Такие — тонкие, изогнутые, — были у каждого воина, пришедшего с Яромиром.

Михаил хлебнул и тут же отринул от фляжки:

— Брр! — по вкусу напиток напомнил почти до уксуса скисшее плодовое вино со специями, но оставил странное солоноватое послевкусие. — Крепка, зарррраза! Аж до слёз пробрало! Что это?

— Яблочная брага. — Забрал фляжку Святослав. — С кровью Талика и приправами.

Михаил сглотнул и, натянуто улыбнувшись, показал большой палец вверх:

— Бодрит! Как кофе!

Кивком поблагодарил и двинулся к Ведущему тэра. По пути выискал взглядом Полынцева. Тот не спал, записывая что-то в блокноте: взгляд задумчивый, рука напряжённая, в зубах подсевший уже фонарик. Рядом с инквизитором сидя дремал Катько. По другую сторону от него спал Всеволод. Закутавшийся с головой в окровавленную и подранную серую куртку, он сжался

калачиком, сберегая тепло. И что-то подсказывало Медведеву, что Маугли под негласной защитой немногословного Кирпича.

— Всем подружкам по кружке, — проворчал он едва слышно.

Действительно, Юр-сан и Святослав, Катько и Маугли, Яромир и он сам. Но вот что интересно — каких-то дружеских обязательств, явных симпатий или сентиментальных настроений меж ними не было. И что так сводило людей, оставалось неясно.

Ведущий «щитов» Одина-тэ дождался, когда он расположится рядом, приладил фонарь в расщелину, раскинул карту на камне и ткнул пальцем:

— Мы здесь. Вот тут, тут и тут — ворота домой. Через эти, видимо, прошли вы, через те — мы. А вот эти ворота уже давно не используются — там было лет триста назад столкновение между нами и стервами, с тех пор земля ещё не остыла, пройти нельзя. А вот тут предположительно ближайшее гнездо.

— Километров сто тридцать, — прикинул на глаз таёжник.

А в голове закрутилось мозаикой: «„Столкновение“, „земля не остыла“ да „который умеет воевать“, „чудовищно и… страшно“. Вот тебе и „сын той же матери“! Что здесь происходило? Взрыв кобальтовой? Теоретически после взрыва земля может нагреваться от высокой концентрации радиоактивных изотопов, но при такой концентрации, ходить там — копыта откинешь сразу. Но нагретая земля не бывает через века после взрыва… Что ж за технологии у тэра, если земля ещё остывает?!»

Стало жутковато от понимания того, что их вход на территорию стерв может закончиться также. И останется только молиться, чтобы не земля людей остывала веками.

— Солдаты стерв идут медленно. В этом нам на руку погодные условия и местность. Карабкаться по горам они не приспособлены, а летать в такой ветер опасно. Но через час-полтора, по моим прикидкам, они будут здесь.

— И чего мы тогда прохлаждаемся? Надо когти рвать, пока они далеко…

— Мы обложены, — просто объяснил Яромир. — Но, думаю, есть шанс, что как раз с солдатами, а точнее с их офицерами и знатью, договориться. Моголы, Скопы и Сирины такими правами в гнезде не обладают. А в боевой экспедиции правомочные есть, и даже могут оказаться подруги королевы. Тогда всё решится ещё быстрее.

— Ясно. Чего ты хочешь от меня?

— Да нет, ты не понял — покачал головой Яромир, — это ты чего хочешь от меня? Какой линии будем придерживаться в переговорах?

— Яромир, — Медведев задумчиво потёр щетину, — я ведь,

по сути, ни черта во всём этом не смыслю. Да и тут впервой, с аборигенами не знаком, в местных обычаях не разбираюсь… Если ты мне на пальцах объяснишь, что-почём, то постараюсь показать себя хорошим учеником и что-нибудь сообразить.

Ведущий Одина-тэ на шутливый тон и сдержанную улыбку не поддался, оставшись всё таким же сосредоточенно хмурым.

— Объясню. Переход границы. Перестрелка с конфликт-отрядом. Убийство Сирина. Если мы не найдём, как это истолковать или чем заплатить, то — либо нас крошат, либо Одина-тэ присылает «мечи». Нас отсюда они, наверняка, выцарапают… Только хорошо от этого никому уже не будет.

— Рядовым конфликтом не закончится? — уточнил таёжник.

— Если придут «мечи», то уже нет, — покачал головой Яромир. — В прошлый раз мы отражали прорыв стерв на землю и, пожалуй, несколько увлеклись… Теперь у Королев есть и злость, и подогретое чувство мести, и повод для ответного визита. А Храм после последней междоусобной войны обескровлен — ответить будет, по сути, нечем. Наши возможности сейчас ограничены, поэтому будут втянуты и люди…

Медведев вздрогнул. До этого момента ему и в голову не приходило, что всё может зайти так далеко. Представил себе стерв на земле… Положенные в первых же боях подготовленные к обычным воинам кадры, не способные к видению иноземного противника. Ужас новобранцев, спешно набранных со всей земли. Смерть и страх по городам, куда врываются гарпии. Вспышки ядерных взрывов. Странно жаркая земля, выжженная до пустыни технологиями тэра… Передёрнуло. Слишком уж яркая нарисовалась картинка. Словно кинохроника. Отстранился сознанием и здраво посчитал шансы. Конечно, за людьми — техника. Но за стервами — магия, чьё влияние ему ещё неизвестно. Но по тому, что он сам прочувствовал в последнем бою, получалось, что при столкновении один на один людские силы против стерв слабы. Разве только коридоров меж мирами один-два и их можно блокировать. А в крайнем случае — держать под постоянным огнём… Пожалуй, что и всё.

Яромир между тем продолжал:

— Начнётся война. Большая война Пределов. Мировые покажутся раем. Исход я бы не прогнозировал. Всё это, конечно, если мы здесь и сейчас не договориться со стервами и не спишем наше присутствие как пограничный конфликт без последствий…

— А сможем?

— Только если наш отряд останется без поддержки основных сил Храма и сумеет сделать выгодное предложение стервам… — Яромир замялся на мгновение, а потом продолжил сухо: — Есть и

ещё один вариант — Сход может выйти на связь с Семействами Королев и объявить нас отступниками. Тогда меж нашими Пределами восстановится равновесие, и угроза масштабных действий исчезнет.

— Весело… Боюсь даже спрашивать о нашей судьбе в таком раскладе.

— Скорее всего, покрошат стервы. Но, даже если мы сумеем пробиться домой…

— Нас выдадут обратно, — задумчиво докончил Михаил.

— Как отступников, да и просто сахарную косточку для ублажения Семейств, — кивнул Яромир. — Быстро схватываешь.

— Хорошо объясняешь, — парировал Михаил и задумался: — Значит, от нас — либо объяснения, либо оплата. Объяснения, которые удовлетворили бы стерв, у нас есть?

— Нет. Если только не врать напропалую. Что, впрочем, легко будет раскрыто.

— Значит, оплата… Чем мы можем их заинтересовать?

В этот раз Яромир сделал вид, что задумался. Михаил отвернулся, чтобы дать ведущему необходимое ему время. Он ни на грош не поверил в то, что тэра ещё не обдумал все перипетии разговора и не решил для себя какой выход из ситуации наиболее приемлем.

— Сила. Кровь. Магия. — Наконец ответил Ведущий «щитов».

— Весело, — протянул таёжник. — Ну, кровь, допустим, без особой разницы как они добудут — с нас ещё живых или с уже мёртвых… А вот насчёт силы и магии — я пас. Просто не представляю, о чём идёт речь и как это можно передать. В чём они, хоть, измеряются — в килограммах или литрах?

— В ньютонах и вольтах, — краем губ усмехнулся Яромир, — Сила — это заряженность человека, его энергия. Силу вполне можно «собрать» с тела. При этом человек либо умирает, либо сходит с ума, ещё один вариант — парализация. Магия… В данном случае я говорил об объектах, способных изменять причинно-следственные связи в мире. Артефакты, люди с особыми дарами, магические или заряженные предметы, особые слова… Да много различного, о чём в сказках пишут…

— Ясно. У тебя есть запасные ковёр-самолёт и шапка-невидимка?

— С потерей Талика — уже нет.

— И у меня нет.

— Ну… — Яромир посмотрел на него внимательно и пожал плечами, — Значит, нет…

— Выходит, вернулись на те же позиции. У нас нет ничего, что могло бы заинтересовать стерв, кроме наших жизней, однако

надо как-то договариваться… Или с честью защищаться и дохнуть. Не скажу, что я герой-романтик, но, если представители Семейств не пожелают по-доброму нас отпустить, то предпочту крошить их, пока будут силы. А вот в плен не попасться… — Михаил приставил палец к виску.

— Возможно, это и будет то единственное, что останется, — кивнул Яромир, и тут же посмотрел задумчиво: — Слушай… А недоделок у тебя какой школы?

— Это имеет значение? — Михаил нахмурился, вспоминая.

— Ну, не то чтобы какое-то особое, — пожал плечами Яромир. — Просто мне показалось, он стоит дороже, чем я полагал сначала…

То ли тучи так исказили свет, то ли от снега тень упала на лицо ведущего тэра, но Михаилу почудилось на мгновение, что сосредоточенно углубившийся в изучение карты Яромир попросту смущён. Как мальчишка, позволивший себе вольность. Проступила в твёрдых чертах тэра юношеская робость. И выдала его с головой.

— Школа Мирамира, — Михаил порадовался, что иногда память может быть и вот такой услужливой. — Он ведомый.

— Ведомый? Мне казалось, что их больше не осталось… — рассеянно покачал головой тэра. — Во время междоусобицы их школы исчезли.

— Возможно, не все, — пожал плечами таёжник и сощурился, понимая: — Ты полагаешь, что Всеволод может иметь ценность для стерв?

— Нет! — Яромир вздрогнул. — Не для стерв. Если выживем — поговорим об этом. Просто просьба: побереги его. Он так рвётся доказать тебе свою верность и значимость, что в первом же столкновении с воинами гнезда головы не снесёт.

— Опа-на! Доказать мне? — Медведев приподнял брови.

Яромир затвердел лицом и отчеканил:

— Ты для него — ближайший старший, достойный почитания. Тот, ради которого он существует и бережёт свою душу в добродетели послушания! — и повернулся к подходящему воину: — Что там?

— Человек.

Медведев сорвался с места чуть ли не быстрее ведущего Одина-тэ. Само понятие «человек» в нынешних условиях стало значительнее, обострилось до понимания нутряной схожести при всей разности взглядов и намерений. Словно на чужбине встречаешь земляка. Человек — и уже понимаешь, что — свой. По определению.

В щель меж камней легко просматривался каменистый

подъём. Завьюженный склон уже давно стал бледно-серым. А попавшие в ловушку веток комья снега делали кустарники похожими на замерзающую отару, где овцы жмутся друг к другу в поисках тепла, но ветер треплет шерсть и выдувает землю из-под ног.

По склону плёлся человек. Он шёл от дальних деревьев, невпопад потрясающих чёрными лапами, и тем выдающих скопление стерв и навий. Шёл неуверенно. Падал, поднимался. Уже не закрывая лица от колючего ветра, кукожился от холода. И Медведев не сразу узнал жилистую фигуру. А когда узнал — горло перехватило. Двинулся, было, вперёд, но сильная рука загородила проход, неумолимо ударив плечом в грудь.

Яромир стоял на шаг впереди, загораживая ход.

— Твой?

— Да. Лейтенант Родимцев. Родимец. Игнат.

Яромир махнул куда-то за спину и в проём нырнули тэра. Окружили человека на склоне кольцом, а двое подхватили и под руки доволокли под защиту домена.

Внутри каменного круга, Родимец рухнул и сжался от свирепого кашля. На камни полетела кровь. Михаил рванулся, но на пути снова оказался ведущий «щитов». Встал грудь в грудь, закрывая дорогу. Михаил влево — и он шаг в сторону. Михаил обратно — и он туда же.

— Нет! Ребята ему помогут. У них это получится лучше. А придёт в себя — позовём.

Михаил набычился и глухо произнёс:

— Это — мой человек.

Ведущий «щитов» сощурился на Михаила и отодвинулся.

И всё же что-то делать Михаилу не пришлось. Быстрые, слаженные действия тэра сами собой отстранили его из процесса восстановления. Один из воинов Одина-тэ сел на камни и ему на колени посадили Родимцева, тэра тут же прижал его вплотную, делясь теплом. Вместе их закутали в спальники, дали вернувшемуся испить неведомый людям настой. Чуть ли не насильно сунули в руки кружку с тёплым чаем. На ногах расшнуровали и сняли берцы — растереть застывшие запотевшие стопы. И всё это — молча и быстро, с чёткостью притёршегося механизма. Возвращать тепло в остывшее тело тэра умели. Окажись «Тайга» в схожей ситуации, действовали бы также, и единственное, что отличало тэра — странные напитки и трансляция жизненной силы. А то, что это немаловажно, он знал, и верил, будучи свидетелем чудес, явленных Маугли. Да и на себе прочувствовал возможности такой передачи — собственные раны ныли и ломили, но уже не кровоточили.

Придя в себя, Игнат узнал присевшего рядом капитана. Кивнул, не оторвавшись от чёрного чая.

— Привет, Топтыгин…

— Как ты?

— На букву «х»…

— Мы думали, тебя уже…

— Судьба ребят меня минула… Хотя и могла… — Родимцев поднял глаза. Лихорадочно бегающие дикие глаза смертельно испуганного человека.

Михаил потянулся рукой сбить снег с волос друга. Ладонь намокла, но осталось лежать белое на обнажённой голове. Одёрнулся. Почувствовал, как сдавило горло. Родимец поседел.

— Чёрт… Что с тобой сделали? — сглотнул он.

— Ничего, — покачал головой Игнат и стиснул губы: — Меня не тронули. Николая при мне… высосали… И одного из этих, «щитов». Живьём. В сознании ещё был… А меня оставили.

— Сколько их?

— Десятки. Сотни. Не знаю… Много. Они другие. Не те, с которыми встречались… Больше, сильнее, быстрее… Они такие… фиолетовые. Кожистые.

— Воины. Я знаю.

— Я говорил с их командиром. Это женщина. Просто женщина… Такая… как змея. Она говорит, а в ушах больно… И голову ломит по-страшному… Она сказала, что я буду жить, если отдам им свой язык. Я думал, что просто вырвут… Я не думал, что будет так… — Родимец закусил задрожавшую губу и опустил лицо. О чашку предательски ударилась капля. Но он не стал вытирать глаза. — Я согласился… Не жить хотел! Не хотел умереть, как Колька… Страшно…

— Я понимаю, Игнат, — Михаил поспешно взял друга за плечи, заглянул в лицо.

— Я — посланник, — прошептал Родимец, поднимая голову. — Ведущему Храма от Семейства Кьооу…

Глаза его остановили сумасшедший бег и замерли, покрывшись плёнкой страдания.

— Игнат, — позвал Михаил.

Лейтенант не отозвался.

— Игнат! — Михаил тряхнул друга за плечи.

— Я — посланник, — без интонаций повторил Родимец. — Ведущему Храма от Семейства Кьооу…

— Яромир, — беспомощно обернулся Медведев.

Но ведущий тэра был уже рядом. Вскинул руку, призывая к молчанию. Опустился на колено и заговорил тихо, боясь потревожить транс:

— Яромир из Одина-тэ. Старший щит. Я слушаю тебя, посланник Кьооу. Говори.

Родимец содрогнулся, механически вздёрнулись вверх плечи, свелись локти — полетала на камни кружка с чаем, — и стал похож на нахохлившегося грифа. Моргнул стремительно, как делают только птицы, дёргано повернул голову на голос Яромира и заговорил, широко распахивая рот и выплёвывая слова:

— Пришедшим без зова и оповещения! Музыка растущей травы манит летящий снег. Гибкая ветвь склоняется под бешеным ветром. Тепло опушённого гнезда дожидается удара крыльев… Сладкоголосая ждёт того, кто обнял Сирина. Развяжите ему крылья и отпустите! Тогда вас простят… Если вы удержите его силой, то гнев летящих лезвий сметёт вас и проломит границу ваших тел, пустив силу быстрорастущего металла в ваш мир… Услышьте мелодию Сладкоголосой. Вслушайтесь в снежную песню… Вслушайтесь… Вслушайтесь!

Последние слова Родимцев проверещал, безумно сотрясаясь в руках сдерживающего тэра. Завыл, забился, вырываясь. Михаил попытался успокоить, но куда там — Игнат уже не видел и не слышал его. Тэра приблизились, да не успели — взбесившийся человек порвал оковы сдерживающих рук и кинулся. Мгновение — и Медведев оказался вжат в каменистую землю. Навалившись сверху, Родимец выл на одной ноте и суетливыми руками искал горло. Глаза его закатились, в щели век расплывалась ослепительная белизна.

Откуда-то сверху короткий выдох, — и Игнат завалился на бок, теряя сознание.

На фоне черничного неба задумчивый Яромир протягивал ладонь помочь подняться, а рядом с ним застыли Юрий и Святослав, напряжённые как близнецы-братья. Кто из них вырубил Родимца, Михаил так и не понял. Возле уже высились подхватившиеся Всеволод, Батон, Катько и даже Полынцев. Мало людей осталось. Потому и сблизились.

— Что с ним? — просипев пережатой глоткой, Михаил мотнул головой в сторону лежащего Родимца.

— Кратковременное помутнение. Сбив в сознании после разговора с Гамаюном. Человеку с глашатаем Королевы говорить — та ещё беда, — отозвался Яромир, задумчиво оглядывая вырубившегося посланца.

— Оклемается, — успокоил Святослав: — Я присмотрю.

Вместе с парой молчаливых тэра, он перенёс Родимца к спальным местам, расположил на спальнике, закутал.

Михаил смотрел как люди возвращались на места, как успокаивался переполошенный лагерь, как чёрно-белый мир

становится невероятно хрупким.

Люди — свои и чужие — ёжились от холода, кутались и жались друг к другу. Мокрый снег сменился колючим, и температура упала. Холод, голод и ожидание — вот то, что добьёт людей вернее, чем любая вражеская сила. Для оторванных от дома и простого человеческого тепла не оставалось возможностей выжить в этом недружественном краю. И, вероятно, только один человек был их шансом сейчас. Был искупительной жертвой и билетом домой.

Медведев положил руку на грудь. Если тесно прижать ладонь, то за тканями куртки и свитера можно нащупать нательный крест. Большой, серебряный. Дарёный. Любимыми руками надетый.

«Ох, Наташка… Как жаль, что я тебе не успел самого главного сказать. Нет, не о том, что люблю — это говорил сотни раз. Да ты и сама это знаешь лучше меня. Иначе бы и не жили б вместе… Я о другом тебе так и не сказал. О том, что понимаю, что тяжело быть женой человека, которому до всего есть дело. Который просто не умеет оставаться в стороне. А я такой… То ли обострённое чувство справедливости, то ли вместо батарейки реактивный двигатель в мягком месте встроен. А, может, всего лишь жить не умею… Быть довольным и тем, что имею и тем, как имею. И как меня имеют. Вот такой дурак… Только я никогда не обещал, что нам будет легко, правда? Не говорил, но и не обещал. А, значит, не так уж и виноват, а? Так что ты уж там соберись с силами, родная… Переживи… И найди себе кого-нибудь… поспокойнее».

Отнял руку от груди — на ладони осталось тепло. Но ещё больше — на сердце. Словно действительно поговорить удалось.

Вдохнул. Выдохнул. Собрался.

Яромир сидел возле проёма между камней, прямо на груде битого камня, удобно расположив автомат на бедре, и всматривался в запорошённый мир. Михаил подошёл с боку и тоже начал разглядывать серую мешанину снега и ветра внизу по склону. Помолчали.

— Я ведь правильно понимаю, Яромир… Стервы требуют моей выдачи?

— Не выдачи. Требуют, чтобы тебя не удерживали, — медленно ответил Ведущий. Понял.

— Не суть важно. От того, как это назвать, ситуация не поменяется. Стервам нужен тот, кто убил Сирина. Если я иду — они вас отпускают. Значит, инцидент будет исчерпан. И угроза земле отпадёт. Если я остаюсь — умираем все. Так?

— Так.

— Насколько можно верить слову стерв?

Яромир помолчал и нехотя отозвался:

— Абсолютно.

— Тогда я иду, — кивнул Михаил.

Яромир снизу вверх посмотрел — внимательно, задумчиво. И отвернулся.

Первым к Михаилу подскочил Юрий. Сцапал за разгрузку, то ли удерживая, то ли рассчитывая набить морду.

— Ни хрена! Никуда ты не пойдёшь!

Катько, подойдя, занял позицию прямо на дороге к ближайшему выходу. И морду сделал кирпичом — мол, только попробуй — пройдёшь только через мой труп. Сбоку подтягивался и Батон. Со своего места поднялся Полынцев, явно размышляя впрягаться или нет.

— Пойду, Юр, — Михаил взял друга за плечи, — пойду. И ты бы на моём месте пошёл. И любой другой.

— Я не на твоём месте! — процедил Юрий. — И тебя не пущу!

— Пустишь, Юр, — Медведев почти весело подмигнул, — По-любому, пустишь. Потому что здесь — почти тридцать жизней. За одну мою. Это — хороший обмен. Лучше не бывает. А, ребят?

— Да пошёл ты, Топтыгин… — насупился Кирпич.

— Пойду, пойду, — хмыкнул Михаил. — А вы лучше подумайте не о себе. А каждый — о тех, что рядом. Здесь все полягут, если я сейчас не выйду. И вот нафиг нам эти жертвы? А главное — за что они? А? Вот над чем подумайте.

Помрачнев, Кирпич в сердцах сплюнул под ноги и демонстративно отступил в сторону. А вот Батон, напротив, дёрнул застёжку на вороте и спустил капюшон.

— Миха… Ты не понимаешь, — сквозь зубы простонал Зубров, — Это важнее, чем чьи-то жизни! Важнее, слышишь?!

— Я — куколка? — тихо спросил Михаил, поймав сумасшедший взгляд друга.

Зубров сглотнул и кивнул.

— Ты поэтому рядом? Опекаешь?

— Да.

Медведев весело сощурился и вдруг взглянув на Батона, задорно подмигнул:

— Ну, вот… Спасибо. За дружбу.

Руки сделали всё сами. И намного лучше и чётче, чем, если бы подготавливался заранее. Словно пружинный механизм сработал — рывок к себе, от себя, поворот корпуса. Зубров взвился вверх. Его тело красивой тёмной дугой ушло в полёт. Словно мазок кисти над древним иероглифом… Классическая техника. Но побеждающий в любом спарринге в зале друг не

сумел среагировать. Всё, на что хватило профессионализма — спасти хребет от слома, со всей силы прыгнув. А Михаил ещё и подстраховал, подтянул, чтобы не разбился. Падение вышибло воздух из широкой груди крепкого бойца, но не обездвижило его. С рыком Юрий попытался подняться на ноги. Краткий болевой вдавил его обратно в камни.

На миг оторвав взгляд, Михаил обежал глазами людей и рыкнул, едва сдерживая сопротивление друга:

— Маугли! Святослав! Задержать Зуброва! Группа! Оказать содействие!

И уже тише в сторону шипящего от боли, но продолжающего искать слабину в заломе, Юрия:

— Не обессудь… Мы с тобой за последний день больше кусались, чем за всю предыдущую жизнь. Только я не это помнить буду. И ты не это вспоминай. И… Наташку мою поддержи, как вернёшься.

Подскочив, Святослав ловко перехватил контроль, и матерящемуся сквозь зубы Юрию не удалось даже привстать. Убедившись в надёжности захвата, Михаил отпустил друга и поднялся на ноги. Зубров зарычал и двинулся на слом. Так велика была сила движения, что покалечился бы, но встал. Всеволод завалился сверху, прижимая к земле весом. Рядом оказались Катько и Батон. Взгляды у них были мрачные, но, видно, оба понимали, что совершается наименьшее зло. Зубров продолжил попытки подняться, но шансов не осталось.

Окружающие тэра безучастно наблюдали за происходящим, периодически косясь в сторону Ведущего — не выкажет ли он своего отношения, не скомандует ли прекратить эту свалку или, напротив, помочь какой-то из сторон. Яромир стоял молча.

Медведев усмехнулся белым кометам с небес. Рванул молнию, коротким движением плеч стянул с себя и бросил на заснеженные камни разгрузку. Сверху положил оружие… Выпрямился. Застывшие в ожидании тэра стояли молча. Зубров прекратил биться и замер, вдавившись лицом в снег. «Таёжники» хмурились, но не двигались с мест. Михаил почувствовал, как лицо застывает в нелепой усмешке: «Немая сцена: как родная меня мать провожала…». Стянуло поцарапанную обмороженную кожу. Холодом скрутило живот.

— Ну, я пошёл… Бывайте!

И шагнул к ближайшему порталу.

Глава 12
Обман

Медведев почти подошёл к проёму, когда тэра сорвались с мест. Он не видел краткого жеста Яромира, но действие его оказалось сродни стихийному бедствию. Тело замесило неведомыми силами и оттащило от портала в центр домена. Только оказавшись перед ведущим «щитов», «таёжник» понял, что руки ему заломили двое воинов.

— Королева права, — Яромир закутался в куртку. — Требуется серьёзная причина, чтобы позволить тебе уйти. И, пожалуй, её угрозы не того уровня.

— Ты спятил? — Медведев рванулся к Ведущему, но захват тэра оказался крепок. — Всех положишь!

— За тебя пойдёт другой, — ответил он и отвернулся: — Мне нужен доброволец!

Люди переглянулись.

— Яромир! Мать твою за ногу и на скамейку! — зарычал и забился Михаил.

Тэра вынужденно усилили хват, железно привязав к себе «таёжника». Он продолжал вырываться, ощущая как трещат напряжённые сухожилия. Уже понимая своё бессилье. И от неспособности принять его боролся до конца. Как до этого Зубров.

— Мне нужен доброволец, — повторил Яромир. И произнёс это скучно и безразлично, как ничего не значащую новость.

— Я!

— Я.

— Я…

— Мать… — процедил Михаил и плотно замкнул глаза. — Да что ж вы делаете, ироды…

Три человека назвались почти одновременно, переглянулись меж собой и замерли. Решение оставалось за Ведущим. Яромир задумчиво рассматривал добровольцев. Он не выказал удивления, явно ожидая ответа именно этих людей.

Маугли. Святослав. Юрий.

Ведомый, встретивший старшего среди врагов.

Страж-сирота, нашедший нового оберегаемого и возможность реабилитироваться перед своей совестью.

И близкий друг.

Михаил почувствовал, что сердце проваливается в «воздушную яму», ухает куда-то вниз, словно срываясь в пропасть.

Попросил в серую спину вставшего перед добровольцами ведущего:

— Яромир, не делай этого! Там меня ждут! Понимаешь? Меня!

— С нами сражались охотники-скопы, — не оборачиваясь, отозвался тот, — Это один из нижних уровней иерархии стерв. Мозгов у них, как у курицы. И все люди им на одно лицо. Наверняка не смогут опознать того, кто убил Сирина.

— Христом-богом прошу… Мне есть почему идти, а им-то за что?! Оставь мне — моё!

— За что? — переспросил Яромир устало: — Раз вызвались, значит, есть что-то в твоей жизни такое, за что готовы платить. Они это чувствуют. И я чувствую. Не могу определить сам, но знаю, что окажись здесь кто-либо из высших, или Талик был бы жив, — установили бы, что в твоей судьбе намечено. Пока я вижу только то, что ты — потенциальный тэра с повышенными возможностями. Вероятно, поэтому школа, к которой относится твой страж, и взяла тебя под свою опеку. Храм Сваро-га, если не ошибаюсь? — повернулся он к Зуброву.

— Да, — угрюмо подтвердил тот, — линия Пересвета, школа высшего круга.

— Моё почтение высшему. — Яромир церемониально склонил голову, руки вскинулись в кратком жесте и снова опали, прячась в кармане анорака. — Быть может, скажешь, за что сейчас к стервам пойдёт человек?

— Нет.

— Послушание молчания?

Юра-сан коротко кивнул и с нажимом произнёс:

— И поэтому, Одинат, идти должен я. Я знаю, за что. Для меня это не абстрактные ценности. А моё стражество Святослав примет.

Упомянутый тэра мрачно посмотрел на Зуброва и покачал головой, отказываясь от великой чести.

— Сваро-га, — задумчиво повторил Яромир, — Вы, кажется, опекаете детей с пророческим даром?

— Не спрашивай о его сути, Ведущий. Ответа ты не услышишь, — не повёлся Зубров.

Яромир пожал плечами.

— Юрка, не дури… — зарычал Михаил. — Сукин кот, я ж тебе…

— Пойдёт Святослав, — устало оборвал Ведущий «щитов».

Медведев выдохнул и поник. Было понятно, что со своими людьми Яромир поступит так, как решил. Да и, в конце-то концов, все «таёжники» оставались здесь, за защитой стен, возле

сердца. И, даже понимая, что это «немножко» предательство, поступить иначе уже не мог.

А внутренняя готовность, возникшая после трудного выбора, стала таять, как леденец на языке. Сам себе он мог признаться — с того момента, как тэра схватили его у выхода, просто бешено захотелось жить. Так, чтобы детей наделать побольше, жену в Сочи вывести, — она давно просила, — да и уйти в отставку и посадить дерево, а лучше десяток поровну плодовых и любимых хвойных, и построить дом где-нибудь в лесу. Ходить на речку рыбачить, землю возделывать, охотиться. Баню поставить, по выходным ждать друзей из города, жарить шашлыки и всю ночь сидеть с гитарой на дворе до первых проблесков зари.

Святослав согласно кивнул на команду Ведущего и расстегнул куртку. Вытащил пистолет и нож и на мгновение задумался — кому передать. Взгляд скользнул по лицам и остановился на Маугли, всё также напряжённо стоявшем рядом.

— Держи. Пригодится.

Всеволод шало потянулся. Только взгляд кинул на Зуброва: «можно?», — но тот не отреагировал. Святослав передал оружие. Напоследок снял с запястья массивные часы и сунул в ладонь ведомому:

— А это тебе на счастье. Сомнительное счастье от сироты, — усмехнулся и вопросительно взглянул на Ведущего, — Можно идти?

Яромир кивнул. И он направился на выход.

— Мать вашу… — процедил Медведев. — Отпустите, черти! Никуда не денусь!

Яромир кивнул и тэра отпустили.

Михаил на вмиг одеревеневших ногах шагнул к несостоявшемуся стражу, никак не решаясь посмотреть ему в глаза.

— Ты… короче…

— Ничего не говори, — остановил он. Взял под локоть, как если бы руку пожал, и, обойдя, пошёл дальше.

А Михаил потянулся к локтю, который только что сжимала чужая рука, не дотянулся и замер так, пустым взглядом глядя в след уходящему.

Что-то произошло. Словно попал под взрывную волну. Жарким воздухом обдало тело. Нет, не так, как если бы повеяло теплом. Жар миновал одежду, сразу приникая к коже, вонзаясь и пронзая до самых костей. Точно оказался обнажённым рядом с протопленной печкой. Или нет — выпил и закусил и вышел из дома на холодную улицу. Ощущаешь, что вокруг холод, но он не допускается внутрь ни разогретым телом, ни распалённым

сознанием. Стало легко, тепло, свободно. Лишь локоть, только что сжатый крепкими пальцами, ломило. И в глазах… Он решил сперва, что просто померещилось. Камни домена, только что валяющиеся грудами или стоящие застывшими истуканами по периметру, показались дышащими. Словно огромные мохнатые чудовища, лежащие в долгой спячке — тяжело вздымаются бока и едва слышно рокочет в лёгких воздух. А потом он понял, что стоит в каменном мешке… И глыбы — это стены колодца… Над ними звёзды, но и те — всего лишь дыры колодцев, из которых пытливо и насторожено смотрят такие же, как он. Хотя, возможно, совсем не люди. Захотелось крикнуть им слова приветствия и убедить, что он, как взъерошенный брошенный котёнок в холодном подъезде, а, значит, и ему нужно тепло и понимание, иначе ему придётся огрызаться и сатанеть, рвя за свою жизнь…

Перед глазами ходила ходуном тёмная фигура Зуброва. Юрий прятал глаза и что-то бубнил, бубнил, пытаясь достучаться до сознания друга. Медведев и хотел бы выслушать и понять, но камни вокруг дышали всё быстрее, всё чаще вздымались и опадали заросшие то ли седой шерстью, то ли белёсым мхом, то ли снегом бока, и сердце стучало в такт этому ритму. Хотелось двигаться, плясать, размахивая лапами, загребать воздух в кучи, взбивать небо как перину и чувствовать его тугую вибрирующую силу. Ощущать сопротивление натянутых волокон, спутывая их меж собой ударами огромных рук. Огромных! Медведев вдруг понял, что они стали так велики, что больше похожи на ковши экскаватора, чем на человеческие руки. А потом и остальное тело разбухло, будто тесто в кадушке, распухло во все стороны, оставшись тонким только на местах соединений костей. Как лошарик из мультфильма! Он попытался двинуть рукой, чтобы остановить навязчивое мельтешение друга перед глазами, но сперва промахнулся по фигуре, а потом едва дотронулся и тут же увидел, как Зуброва относит к дальним камням домена. Как в голливудском боевике. Красивой, динамичной дугой. Юрий летит, взмахнув ногами, очень долго. За это время сердце успевает ударить с десяток раз. Огромная рука-ковш опадает, словно кончился завод, а другая и рада бы помочь, да сама наливается тяжестью. А Зубров всё летит… Уже видно, что падение придётся на спину, что на месте приземления камни, что Юрий с трудом успевает вывести руки для защиты тела…

— Он же плывёт!

Крик Всеволода достиг сознания, но остался непонятым. Плывёт — это как? Плывёт — это, значит, по воде. Следовательно, должна быть вода… И Медведев ощутил, что мир наполняется водой. Она прибывает из камней, сочась через

трещинки, и заполняет пространство вокруг него…

— Мешок! — Крикнул Яромир.

Спустя миг несколько спальников упали на Михаила сверху, плотно зашторивая от него мир. Тэра умело расправляли на фигуре одеяла, пеленая, словно пауки добычу.

— Я поведу! — Заторопился Всеволод, беспокоясь, что первую партию в оркестре предложат другому.

Яромир глянул внимательно, и Всеволод вспыхнул и тут же побелел, стискивая зубы. Но Ведущий не стал испытывать его нервы:

— Давай, — кивнул он и повернулся к своим: — Заставьте его думать о жизни!

Двое тэра, занявшиеся пеленанием Михаила, сшибли его с ног и навалились сверху, плотно прижав к земле. Всеволод, скинув куртку, лёг ближе к голове и тут же со всей силы обхватил-обнял его за плечи.

Михаил не почувствовал, как приблизилась земля. Просто внезапно она оказалась под телом. Сама. Не он к ней, а она к нему приникла, прижалась каждой ямкой и каждым бугорком. А потом пришло понимание того, что из лёгких выдавливают воздух. Настолько мощно захватили за корпус чьи-то руки. Надавили так, что рёбра тоскливо затрещали. Попытался вырваться и понял — всё тело связали три кольца. Корпус на уровне груди держал один воин, талию с прижатыми к телу руками — другой, а колени — третий. К тому же все трое давили на него весом. И двигаться под таким натиском было нереально. Но… и дышать было, по сути, нечем… Несколько слоёв ткани делали невозможным доступ воздуха. Вдох, случившийся в момент захвата, растратился на возможность сберечь рёбра, выдохнул, и дышать тем, что оказалось в воздушном кармане под спальниками, стало неприятно — голову заломило почти сразу. Если бы не подготовка к высокогорным переходам, то уже не смог бы и двигаться, лишь вяло сопротивляясь. А так — силушки ещё хватало.

— Какого хрена? — прохрипел Михаил на остатке тяжёлого выдоха.

— Выбирайся! — крикнул Маугли. — Бейся, что есть силы! Не вылезешь — сдохнешь!

Объяснения оказались более чем понятны. Перспектива задохнуться в дружеских объятьях, приправленных запахом пота от влажных спальников, его не радовала. Тело изогнулось в тяжёлом прогибе, мощно заработала спина. Михаил забился, словно рыбка, попавшая на берег. Вверх-вниз, вправо-влево! Неожиданными резкими рывками и постоянным движением плеч.

В голове зашумело, от перегрузки пришлось зажмуриться, но руки стали выскальзывать из одеял, стремясь сбросить ненавистные тряпки. Рывок, рывок, рывок…

Когда освободились руки, он растолкал удерживающих людей и сорвал с лица одеяла. Запрокинулся, открытым ртом хватая воздух. Задышал часто и глубоко, выгоняя из тела жар и болезненность. Под одеждой стекал пот, пальцы дрожали, а взгляд лихорадочно метался по окружающим. Благо, все были заняты: Всеволод проверял его пульс, двое других участников дружеской игры в удушение паковали спальники, Яромир сидел рядом на корточках и задумчиво рассматривал что-то в небе, четвёрка тэра мягко, но необоримо удерживали Катько и Батона от точки основных действий, а ещё двое восстанавливали Зуброва. Кивнув «таёжникам», Медведев, ещё не в состоянии подняться на дрожащие от напряжения ноги, сосредоточил внимание на друге. Юрий сидел, изредка прикладываясь к фляжке, и, игнорируя его, смотрел на камни. Его левая рука, принявшая вес при падении, выглядела неестественно свёрнутой. Располагающийся рядом тэра приноравливался вправлять вывих.

— Юрка…

— Сейчас вправят, будет, как новенький, — успокоил Яромир, заметив его взгляд.

— Что ж мы так… — Михаил взялся за голову. — За один день столько наворотили! А ведь друзья, ёклмн…

— Это естественная ситуация, — отозвался Ведущий, — Ты трансформируешься, изменятся и ваши отношения. Такова доля стража — чувствовать, как его перерастает охраняемый. Ты за короткое время здорово поменялся, но Юрий ещё не вполне осознал, что его пора приходит к концу. Что дальше вести будешь ты. Без помощи и советов.

— Чёрт побери, Яромир. Думаешь, мне это надо?

— А это никому из нас не надо, — пожал плечами тур «щитов». — Стоящий ведущий не из тех, кто любит командовать.

— Да я не про то! Для меня Юрка — не страж. Друг. Это другое, понимаешь? Что бы там ни было меж нами… И каковы причины этой дружбы… Ты не думай, я понимаю, что его ко мне приставили, что он вынужденно рядом. Что ему пришлось подстраиваться под меня, подлаживаться, прогибаться. И всё это не по его воле, а по приказу вашего командования… Но…

— Стражество тут ни при чём, — отрезал Яромир. — Не хотел бы он быть рядом — не был бы. Стал бы тенью. Или, напротив, был постоянно на глазах, но близким человеком не стал. Мог бы и врагом прикинуться. Да мало ли! Страж сам решает, как он хочет служить. Его в этом не неволят. А вариантов достаточно.

В голове гулко зашумела кровь. То, что неприметным ручейком подтачивало изнутри, стало видимым, словно Ведущий поднёс к душе факел и осветил её тайные закоулки. Проблема была не в Зуброве. Михаил повернулся к другу вовремя, чтоб успеть увидеть, как тот дёргается от боли во вправляемой руке. Белые губы дрогнули и снова сжали горло фляжки.

— Ты ещё слишком мало знаешь нас… и о нас…

— Я стал тэра?

— Нет. Приблизился, но не стал. Ты всё ещё «куколка». Но уже набирающая мощь.

— Я буду тэра?

Яромир пожал плечами и усмехнулся:

— Если захочешь. Любой из нас может помочь тебе в этом. Только, боюсь, Юрка твой будет рвать и метать…

— Почему? — спросил он и тут же постигнул сам: — Потому что страж следит, чтобы куколок не инициировали?

— Чтобы их не обратили ненужной кровью, — одобрительно кивнул Яромир. — В некоторых случаях, это оказывает решающее значение на будущую судьбу тэра.

— Ясно, — он вспомнил, как Юрий нервничал, оставляя его наедине с Всеволодом, как нагонял страху о возможной инициации. — А в чём отличие моей крови? Зачем ты её просил?

Яромир сощурился, вглядываясь в собеседника, а потом медленно заговорил:

— Если тебе потребуется переливание — подойдёт и кровь твоих людей, и моя. И так же — мне подойдёт твоя. Суть не в составе крови. Суть — в её судьбе. Кровь тэра, попадая в куколку, действует как первый камень в лавине. Она провоцирует изменения, которые уже кроются в человеке. Но, одновременно с этим, она задаёт направление им. Особенно, если кровь сильна. Кровь человека действует также на тэра.

— Обращает его в человека?

— Нет. Тэра — это необратимое изменение. Но кровь человека может лишить тэра некоторых пониманий, части мировоззрения… И, чем сильнее кровь, тем мощнее воздействие…

Понял Медведев практически сразу:

— Моя кровь станет оружием? — медленно выговорил он.

— Если выберемся. Если договор будет подтверждён. Если…

— Нет.

— Нет, — лениво согласился Яромир.

Вдалеке зашумело, загудело, засвистело… Ведущий напрягся, вслушиваясь. И вдруг махнул рукой своим и рявкнул, перекрывая нарастающий гул:

— Гамаюн! Ложись!

Тэра команду осознали, зная источник опасности. А люди повиновались автоматически. Реакция на такие приказы вбивается в крестец частыми и нудными повторами.

— Сюда! — Рыкнул Яромир, пихая Медведева под защиту камней.

Рядом рухнул Всеволод, подкатился под бок, приготовившись к стрельбе.

— Недомерок! Придержи пресветлого, — перекрыв гул, рявкнул Яромир.

Потянул гайтан, висящий под свитером, и сунул в зубы деревянный медальон. Пристроил на камнях автомат и огляделся — большинство тэра уже вдавливали в камни людей, прикрывали собой, укладываясь со всех сторон. У всех были серые лица и каждый стискивал зубами деревянный овал медальона со знаком школы.

Отбросив от себя тэра, пытающегося вдавить его в щель меж камней, в два рывка рядом оказался Юрий. Упал с другой стороны от Медведева, пихнув в сторону уже прикрывшего его тэра. Быстро распорядился, крича почти впритык, чтобы было слышно за гулом:

— Ляг на бок, ноги к себе, руками зажми уши, в рот — шапку.

— На фиг? — проорал Михаил, но балаклаву с головы стащил.

— Гамаюн орать будет, — коротко пояснил Всеволод с другой стороны. Дождался, когда Пресветлый исполнит команду и обнял его руки на голове, железными тисками сжав и лишив возможности двигаться.

Обзор оказался закрыт, поэтому Медведев так и не увидел, когда прилетел Гамаюн. Крика он тоже не услышал. Просто внезапно голову словно просверлили от уха до уха. Одним тонким длинным сверлом. И тело забилось в диком ритме, которому подчинились и сердце, и мышцы. Заходили ходуном конечности, судорогой свело и задёргало лицо и шею. Пальцы скрючились. И всё это — на фоне странной тишины, в которую упало сознание. Всеволод сдержал корячащееся тело на те несколько тяжёлых долгих минут, что длилась звуковая атака. Когда отпустил, Михаил, расслабляясь, только выдохнул:

— Соловей-разбойник, блин…

Всеволод стёр с носа кровь, посмотрел в дрожащую окровавленную ладонь:

— Нет. Соловей-разбойник другой.

— Ёксель… — устало выдохнул Михаил, — а я-то это так, к слову, а он оказывается есть. Какая ж всё-таки недетская сказка у

нас получается…

Всеволод пожал плечами. Кровь из носа не унималась, и ему приходилось безостановочно вытираться.

Медведев приподнялся на подрагивающем локте и осмотрелся. В домене ничего не изменилось. Вроде и коврового засевания металлическими зёрнами не произошло, и даже стрелять никому не пришлось. Неподалёку, скорчившись, сидел Батон и тряс башкой, словно заведённый, вытряхивая незримые лезвия из головы. Катько рядом приводил в чувство Родимцева. Судя по всему, все живы и почти невредимы. Однако Ведущий «Щитов» был хмур и бел.

— Что такое, Яромир?

— Святослав раскрыт.

Глаза его невидяще устремились вдаль, смотря сквозь каменный проём на покатый склон, завьюженный пургой.

— Надо было мне идти сразу…

— Нет.

— Но сейчас ещё не поздно.

— Поздно.

— Яромир!

— Он уже возвращается, — устало тряхнул головой Ведущий.

Когда человек перешагнул за черту внешнего кольца домена, его ждали. Падающего приняли на руки, донесли, расположили. «Таёжников» тэра оттеснили. Может, показывали им, кто здесь свой, а кто — не очень, а может, просто не стоило людям этого видеть.

Медведев, как обычно, демонстрацию проигнорировал. Ввинтился в массу тэра, проскользнул меж спинами и оказался точно за Яромиром, склонившимся над лежащим. Один взгляд и стало ясно: Святослав — не жилец. Если и было на теле место, которое не располосовали бы когти гарпий, то Медведев его не видел. Даже внутренние стороны плеч и бёдер кровоточили долгими порезами. Волосы на голове слиплись от крови, застыв ассиметричной массой. Одежда висела чёрными, тяжёлыми лоскутками. Запах крови, перемешенный с уже знакомой вонью гарпий, бил по ноздрям невыносимой смесью. Михаил стиснул зубы, подавляя тошноту. Сжатые кулаки подрагивали, плечи напряглись. Но вокруг все молчали, и он тоже не издал ни звука. Тэра же дрались за жизнь. И Медведеву казалось — совершали ненужные действия, которые могли бы успокоить совесть и дух, но не помогли бы умирающему выжить, хорошо, если б хоть облегчили страдания.

Святослав приоткрыл глаза и нашёл взглядом Ведущего. Яромир тронул порезанное ассиметричное лицо кончиками

пальцев. Странным, неуловимо важным движением погладил вспухшую на кровоточащих порезах кожу, словно передал энергию или что-то, что нельзя произнести вслух.

— Ты оплатил смерть Талика. Иди свободно.

Губы Святослава дрогнули. Взгляд метнулись дальше, выше и нашёл Медведева.

Михаил колебался всего мгновение. Придвинулся, склонился. Почти как Ведущий тэра до этого тронул висок умирающего, единственно оставшийся без раны и через силу улыбнулся:

— Ты хороший страж, Святослав. Иди с миром.

Только теперь умирающий закрыл, почти зажмурил глаза. И расслабился.

Краем глаз Михаил успел заметить задумчивый взгляд Яромира. Тот явно собирался о чём-то спросить. Не успел…

— Отдайте! Отдайте! Отдайте!

Напрягшись, Медведев развернулся на крик.

Родимец катался по камням, выкрикивая, как заведённый, одно и то же, и руками расцарапывал себе горло. Несколько тэра слажено прижали бьющегося к земле, но даже их вес не помог — Игнат выгибался, почти сбрасывая бойцов, и продолжал кричать. Изо рта летели брызги. Слюна пополам с кровью. Ударился головой, руками, ногами — раны множились при каждом движении. Полынцев бросился на ноги Родимцева — остановить, — прижал, да напоролся на выброшенное прогибом колено. Заматерился глухо, утёрся, снова навалился и, наконец, придавил.

Михаил подскочил, было, но Яромир удержал — стиснул плечо, рванул за себя, не позволяя влезть вперёд. Подошли вместе, когда вокруг Родимца уже сгрудилось несколько тэра.

— Фляжку! — рявкнул кто-то.

Тэра пытались разжать зубы Игнату, чтобы влить свой напиток, но челюсти свело намертво. Закаменело тело, став равным тугому переплетению металла и камня. И тянулся бесконечный вой, перемежающийся всхлипами-вдохами. Тянулся, тянулся, тянулся… И стал переходить в хрип, когда из ушей лейтенанта полилась кровь. Тэра, оказывающий помощь, поднял взгляд на своего старшего:

— Кончается. Парня держат на коротком поводке. Волю передали, теперь убьют.

Медведев дёрнулся:

— Я сейчас выйду!

— Не успеешь, — задержал его за локоть Яромир. Посмотрел, и тут же отвернулся от сумасшедшего взгляда таёжника. — Просто скажи ему. Вслух. Гамаюн на него настроена, захочет

услышать — услышит.

Михаил решительно шагнул вперёд, оттолкнув тэра, наклонился над Родимцем, стиснул его голову руками и отчётливо прокричал, так, как привык приказывать:

— Оставь его! Сейчас! И я выхожу! Оставь его! Поняла, тварь!?

Родимцев безвольно обвис. Переход оказался настолько быстр, что Михаил замер, боясь страшного. Но нет, Игнат дышал. С трудом, с присвистом, но — дышал. Капитан положил голову друга на подстеленную кем-то куртку. Поднялся. С замершего поднялись и «таёжники». Слова командира слышали все. Михаил обернулся.

— Отошёл, — доложил хмурый Всеволод, возникший за спиной неожиданной тенью. Тёплой, защищающей тенью.

— Я понял, — отозвался капитан и отвернулся.

Смотреть на вытянутое тело на тёмном окровавленном снегу ему не хотелось. Главное Святославу сказать он успел. Остальное не так важно. А что уж совсем невмоготу будет при себе удержать — так ненадолго расстались. Если есть какие-нибудь загробные миры, то встретятся и договорят. И, судя по всему, скоро встретятся.

— Я ухожу, — просто сказал Медведев и протянул руку попрощаться с «таёжниками». — Спокойного вам возвращения!

— Да уж… блин… спокойного, — Батон отвернулся и яростно высморкался.

Катько в ответ на рукопожатие притянул к себе и заграбастал в объятия. Похлопали друг друга по спине.

— Яромир, — Михаил повернулся к Ведущему, — Не задерживай меня. Второй такой обман стервы не простят.

— У нас был шанс, и мы его использовали, — спокойно отозвался тот.

— Да, — кивнул Михаил, — Я понимаю — ты бы себе не просил, если бы не попытался. Теперь шансов нет, — и обратился к «раверснику», стоявшему особняком: — Степан. Когда вернётесь… Ребят моих…

Полынцев кивнул:

— Отмажу, насколько возможно будет…

— Спасибо. Юр-сан…

Зубров кинул на командира и опять отвёл отрешённый взгляд.

— Юрка… — Михаил вздохнул, подошёл, цапнул друга за здоровое плечо. Развернул к себе и стиснул плечи. Крепко жать не стал — побоялся за травмированную руку, подтянутую косой перевязкой к корпусу. Зубров, поведя плечами, выскользнул из

обхвата. Угрюмо отозвался, отведя глаза:

— Я с тобой иду.

— Нет!

— Да. Сиротой я не останусь…

И так это произнёс, что Михаил растерялся. Столько услышал в голосе Зуброва затаённой глухой тоски, что и сказать-то в ответ оказалось нечего. Как за спасением кинул взгляд на Яромира — «Задержишь?». «Нет», — покачал головой Ведущий — «И не могу, и не хочу». Повернулся, было, к Катько, но Юрий понимающе хмыкнул:

— Не суетись, Мих. Пока ещё субординацию никто не отменял… А я пойду по-любому.

Медведев выругался — будто заряд картечи в воздух выдал — и тут же пришли мысли и о том, что Юра-сан — всё вполне понимающий, адекватный и ответственный мужик, сам решающий за себя… И о том, что судьба сироты-стража, видимо, совсем нестерпима, если сейчас он готов не просто на смерть, но смерть, возможно, жутчайшую.

— Ну, и дурак, — резюмировал Медведев хмуро.

— Чья бы корова мычала! — отрезал Зубров.

Михаил нахмурился, но отвечать уже не стал.

— Юрий, — позвал Яромир, — Вероятно, будет возможность связаться со Свар-гом. По такому-то поводу…

Зубров устало прокомментировал для командира:

— Наши Школы друг друга на дух не переносят. Но встреча здесь, действительно, не плохой повод связаться и переговорить.

— Хоть что-то хорошее, — пробурчал Медведев, подтягивая шнурки на берцах.

Юрий повернулся к Ведущему:

— Да, я принимаю Вашу помощь. Сообщите в Школу о том, чему были свидетелями. И вот что ещё…

Он присел и одной рукой вытащил из кармана блокнот и карандаш. В сумеречном пространстве белый лист на колене выделился, словно светоотражающая заплатка. И её трепало холодным ветром, пока Юрий писал. Быстрая записка всего в пару слов. И Юрий сложил лист.

— Вот это прочтите после того, как мы выйдем из зоны видимости. И передайте это в Сварог.

— Хорошо. — Яромир задумчиво покусал губу. — Мне кажется, я представляю, что там…

— Счастлив ваш Бог, — усмехнулся Зубров.

— Да уж…

Всеволод быстрой тенью оказался рядом с Медведевым.

— Пресветлый. И я пойду с вами!

Михаил обернулся. За последние сутки почти постоянного сна бывший пленник, а ныне — член отряда, несколько восстановился. Ушли с кожи синие разводы, только кое-где оставив тёмные кривые, обозначающие границы спавших синяков. Практически прошла лихорадка. Только заострились черты. Да глаза стали тусклыми, словно неживыми.

— Нет. Не пойдёшь.

— Пойду. Даже, если прикажите остаться, — упрямо ответил Маугли.

— И прикажу, — усмехнулся Медведев. — И заставлю.

— Пресветлый!

— Разговор окончен! Идёшь с Яромиром! — и оттолкнул парня прямо в грудь стоящего за ним ведущего «щитов». Тур успел вовремя схватить за плечи мальчишку, удерживая от непоправимого.

От бешеного рыка и толчка Медведева Всеволод стал белым. Косо летящие иглы снега ужалили в лицо. Мгновение помедлил, а потом, стряхнув с себя руки ведущего, склонился в традиционном для тэра полупоклоне. Принял. И стремительно развернувшись, ушёл.

Михаил огляделся в поисках того, кому можно было бы доверить подопечного. Отставлять его просто так показалось непредусмотрительным, и даже преступным. Что-то связывало их, какая-то странная симпатия. И в ней он чувствовал за собой ответственность, чуть ли не выше той, которую нёс за «таёжников». Огляделся. Яромир исподлобья смотрел остро, выжидающе. Катько понимающе вытянулся в ожидании приказа. Только ни просьбы, ни приказа к ним не последовало. И тот, и другой и без воли уходящего последят за судьбой Маугли. Это Медведев хорошо чувствовал. Поэтому взгляд метнулся дальше, туда, где и нельзя было бы найти рай для пленника.

— Степан, слышь. Последи за Маугли. Прикипел я к пацану.

Полынцев помолчал, задумчиво потёр щетину. И кивнул.

Только теперь на душе Михаила стало легко. Если так долго раверсник решал для себя принять или не принять просьбу, значит, понимал, что за ней стоит. Значит, как бы оно не было дальше, а у него не будет к пленному вопросов. И, когда перейдут границу миров, Маугли будет свободен. И волен уйти со своими. Даже если и найдутся те, кто захочет воспрепятствовать уходу бывшего пленника. Ничего у них не выйдет. Потому что слово капитана «Р-Аверса» — это тебе не шоколадка, тающая во рту. Это булыжник, которым можно и здорово подавится.

Михаил кивнул понимающе и благодарно.

Вот, теперь, действительно, всё.

Глава 13
Гамаюн

Медведев остановился и из-под ладони взглянул в сторону леса. Тёмные громады ждали. Даже ветви колыхались только от порывов. Складывалось ощущение, что стервы замерли, боясь спугнуть их выход. «Словно кошки на охоте», — подумал он. Обернулся. Зубров уже стоял рядом. Хмурый, напружиненный. Стёр с лица снег, посмотрел недоумённо, — мол, чего встали? И вправду — чего? Не для того же, чтоб осматриваться. Глядеть вперёд, против снега и ветра, на тёмно-синие сосны — зачем? И так ясно, что там может ждать. И кто. Оглядываться назад — травить душу себе и тем, кто сейчас приник к камням и хмуро смотрит в спины уходящим.

Медведев повёл плечами, сбрасывая наросший снеговой покров с куртки, и возобновил движение.

Так и дошли до кромки леса — борясь с ветром, снегом и немного — с самими собой.

Ступили под сосны и уже через пару шагов за границей неохватных стволов почувствовали, что непогода отступила. За прикрытием хвойных гигантов и их меньших братьев, ветер и снег уже не властвовали так уверенно. Здесь им нужно было выбирать дорогу сквозь переплетенье веток, приходилось натыкаться на морщинистые стволы деревьев и обходить непролазные заросли кустарников. Тут был иной мир. И правили им другие законы.

— И где торжественная встреча праздничного ужина? Тортики с бантиками уже подали, а дегустаторов всё нет, — хмуро огляделся Михаил.

— Будут дегустаторы. Сейчас подальше отойдём, и налетят…

Они прошли не меньше двух десятков метров по лесу, прежде чем появились стервы. Тогда, когда домен оказался настолько далеко за частоколом деревьев и снежной круговерти, что даже ощущение близости обитаемого мира исчезло. Твари появились сразу, со всех сторон. Вот только не было, и тут же — с каждого дерева смотрит фиолетовая морда. Стервы висели вниз тяжёлыми лобастыми головами, зацепившись когтистыми руками за кору. Словно белки. Висели и сопровождали внимательными глазами все движения людей.

Медведев напрягся. Кулаки сжались. Да и самому захотелось стать меньше и пружинистей. Ярко осознал, что вот сейчас твари бросятся, измолотят, изорвут… И хорошо, если прикончат быстро, а не порвут и погонят по склону вверх, сдыхать в пути, как

Святослава.

— Воины, — напряжённо предупредил Юрий, — Магуры.

— Я понял. Жутковатые мордасы…

— Ну, нам с ними не целоваться.

Они действительно здорово отличались от тех, к виду которых Медведев сумел себя приучить за время боя. И не только тем, что по цвету напоминали один сплошной застарелый синяк. Ощущение, создаваемое их присутствием, было другим. Веяло животной силой, равной разве только чувству приближения крадущейся большой кошки. Опасность словно кристаллизовалась в каждой особи, всякое движение выдавало скрытую агрессию и уверенность в себе. Это были воины. С такими драться Медведев бы поостерегся. Просто сидела в мозгу занозой истерика проснувшегося инстинкта самосохранения — бежать, замирать или падать и притворятся мёртвым! Бросаться в атаку в трезвом уме казалось рациональным только ради того, чтоб быстрее всё кончилось.

Воины оказались покрыты тонкими пластинками, словно крабы хитиновым покровом или рыцари латами. К тому же сама конфигурация тела была иной. Больше охотников по весу и росту, они казались напряжённой мышцей, готовой к движению. Убранные за спину крылья напоминали металлические веера. Неизвестный материал отливал красным на остриях. И чувствовалось, что резать плоть эти лезвия будут легко. Руки стерв поражали несоответствием пропорций — очень толстые возле локтя, они становились хрупко-тонкими ближе к запястью. Сами кисти были вытянуты, с узловатыми пальцами и длинными когтями. К тому же у них были мощные хвосты, более подходящие ящерицам. Михаил задумался на мгновение, вспоминая, были ли хвосты у стерв-охотников. Память пасовала.

— Горгулий напоминают… — хмуро бросил он через плечо.

— Воины, скорее, тебе известны как стимфалийские птицы, — напряжённо отозвался Зубров.

— Э… Вроде что-то про Геракла? Те, что сыпали медными перьями?

— Увы, не медными. Только греки тогда не знали других металлов…

По инерции сделали ещё пару шагов и остановились. Вокруг — стервы. Родимец был прав — десятки, сотни, в общем, много. Каждое дерево и каждый куст оказывались их укрытием.

— А Геракл был человеком или тэра? — задумчиво спросил Михаил, оглядывая воинство.

— Быстро ты стал соображать, Мих, — усмехнулся Юрий и указал кивком, — Нам туда.

В той стороне магуры медленно прятались в крону, заползая на деревья задом наперёд. От жутковатых морд освободился неширокий коридор, уводящий от домена вниз по заросшему склону. Там, вроде бы, стерв не было. Явное предложение. Михаил кивнул, соглашаясь, и двинулся первым. Он вообще с момента выхода из каменного круга постарался оттеснить друга плечом к себе за спину. Как ни странно, Юрий смирился со своим новым положением. Может быть, понял, что друг сам о себе позаботиться, а может, решил, что это плата за совместную дорогу…

Двигались молча. Скованно, как под прицелами. Слитно, словно на параде. Ни на сантиметр Зубров не приближался и не отдалялся от правого плеча. Медведев постоянно чувствовал его движение рядом. Вплоть до того, что ощущал дыхание и сердцебиение. Это стесняло. Так неожиданно и сильно чувствовался другой человек. Он внезапно оказался в вихре не только своих мыслей и чувств. И не во всём эти мысли и чувства были двойниками его. Он не понимал, о чём они, но чувствовал, что часто слитность между ними отсутствует, волны чужого сознания не в такт бьются возле виска…

Идти пришлось долго. До самого дна расщелины. Спуск горки показался вечностью. Да и там останавливаться не пришлось. Стервы освободили коридором звериную тропу в ущелье и сгрудились полукругом за спиной, задавая направление. Медведев настороженно огляделся, отметив, что сопровождающих их воинов стало больше. Магуры мелькали в проёмах стволов, двигаясь параллельно, перебегая с место на место, меняясь местами, для того, чтобы не упускать пленных из виду. Двигаясь по освобождённому коридору, пришёл к не радующим душу выводам:

— Сразу нас не покрошили, значит, будут, как сладкое, есть с наслаждением.

— Возможно, — скупо отозвался Юрий.

Медведев поинтересовался, не оборачиваясь:

— У тебя есть ещё варианты?

— Есть, — коротко ответил тот, но продолжать не стал.

А Михаил не стал настаивать.

Свободное пространство появилось внезапно. Свободное… Поляна оказалась переполненной стервами. Охотники и воины, и даже Сирины — они замерли чёткими рядами, словно терракотовое войско, открывая людям проход к центру образованного круга. Охотники сидели на корточках, опираясь спиной на полураспахнутые крылья. Воины тоже присели, сложив руки на коленях, но в их посадке осталось напряжение сжатой

пружины. Сирины, всего с десяток девочек-женщин со странно пластичной анатомией, сидели на серых и пятнистых грифоголовых существах. Обнажённые, но такие гадкие, что взгляд не задерживался. И всё в тишине и строгой геометрии — Сирины, вокруг них охраной воины-магуры, затем кольцо охотников-скопов.

— Скимены, — выдохнул Зубров, из-за плеча друга разглядывая крылатых «коней». — Вот уж не думал, когда увидеть! Помесь птицы и зверя. Помощник, воин и советчик. Откуда они здесь?

Два золотистых грифоголовых существа с короткими шеями о четырёх шерстистых лапах под огромными крыльями стояли, замерев, словно послушные кони. На спине одного восседала женщина, едва прикрытая одеждой из белых шкур. Женщина настолько прекрасная, что казалось, её высекли из мрамора в те времена, когда знали, что такое женская красота! Михаил почувствовал, что губы пересохли, а сознание заполнилось бесстыдными картинами близости. Амазонка смотрела только на него. И плескалось во взгляде предложение, зов, жажда его рук и его тела, завораживали нежность приоткрытых губ и влага глаз.

— Гамаюн и Горгония, — сплюнул Юрий. — Вот, судьба подкузьмила!

Медведев услышал, но не понял, о ком говорил друг. Сознание затмевало жаром странной мозаики, в которой мешались сцены близости с картинами великих подвигов во имя прекраснейшей из женщин. Хотелось носить её на руках, ощущая тепло бархатной кожи, хотелось падать с ней в постель и согревать своим телом, хотелось подавать ей на мраморном подносе гранат и смотреть, как она ест, и сладкие ручейки стекают с губ, ползут по шее и повисают на сосках большими каплями, а женщина улыбается, улыбается призывно, вот сейчас…

— Мих, — тихо позвал Юрий, ткнувшись плечом в плечо.

— Да? — Михаил поморщился — так невовремя его потревожили.

— Красивая? — поинтересовался Юрий.

— Очень…

— Влюбился?

— Ага…

— Понятно, — протянул Юрий задумчиво. — А скажи-ка, какого цвета у неё глаза?

— Ослепительные…

— Какого цвета!

— Глаза… — Михаил задумался, нахмурился, стараясь

заглянуть за слепящую дымку, — Кажется… кажется… белые?

— А ногти длинные или короткие?

— Красивые.

— Длинные или короткие?

— А… — Михаил болезненно потёр лицо, сдирая пелену расплывчатости, — Длинные. Синие.

— Так. Она — блондинка или брюнетка?

— Она — совершенство…

— Волосы тёмные или светлые?

— Волосы… Такие… гребешками… — Михаил вдавил кулаки в виски — голову распирало, гудело внутри пустотой и метанием болезненных вдохов. — Не волосы это… Да… Гребень…

— Ага. А хвост?

— Хватит! — Медведев зарычал, и с бешенством закусил губу. Отрезвляющая боль пронзила до самой макушки. Поднял глаза — женщина осталась. Но стала просто женщиной. Слепящая, тонкая пелена, ореол, мерцающий пред ней, был погашен. Сознание не стремилось прорваться за пелену иллюзии, его пугало то, что ненароком оказалось видимым. Пусть даже сильное сосредоточение позволило увидеть всего лишь детали настоящего тела — это вызвало омерзение до дрожи и тошноты. Но силы воли достало, чтобы погасить воздействие чужого разума.

— Это — Гамаюн, — устало повторил Зубров. — Птичка вещая. Читает и формирует мыслеобразы человека. Способна организовывать линии судьбы, может видеть чужое будущее и прошлое, различать живое и неживое. Магический советник Королевы. Глашатай Её воли. Таких в гнёздах всего десятка два, но их хватает, чтобы миллион стерв был послушен.

— Понятно, — Михаил облизал губу, кровь не останавливалась, продолжая набухать каплями на местах укуса. — А кто за ней?

На втором роскошно-золотистом грифоне сидела тонкая фигурка, с ног до головы завёрнутая в чёрную ткань. Непропорционально длинные и худые забинтованные конечности и отсутствие движений создавали впечатление, что это мумия, выставленная для молений идолопоклонников.

Зубров вздохнул:

— Судя по всему, это — подруга Королевы.

— Она живая? — засомневался Медведев.

— Увы. Живее всех живых, — глухо усмехнулся Юра-сан и предложил: — Пошли, что ли… Перед смертью не надышишься, да и хозяйки заждались.

Адреналин гулял в крови вовсю. Сводило мышцы, мобилизуя

последние резервы. А их оставалось немного. Несколько суток без еды и тепла, да грязный снег вместо воды не добавляют мощности телу, каким бы тренированным и привычным к нагрузкам оно не было. Поэтому и шли медленно, и теперь подходили, не торопясь. Напряжение стало крайним. Так и чудилось движение набрасывающихся стерв в периферии взгляда. Дёрнешься, обернёшься — да нет, всё спокойно, стоят застывшие, как статуи на портике. А всё равно — жутко.

Когда до Гамаюна осталось всего метра три, она заговорила. Вроде и простым человеческим языком, но в ушах появился медный подголосок, будто не горло звуки издаёт, а колокол, разбуженный ветром.

— Желаешь чего, ты, не-сын-Кьоу, ни обделённый ни страстью, ни статью, прежде чем начнёшь дальний путь к сладкотелой?

Медведев зло ощерился:

— Напои-накорми, в баньке попарь да спать уложи!

— Твоя истина, Влекомый, — Гамаюн улыбнулась и чуть склонилась. Одно движение головы и, суетливо захлопав крыльями, побежали ей за спину десятка три стерв, захлопотали, исполняя невысказанную волю Глашатая. — Путь будет долог, утомителен и сух, полсолнца проведёшь, вздыхая о гнезде, опушённом тёплом живыми снятых перьев! И утомишься мыслями о полных грудях и полом животе Прелестнейшей, взыскующей тебя! Твоя истина!

От улыбки стервы Михаилу стало не по себе.

— Юр?

— Повезут к Королеве. В гнездо, — быстро отозвался Зубров.

— Они, что, здесь все вольтанутые? Раса лесбиянок?

Страж-тэра ответить не успел. Гамаюн, словно впервые заметив его, перевела взгляд и хищно оскалилась:

— Страж тебе не понадобится, Влекомый! В пути к мёдотелой мы охраним тебя от любого ветра! Подари стража нам или отправь обратно!

— Чёрто-с-два, — Медведев демонстративно заслонил плечом друга. — Либо с ним везёте к своей н*а*большей стерве, либо мы умираем оба.

— Она не набольшая! — Гамаюн взвилась, словно её подбросило.

Стервы вокруг вскочили на ноги. Истерические повизгивания и яростные взмахи опасных крыльев. Словно сотни цыганок поскидывали с плеч платки и пошли хороводить и верещать, ловя зазевавшегося прохожего. Только не для того, чтобы погадать.

Медведев сжал кулаки, сгорбился, напружинился перед

недолгой схваткой, и почувствовал поясницей близкое тепло. Друг встал спина к спине. Шансов не было. Но, как овцы на убой, они идти не собирались.

Гамаюн вскинула руку, успокаивая воинство, и пронзительно-высоким голосом запела восхваления:

— Она — тонкая, как ручей! Лёгкая, как крылья стрекоз! Нежная, как кожица ягоды! Её голос — сплетенье цветов! Руки, как самшитовые ветви! Она миронравная и…

— Юр, — сквозь зубы тихо позвал Михаил, делая вид, что выслушивает свалившуюся лекцию по достоинствам Королевы. Зубров качнулся ближе:

— Не обольщайся. Это она перед Подругой Королевы выделывается. Хотя — да, Стерва-мать здесь объект не только религиозного преклонения, но и обычных сексуальных фантазий. Кстати, советую эпитеты запоминать. Захочешь жить — придётся осыпать Гнездо комплиментами, а у тебя с ними, как у бегемота с грацией.

— Полагаешь, что есть шанс выжить?

— Теперь, думаю, да. Если тобой заинтересовалась Королева, то ещё немного поживём…

— А захотим ли?

— Ну… — Зубров усмехнулся, — пока этот процесс довольно-таки легко прервать, как видишь. Достаточно ляпнуть что-нибудь о мёдотелой. Как минимум Гамаюнов это взбесит, они эмоционально неустойчивы…

— Что-то мне это напоминает… — протянул Михаил.

— Довольно! — Глашатая гордо выпрямилась и тут же чарующе улыбнулась. Михаил почувствовал, как начинает терять контроль над сознанием и снова рванул губу. Теперь чувство реальности вернулось быстрее, — Ныне ты пройдёшь долгую дорогу для того, чтобы лицезреть истинное величие и красоту, восхититься и познать блаженство смерти!

— Замечательно, — буркнул Медведев, — Говорили мне, дураку, что красота — страшная сила.

— А ещё — «спасёт мир», — хмыкнул Юрий.

— Такая спасёт… блин… Догонит и ещё раз спасёт! В особо извращённой форме…

Друг за спиной крякнул.

Медведев повысил голос, прерывая Гамаюн, твердящую о том, что ждёт его в гнезде:

— Когда вы пропустите людей из домена?

— Отпустим? Людей из домена? — Гамаюн удивилась. Тонкие брови взлетели, на миг сгофрировав ткань иллюзии.

— Вы обещали отпустить, если я выйду… — Медведев

набычился, стиснув зубы. Происходящее давило чудовищной догадкой. Огляделся. Стервы, снова застывшие каменными изваяниями, никак не реагировали на диалог. Однако не было сомнений, что по первому жесту предводительницы пленников они порвут.

— Обещали, что простим и не уничтожим домен и границу меж Пределами, — вкрадчиво напомнила предводительница стерв. — Никто не обещал щадить и отпускать.

— Сукина дочь, — глухо выдохнул за спиной Зубров.

— Стерва… — заскрежетал зубами Михаил, но ругательство пропало пропадом. — Я откажусь идти к Королеве!

— Повезу без согласия, — равнодушно повела плечом стерва.

— Буду сопротивляться!

— Стража убью, — меланхолично накрутила локон на пальчик Гамаюн.

— Покончу с собой! — рявкнул Михаил.

Гамаюн открыла рот и тут же задумалась.

— Ну… зачем же так… сурово… — стерва покосилась на тёмный силуэт у себя за спиной. — Не торопись к смерти, и она сама придёт к тебе в обличии великолепия и сладости!

— Ничего. Мне и так сойдёт. Я не сладкоежка.

Гамаюн покусала губы и неуверенно улыбнулась:

— Но воин ты. И слово «приказ» для тебя — святая молитва… Ты поймёшь ту, которая должна сделать недоброе с твоими слугами, ибо несёт слово своей Королевы.

— Пошла к чёрту, — спокойно пожелал Михаил. — Они мне не слуги и понимать тебя я не намерен.

— Увы, — Гамаюн вздохнула и снова улыбнулась: — Тогда, возможно, ты послушаешь ту, которая ради твоего блага и милости готова остановить на время силы сладкопетого Слова?

— Ну?

— Рарог посылает Слово и по этому Слову возводятся и рушатся небеса, — стерва молитвенно вскинула руки и продолжила, посмотрев значительно. — Я задержу мелодию Слова на мелкое мгновение, настраивая горло для великой песни.

Михаил задумался. Что-то важное пыталась донести Гамаюн этими словами, но смысл ускользал от него.

— Она приостановит исполнение приказа об атаке. За это время нам нужно добраться до Королевы, у которой ты и сможешь выпросить жизни ребят, — тихо растолковал Юрий.

— Согласен, — хрипло крикнул Михаил. Теперь он на многое был согласен. — Сколько продлиться путь?

— Сперва по горам — день. Потом по степи — день. Потом в триумфальной аллее — ночь. Потом — в гнезде мёдотелой… —

Гамаюн загнула пальцы и подняла вверх — Всего три дня! Это — хорошее время, Влекомый!

— Да уж. — Михаил опустил голову. Люди в домене устали, они каждый день сражаются с голодом и холодом…

— И хорошая погода, — радостно продолжила предводительница стерв. — Снег! — она подставила ладонь под хрупкую снежинку. Резко сжала пальчики и повернула кулачок. Раскрыла ладошку и стряхнула с неё каплю: — Снег — это вода. Вода — жизнь.

— Да. И минус тепло на его таянье, — глухо отозвался Медведев.

— Они ещё поживут, прежде чем увидят величие последнего часа и услышат его песню, — неумело попыталась успокоить стерва.

— Поживут, — глухо повторил пленник.

Огляделся. Сосны шумели неугомонными кронами. Сыпал мелкий снег, похожий на конфетти. Зло вился меж стволов ветер. И рядом, на расстоянии рывка, застыли напружиненными громадами крылатые твари. Чудовищно противные морды. Опасные лезвия. Когтистые лапы. Но всё же — здесь было теплее и спокойнее, чем там, в домене, где ветер, холод, голод и ожидание сводили на нет его ребят. Катько, Родимец и Батон — вот и всё, что осталось от его «Тайги». Полынцев… Маугли. Яромир. Да незнакомые, но тоже свои, «щиты».

По знаку Гамаюн сквозь открывшийся коридор прошествовали два грифона. Эти были серые, с накидками из жёлтых шкур на спинах. «Амазонка» изящным движением руки пригласила садиться.

— Карета подана, — задумчиво протянул Зубров, выглянув из-за плеча. — Поехали, Золушок? А то фея может опять вспылить.

Скимены плотоядно косились, когда люди вскарабкивались им на спины. Юрий постоял несколько секунд, соображая, как влезать на грифона, а потом забрался первым — показал пример. Оберегая покалеченное плечо, он упёрся сапогом в колено зверю, схватился за короткую гривку у холки здоровой рукой и одним махом навалился животом на спину «коня». А потом и сел — корпус прямой, ноги свободно свешены, руки уверенно подхватили уши грифоголовой животины. Медведев несколько задержался, с непривычки не приноровившись. На лошадях ему ездить приходилось, но навык уже порядком позабылся. Отыскав нужные точки опоры, забрался верхом. Не сразу схватился за уши — зловредный грифон мотал головой, не давая себя поймать. Зато, когда уши оказались в руках, Михаил вцепился в них с

такой силой, что зверь присел на задние лапы и заскулил-заквохтал. Прямо как смесь щенка, встряхнутого за шкирку, с курицей, получившей пинок под зад. Зубров только усмехнулся со своего «рысака». Грифон под ним стоял влитой, боясь даже пошевелиться. Только косился янтарно-жёлтым глазом.

— Следуй за мной, Влекомый! — распорядилась Гамаюн и тронула уши своего «коня». Золотой грифон с места рванулся, развернулся почти на месте и гордой припрыжкой, синхронной вздрагиванию собранных крыльев, тронулся в сторону от домена.

Подруга Королевы тенью двинулась за Глашатаем. Переглянувшись, Медведев и Зубров послали своих грифонов вслед за ними. Дорога меж гор вела на запад. В процессе дикой пляски на спине грифонов, люди успели заметить, что воинство стерв быстро распалось на две части — одни воины остались возле домена, а другие взялись сопровождать командование и пленников.

Процессия поплелась со скоростью пешехода. Скименам негде было развернуть свои массивные крылья, никчёмным грузом тугих мышц и огромных перьев громоздящиеся над спинами. Деревья, то, раздаваясь, позволяли двигаться пленникам рядом — стремя в стремя, — то сжимали так, что и одному грифону пройти меж стволов оказывалось тесно. Стервы вокруг исчезали и появлялись, едва заметными глазу рывками взлетая по стволам наверх или планируя к земле и припрыжкой преодолевая свободные участки. Посчитать количество воинов в сопровождении возможности не было. Зато Сирины являли себя во всей красе. В обличии птицедев они напоминали, скорее, бабочек: тело человечье, только тонкое и гнётся, словно пластилин, а за спиной крылья цветные и пёстрые, как у павлина. Когда стайка из пяти Сиринов заходили над головой — в глазах Медведева рябило, охватывало ощущение, как перед бомбардировкой и хотелось инстинктивно пригнуться к шее грифона.

Снег стал мелким и редким, но заметно похолодало, даже несмотря на то, что горы прикрыли от ветра. Видимо, зима в эти суровые края пришла не погостить. Не на шутку тёмное небо грозно нависало над землёй, и казалось, тучи задевают вершины самых старых сосен. Михаил, пока представлялась возможность, оглядывался, подсознательно желая найти отличия меж мирами. Но, кроме странной расы стерв да их служебных «собак» — навий и «лошадей» — скименов, ничего больше не обнаруживал. Это вызывало недоумение. Словно два мира являлись раньше одним, но чья-то воля их разделила и заповедовала: этот — людям, а этот — стервам. Хотел поговорить об этом с Зубровым, но расстояние

меж грифонами не позволяло спокойно поговорить. Пришлось бы кричать, чтоб переорать шум движения десятков стерв и гул ветра по вершинам крон.

Когда стало темнеть, скимены выбрались из тесного ущелья. Горы кончались внезапно. Широкая полоса леса у подножья, а дальше — степь. Заросшая, как всклокоченная шерсть старого пса. То здесь, то там — островками низкие кустарники, а дальше — волны белёсого ковыля. Обычная степь. Только запорошённая. Здесь стервы смогли подняться в небо.

— Ветер стих! Ты приносишь удачу, Влекомый! — засмеялась Гамаюн, пуская своего грифоголового мустанга в полёт.

Вслед за ней стервы с ликующими воплями раскрыли крылья и поднялись в небо. Тут-то и стала видна разница — охотники поднимались быстро и, свободно взмахивая крыльями, легко метались под тучами. А тяжёлые, словно нажравшиеся стервятники, воины взлетали не сразу, делая долгий разбег. Зато, поднявшись, крылья раскрывали по ветру и планировали. Явно хищные привычки.

Зубров пришпорил своего скимена и тот вслед за собратьями пошёл странным галопом. А крылатый «конь» под Медведевым сам последовал за остальными. Тому оставалось лишь держаться крепче. И он быстро ощутил все прелести поездки на малоизвестном существе. Грифоголовый отталкивался лапами, делал взмах и несколько метров пролетал, планируя, дальше приземлялся на все четыре и снова делал разбег в два-три шага. Галоп — не галоп, полёт — не полёт, но качало невыносимо. Рывком — то вперёд, то назад. Поднимался в воздух — почти прогибало на круп, опускался — ударяло о массивную редкооперённую шею. Если ненароком, в попытке удержаться, дёргал скимена за уши — тот вскидывался, всхрапывал и судорожно взбивал крыльями, в результате чего седоку доставалось по плечам перьями. Михаил хрипло матерился, но никак не мог приноровиться к ходу. Постепенно время в полёте удлинялось, а пробежки становились короче. В конце концов, скимен стал лишь изредка отталкиваться лапой-другой от земли, для того, чтобы сохранить положение в воздухе. Вскоре, он уже парил, поднимаясь выше.

— Мы тяжелее стерв! А скимены вымотанным переходом! — крикнул Зубров. — Поэтому так долго поднимались!

— Понял!

Медведев всерьёз задумался над аэродинамическими характеристиками мистического существа. Получалось, что размах крыльев, по теории, не соответствует переносимому грузу. Тем не менее, грифон парил. Тяжело, как курица, пожелавшая

изобразить из себя сокола. Но — парил, недалеко от земли, никак не справляясь с задачей и не имея возможности подняться выше, туда, где под облаками легко и свободно летели золотые грифоны высших стерв.

— Ничего-ничего, — Михаил, почти освоившись со своим положением, погладил грифоголового по шее, почесал мех между редких перьев. — Доберёмся, Пушок…

Скимен покосился жёлтым глазом и щёлкнул клювом. То ли поблагодарил за поддержку, то ли пообещал откусить то, до чего дотянется, когда полёт закончится. Медведев хмыкнул. Животина, может, и не была разумной, но честно выполняла задачу. Горячая шея под серыми перьями указывала на напряжение и усталость.

Вокруг тяжело летящих скименов кружились стервы. Выше, мирно перещёлкиваясь и пересвистываясь, парили Гамаюн и Подруга Королевы. Время тащилось медленно, словно подранок. Горизонт оставался тёмен и далёк. А тело, не привычное к таким переделкам, сводило от напряжения…

К вечеру усталость стала невыносимой. Болели мышцы, рябило в глазах. Руки тряслись, и нередко Михаил ловил себя на мысли, что уже почти разжал пальцы и рухнул в сон. Скимен всё чаще припадал на лапы и от этого «болтанка» усиливалась и удерживаться верхом становилось всё сложнее.

Когда стервы опустились на землю, он даже не понял. Сообразил, что грифон снова ухнул вниз и механически вцепился в шерсть в ожидании нового рывка. Но его не последовало. Устало мотая головой, «конь» пробежал ещё несколько шагов и поджал крылья. Только это и спасло седока от падения. Утомлённое тело уже рушилось в бок, но вовремя подставленное крыло остановило движение. Медведев опёрся рукой об оперённый локоть и уронил на неё голову. Спать!

Очнулся от того, что заломило ноги. Открыл глаза — так и есть! Зубров стаскивал его со спины прилёгшего «Пушк*а*». Тот косился, но не перечил. Положив клюв на сложенные лапы, устало перебирал когтями землю.

— Уйди! — Михаил оттолкнул друга и сам спустился вниз.

Привалился к горячему крылу — скимен только лениво повёл головой и прикрыл глаза. Значит, ничего не откусит. Выдохся, бедняжка.

— Ты как? — Юрий сунул фляжку.

— Так фигово было только на Лхотзе… — отозвался Медведев и глотнул. Горло опалило, и надрывный кашель потревожил уставшее тело. — Сволочь! — просипел Михаил, откашлявшись, — Я думал, это вода!

Зубров устало потёр лицо:

— Нету воды. Кончилась, — и потянулся забрать флягу.

— Куда?! — возмутился Медведев и снова приложился к фляжке. Теперь уже — с соответствующим напитку чувством.

Пока пил, на своём золотом подъехала Гамаюн. Посмотрела на сонных, уставших людей и звонко рассмеялась:

— Иди в гнездо, Влекомый, и насладись покоем и тишиной.

Её взгляд не предвещал ничего хорошего. Предводительница стерв тронула за курчавые уши своего грифоголового зверя, и тот одним рывком крыльев сорвался с места. Воины, стоящие вокруг плотным частоколом, слажено раздались в стороны, и людям открылся коридор к «гнезду».

— Юрта, — определил Михаил. — Вигвам. Короче, что-то из шкур и…

— И костей, — спокойно докончил Юрий. — У них тут с пластмассой и бетоноконструкциями как-то не сложилось, однако.

С трудом поднялись и, качаясь, прошли сквозь охранное кольцо магуров. Зубров время от времени поддерживал друга, хотя и сам с трудом передвигал ноги. Две охотницы-скопы предупредительно откинули шкуры на входе, подцепив их копьями, и склонились в полупоклоне, когда люди ввалились внутрь.

Глава 14
Гнездо

Первое, что оценил Медведев, оказавшись внутри «гнезда» — тепло. Словно помещение имело обогреватель и толстые стены срубовой избы. Уже через пару минут оглядывания скромного внутреннего убранства захотелось скинуть куртку и ботинки.

Шкуры — разноцветные, разномастные, неизвестных и известных животных — лежали повсюду тёплым пушистым ковром. В середине шатра в воздухе висело маленькое полупрозрачное солнце, палящие во все стороны язычками чуть больше мизинца. Именно от него исходил жар. Огонь, свёрнутый в клубок, отливал зелёным, и только потому был виден.

Медведев толкнул плечом друга и указал:

— Это что?

Зубров бросил короткий взгляд:

— Печка.

Его мало интересовали предметы быта стерв. Взгляд стража ощупывал стены и полы.

— Да я понимаю, что не Альфа Центавра… — проворчал Медведев и продолжил осмотр.

Чуть правее «солнца» в шкурах был провал, размером с хороший шкаф. Словно выкопали яму и в неё ввалились пушистые меха. От котлована шёл тонкий аромат и вился дымок. Ещё правее лежал резной каменный поднос, такой тонкий и изящный, что материал, из которого он был сделан, угадывался только по характерному рисунку среза старого агата. На подносе горкой лежали фрукты — незнакомые и знакомые. Рядом на маленькой каменной чаше располагалось зелёное яблоко. «Дичка», — сразу определил Михаил. Подле стоял полый хрустальный кристалл, наполненный сочно красной жидкостью. За каменной вазой на искусно вырезанной коре лежали куски мяса.

— Пойдём, что ли? — позвал Зубров и скинул ботинки.

Медведев присоединился. В удовольствие постоял босыми ногами на белом меху.

— Ляпота, — протянул он и первым двинулся к импровизированному достархану.

Упав рядом с блюдами, Михаил с трудом сдержал себя, чтобы дождаться друга, настороженным зверем оглядывающего стены. Чудовищно, просто безумно хотелось есть. Вот только что почти валился с ног и не мог себя удержать от засыпания, но, увидев

яства, понял, что голод пересиливает усталость. Когда Зубров утомлённо опустился рядом, Михаил уже потянулся к фруктам.

— Яблоко не ешь, — устало предостерёг Юрий. — А остальное должно быть нормально.

— Почему? — рука вильнула над блюдами и перенацелилась на странный зелёно-фиолетовый сочный фрукт на подносе.

— Возможно, райское, — зевнул Зубров и подцепил себе куст ягод, напомнивших виноград.

— И что?

— Ну… Не стоит есть райское яблоко, если его предлагает женщина, — пожал плечами Юрий. — А вдруг её имя — Ева?

Медведев разбираться в хитросплетениях этого постулата не стал — кто их знает, этих тэра, да эти параллельные миры — может где в другом месте и вправду яблоки значат совсем не то, что в привычной реальности. Тем более, что то, как отдельно отложенное и словно нечто особенное оформленное лежало обыкновенное яблочко, заставляло задуматься — а вдруг оно, как та «икра заморская, баклажанная» будет?

— Резонно, — отозвался Михаил и взялся за «кувшин». Красная жидкость оказалась кисловатым соком. Обычным, не забродившим. Впрочем, после пары больших глотков водки из фляжки Зуброва, и это было амброзией.

Михаил жевал, запивал и поглядывал на яму, выложенную короткошёрстными мехами. Внутри неё парила тёмная вода, приправленная травами. На дне расплавлено-алым огоньком плавало «солнышко-обогреватель» размером с кулак. Запах от «ванны» шёл одуряющий, словно смешали пихтовую смолу и сандаловое масло. Было такое у жены, и Михаил ещё помнил аромат. Последнее время, правда, Наташа перестала им пользоваться, сославшись на недомогание… Михаил вздохнул и отложил приторный фрукт в сторону. Дома, далеко-далеко, там, куда неизвестно — вернёшься ли ещё, осталась его женщина. И сурово казнила печаль понимания, что изменения последнего месяца могут значить только одно. И одна новость и радость ждёт его возвращения. Но как теперь получится… Переживёт ли жена боль его потери? Доносит ли маленькое чудо подсердечное? Захотелось поделиться с другом подозрениями. Но вовремя вспомнил, что друг-то уже пять лет как вдовец. Говорить ему о своих «сердечных» бедах — бередить старую рану.

Зубров же посмотрел на задумчивого товарища, достал фляжку и бултыхнул возле уха. Звонкий плеск однозначно указал на нехватку важного ресурса. Вздохнул и передал водку Михаилу. Тот глотнул и вернул полегчавшую фляжку.

— Ты не волнуйся за неё, — Юрий отвёл глаза и сжал-разжал

кулак — приготовился. — Наши присмотрят.

— И за ней следили? — Михаил и сам почувствовал, какая глухая тоска и злость пробились в голос. Вот так вот, живёшь и не знаешь, что за тобой и твоими ближними ходят по следу то ли стражи, то ли конвоиры.

— Типун тебе! — зло отозвался Юрий и хватанул из фляжки. — Следили! — передразнил он. — Да ей под ноги ковры стелют! А ты — следили! Её нянчат день и ночь! Каждую минуту приглядывают! И не один, не двое — два звена на этом работают! А ты — следили!

— Она — тэра?! Из ваших? — Скулы свело от напряжения. Зубров отвёл глаза. — Сукин ты сын! — Михаил броском заграбастал плечи друга, встряхнул, заставляя посмотреть прямо. — Тэра?

— Ну, — Юрий совсем спал с лица, глухо заворчал — И что с того? Но жена же! Ты ж её любишь… Не всем же людьми быть!

— Значит, тэра, — Михаил с трудом продышался, закрыв глаза. Открыл, посмотрел на руки — побелевшие кулаки дрожали на вороте друга. — Значит, её тоже… Как тебя, да? Ко мне приставили? Следить?

— Охренел?! — Юрий сорвался на крик. — Умом тронулся?! Паранойя одолела?!

— Юр, — Михаил отпустил и устало отсел, — ты не ори, а? Просто скажи.

— Просто! — Юрий зло одёрнул куртку. — Просто только сказки сказываются!

— Вот и расскажи мне… сказку.

Тишина повисла не надолго.

— Тэра, — остывая, признал Юрий. — Но не нашей школы. Из Хоро-сет. И не подставная она! Мы тебя под охранение взяли сразу, как только ты Путь Отцовства принял. А тут ты сам Наташу нашёл. В школах такое смятение было! Чуть до конфликта с Хоро-сет не дошло. Вовремя связались с их старшинами и… — Юрий напоролся на уставший, больной взгляд друга и осёкся. — Короче, любит она тебя. По-настоящему. Ведьмам не прикажешь, знаешь ли.

— Ведьмам, — смакуя, протянул Михаил и грустно улыбнулся. — И серьёзная ведьма?

— Да уж куда серьёзней, — хмыкнул друг. — Ведунья старшего круга!

— Ни о чём не говорит, — улыбнулся Михаил и, потягиваясь, стащил с себя куртку. От тепла «солнышка» да после еды тело разогрелось и разомлело. Стало светло и хорошо на душе. Чёрные подозрения ушли в прошлое, а в настоящем осталось глупая,

возможно, но гордость: жена — ведьма. Настоящая. Интересно только — приворотное зелье каждый день в чай подливала, или раз в месяц?

Юрий словно мысли подслушал и улыбнулся:

— Любовь — материя тонкая. Если уж она есть — значит, есть. Если нет — значит, нет. Тэра её чувствует как воздух, как воду, как свет. Она жарит кости, лёгкие свербит, сердце переполошивает. Любовь — это наполненность силой. Она священна, как молитва, как сатори, как Божественное откровение. И, если тэра любит, то это не игры сознания, не ошибка, не самовнушение. Любовь — чувство, которое мы хорошо умеем отличать.

Под тихие монотонные объяснения друга Медведев скинул одежду и растянулся на шкурах. Тонкие волоски меха приятно жалили уставшую кожу. «Альфа Центавра» пушисто искрилась на расстоянии вытянутой руки, заботливо тянулось лучиками в сторону человека. Михаил не отказал себе в удовольствии и любопытстве естествоиспытателя — потянулся и подставил ладонь: «Что это может быть? Стабильное образование типа шаровой молнии? Хитрый вариант изотопного распада? Типа радиофосфора, но стабильнее и без радиации? Или ещё что?.. Но у шаровых молний не бывает протуберанцев… Минисолнце? Зелёный карлик?». Огня не было. Мягкое доброе тепло щекотало пальцы, тонкими зеленоватыми язычками пробегая по коже.

— Юр, — Михаил опрокинулся на спину и поманил «Альфу Центавра» за собой — солнышко послушно сдвинулось и зависло на пальце, словно мячик у виртуозного жонглёра. — Что значит этот ваш Путь Отцовства? Почему меня охраняли? Зачем я вам?

Юрий промолчал. Раздевшись, лёг рядом. Схватил с каменного подноса горсть орехов и методично стал раскалывать, складывая по горкам раздельно ядра и скорлупу — по всему видно, тренировал ущербную руку. И получалось это у него до того ловко, что, если бы Михаил своими глазами не видел, что плечо было вывихнуто, не поверил бы в травму.

— Юр, белку-то не изображай…

— Думаю.

— Как бы сказать так, чтоб ничего не сказать?

— Угадал, — усмехнулся Зубров.

— По-моему, у нас не так много времени осталось.

— Да знаю я! — поморщился он. — Только надежда-то умирает последний! Если ты сможешь выбраться, то излишнее знание отяготит твою жизнь. А, если нет?

— То надо б знать, за что всё это. И — зачем.

Юрий ткнулся лбом в сложенные руки. Михаил помолчал в

ожидании ответа, а потом приподнялся и хлопнул друга по плечу:

— Ладно, забудь! Проехали.

Юрий вздрогнул, обернулся. Медленно покачал головой:

— Не проехали. Слушай. Только обещай мне…

— Да не нужны мне твои тайны! — огрызнулся Михаил. — Твои! Твоих Пресветлых! Своих проблем хватает, блин. Пошёл я… в компот купаться!

Поднялся и, пройдя пару шагов, тяжело скользнул в меховую яму. Ухнул, оказываясь в горячей воде. Сунулся с головой, вынырнул, зафырчал, отряхиваясь. Что-то преувеличенно-бодрое напевая, принялся смывать пот и пыль. Морщась, обмывал раны и царапины. Сперва они зудели, отзываясь на тепло и целебные составляющие ванны, потом распарились и стали только тихонько покалывать при натяжении мышц. Сошли корки крови и грязи, и под ними обнаружилась новая тонкая кожа. Разглядывая её, Михаил удивлённо хмыкал — тэра постарались на славу.

— Ты принял на себя судьбу своего двоюродного брата, погибшего на восхождении.

Михаил обернулся. Зубров говорил отрывисто и быстро. Словно заставлял себя.

— Он был тэра. Как и его отец. Подготовленный тэра с особой миссией. Когда ты принял на себя ответственность за его смерть, линии Судьбы сместились. Не спрашивай: как? — всё равно не отвечу, не моя эта вотчина — знать такое. Но факт — ты и так имел высокий потенциал, но, приняв будущее брата, стал уникумом. Потому и взяли под опёку.

— А Сашка? — спросил Михаил и тут же додумался: — Ах, да! Стал бы воином? Он же поэтому в армию попёрся…

— Нет. Он служил бы под такой защитой, что и себя бы мог держать в форме и на рожон бы лезть не пришлось, — хмыкнул Зубров и, отведя глаза, сглотнул: — Я бы постарался.

Медведев замер на миг. Вспомнилось, как сам рвал и метал, потеряв брата, сманенного в горы. Как не спал ночами, тупо глядя в потолок. Как бешено зубрил предметы — до умопомрачения, до тумана в глазах. Как гонял себя на тренажёрах, выводя с потом слёзы. Как дрался, стискивая крики ярости и боли глубоко внутри… Вспомнился Святослав, стоящий на коленях перед своим Ведущим. В покорности позы сквозило отчаяние. Тогда оно было не понято, не замечено, но вот теперь осознано с должным чувством. Не может страж оставаться сиротой. Невыносимо это существование для того, кто честен со своей совестью.

Локоть заломило острой болью. Вспомнилось прикосновение уходящего Святослава. Снова накрыло волной жара, пронзающего кости, опаляющего дыхание, сердце доводящего до одури…

Поднял рубашку, обтёр влагу с кожи. Расстелив ставшую мокрой одёжку, поманил послушное солнышко — просушить. А сам сел рядом с другом. Тому требовалось его присутствие.

— Поэтому тебя ко мне? — тихо спросил Михаил.

— Милосердный ведущий школы дал мне шанс. Потому что я не был с хранимым в его последнем восхождении.

За хмуростью и кривой усмешкой Юра-сан неумело попытался скрыть боль. Это было так явно, что Михаил даже растерялся, не найдя, что ответить.

— Если бы ты знал, как я тебя ненавидел, — вдруг тихо сказал Зубров. — Я, когда послушание принимал, думал, как ещё получится сдерживаться! Думал, что не смогу выполнить задачу и сам тебя в первую же встречу порву. Дураком был. Не понимал.

Михаил покосился на хмурого друга, остервенело мявшего плечо. Нелегко далось ему признание. Но, видно, жгло изнутри, раз захотелось выплеснуть и рассказать о давно, казалось бы, изжитом.

— Мне мозги вправил твой дядя… Он милосердный и справедливый ведущий.

— Что? — Михаил вскинулся, прерывая. — Дядь-Женя?

Зубров кивнул, не оборачиваясь. Со злостью снова вцепился в плечо, замял его, до кости, до боли прожимая горячие мышцы, оставляя красные следы на коже.

— Не смотри, что он в жизни кажется тупым солдафоном с отмороженными мозгами. Роль у него такая. Иначе нельзя. На самом деле он стратег школы Сваро-га. Вроде разведчика в глубоком тылу со своей агентурной и боевой сетью. Когда с тобой выяснилось, он сразу взял тебя под свою опеку. Для тебя сделали это задание, специально удалили из заселённых городов, чтобы можно было контролировать каждый шаг, каждый контакт, чтобы — не приведи небо! — раньше времени кто не инициировал! А для абсолютной защиты рядом с тобой собрали целую команду «куколок», чтобы у тебя, как инициируешься, был свой отряд.

— Ребята? — ошалело спросил Медведев.

Зубров кивнул:

— Ага.

— Кирпич, Родимец, Славян, Ворон?

— И даже дурак-Батон. Да. Все — «куколки».

Михаил покачал головой:

— Долго набирали?

— Да. Почитай года два отбор вели. Абы кто тут не подошёл бы.

— Понятно. Это поэтому, да? — хмуро спросил он, зная, что друг и без продолжения всё поймёт.

— С Полынцевым сцепились из-за Маугли? — уточнил Юрий. — Вероятно, да. Даже «куколка» ощущает сродство с тэра и тянется сойтись, а уж тем более помочь. А тут избивали по полной, да ещё и действительно чистокровку. Как было не взвиться! Я сам чувствовал, что уже дурею, что ещё чуть и вывернет наизнанку. Но выдавать себя было нельзя, а весточку послать о парне, чтобы кто со стороны помог — некуда уже стало…

— Понятно, — кивнул Михаил. — Да. Теперь это понятно.

— Кровь у вашей семьи сильная, — Юрий вернулся к основной линии разговора. — Предки были знаменитыми воинами. И не только. Стратегами были. Жрецами. Не в каждом поколении, конечно, но довольно часто рождались тэра. Иногда — со знаками особой миссии. У твоего брата была метка Отца.

— Кого?

— Отца. Его сила должна была послужить для зарождения новой жизни. Не понимаешь? — Зубров задумался. — Сам он был слабосильным тэра. Но в его семени проявлялись вибрации высоких судеб. Его сыновья стали бы величайшими магами, воинами, ведущими, стратегами. Дочери — жрицами, матерями, ведуньями. Они несли бы заряды максимальной силы. Могли бы менять жизни и судьбы целых народов. Может быть, изменили бы наш мир к лучшему.

— Мессии? — тихо спросил Медведев. Зубров кивнул. — И эту судьбу принял я?

— Да, — он устало потянулся и опрокинулся на шкуры. — Ты теперь Отец. Даже больше того. У тебя была своя роль — Наставника. Твой брат дал бы сильное потомство, а ты бы его воспитал в любви и служении к человечеству. Так появилось бы поколение высочайших по силе тэра. А Храму позарез нужно сильное новое поколение — в междоусобице в девяностых погибло две третьих Славянского Схода. Ещё бы немного и нифига бы на русской земле не осталось. Границы отстаивать стало бы некому.

— Теперь мои дети станут тэра?

Юрий пожал плечами, но потом признал:

— Вероятность высока, учитывая, что инициация часто проходит от матери к ребёнку. Но главное не в этом. Главное — они будут особенными. И для тэра в том числе.

— Не понимаю.

— Думаешь, что тут в генетике дело? — усмехнулся друг. — Нет. Это не из той же оперы, что скрестить овчарку с догом и дожидаться умного и рослого потомства… Гены — это так, набор физических носителей для определения телесных и немножко

психических качеств человека. Основой, матрицей они являются только для того, что можно пощупать руками. Главное же кроется в самой сущности — в духовности, морали, нравственности. Именно они — матрица энергии любого существа.

Зубров, закончив лекцию, потянулся и, опёршись о края ямы, одним рывком вырвал тело из воды. Поднялся, подвигал рукой, проверяя работоспособность. Подождал, пока стекут капли да услужливо подлетевшая «альфа центавра» подсушит кожу. Задумчиво сжал-разжал кулаки. Было заметно, что сказал не всё.

— К чему ты всё это?

— Твои дети изначально будут иметь матрицу с большой степенью конфликта. Ты — порт, туннель, коридор, по которому пойдут силы крайних вибраций. Высокие — Света. И низкие — Тьмы. Конфликт будет настолько мощным, что твоим детям, возможно, удастся изменить саму нравственность человечества. И для того, чтобы они остались с людьми, а не ушли с тэра, тебя и берегут от инициации. Чтоб воспитал соответствующе.

— Вот тебе и раз! Что — последний приход Мессии на землю был слишком давно, по-вашему?

— Давно, — сухо отозвался Юрий. — Под контролем сил, заинтересованных в консервации морали, человечество пропустило три точки, когда можно было изменить мир и вывести его на новый виток.

— Изменить мир к лучшему, — Медведев покачал головой. — Громко сказано. В это столько труда вбухнуть надо! А человек — скотинка ленивая, он так просто меняться не будет. Его придётся постоянно хворостиной подгонять.

— Для того, чтобы изменить мораль, хватит одной жизни. Одного человека. С сильной матрицей и точным знанием того, чего он хочет добиться. И всё меняется. Достаточно только кровь пролить в нужном месте и в нужное время. Ну, да это тебе уже Маугли объяснял.

Михаил набычился и коротко спросил в лоб:

— Хочешь сказать — жизни моего сына.

— Почему же сразу сына, — проворчал Юрий, отвернувшись.

— Не пугай меня — я пугливый, — угрожающе процедил Медведев. — Ладно, мужик за свои представления или представления ваших пресветло-мудрых голову положит — не первый и не последний. Дело такое, мужское… А девчонкам по домам надо сидеть, детей воспитывать. Или ваши высокопресветлые этого не понимают?

Зубров совсем нахмурился, остервенело затёр плечо, словно оно являлось виновником нынешнего разговора. Сел у достархана, накинул на плечи куртку. Запах пота и дыма из ткани

смешался с ароматом смол и трав. Взъерошил мокрый «ёжик» волос — полетели мелкие капли. С трудом нашёл слова:

— Мих, мученическая смерть — не единственная хворостина для понукания человечества. Но не пытай меня — как там всё обернётся. Я не ведаю будущего. Ни твоего, ни своего, ни всеобщего. Моя роль — стражество, а не пророчество. Я защищаю и знаю — что и ради чего. Для меня ты — тот, через кого идёт сила Бога. Но ты свободен в своём выборе и праве быть Отцом. Я — гарант этого. Поэтому ты — владелец колоссального дара для любого народа, любой расы и любого человечества…

И так он это сказал, что всё сразу встало на свои места.

— Так, — стиснул зубы Медведев.

Скулы свело настолько, что в ушах загудело. И захотелось бежать, бить, пробивать стены или покорять вершины. Но где-нибудь подальше отсюда. Здесь ситуация уже вышла из-под контроля и от себя деться стало некуда. От себя да от судьбы. Вот и пришлось стиснуть зубы, чтобы сознание не забылось, не сбежало, не переметнуло внимание на что-то иное. Главное оказалось сказано. И понимание не замедлилось.

— Вот, значит, почему…

— Значит, — Зубров отвёл глаза.

— Я, значит, ценный ресурс. Донор, — зло усмехнулся Медведев.

— Значит, — повторил друг.

— А я-то думал, что за смерть Сирина ответить везут…

— Что им смерть Сирина? Так, мелкий феодал! — Зубров продолжил смотреть куда-то вдаль, словно стремясь взглядом пронзить толстые шкуры шатра, преодолеть горизонт и поджечь далёкую звезду, пока не видимую людям. — Речь идёт о престолонаследовании и о самом существовании гнезда! Они потенциального отца ищут веками. Матка способна от одного соития создавать потомство неограниченное время в любом количестве, но при этом не происходит эволюции гнезда, рождаются клоны друг друга. Для того, чтобы появилось более совершенное поколение, должна видоизмениться матрица. В неё вносят коррективы слиянием с новым Отцом.

— Они, что, совсем разницы не видят? Я — человек, а не стерв! — угрюмо огрызнулся Михаил. Перспектива, нарисованная Стражем, начинала пугать.

— Им всё равно, — без эмоций, словно пустой набор слов, произнёс Юрий. — Речь идёт не о физическом слиянии, а об энергетическом. Какого ты человечества — не имеет значения. А стерв мужского пола есть, но он существо, по сути, нужное только для физической матрицы. Он используется один раз, после чего

умертвляется.

— Весело. Как у пауков. Меня тоже собираются использовать и умертвлять?

— Увы, нет, — Зубров покачал головой, так и не посмотрев на друга: — Отец — слишком ценный ресурс, он остаётся с Королевой, как гарантия качества. Иногда при зарождении нового поколения проявляются погрешности — время идёт, матрица истирается, матка стареет. Тогда требуется обновить данные. Для этого Отец и используется. Всё время, пока жива Королева, он жив. В независимости от его естественной длительности существования. Стервы умеют продлять время жизни. Надолго. Даже слишком надолго… Отец именуется у них Фениксом. Думаю, понимаешь, почему.

— Возрождающийся из пепла.

— Да. Умирающий, но возвращающийся к жизни. Пока он нужен, он не сможет уйти спокойно.

Тело срочно потребовало движения. Поднялся рывком. Быстрым шагом, словно зверь в клетке, начал шагать по палатке. «Альфа Центавра» переполошенной курочкой-рябой едва успевала отлетать с его пути.

— Хорошая перспектива, блин, — сдерживаясь, цедил Михаил. — Провести остаток жизни быком-производителем. Да если бы остаток! Смотреть на этих тварей. Плодить их… Чёрт! Просто знать, что ты — причина их совершенствования!

Медведев рухнул на шкуры. Сдавил ладонями виски.

— Стервы здорово умеют внушать, — говоря спокойно и размеренно, Зубров всё же выдал себя, замерев. — Дадут гипнотическую установку, и будешь жить счастливо, считая мир вокруг — нормальным, стерв — людьми, а Королеву — самой любимой женщиной на свете.

— Обрадовал, блин! Жить в сказке, построенной в воображении. Быть невменяемым. Сумасшествие, вот что это! Да я лучше вены перегрызу сразу, как буду уверен, что ребят из домена пропустили!

— Тоже вариант, — кивнул Юрий. — В том случае, конечно, если тебя не будут держать под тотальной слежкой. Нужно хотя бы две минуты — успеть гарантированно, чтобы не вернули. Если буду рядом, помогу, мне много времени не потребуется. Да и пару минут после я тебе отыграю…

— Ага, — кивнул Михаил. Приятная уверенность в том, что друг сделает всё быстро и чётко согрела душу. Пока не появилась понимание. — Стоп! А ты-то как?

— Я? Я — тэра, — Зубров улыбнулся, будто извинился. — Даже, если я выживу и останусь при тебе, то внушить мне иную

реальность всё равно невозможно. Просто буду рядом. До конца.

Михаил замер. Пронзило понимание — при всей тяжести будущего существования, то, на что добровольно пошёл его страж, было подвигом. Осознанным. Не тем, вбитым в плоть и кровь тренировками, когда падают на гранату, не успевая понять, что умирают, и не тем, что возникает неожиданно, как случайность или как непонимание вероятности смерти, когда прут напролом, с залитыми ненавистью глазами. Это было тем, взвешенным, осмысленным, и потому — тяжёлым и суровым, но непреклонным решением, за которым возникала высшая человечность. Доступная, наверное, только ангелам. Хладнокровным, равнодушным, жестоким и стойким ангелам. Михаил сглотнул и, сам себе дивясь, тихо сказал:

— А у меня Наташка… вот… вроде бы… Ну, понимаешь…

Юра-сан несколько мгновений соображал, а потом расплылся в улыбке:

— Ну, ёлки-палки! Вот не ожидал уже хороших новостей… Как же это здорово, Мих! — пудовый кулак лихо ударил в плечо.

— Здорово, — пошатнувшись, неловко улыбнулся Михаил.

— Значит, жизнь продолжается! — Зубров оптимистично подмигнул.

Ощупал карманы и вытащил пачку. Медведев согласно кивнул — вот это дело! Сел рядом. Закурили. Знакомый запах, словно по щучьему велению, изменил течение мыслей. От философских абстракций, через милые сердцу картины дома к суровой действительности. Оба вздохнули, и Михаил понял, что думают одинаково. Только один теряется спросить, а другому тяжело признаться. Михаил потянулся и хлопнул друга по плечу:

— Прорвёмся!

— Прорвёмся, — кивнул Юрий.

Ухмыльнулись, удачно скрыв за маской уверенности и силы духа обречённость момента. Докурили.

— Ложись первый, — предложил Юрий.

— А смысл сидеть по полночи? — пожал плечами Михаил. — Нас и так хорошо стерегут. Как золотых истуканов. Ложись тоже. Хоть выспимся оба перед аудиенцией — всё в радость.

Зубров пожал плечами и, накинув куртку, лёг. Михаил по примеру друга тоже не задержался. Так и устроились спать по две стороны от мирно тлеющей «Альфы Центавра», заботливо умерившей свет. Забылись. Но ни тепло, ни мягкость шкур, ни пряный запах не успокаивали — сны ложились тяжело и смутно, словно на лихорадочное сознание.

Глава 15
Горгония

Вздох спящего рядом друга оборвался внезапно и не поспешил продолжиться. От этого Медведев и проснулся. От беззвучья да от чувства навалившейся опасности. Проснулся мгновенно, сжатой пружиной, готовой разворачиваться и бить. Только, приоткрыв глаза, понял, что может лишь напряжённо затаиться.

— Времени нет. Сиди смирно.

Голос женщины лился в сознании, минуя пространство. Розовые губы не шевелились, словно застыли печатью на белой маске. Но голос был, он звучал подобно пенью виолончели — низкий, глубокий, бездонный, бархатный. То ли чревовещание, то ли гипноз, но голос звучал, пьяня и будоража.

— Отпусти его.

Михаил сидел смирно и не спускал с женщины глаз. Стоит ей сделать неловкое движение и каменное блюдо полетит в висок. Может и не вырубит — кто ж этих стерв знает?! — но уж Юрию мгновение для рывка даст.

— Выслушай! — беззвучно ответила женщина. И глаза — чёрные, с проблеском синего огня, — сощурились в напряжении.

Медведев облизал губы и посмотрел на Юрия, сидящего на коленях недвижимым изваянием. Тот едва шевельнулся, но по взгляду, да коротко мотнувшейся ладони ответ был ясен: «нет». Михаил стиснул зубы. Какая глупая получалась ситуация! Юра-сан, страж-тэра, самурай его верный, боец каких поискать, да и просто нехилого телосложения мужик, сидел, замерев, словно тонкие женские пальцы на его голове могли что-то значить! А между тем хрупкая рука не слабо обхватывала его, буравясь пальцами в висок, в уголок глаза и в основание уха. И, по всему видно, сдерживало это прикосновение бойца крепко и необоримо.

— Хорошо… Только не причиняй ему вреда, ладно? — Михаил медленно развёл руки в жесте покорности. Главное, чтобы стерва не поняла, что так правой будет значительно ближе к достархану, словно по догляду судьбы состоящему из тяжёлых подносов и крепких фруктов.

Женщина выглянула из-за пленника. Тонкая чёрная ткань, подобно змеиной коже, облегающая тело, не закрывала только голову — лицо да волосы — чёрные, смолистые, блестящие тонкими прядями. В несильном свете «альфы центавра», чудилось, что ткань отливает радужным блеском на изгибах

чешуек, и казалось, едва слышно шелестит при неловком движении. И ещё… На лице, на прекрасном, словно нарисованном, челе уродливым росчерком застыл шрам — две косые черты, перечёркнутые третьей.

— Выслушай! — повторила она. — Стражу я не причиню вреда.

— Слушаю.

Михаил склонился и одновременно напружинился. Сейчас!

Но Юрий, разгадав, закусил губу и снова коротко рубанул ладонью. Пришлось остановить движение, так и не начав. Зубров знает больше.

— Ты — Отец. Ты идёшь к Королеве Кьооу. Ты будешь с ней, и появится новое Кьооу.

Медведев пожал плечами и коротко ответил:

— Возможно.

— Возможно, — повторила стерва. — Ты уже обещал ей семя?

— Нет.

— Ты восторгаешься её крыльями? Её телом? Ты слышал её голос?

— Мне плевать на её крылья, её тело и её голос, — равномерно отозвался он, отслеживая подрагивающие от напряжения захвата пальцы.

— Хорошо, — кивнула женщина, — Значит, мы договоримся.

— Договоримся. Отпусти его.

— Отпущу, — Стерва попыталась улыбнуться — губы, словно смороженные, едва дёрнулись, хищно приоткрыв ослепительные зубы. — Не сейчас. Но сможет говорить.

Она расслабила ладонь, и перенесла её на шею пленнику. Пальцы перебирались, словно ножки паука — по одному, короткими шажками. Когда висок отпустило, Юрий тяжело выдохнул и облизал губы.

— Мих, не дёргайся! Это — Королева.

— Будущая Королева, — хищный оскал стал только более явственен.

— Королева-изгнанница, — отпарировал Зубров. — Стратим. Лишняя самка в улье. Запасная матка.

— Я — Рарог! Я — Мать! Это она — запасная!

Только теперь голос вырвался изо рта. Прошелестел, словно затерялся в шуме ветра. Губы дрогнули и сомкнулись. Смоляные волосы встали дыбом. Пряди заструились назад, будто намагниченные. Зазмеились.

Медведев почувствовал, как сжимается живот от невиданного зрелища — пугающего даже не осознанием того, что стерва взбешена, а тем, что уже почти поверил в её естественность и

обычность. Настолько просто она смотрелась — словно женщина его реальности, одетая по неординарному поводу в странный вечерний костюм. Королева заметила его взгляд и, постаравшись улыбнуться, тряхнула головой — волосы обмякли и снова рассыпались по плечам.

— Горгона, етит, — сглотнул Медведев.

— Стратим, — повторил Зубров, болезненно морщась. — Изгнанная запасная матка птицедев. На Земле с момента исхода не появлялись, но память донесла — месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит.

— Звезду вижу, — хмуро отозвался Михаил.

— Знак изгнанницы.

— Я изгнана не по Закону, — сухо прервала Королева, снова не открывая рта. — Ты восстановишь справедливость. Я вернусь Королевой. Ты станешь Королём. Будет новое Кьооу. Будем жить.

— Исчерпывающе, — усмехнулся Михаил. — Только я не горю желанием восстанавливать справедливость и останавливать демографический кризис в вашем мире. Он мне чужой. И ваши заботы меня не касаются.

— Касаются, — стерва тряхнула снова приподнявшимися волосами. — Хочешь жить? Хочешь, чтобы страж жил? Хочешь, чтобы жили люди в домене? Тебя касается!

Медведев в размышлении покусал губу.

— Полагаю, что стоит мне позвать и здесь окажутся воины везущей нас в гнездо птицы-Гамаюн. Это остановит тебя. А нынешняя правительница с большим воодушевлением выслушает мою просьбу, узнав о том, как я ей предан. Отпустит людей из домена и…

Оборвал себя и замер, напружинившись. Хрупкие ножки-пальцы снова взбежали по щеке Зуброва к уже налившимся красным пятнам на виске. Королева вернула пыточный захват и покачала головой:

— Магурам меня не остановить. Тебе и стражу — тоже. Убью всех и уйду.

Михаил посмотрел на друга. Тот закрыл глаза и прохрипел, преодолевая сопротивление напряжённых мышц:

— Правда. Порвёт всех…

— Порву, — подтвердила Королева и сильнее вдавила пальцы.

Юрий распахнул рот, заглатывая воздух, словно выброшенный на берег сом, потянулся руками остановить захват, но не достал — опустил дрожащие ладони. Зажмурился, останавливая слёзы. Что-то происходило такое, что нельзя было объяснить только физическим воздействием.

«Пьёт его, как Сирин Славяна?»

Лицо Юрия залило багровым, скривился распахнутый в немом стоне рот, поползли тяжёлые капли пота по красной набухшей коже.

Вот теперь Медведев был готов разговаривать хоть с чёртом.

Развёл, поднял руки и попросил:

— Отпусти его. Договоримся.

Тонкая ладонь тут же соскользнула с головы пленника. На этот раз стерва не стала придерживать шею — Зубров рухнул вперёд на шкуры и, восстанавливая дыхание и кровообращение, принялся ожесточённо массировать лицо и горло. Пальцы его дрожали. Михаил наклонился, не сводя взгляда с женщины, и тронул друга за плечо. Зубров отозвался, не прекращая сосредоточенного массажа:

— Норма.

Королева сидела, выпрямившись и отстранённо, словно всё происходящее её не касалось. Величие и спокойствие в её осанке действительно казались царскими. И вроде не поражала красотой, подобной Гамаюн, но тело, облитое чёрной кожей, завораживало. Бывает такая хищная красота, притягивает как росянка насекомых.

Она сидела, не шевелясь, подтверждая догадку, что в этом мире у всех странная привычка замирать, уходя в себя.

— Что тебе нужно?

Королева величественно кивнула и начала беззвучные объяснения:

— Ты убьёшь Горгонию. Я подавлю Гамаюн. Остальные пойдут за мной. Я — Королева. Я — настоящая Рарог. Эта армия будет моя. Ты пойдёшь со мной. Ты — Отец. Мы освободим твоих людей — они тоже пойдут. Я поведу в Гнездо Кьооу. Многие присоединятся. Я вызову сестру на бой и убью её. Твои люди будут свободны. Ты останешься. Хороший обмен — одна жизнь за все.

Речь проникала в сознание пунктиром, будто морзянка вбивалась в голову — резко, обрывисто, чётко. Только гулкое эхо ходило волнами за каждой фразой. Словно печатаешь шаг, а отзвук носится между зданий.

— Горгония — Подруга? Та мумия в чёрном? — уточнил Михаил. — Почему тебе нужна помощь в её устранении?

— Жрица. Если я убью — изгонят из мира. Если убьёшь ты — простят.

— Понятно, — протянул Михаил и взглянул на друга. Юрий уже вполне оклемался и теперь сидел рядом, досадливо растирая сведённую болезненной судорогой шею. Наткнулся на взгляд,

пожал плечами — думай сам.

Медведев и думал. Одна ли Королева или другая освободит людей из домена — по сути, дело неважное.

— Ты поможешь мне, я дам жизнь и свободу твоим людям, — надавила стерва.

Михаил поднял глаза. Раз давит — значит, нервничает. Следовательно, не так всё радужно в этом раскладе, как хочет представить, и есть прорехи. Впрочем, это макраме всё шито с крупными дырками. Но действительно нет разницы в том, с какой Королевой оставаться в многокрасочном будущем, в котором он потеряет себя. А раз от своей жизни ничего не осталось — впору позаботиться о чужих. И понадёжнее, так, чтобы уходить с чувством выполненного долга. Допеть свою Песню Смерти настолько хорошо, чтобы врагам было тошно, а друзьям — гордо.

— Гарантии?

— Слово Стратим.

— Этого недостаточно.

— Иного нет.

Михаил задумчиво оглядел сидящую перед ним чёрную фигурку. Если освободить людей из домена, то, возможно, под прикрытием этой стервы получится пробиться к границе? Но, даже, если нет — хотя бы появлялась возможность не сидеть двум десяткам мужиков неприкрытыми задницами на голом камне и не замерзать. А присоединиться? Ну, обещать же это невозможно, не так ли?

— Я не могу дать гарантий, что люди в домене присоединяться к походу.

Стратим в раздумье опустила глаза. Длинные бархатные ресницы тронули белую кожу. Столько мягкости и нежности оказалось в простом движении, что Михаил почувствовал, что невольно начинает симпатизировать стерве. Предоставив ему выбор сейчас, она фактически выиграла психологический бой с неизвестной ему пока действительной Правительницей. Тем более, что пообещала сначала освободить людей, а уж потом идти завоёвывать свой трон.

— Хорошо. Понимаю. Ты не хочешь их смерти — в домене или в бою.

— Именно.

— Они решат сами — быть с тобой или идти домой, — встряхнула стерва волосами в знак принятого решения. — Если воинов будет довольно — их проводят под защитой. Согласен?

— Согласен, — кивнул Михаил.

Странное решение Стратим-птицы просто выбило опору из-под ног.

Зубров поднялся мягким движением. Настороженный взгляд гостьи устремился за ним, но сама стерва осталась в прежнем недвижимом состоянии. Отогнав угнездившуюся на вещах «Альфу Центавра», Юрий потянул форму с пола. Солнышко-печка испуганно метнулось в сторону, но потом снова подобралось поближе к людям. Медведев тоже потянулся за одеждой.

— Может, отвернётесь? — хмуро спросил Юрий.

Стратим задумчиво опустила ресницы. Подумала. И величественно воспарила. Не меняя положения, тело поднялось над шкурами, под силой плавного гребка ладонью, развернулось и снова опустилось на меха. Теперь королева сидела к людям боком, не желая упускать их из поля зрения. Зубров недовольно дёрнул плечом — ждал иного результата.

Михаил на миг замер — левитация не укладывалось в его систему мировоззрения. И ещё. Тяжёлые блестящие волосы Стратим не лежали, как положено. Длинные, до пояса, они ходили волнами, покрывались рябью, обретали знакомые змеиные формы на концах. Появлялись то головы, то хвосты, то материализовались меж локонов раздвоенные языки, то клобуки, то трещотки.

Из ступора лицезрения клубка кобр, веретенец и прочих ползущих гадов его вывел Юрий. Попросту толкнув в плечо. Медведев растеряно моргнул — казалось, что задумался на секунду, а вот друг уже оказался собран. Дело оставалось только за ним. Пока одевался, Юрий зашептал на ухо:

— Будь рядом со Стратим — она тебя защитит. Ты ей нужен.

— Если не убьём Горгонию, то — зачем?

— Не эта армия, так другая. Ты для любой потенциальной Королевы — приглашение на престол. А матка, не способная обновить матрицу, изгоняется.

— Понятно, — сквозь зубы тихо отозвался Михаил.

— Горгония — противник тебе не по зубам. Её возьму на себя.

— Сморщенная старуха. Не вижу опасности.

— Оборотень. Не боевая машина, но опасна.

— Юр…

— Это серьёзно, Мих. — Зубров мотнул головой. — Не лезь. То есть — вообще! Понял?

— Юрка! — Михаил схватил друга за стропу на разгрузке, потянул к себе.

— Он прав.

Михаил отпустил кулак, оглядываясь на Королеву. Зубров отодвинулся.

Стратим поднялась, не потеряв строгой осанки. Словно воспаряла и распрямляла ноги одновременно. Медленно и плавно

развернулась. Она всё делала небыстро, но люди каждый раз среагировать не успевали.

— Твой Страж сделает это лучше.

— А потом его порешат за убийство жрицы! — глухо процедил Михаил. — Меня простят. Тебя изгонят. А его?

Королева успокаивающе развела руки:

— Если я стану Королевой — ты сам решишь его судьбу. Если нет — он умрёт в гнезде.

— Что-то много желающих на Юркину жизнь, — мотнул головой Михаил. — Инквизиторы. Стервы. В очередь, мать вашу за ногу! Хрен вы получите на васаби, а не Зуброва! — и уже порывающемуся осадить другу: — Идём вместе! Что нужно — скажешь по ходу. Всё. Увял!

Стратим засмеялась. Розовые губы раскрылись, расслабились. И смех тонкостенным бронзовым колокольчиком покатился по шатру. Тихий, певучий, высокий. Только от него тут же заломило в ушах, а по телу пошла крупными волнами дрожь.

— Настоящий Король, — поощрительно кивнула стерва. — Везде — сам. Будет хороший Отец.

— И вам не болеть! — огрызнулся Михаил, встряхиваясь, и угрюмо двинулся на выход.

Стерва же просто растворилась в пространстве. Вот была — и нет.

— Хамелеон, — коротко прокомментировал Зубров, проходя мимо замершего друга на выход.

— Магия, блин, — сплюнул Медведев, сообразив, что Юрию хватило мгновения его остановки, чтобы потеснить плечом и первому шагнуть под шкуры.

Из проёма дохнуло холодом. И Михаил внутренне поблагодарил «альфу центавра» за тёплый дом и краткий сон вне тревоги.

Лагерь, раскинувшийся вокруг единственного шатра, являл зрелище, не настраивающее на оптимистический лад. Четверо охотниц-скопов встряхнулись сразу, как только пленники вышли. Встряхнулись и напряжённо замерли — что нужно? Кожистые клювы приоткрылись в ожидании. Внутри чёрного провала тускло желтели хищные зубы. Медведев отвернулся и стал оглядываться. Несколько сотен воинов птицедев спали, свернувшись в клубки и сбившись в кучи. К небу поднимался лёгкий пар дыхания из-под крыльев, выставленных зонтами от снега. Чем-то они китайские зонтики и напоминали. Будто ткань на длинных тростниковых спицах, направленных в стороны, копьецами. Так и у крыльев — из-под тёмных лоскутов кожи вытягивались отливающие серебряным и алым лезвия перьев.

Рядом с шатром гнездовались серые скимены, привёзшие людей. Они лежали большими шерстяными клубками, сунув головы под крылья, и шапки пушистого снега на спинах делали их похожими на дворовых собак, свернувшихся на тёплых люках.

Оглядевшись, Медведев поёжился. Ситуация: их двести, нас двое — расклад перед боем. Море крыльев и спин пока что мирно сопящих тварей, но только сделай неловкое движение и будет тут жестокое побоище.

Юрий тронул за плечо: «там!». В указанном направлении стерв расположилось больше всего. Шагнули. Охотницы мгновенно раскрыли крылья и угрожающе взъерошились, закрывая дорогу.

— Проведите нас к Гамаюн!

Угрожающие крылья затрепетали. Лезвия затопорщились, словно настоящие перья на взъерошенных птицах.

Зубров пожал плечами. Вот за таким преувеличенно медлительным движением Юры-сана обычно и следовал взрыв атаки. Медведев подался вперёд, готовясь к рывку, но…

Стервы синхронно опустили клювы и рухнули на землю. Завозились, сворачиваясь поудобнее, накрыли головы крыльями. Засопели.

— Что за…?!

— Они будут спать.

Внезапно ставшая видимой Королева оказалась точно между людьми и гарпиями. Волна змеящихся волос коснулась груди отшатнувшегося Медведева.

— А?

— Все будут спать. Я так сказала! Горгонии я сказать не могу.

— Ясно.

Зубров, обойдя застывшую стерву, двинулся к центру лежбища.

Пока пробирались через тихо посапывающие тела, Медведева заботило два вопроса: почему не выставлены караулы и может ли Горгония слышать в данный момент их мысли? Ответ на один вопрос, по его представлениям, тянул за собой и другой. Если стервы не выставляют охрану, значит, умеют просыпаться по первой агрессивной мысли в свой адрес. Но тогда получалось, что все они уже знают об их действиях. Чем выше становилась плотность стерв на лежбище, тем чаще билось сердце. Впереди маячила спина Зуброва, уверенно проходящего «змейку» среди спящих туш. Вот уж кто себе не оставлял времени на сомнения! Михаил усмехнулся. Страж — это не профессия, это — жизненная позиция.

Остановились внезапно.

Гамаюн спала, свернувшись калачиком у живота своего роскошного скимена. Поднятое шатром огромное крыло прикрывало её от ветра и снега, а длинная золотистая шерсть грела. На неприкрытую кожу всё же ложились пушистые хлопья, пробираясь сквозь неплотный заслон. Ложились — и не таяли. Но лёгкое дыхание указывало на спокойный сон. Словно холод не влиял на стерву.

Огляделись. Горгонии не видно.

Под красноречивым взглядом друга, Медведев смирился и мысленно позвал:

— Стратим!

— Над тобой, — ответ, вбуравившийся в сознание, возник меж собственных мыслей как фраза чужого разговора, случайно дошедшая сквозь шум внешних голосов. И в то же время лицо опалил холодный ветер.

Зубров сообразил раньше — толкнул в плечо и сам бросился на землю.

Михаил упал. Откатился под ноги спящей Гамаюн — та и не шелохнулась.

Накрыло холодным потоком. Взбило снежинки в смерч прямо перед лицом. Глянул — сквозь снег огромная тёмная клякса грозно пикировала на Зуброва. Юрий, распластавшись над землёй, в последний момент нырнул между сопящих тварей.

А на него пикировал крылатый ящер. Чёрный, с лоскутами бывшего одеяния на лапах. Горгония.

«Это что? Сухенькую каргу так распёрло?! — обозлился Михаил. — В этом мире сам чёрт ногу сломит с их законами! Что за стероиды она жрала?!»

Дракон полоснул по лежащим стервам когтями, взрезая, протащил тела. Снова взмыл в небо. Порванные гарпии так и не проснулись. Кровь хлестала, разорванные крылья трепал ветер, развалённые мышцы дёргались и парило обнажённое мясо, но стервы не шевелились. Сонные отходили в иной мир.

— Хвост мешает прижаться к земле! Отрастила,ептыть! — злорадно ругнулся Михаил, выпрямляясь во весь рост.

Дракон раздражённо заклекотал, уходя выше. С подобранных лап полетела кровь. Словно посреди снегопада пошёл крупный дождь.

Из кучи тел донеслась сдавленная ругань, — распихивая магуров, выбирался Зубров.

— Юр?!

— Плечо! Фигня! По касательной ударила… — отозвался он, — Сам?

— Норма!

— Вот и ладушки, — сплюнул Юрий и метнулся в сторону.

— Куда? — зарычал Михаил, дёрнувшись за ним. — Ложись!

Вовремя. Зубров прыгнул через кучку стерв и рухнул между изломанными крыльями. Дракон закогтил одну из гарпий и взмыл. Уже поднимаясь, сбросил стерву сверху, метнув её в залёгшего тэра. Видимо, поменял тактику, осознав, что выцарапать человека с лежбища будет непросто. Юра-сан тут же рванул в сторону.

Ещё одна подхваченная лапищами спящая скопа вяло кувыркнулась в воздухе, ухая вниз. С глухим шлепком врезалась в кучу тел и замерла, изломанно растёкшись по так и не проснувшимся подругам. А Юрий снова успел нырнуть в сторону.

Медведев бешено огляделся. Оружия — ноль. С голыми руками — это, конечно, можно, но по результативности — всё равно, что вертолёт ловить сачком. Сейчас ситуация патовая, но долго это продолжаться не будет. А без оружия да против такой массы — конец легко прогнозируемый.

Рядом заворчал во сне пернатый «рысак» Гамаюн — видимо, чары Королевы действовали на него хуже, чем на стерв. Грифон неуверенно перебрал по земле тяжёлыми лапами — каждая со сковородку, с которой и большую семью можно глазуньей накормить.

«Скимены», — внутренне заорал Михаил.

Получилось — что-то отозвалось внутри тихим далёким звоном. Стратим услышала его.

Сзади знакомо заклёкало, засвистело и Михаил обернулся. Серые грифоголовые, пружиня лапами по волнам вяло трепыхающихся тел, бежали к людям. Огромные крылья поджаты и приподняты, готовые в любой момент распахнуться и сделать рывок.

— Вот теперь покуражимся! — Оскалился Михаил и рванул к ближайшей мёртвой воительнице-магуре. С усилием развернул тяжёлое крыло и вцепился в кости длинных пальцев. Напрягся до шума в ушах. До кругов перед глазами. На хриплый выдох с треском лопнула кожистая перепонка. Щёлкнули, ломаясь, суставы, обнажались окровавленные головки костей. Скрестил клинки-когти и рубанул одним по основанию другого. Срезал. Перехватил освободившееся лезвие, оттёр от липкой жижи крови. Взялся срубить ещё одно.

Дракон, заметив сбоку движение, с разворота кинулся на подлетающих скименов.

Сердце ухнуло — сграбастает!

И Медведев кинулся наперерез — хоть под хвост вонзить перо — всё дело! Не пришлось — скимены распахнули крылья и

скользнули из-под атаки в стороны. Словно два зайца. Ящер вытянулся схватить задержавшегося Пушка, да маневренности не хватило — лёгкий и гибкий грифон ушёл крутым пике под кожистым брюхом. Сложил крылья, подлетая к человеку. Заквохтал, с разбега боднув Михаила в грудь.

Забираясь по крылу на спину, Медведев обернулся. К Юрию подскочил его скимен и тот, с рывка влетев в седло, понукал своего грифоголового. Скимен тяжело поднимался в небо. Сквозь снег, похожий на пепел — серый, спокойный, рваный — на мгновение Михаил поймал взгляд друга. Глаза Юрия оказались пусты. Тусклы, словно у наркомана или мертвеца.

— Давай, Пушок! — Михаил тронул пятками бока скимена. Занятые оружием руки прижал к телу. Крылья развернулись до предела, уйдя в небо дрожащими перьями, в тугую пружину сжав ветер у висков седока. Взмах! От напряга мощная шея зверя забугрилась, вздыбилась холка. И стремительно удалилась земля.

Михаил, в крутом манёвре стремясь удержаться на спине Пушка, запоздало сообразил, что хотя возможностей для атаки явно прибавилось, но в общем ситуация стала не в их пользу. Раньше для дракона они все были недостижимы: люди на земле слишком низко — не припадёшь, а грифоны в небе — слишком быстры. А объединение сил привело одновременно и к возможности атаковать самим, и к вероятности поражения. Скимен стал неповоротливой мишенью, а люди фактически безоружны перед ящером. Лезвия в пол-локтя — не помеха для эдакой туши.

Ящер спикировал — скимен ушёл, сложив крылья, почти к земле.

Пока ящер также обломался с Юрием, Пушок снова набрал высоту.

И опять повторилось то же. И снова пришлось набирать высоту.

Медведев тискал жирные от крови перья в кулаках и никак не находил возможности подобраться к ящеру ближе. Да и Юрию пока не удавалась атаковать.

И снова горгония с яростным клёкотом спикировала из-под самых туч. Крылья на полнеба, лапы подобранные для удара, тупая змеиная морда…

В последний момент сближения Михаил направил скимена вперёд и вниз. Прямо под брюхо ящеру. И оказались под распахнутым и вскинутым крылом. Рядом с обнажившимся мягким боком Горгонии. До дракона оказалось рукой достать. Михаил и достал — вытянулся, вывернулся, и всадил липкое лезвие в чешуйчатый покров. Руки на скорости чуть не выломало

— кисти скрутила жгучая боль потянутых мышц. Сам едва удержался на спине скимена. Но клинок унесло в ране. Засел глубоко.

Мелькнуло более светлое чешуйчатое брюхо, широкая лента змеящегося хвоста…

И вскинувшийся от боли ящер задел крыло скимена. Пушок заверещал, закудахтал, суетливо замесил крыльями по воздуху. Тучи перед Михаилом завертелись, сливаясь в круг. Справа и слева ощутимо забило крыльями. Резко стала ближе земля.

— Мих! — пророкотало далёким голосом Юр-сана.

— Трендец? — не поверил Михаил, смотря в кружащуюся приближающуюся землю.

Хотел схватиться за гриву, но пальцы не послушались — потянул мышцы. Упал на шею грифона и обжал её локтями, втиснулся в редколесную гриву, в потную шерсть с проросшими местами пушистыми мягкими перьями.

— Миха!!!

Пушок выдержал. Дрожа всем телом, клекоча что-то надсадное, выровнял полёт и снова стал набирать высоту. Михаил выпрямился в седле и огляделся.

Ящер, сделав разворот, уже атаковал Юрия. А тот… Тот просто ждал. Его скимен качался между небом и землёй, ровно между ящером и Михаилом. Серый в сером. Почти невидимый в снегопаде. Только зелёной звездой поверх — человек. Раскинув руки, будто для объятья. Но — нет. Не было в этом движении готовности обниматься с чужеродной тварью. Это была стена. Стена размером в одного человека. Стража, которого хрен пройдёшь.

Медведев закричал в спину друга:

— Юрка!

Пусть знает, что жив! Пусть не торопится считать себя сиротой!

— Давай, давай! Выноси! — сквозь зубы взмолился Михаил, стискивая локтями шею Пушка.

Скимен жалобно крикнул и напряг шею, тяжело заработав крыльями. Сваливаясь вниз и снова поднимаясь, трудно полетели туда, где уже сходились в воздухе.

Михаил лихорадочно искал выход. Единственное оружие, что есть, так это перо за поясом, да и то взять в руки не получается — отказывают пальцы. Юрий же гол, как сокол. И видно — по замиранию, по осанке, по брошенным плечам — видно, понял уже, что времени на манёвр не хватит. И нет возможности успеть к нему до столкновения.

Горгония вильнула, по-змеиному раздвинув тучи, и сложила

крылья.

Михаил в бессильной ярости ударил пятками в горячие бока.

Юра-сан распрямился и с силой свёл ладони. Хлопка Михаил так и не услышал. А вспышку — увидел. Резануло по глазам ослепительно-белым. Растянулось лучом от неба до земли. Трещиной мироздания.

И только после до Михаила дошла ударная волна. Шарахнуло снежным зарядом, и чуть не сбросило со спины скимена. Пушок забарахтался в воздухе, испугано вскрикивая, но выдюжил, хотя и снова сдал в высоте.

Горгония металась, сослепу яростно атакуя пустоту. Пушистый грифон Юрия уходил в стороны без спешки и суеты, ощущая уверенность седока. А в руке Зуброва играл неяркими бликами меч. И, зная предпочтения Юры-сана, Михаил догадался — катана.

— Давай, Пушок, давай!

Но Пушок и так тянул из последних сил, теряя высоту и не успевая. Михаил стиснул зубы. Теперь — понукай — не понукай, да хоть на голове ходи — возможность успеть и помочь уверенно уходила за грань исполнимого.

Горгония промахнулась ещё раз — скимен в два напряжённых взмаха ушёл выше. Развернулся и тут же из-под туч ринулся на тяжело уходящего вдоль земли ящера. Словно коршун на добычу.

Михаил увидел, как соскальзывает меж корпусом и крылом опасно вооружённое зелёное пятно — Юрий упал с грифона. Сердце ударило в виски — показалось, что промахнулся, пролетел мимо! Но нет — хорошо пришёл, возле хребта, у невысокого гребня. Уцепился. Кляксой растёкся по чешуйчатой коже. На одной руке провернулся, приближаясь к шее крылатого ящера. В другой — катана. Горгония почуяла и развернула тупоносую морду, закричала, потянулась схватить. Мелькнул по широкой дуге меч и резанул по носу. Самым кончиком, но прорезал. Ушёл на новый замах и вонзился меж лопаткой крыла и шеей. Рубанул! И из раны, словно из садового оросителя, фонтаном хлестнула кровь. Залила, забрызгала человека и тот, разжав руки, ухнул вниз.

Горгония закричала и подняла голову, надеясь подняться выше. Тугие крылья ушли к земле. И самым кончиком левое ударилось за неровность, за мирно спящую кучку греющихся стерв.

Гарпий разбросало сильным ударом.

А крыло — хрустнуло, сложилось! По коже до локтя потянулась синяя трещина. От боли забился по земле хвост и Горгония, оглушительно визжа, рухнула вниз. Выставила лапы, но

сослепу не рассчитала — зацепилась, покатилась, разрушая сама себя.

Медведев яростно закричал. Юрий это всё-таки сделал!

Вопя, Горгония пыталась подняться на побитые лапы, но падала.

И всё бы хорошо — подходи да отхватывай обещанную голову и требуй исполнения обязательств. Всё бы хорошо… Только вот где он, «Иван-царевич»?

Глава 16
Договор

— Отойди. Моя, — перехватив меч, прохрипел Юрий и, шатаясь, пошёл к дракону.

Прижатая к земле болью поломанного тела, Горгония лежала тихо. Морда вялая, глаза в слезах, пасть подрагивает от боли.

— Юр!

Друг не отозвался и не обернулся.

Встал сбоку от длинной шеи. Расставил ноги шире, примерился. Горгония только повела огромными глазами и на одной ноте протяжно заскулила. Тихо-тихо. Тонко-тонко. Словно пенопластом по стеклу. Настолько душу выматывающий звук, что Медведев в сердцах крикнул:

— Да кончай ты быстрее!

Юрий вскинул меч. Примерился, чтоб вошёл меж позвонков. И обрушил. Горгония взвыла, вскинулась — клинок вгрызся в тело, но толстую шею не перерубил. И Юрий стал бешено молотить по вьющейся шее, разваливая парное мясо и жмурясь от брызг. Рубил вслепую, пока меч не вошёл в землю. Последний лоскут кожи порвался от напряжения. И Юра-сан свалился с ног.

— Ну, сказочка, ё-моё! — глухо процедил Михаил.

Подхватив бессознательного друга подмышки, поволок от кровоточащей туши к пугливо переминающемуся в стороне скимену.

Пятясь, Михаил не сразу понял, что за спиной нарастает шум. Обернулся — замер. Выпрямился, насколько ноша позволила. Стервы неслись вдоль земли молчаливым цунами. И не было сомнений в том, что такая лавина порвёт в клочья, прежде чем закончишь «отче наш».

— Скимен! Ко мне!

Может, рявкнул убедительно, может, грифон обучен был слушаться. Подскочил, суетливо поднимая крылья. Михаил рывком поднял друга и закинул на спину грофоголовому. Поправил. Выдернул из рук меч. Хлопнул по крупу и, подняв катану, выдохнул сквозь зубы:

— Мать моя — женщина!

Переполошенный грифон рванулся с места. Крылья сбили воздух в тугую волну снега, и он тяжело поднялся над землёй.

Вал стерв рос. Горгульи мчались молчаливыми рядами, плотно, подчас задевая друг друга крыльями. Воины — ни одного лишнего крика, только шелест крыльев, да краткое позвякивание

неосторожно сталкивающихся лезвий. Охотники шли сразу за ними. Над шерengами разноцветными пятнышками в воздухе носились Сирины.

Михаил оттёр ставшую влажной ладонь об куртку и перехватил меч. Рукоять ещё хранила чужое тепло. Скимен уносил друга. Если всё получится — выживет. Просто кто-то должен остаться здесь, чтобы послужить подачкой. Без того, стервы догонят в несколько минут. Вот и оставалось только по закону джунглей петь свою песню прощания и стягивать к себе, сколько возможно.

— Ну, давайте… Стервы!

Процеженное сквозь стиснутые зубы название рода было только ругательством. И никто бы не убедил его в обратном.

Птицедевы приближались. Уже и где чьи крылья понятно. И морды отчётливо видны. И когти-перья заблестели сквозь снег.

Михаил вскинул меч над плечом. Пару-тройку точно заберёт с собой, а там, может, им и его смерти хватит…

Под ногами предательскими неровностями взрытый боем снег, вперемежку с кровью и землёй — как бы ни оступиться.

— Ну!

Волна остановилась в нескольких метрах от него. Стервы строем замерли, уверенно упёршись лапами и сложив крылья. Все бегущие застопорились единым фронтом по одновременно услышанному приказу. Так и остановились — рядами, отрядами. Чувствуется подготовка. Потом перестроились, фиолетовыми лавинами с боков взяв человека в кольцо.

Михаил стоял, нервно стискивая рукоять и глядя в молчаливые оскаленные морды. Куда ни повернись — стервы. Вооружённые. Опасные. Злые.

Падал мелкий снег и порванную куртку трепал ветер. По спине струился пот.

Гамаюн влетела внутрь кольца на своём роскошном грифоголовом. Остановилась за несколько шагов. Михаил напряжённо ждал слов, ожидал удара, атаки, команды. Но стерва молчала и не двигалась.

И опять Стратим появилась внезапно. Один подъём ресниц — и она здесь. Встала, закрывая собой. Величественная, гибкая, гордая. Разве только волосы снова взволнованно змеятся да норовят ткнуть в грудь. Медведев поборол искушение смахнуть клинком дикие космы и отшагнул, оглядываясь.

Воины перед Стратим одновременно припали на лапы, сжались, стремясь стать меньше и незаметнее. Лезвия сами собой спрятались за кожистые оборки. Едва слышный гул невнятного мурлыкания потревожил тихий снегопад.

Гамаюн смотрела только на Королеву.

А в голове Михаила переговаривались колокольчики. Динь-дон, Дзинь-бом! Странный диалог: то колокол, то болхарь; то рындой, то набатом, то православным перезвоном, то буддийским, а то трезвоном мчащейся тройки. И вроде бы издалека, из-за горизонта, но виски сжало так, что пульс ударил в затылок. И за этим «благовестом» чудились указания, приказы и аргументы отстаивания позиций. Подозванный тихим колокольчиком скимен боязливо опустился в круг, возвращая к стервам убийцу горгонии. Зубров всё ещё не пришёл в себя.

Михаил шатнулся вперёд и процедил копне чешуйчатых голов:

— Отдашь Юрку — меня не получишь!

Змеи угрожающе зашипели.

А в голове с новой силой ударил набат. Теперь в нём явственно стала слышна приближающаяся гроза. Треск за треском, словно огромное било громило колокола. Виски заломило сильнее, перед взором помутилось, тело ослабело от давления. С трудом удерживая меч, огляделся. Стервам тоже приходится несладко: воины прижались к земле, боязливо приподняв крылья, а Сирины раскачиваются на месте, закатив глаза. Разговор двух высших болью вгрызался в сознания.

Когда набат, подголоски и долгое эхо вытеснили из разума последнее «я выстою!», — Михаил выпустил из рук меч и, оседая на снег, забылся.

…

Пушок покачивал головой, стряхивая налипающий снег — шикарный, большими белыми комками, словно из горсти ангела брошенный вниз. Он летел тихо и величаво, давая вволю налюбоваться. Ветер стих и теперь мир вокруг медленно, но верно становился бело-зелёным: пушистые лапы сосен и кедров ловили снежинки в сети иголок, и не давали упорхнуть. Земля покрылась зимней периной, и лапы птицедев проваливались в её мягкую податливость по щиколотки.

Михаил вздохнул, окончательно просыпаясь, и почувствовал влагу от дыхания на лице. Клуб белого пара неторопливо рассеялся меж снежинок.

Тёплая шкура, в которую оказался завёрнут, давно покрылась толстым снеговым слоем, но это не мешало ей сохранять тепло от маленького «солнышка» за пазухой. Встряхнулся, и с пятнистого меха полетела вниз белая лавина. Выпрямился, потянулся, растягивая уставшее в скрюченной позиции тело, и огляделся.

Колона шла по ущелью вверх, в горы.

Рядом с Пушком, только на шаг впереди, как и положено

коню полководца, вышагивал золотистый скимен. Стратим сидела на нём, слово изваяние — ни лишнего движения, ни эмоций на лице. Рада ли она была тому, что выиграла поединок-спор с Гамаюн? Или печалилась о смерти Подруги? Рот нервно дёрнулось — такие, как она, чувствовать радость победы или боль потери не умеют. Не дано. На то они и стервы. Это люди в первую очередь заботятся о «своих».

— Где мой страж?

— Там.

Стратим не подняла руки и не изменила направление взгляда. Просто волосы потянулись, указывая назад и в сторону.

Михаил взглянул. Юрий ехал верхом на своём пушистом. Ехал свободным, без оков или помощи. В такой же шкуре, наброшенной на плечи буркой. Наверняка подсаженная под неё «альфа центавра» так же услужливо греет тело. Юрий заметил взгляд друга и над холкой скимена приподнял ладонь, сложил пальцы кольцом — «всё нормально!». Какое уж там нормально! Едва верхом держится. Руку поднять выше — и то проблема.

— Стратим, ему нужна помощь.

Королева повернулась на зов. Задумчиво мазнула взглядом по далёкому седоку. Опустила пушистые ресницы. Губы так и не раскрылись, но голос зазвучал в пространстве:

— Он отказался от помощи. Но, если пожелаешь ты, он покорится.

Михаил болезненно выпрямился и поправился на спине уставшего скимена. Виски всё ещё ломило. Пушок меланхолично обернулся и мотнул головой — мол, рад тебе. Он в ответ задумчиво потрепал шею животины. Размышлять было над чем. С одной стороны — если Юрий отказался от подмоги, значит, есть на то причины. С другой — в иной ситуации он бы не стал разыгрывать из себя героя. Будь они в горах, в бою или других враждебных условиях — друг бы не кочевряжился. Вот это и заставляло думать — а что лучше в этой ситуации?

— Куда мы? — поинтересовался Михаил.

— К домену.

Медведев кивнул. Действительно, об этом и договаривались. Королева точно придерживалась соглашения. Обернулся, взглянул на устало шатающегося верхом на скимене Юрия.

— Сколько нам ещё?

— Солнце не успеет скрыться.

Поднял глаза. Едва угадываемому за тучами солнышку оставалось совсем немного до верхушек сосен. Колонна повернула в извилистом ущелье и стала видна гора с каменным доменом на лысой верхушке. Действительно недолго. Юрий

выдержит. Добраться до тэра, а там… А нужно будет, так он найдёт чем поторговаться, чтоб другу помогли вернуть жизненную силу. Да хоть своей кровью. Не вопрос.

— Быстро движемся, — хмуро прокомментировал он. — Вчера с гор шли день, а сегодня в горы — столько же…

Королева не обернулась, но он почувствовал, что его слова приняты как комплимент. Это наводило на размышления о силе и возможностях спутницы. Магия, сворачивающая время? Или расстояние?

— Насколько этот отряд серьёзная сила против основных войск?

Стратим посмотрела на него задумчиво. Помолчала, прежде чем ответить.

— В гнезде шесть Гамаюнов. У каждой — восемнадцать Сиринов. У каждой Сирины — сто восемь воительниц-магуров, столько же охотниц-скопов и без счёта работниц-моголов.

Таёжник хмуро кивнул. Расклад был ясен. «Их восемь, нас двое — расклад перед боем, не наш…»

— Прямым столкновением вопрос не решить…

— Приблизимся тайно. Ударим неожиданно. Я заменю Мать.

Михаил передёрнул плечами и досадливо сплюнул:

— Бабы! Мексиканские сериалы и розовые пуфики… Пончики, маникюр и трескотня по телефону. Не лезли бы в стратегию — цены б не было!

Сказав, он ожидал в ответ злости и возмущений. Знал, на что шёл. Но волосы Стратим даже не приподнялись. Королева задумчиво продолжала рассматривать дорогу, небо, падающий снег, пушистые лапы сосен. Михаил и сам отвлёкся от невесёлых мыслей. Снегопад-то редкостный. Мягкий и спокойный. Под такой — грех злиться.

Под такой снегопад в детстве хорошо мечталось. Да и теперь всё больше думаешь о будущем. Правда, совсем не о том, как оно сложится, а о том, как бы его сложить понадёжнее. Вот ведь отличие мышления ребёнка и взрослого! Одному — кто бы что за тебя сделал, какое бы наследство получить и как потратить, да как бы стать волшебником или великим мастером за один день, а другому — как бы так извернуться, чтоб двумя хлебами накормить толпу, из шкурки зайца сшить три шапки и раскроить бы сутки на тридцать рабочих часов. Есть разница. Но и те и другие мечтают о чуде. О том, что можно сделать — не мечтается. Это — планируется.

Сейчас мечталось о том, что всё получится. Что вся эта сумбурная схема, поставленная на множестве «если» — если получится подойти незаметно, если для улья это будет

внезапностью, если стервы спутают Королеву — сработает без осечек. И до скрежета зубовного хотелось в это верить. Поскольку обеспечить все условия нереально.

Для продвижения через лес рассредоточились. Стратим оказалась дальше, а Юрий рядом. Кинул взгляд на друга — тот сонно качался, с трудом удерживая равновесие на спине своего грифоголового. Заморённый, побитый. Подойти б сейчас, хлопнуть по плечу, сказать что-нибудь светлое, обнадёживающее, живое. Да только что ж такого сказать, что бы не сломался? Зубров, словно почувствовав взгляд, вскинулся. Во взгляде смесь блеска готовности к бою и лихорадочности слабости. Михаил махнул рукой — «всё в порядке!», — и Юрий снова лёг на грифона. Медведев позволил себе на миг улыбнуться, подставив лицо снегопаду. Таких железных, как Юрка, только на васаби строгать!

И спокойно позволил себе забыться.

— Домен.

Голос подъехавшей Стратим встряхнул сознание, словно жестянку с гвоздями.

В сумерках каменные валуны с зацепившимся на гранях снегом казались трещинами мироздания, чёрными молниями разорвавшими реальность.

— Ты пойдёшь туда, — продолжила Королева. — Мы идти не можем. Только люди или звери. Пойдёшь и выведешь своих.

Михаил задумчиво огляделся. Стерв стало больше. К отряду стекались оставленные Гамаюн воины. Приближались, словно их магнитом притягивала Королева. Но, докатываясь до круга охранения, состоящего из отобранных матёрых горгулий, тут же торопились в сторону найти себе место в общей группе.

— Ты можешь дать мне гарантии, что люди будут живы и свободны?

— Моё слово, — безучастно отозвалась Стратим.

Михаил протянул из-под шкуры руку и поймал на ладонь снежок. Пушистый комок медленно осел, словно кошка перед прыжком, и потянулся ручейками по линиям судьбы. На влажную кожу уже падали следующие снежинки-котята.

Стратим опустила ресницы:

— Отец, довольно и того, что за ними я отпускаю тебя, а не твоего стража…

Медведев кивнул. Действительно — довольно.

Спешился, решив не гонять на вершину уставшего Пушка. Да и самому так — целее будешь.

Поймал взгляд Юрия. Тяжёлый взгляд. Но не понять чего в нём больше — усталости или понимания того, что всё в его мире

поменялось и некому опекать подзащитного, теперь он сам принимает решение и сам торит дорогу. И получится ли та дорога, сможет ли он удержаться на взбесившемся мерине судьбы — кто знает. Михаил приподнял руку, возвращая другу жест — «всё отлично!» — и двинулся в гору.

Снежная перина на каменистом склоне жадно схватывала лодыжки. Походные ботинки давно уже отсырели от долгого ношения по влажной погоде и теперь не защищали от холода. Не по сезону одёжка не спасала от снега. Подумал о людях, проведших уже двое с половиной суток в этой снежной круговерти, и стиснул зубы: «Выберемся! Должны выбраться!». Хотя сам прекрасно понимал, что это такое…

До домена оставалось рукой подать.

— Стой!

Остановился. Простуженный голос был незнаком.

— Капитан Медведев! — хрипло выкрикнул Михаил в чёрную арку входа.

— Проходи.

А это уже Яромир.

Шагнул под свод, ожидая увидеть людей, встретиться со своими…

С камней рядом с входом поднялись Яромир и Маугли. Оба заснеженные, с опущенными плечами, прижатыми к корпусам руками, закостенело сжимающими оружие.

— Приветствую, — прохрипел Ведущий щитов Одина-та.

— И вам здорово! — Михаил шагнул вперёд и, сорвав с плеч тяжёлую бурку, протянул её одинату.

Яромир попытался улыбнуться, оторвал стылую ладонь от автомата и поймал на трудно гнущиеся пальцы выпорхнувшее из-под шкуры «солнышко», кивком показал на центр домена. Люди спали там. Гряда камней, вручную сложенная защитой от ветра, навес над ней, уже запорошенный снегом, рюкзаки — стенами. Узкий вход в неказистое убежище чуть светился — внутри горел неясный огонь. Маленькое убогое жилище спасающихся от холодной смерти. Слишком тесное для двух десятков человек.

— Как мои?

— Живы, — коротко отозвался Яромир. Конкретизировать не стал. По такому состоянию и это было уже довольно.

Ведущий протянул вовсю искрящуюся на пальцах «альфу центавра» ведомому и кивнул на жилище:

— Отнеси… И погрейся.

С трудом разогнувшись, Маугли подхватил в замёрзшую ладонь трудолюбивый огонёк и, шатаясь на каждом шагу, двинулся к «домику». Глаз так не поднял. Он ещё не дошёл до

входа, а Яромир закашлялся. Всеволод встрепенулся, замедленно оборачиваясь на хриплый, тяжёлый кашель. Михаил махнул рукой — уходи, — а сам силой усадил тэга на валун и, накинув шкуру ему на плечи, стянул кожаные шнурки, понимая, что закоченевшие пальцы не согнуться. Холодная, сухая ладонь вытянулась из-под бурки и схватила за запястье. От неожиданности вздрогнул. Кожа одината царапнула сухой коркой.

— Стража… потерял? — тихо спросил Яромир.

— Жив. У стерв остался…

— О, небо… — выдохнул Ведущий и отвёл глаза.

— Да нет! Не в плену! — Михаил замотал головой и с трудом улыбнулся: — Ничего там с ним не случится! Мы договор заключили с Королевой…

— Рассказывай, — просто сказал Яромир.

Михаил расправил складки бурки, закрывая окоченевшего от ветра и снега, сел на корточки перед ним и вытащил пачку сигарет. Предложил — тэра вяло мотнул головой — запалил сигарету, устало обернулся, посмотрел на заметаемое убежище, сквозь решето стен которого виделись блики заметно разлохматившегося «солнышка», и стал рассказывать. Ведущий не перебивал. Слушал, устало оглядывая стены домена, и едва приметно покачивался.

— Значит, всё-таки Отец, — прикрывая глаза, сказал Яромир. — Вот так подарок судьбы.

— Отец, — хмуро отозвался Медведев. — Помнишь, ты говорил, что нам нечего предложить стервам? Оказывается, есть.

— Ты и предложил.

— Предложил. Или они стребовали — не суть важно. Главное, что вы свободны.

— Свободны, — повторил тэра и равнодушно обвёл взглядом чёрно-белый мир домена.

Михаил растеряно потёр щетину. Показалось или действительно Ведущий Одина-тэ уже на той степени замерзания, когда нет ни малейшего желания двигаться, мыслить, что-то решать, когда хочется замереть неподвижно и тихо погружаться в нарисованную умиранием сказку?

— Яромир! — позвал он. — Людей выводи! Слышишь?

— Слышу, — отозвался тэра. — Некуда нам идти…

Тихий безликий голос окончательно убедил в том, что желание жить покинуло одината. А способов вернуть сознательность в замерзающего Михаил знал немного. А пользовался всегда только одним.

— Яр! — бешено зарычал он и, поднимаясь, заграбастал тэра

за ворот, — Какого чёрта! Вставай, сукин кот! Или башку расшибу! Ну же!

Глаза Яромира зло прищурились. Он протянул руки из-под шкуры. Медленно, слишком медленно — то ли подмёрз сильно, то ли не поверил, что всё всерьёз. Михаил, продолжая рычать матерно, широкой ладонью от души врезал тэра в плечо. Чуть не отправил обратно на снег. Опять замахнулся.

Справа посыпались камни постройки — кто-то яростным рывком ломился сквозь стену. Михаил на миг обернулся…

Яромир нырнул в сторону и уверенно обошёл атакующую руку.

Почти сразу в горле у таёжника возникла боль. Не сильная, но очень даже останавливающая. Яромир вонзил жёсткие пальцы в шею, сдавливая гортань. Михаил уцепился за холодное запястье и прохрипел:

— Тихо, тихо, ты чего… Ошибся, бывает… Нечего было сидеть, как девица синяя…

С боков его уверенно буравило десяток взглядов над стволами. Шевельнись — одинаты, не задумываясь, превратят голову в дуршлаг.

Ведущий слабо ухмыльнулся и отпустил хват. Успокаивающе кивнул своим, рывком на божий свет напрочь снёсшим импровизированный «домик». Одинаты опустили оружие.

Медведев выдохнул, потёр спазмированное горло.

— Топтыгин!

Не успел обернуться, как попал в лапы Катько. Огромные ручищи упали на плечи. Кирпич стиснул командира и вжался лбом в его висок. Потом только приблизились и обжали Родимец и Батон. Обняли, как навалились. Тяжестью на плечи, лихорадочным дыханием, грузом радости от неожиданного возвращения того, кого не чаяли увидеть. Медведев почувствовал их холодные пальцы, горячие лица, лёгкую дрожь и опасную слабость. Стоял, щурился на снег, похлопывал по плечам, а на самого накатывало облегчение — все целы, пусть переутомление и даёт о себе знать, но — живы. Значит — прорвутся.

— А Юра-сан? — Родимец спросил тихо, почти неслышно, но и Катько и Якоби отодвинулись, взглянули напряжённо.

— Жив. Площадный удар. Выкарабкается.

— Ага… — Родимцев поднял лицо к небу, ловя снег на горячую кожу.

Михаил посерьёзнел:

— Так, мужики… На сборы десять минут!

— Куды идём-то? — спросил Батон.

— Домой.

Кратко переглянувшись, таёжники пошли собираться: вытаскивать из под завала камней и снега рюкзаки, складывать тент да подтягивать одежду к передвижению. Михаил отметил и то, что вялость стала меняться не целеустремлённость, и то, что точность у ребят повысилась. Хорошие приметы возвращения уверенности.

— Домой, — усмехнулся подошедший Яромир и вздохнул: — Рано ты своих людей обнадёжил…

— Не понял?

Яромир, отгоняя, махнул рукой своим ведомым. Среди отошедших Михаил мельком заметил Полынцева. Всё также насмешливо-уверенный, только очень изможднный. Нелёгкие деньки выпали… Хорошо, хоть, что тэра, пусть и, скрежеща зубами, но защищают. Одинат снова сел на камень и, нахохлившись, усмехнулся:

— Дом нас не ждёт.

Простой фразы хватило, чтобы дыхание сбилось. Словно с оттягом ударили под грудину. Михаил наклонился ближе к ведущему Одина-тэ и тихо спросил:

— То есть?

— Стервы выслали ко всем порталам по заградительному отряду. Давление слишком многозначительное — Храм вынуждено от нас отказался. На границе тишь да благодать — с этой стороны большие скопления стерв-воинов, с той лишь патрули… Пробиваться через этот заслон — не только самоубийство, но и та искра, которая подтолкнёт стерв к активности.

— Мать твою… — досадливо сплюнул Михаил.

Яромир сморщился, как от боли, и резко махнул рукой:

— И всё это молчание твоего Юрки! Если бы мы узнали с самого начала, что здесь не только люди, но и Отец — Школа бы рискнула! Десятка «мечей» и звена бойцов-ведунов хватило бы под завязку! Но теперь уже поздно. Закрыты порталы.

Медведев смёл с камня снег и сел с ведущим рядом. Тоже засунул руки в карманы и приподнял плечи. Холодок пробирал серьёзно. Снегопад тут же забелил колени.

— По заградительному отряду, говоришь… А это сколько?

— Ну уж не десяток-другой, — хмуро отозвался Яромир.

— Значит, в лучшем случае — по отряду Гамаюна. В худшем — по паре Сиринов. Три портала… — задумчиво протянул Медведев и усмехнулся. — А, однако, неплохой выходит раскладец!

Яромир посмотрел внимательно и прикинул:

— Так… В гнезде сейчас должно быть не густо воинов. Часть

— на границе, часть — подтягивается. Во Дворце, правда, всё равно охраной специальный выводок Алконостов, — они всегда рядом с Королевой, а той положено сидеть на месте.

— По-моему, план изгнанницы становится реалистичнее.

— Похоже на то.

Помолчали.

— Предлагаешь присоединиться?

— Не я. Стратим предлагает… И гарантирует, что выжившие уйдут на родину свободно.

— Вариант, — протянул Яромир задумчиво.

— Думаешь примкнуть?

— Думаю.

Михаил растёр подмерзающие ладони:

— Полагаю, что у тебя не особо богатый выбор. Скажу так: когда буду иметь вес при правящей Королеве, неважно даже какой — старой или новой, — вас я отыграю. Только одна беда — я не знаю, когда это случится. А время поджимает.

— Поджимает…

В центре домена разбирали вещи и готовились к переходу люди. Разговаривали мало, по делу, да и то всё больше односложно. Снег засыпал тёмные фигуры, высвечивая контуры, заваливал камни и остывшую землю. Мир делился на белую неподвижность и чёрное движение.

— Ты как решил с Всеволодом поступить?

Вопрос застал врасплох. Настолько не к месту, и не о том. Медведев обернулся. Яромир хмуро рассматривал снег под ногами.

— Выберетесь, а там решите, как его от «Р-Аверса» отмазать, — пожал Михаил плечами. — Степан, думаю, поможет.

— Нет, Мих. Не всё так просто, — Одинат устало растёр лицо, — Все разойдутся, но Всеволод не уйдёт. Он останется с тобой. По законам, которые он соблюдает, ты — его ведущий и распоряжаешься его судьбой. Продать, подарить, убить, завещать, оттолкнуть… Понимаешь? И, пока не будет чёткого и однозначного приказа, он тебя не оставит.

— Не понял…

Яромир снова поморщился, заставляя смёрзшееся лицо сквозь боль пробуждаться.

— Юрка — твой страж, и он никогда тебя не оставит, никогда не предаст. Это воспитание и судьба. А Всеволод — ведомый. Случайно так получилось, что… Короче, он стал считать тебя ведущим. Это неправильно. Такого не должно было случиться! Ведущим у тэра должен быть только тэра! Но так получилось… и ты необычный человек, и ситуация оказалась… странной. Потому

прими как факт — он подчинён тебе абсолютно, целиком и полностью. Ведомый, как и страж, это тоже судьба. Полного подчинения, полной самоотверженности. Добровольного абсолютного рабства, если так проще понимается.

В первый момент Михаил не нашёлся что ответить. Слишком не готов оказался к такому.

— Посмотрим, — уклончиво отозвался он и хотел уйти.

Жёсткая рука уцепила локоть, задержала. Яромир смотрел снизу вверх:

— Продай его мне.

— Что-о-о?

Михаил выдохнул через тесно сжатые зубы и напряжённо выдернул из захвата руку. Неспешно, демонстративно, так, чтобы и сомнений не осталось в испытываемых чувствах. И в том, что продолжение разговора нежелательно.

— Своих не продаю.

Одинат поднялся и загородил проход. Медленно покачал головой:

— Ты так ничего и не понял, Михаил…

— Одно я понял, — набычился таёжник, собирая кулаки, — что у вас у всех с головами что-то не того! И свобода и достоинство человека для вас ничего не значит! И жизни друзей! И честь! И своих оставлять в котле, и продавать-покупать людей, и откупаться от нападения, и…

— Покупать помощь, — закончил, как добил, Яромир.

Михаил замолчал. Только пальцы сжались, да скулы побелели. Уел тэра…

— Сядь. Договорим, — негромко приказал ведущий «щитов» и, отступив, первым вернулся на камень.

Медведев несколько помедлил, прежде чем опуститься рядом. Помедлив, Яромир продолжил:

— Ты мало знаешь нас, поэтому просто прими как данность, что именно такие законы и правила помогли нам сохранять себя тысячелетия, и они же помогают защищать человечество до сих пор… Поэтому ничего менять тебе не надо.

— А я прям разбежался! — хмуро огрызнулся Михаил.

Яромир, не отвечая, перевёл взгляд на сидящего неподалёку Всеволода и глаза его стали пустыми. Маугли сидел среди других тэра между рядов рюкзаков, закрывающих от ветра, и грел руки у лохматой «альфы центавра». И тэра не гнали от огня, напротив, прикрывали от ветра своими спинами. И на лице мальчишки плясали зеленоватые отблески.

— Их отрывают от матерей в первый же год жизни, — тихо заговорил Ведйщий. — И до совершеннолетия они не видят

ничего, кроме монастыря и наставников. Так жёстко, как ведомых, не обучают больше никого. Сплетением магии и тренировок из них делают особых людей. Ведомый — человек-пластилин. Без своей судьбы, без своих желаний и амбиций. Идеальный помощник. Смотрящий на ведущего с восхищением и смирением. Вечно жаждет общения с ним, духовного родства, для того, чтобы подняться над собственной никчёмностью. И он просто не может один.

— Научится, — буркнул Михаил.

— Нет. Не научится.

— Магия?

Яромир кивнул. Снег с шапки слетел пушистым комом на бедро.

— Одна из самых хранимых в школах тайн — магия покорности. Ведомый становится тенью своего ведущего после того, как на него надевают пояс — знак принадлежности. Его личность проходит деформацию, которая меняет его отношение к миру. После этого он начинает жить другой жизнью. Всё с чистого листа. И в нём появляется внутренняя свобода, уверенность, он начинает расти над собой. Но только рядом с ведущим. Один он гибнет.

— Кончает собой?

— Нет. Начинается медленное умирание тела и духа. Гниение заживо.

— О-па…

— Да, — Яромир мрачно усмехнулся, — Это возможность тэра уйти, не налагая на себя рук. Уйти, когда ты не нужен. Никому. И себе тоже. Мы говорим в таком случае, что человек «сгорел в себе».

— Ясно.

— Сознание и тело ведомого выточены тренировками до совершенных форм, но душа остаётся душой ребёнка. Доверчивого ребёнка, которому нужен взрослый рядом. Да ещё и магия полного подчинения… В общем, не может он один.

— Понятно. Юрка говорил, что ведомый высоко ценится, — припомнил он.

— Хороший ведомый стоит как десять лет обеспечения звена воинов, — медленно выговорил Яромир. — Это много… Но я заплачу.

— Я не об этом!

Михаил досадливо хлопнул кулаком по колену. Тэра взглянул напряжённо.

— Как так получилось, что он оказался один, когда его брали? — стёр снег с лица Михаил.

— А, — Яромир кивнул, что понял. — Шёл к ведущему. Школа новая, ещё неизвестная в России, только-только стала возрождать традицию ведомства. Подготовила выводок и распределила по сильнейшим воинам схода. Как подарок с намёком. Но возможности дать сопровождения не было, вот их и отправили малохожеными дорогами.

Медведев взглянул на «таёжников». Его люди стояли уже собранные и готовые к переходу. Кто-то пустил по кругу сигарету и теперь по очереди курили, скрывая от ветра в ладонях красный огонёк. Хмурились, не понимая задержки. Катько вдохнул дым и бережно передал сигарету Маугли. Тот ошалело замотал головой. Прямо мальчишка, которому первый раз предложили дурное дело. Кирпич протянул руки дальше, стоящему чуть поодаль Полынцеву. Тот стесняться не стал. Подошёл, встал в круг.

— Я не буду решать сгоряча, — медленно выговорил Михаил, — но подумаю обо всём, что ты сказал.

— Главное — однажды реши, — устало улыбнулся Яромир, — Пойду своих озадачу. Проводим вас до гнезда. И дальше, если потребуется…

Глава 17
Стратим

Лохматое зелёное «солнышко», словно спелое киви, лежало на каменной тарелке в центре шатра. Этот обогреватель был больше и мощнее старой доброй «альфы центавра» — он отапливал до самых дальних уголков, как настоящая печка в зимней палатке. Только компактнее и безопаснее. Потому люди спали, заполнив всё пространство шатра и не беспокоясь по поводу случайного движения в сторону тепла.

Ночная дорога измотала всех — стерв, людей, тэра. Оттого Стратим пришлось дать команду на отдых. Остановка подразумевалась короткой, и все спешили воспользоваться оставшимися двумя часами до рассвета, чтоб отоспаться. Только Медведеву было не до сна.

Звезда цвета лимона висела над Зубровым. В её тёплом свете лицо Юрия казалось заострившимся, а кожа отливала жёлтым, словно у тяжелобольного. Глубокое дыхание ровно колыхало грудную клетку. Яромир ещё с вечера убеждал, что кризис пройден, и друг скоро пойдёт на поправку. В это страстно хотелось верить. Тащить надорвавшегося в бой было убийством.

Медведев в который уже раз растёр ноющие запястья. Сухая кожа, словно наждачная бумага. Или свитер с катышками. Ширк-ширк. Вроде сгладилась. Огляделся. Тэра опять поступили по-своему. Люди оказались в самом центре палатки, а «щиты» — по периметру. Что ими движет теперь, когда договор расторгнут и в жизнях чужих для них людей им нет резона? Раньше — понятно почему оберегали от столкновений и старались защитить от холода. А сейчас? Спросить бы их Ведущего, да раньше не удосужился, а теперь уже и неловко — Яромир прилёг совсем недавно, потратив почти час на восстановление Зуброва. Лично делал насечки по телу, попутно объясняя значение точек таёжнику. Сам вдавливал травяную смесь в порезы и массировал, заставляя мышцы впитывать лекарство. А потом сидел рядом, контролируя дыхание, сердцебиение и нечто неявное, что Медведев не мог ни прочувствовать, ни понять. И, лишь убедившись в том, что дело идёт на поправку, ушёл спать.

— Подвёл я тебя…

— Ерунды не городи, — поморщился Михаил.

— Подвёл, — Юрий открыл глаза. — Должен был защищать, а в результате…

— Юр, мне глубоко плевать на твоё стражество и всяческие

обязательства. Это обязательства не передо мной, — Михаил поморщился. — Мне ты не телохранитель. У нас другие отношения. Ты мне спину прикрыл, я тебе. Это нормально. Сам же говорил, что дружба — от слова «дружина».

— А «друг» значит — второй, — так же тихо отозвался Юрий.

— Второй?

— Другой, следующий. Второе «я». Напарник. Ведомый. Младший. Пара — наименьшая боевая группа в дружине. Минимум, требующийся для выживания.

— Как у вас всё просто, — покачал головой Михаил. — Всё основано на выживании!

— Знаешь, Мих, нас учили проверять свои стремления на предельных смыслах, к которым сводится в жизни всё… Честь. Любовь. Семья. Дом. Сын. Дело… Только это значимо. Доведи любую идею до Абсолюта. К чему она склоняет? К жизни — благо. К смерти — зло. Но к смерти для себя ради жизни других — благо! Вот такая простая философия.

— Простая, — угрюмо согласился Михаил и снова потёр ладони. — Я эту философию человечностью называл.

— А это и есть человечность, — тихо ответил Юрий. — Человечность как зрелость, как отсечение наносного, как мудрость души. Человечность, которую вам преподают не-человеки… Но вы — сотворённые по образу и подобию. Именно — вы! Понимаешь?

— «И сотворил Господь человека по образу своему…»? Ты же знаешь, я не верю в…

Юрий вытащил из-под покрывала руку и, схватив друга за предплечье, приподнялся. Лихорадочный взгляд влажно заиграл в свете «солнышка».

— Да! По образу, понимаешь? Хотел по образу и подобию, но сотворил по образу! Подобие нужно взрастить в нём! Да и образ… — зашептал он, — Ты помнишь лису с детками, что встретили у реки? Много ли сходства детёнышей и мамки? Нет! И мех не тот, и крик не тот, и цвет, и рост, и лапы расползаются на камнях, и повадки детячьи и представления. Для того, чтобы им стать настоящими лисами, им нужно подрасти. И нужно, чтобы рядом была мамка и папка или хотя бы тот, кто знает, кем они должны стать, чтобы научить и показать, как правильно. Вы — уже боги! Вы — уже творцы! Вы — единая сущность вселенной… Но вы — младенцы! Ничего ещё не умеющие, не знающие. Беспомощные живые комочки будущего величия. И мы — ваши няньки. И ждём той самой первой линьки, первых зубов, первых ползков, после которых вам уже не кормилица нужна будет, а учитель. Мы уйдём, придут другие. Те, что будут учить. Строго и

сурово. Жизнью и смертью. А пока вы, сами того не замечая, впитываете знания и силы от нас. Как младенец впитывает молоко. Воспитание — это напитание собой. От любовного тыкания к мамкиной титьке до того, на кого охотиться, когда жрать и почему нельзя плевать в колодцы. Всё в этом мире крутится вокруг выживания, Мих… И не только в этом! Жизнь — вот единая мера правильности. Жизнь — это Бог!

Юрий разжал кулак и упал на спину. Закрыл глаза. Задышал часто, как после нагрузки. Лоб покрыла испарина.

Михаил задумчиво растёр отпущенное плечо.

— Ах, какое благородство! Едрит вашу душу! Защитнички!

Вздрогнув, Медведев всем корпусом обернулся на голос.

Полынцев сидел на своём месте и зло щурился на свет.

— Ты их больше слушай! И не такую агитацию проведут! Ты лучше спроси о том, как религиозные формации создавали, чтобы держать людей в подчинении в духовных резервациях! И припомни сколько войн на пустом месте возникало! Бог и устройство мира — условности, ради которых люди дохли! Условности, создаваемые тэра! Спроси, как подавляли генетическое развитие! И представления о голубой крови, вырождающее лучшие рода от кровосмешения, и сжигание инквизицией высокопродуктивных баб с экстра-способностями, и революции на пустом месте, и культ убийства детей врага! Ты об этом порасспрашивай! Да о том, как сейчас дёргают за ниточки! Как разлагают мир, готовя его к новой волне идеологических чисток. Где идеалы доброго, сильного, смелого и великодушного героя? То, на чём ещё наши отцы воспитывались и мы? Посмотри в телеящик и увидишь, чем теперь пичкают наших детей! Все иллюзии нашего мира — их рук дело! Это их форма правления. Скрыто, тонко и подло уничтожая нас изнутри!

— Стёп, старо, как мир — вселенский заговор с целью уничтожить человечество, — хмуро резюмировал Медведев. — Но всё, что ты назвал — разве их работа? Мы сами, те ещё дураки, сами себя травим и на ноль множим. Как верно говорят — миром правит не тайная ложа, а явная лажа. А тэра нас уничтожать — что у них дел без этого мало, что ли?

Посмотрел на Юрия. Тот не реагировал. То ли уснул, то ли решил, что молчание — хороший козырь для бесперспективного спора интересов и мнений.

— Не уничтожить, Михаил, а держать в узде! И цели у них более высокие, чем просто делать из нас скот! — отозвался Полынцев.

— Власть? — спросил Медведев, не сводя взгляда с застывшего лица Юрия.

— О нет! Что ты! Они совсем не претендуют на мировое господство! — Полынцев усмехнулся. — О чём думает нянька, пока растёт малыш? О том, что он вырастет, и она станет не нужна. И добрая нянечка, совсем не по злобе, поддерживает малыша под ручки и не позволяет ему научиться ходить через собственные синяки и шишки! Нужность — вот единственная их цель. Мавр совсем не хочет уходить!

Юра-сан открыл глаза и без выражения посмотрел в потолок шатра:

— Нужность — не самоцель. Это лишь первая ступень понимания любви. Как мать нужна младенцу. Как грешнику духовник. Как оратору толпа. Нужность — корень взаимности. Начало притяжения душ и их слияние. Нужность и независимость.

— Это не отменяет вашего желания оставаться нужными всегда! И торможение развития homo sapiens ради этого!

— Не отменяет желания — да. Но на регулирование идеологических потоков нас толкает не желание нужности, а наша ответственность. Если мы не будем решать конфликты мировоззрений, то человечество пожрёт себя. В вас слишком большой заряд саморазрушения вложен. Он естественен для всех сильных сущностей мира. Как предохранительный клапан, чтобы не спятили. Но вы ещё не доросли до умения его применять.

— А вы доросли, значит!?

— А мы были до вас за тысячелетия! И немало учились, чтобы быть проводниками! Это наше место и долг по праву! — Зубров повысил голос. Хриплый, больной, он зазвучал угрожающе. В палатке стали пробуждаться люди.

— Ах, старшие братья! — усмехнулся Степан и бросил, словно грязью облил: — Каины!

Зубров рывком поднялся. Михаил едва успел схватить его, останавливая порыв. Юрий скрипнул зубами, заглядывая за плечи друга и бросая Полынцеву:

— Что ты знаешь, слепыш! Что ты понимаешь! Нахватался-нажрался по верхам отходов, и вообразил, что познал истину! Да тебя самого слепого свои же старшие вокруг пальца обводят!

— Какого хрена!? — Катько приподнялся на локте, щурясь на свет лимонного «солнышка», — Кому по репе настучать?! Дайте поспать, блин!

— Так! — Медведев рубанул ладонью по воздуху, разделяя спорящих. — Брейк! Договорите в другой жизни!

Усмехнувшись, «Раверсник» без возражения лёг и повернулся на другой бок. А Юра-сан упал на спину и снова закрыл глаза. Только лихорадочный румянец выдавал внутреннее напряжение.

Михаил растёр затёкшую шею, отогнал от Зуброва распалившееся «солнышко», поправил на нём одеяло и, подхватив куртку, поднялся:

— Пойду на свежий воздух. Покурю.

— Погодь! Я с тобой — пригляжу! — Кирпич рывком сел, быстро оправляя одежду и подтягивая ремень.

— Что здесь со мной теперь случится, — тоскливо махнул рукой Михаил, — Лучше за Юркой присмотри! — и вышел.

Лагерь спал. Стервы, припорошенные снегом, словно большие собаки, лежали, свернувшись калачиками, да прижавшись друг к другу. Если бы не напоминающие лица морды, да не строение тела, так похожее на человеческое: с рудиментами женских грудей и плавными изгибами бёдер — совсем бы не цепляло сознание. Ну, твари и твари, ну, мифическая порода рукокрылых, какой-нибудь подвид гигантских оперённых летучих мышек. Но иногда проскальзывающая в движении, в случайном жесте, в неосознанном поведении человеческая чёрточка заставляла задуматься о родстве. Но не от этого пробирало холодком. В конце-то концов, войны на земле не редкость и убивать сородичей люди привычны. Все люди — братья. Каины да Авели… Но видеть в тварях человеческое было противно.

Закурил, игнорируя появившихся за спиной тёмные громады горгулий. Молчат, не перечат, не останавливают — и ладно. В конце концов, он не рассчитывал, что вот так просто ему дадут гулять по лагерю. Не та он птица. Да и прецедент уже был.

Под большой сосной, стоящей в стороне от товарок, горел огонь. Самый настоящий костёрок, небольшой, но, судя по окрасу пламени, жаркий. Возле него, под широкими хвойными лапами, как под козырьком, сидела женщина. Она куталась в белый мех и иногда лениво шевелила угли палкой или подбрасывала дрова. Свернувшийся дугой за её спиной, скимен казался крытым золотистой шкурой роскошным диванчиком. Или троном. Михаил понаблюдал и, затушив и спрятав в карман окурок, решительно двинулся к Королеве. Горгульи за спиной не возразили. Только лёгкими тенями скользнули следом.

— Приветствую, Ваше Высочество!

Стратим подняла глаза. Холодные, спокойные, глубокие. Отвернулась.

Медведев усмехнулся, присел на корточки возле огня, протянул к нему руки:

— Что же Вы, Ваше Высочество, одна и на холоде? Разве не положено королеве отдыхать в уюте и тепле? Разве не должна она быть окружена верными подданными и телохранителями?

Стерва задумчиво склонила голову на бок, разглядывая

рыжие языки костра, и, наконец, односложно ответила, как всегда, не раскрыв рта:

— Боятся.

Михаил задумчиво почесал висок.

— Ну, будь они людьми, я бы очень хорошо их понял.

Стратим не отозвалась.

Медведев про себя ругнулся. Чего, спрашивается, было подходить и паясничать, если заранее знал, что результата не будет? Для того, чтобы получать ответы, есть ходячая энциклопедия — Маугли. А со стервами разговаривать — себе дороже. Он уже поднимался, когда она обернулась:

— Твой страж заполнился силой?

— Кризис миновал, — хмуро отозвался он, снова присев.

— Хорошо.

— Хорошо. Только до сих пор не понимаю, зачем мы совершили эту глупость?

— Глупость?

— Убили Горгонию, — пояснил Михаил. — Зачем? Чем мешала эта старая ящерица? Она — не воин! И не маг! Ты и без этой крови могла заставить Сирина и его войско слушаться.

— Могла, — задумчиво покачалась Королева.

Михаил почувствовал закипающую злость.

— Так зачем?! Я видел её — скулящую, плачущую, жалкую. Эта тварь совершенно не приспособлена нападать. Все её атаки — способ выжить. Травоядный диплодок умел убивать лучше! Она не была бы помехой! А ты потребовала её смерти. Зачем? Проверяла нас? Повязывала кровью? Убеждалась, что не отступим? Зачем?

Стратим ещё больше выпрямилась и поправила накидку на плечах. Вскинула лицо. Волосы зашевелились тугими толстыми волнами, сбросили налипший снег.

— Можешь не отвечать, — махнул рукой Михаил, — дело твоё! — и снова поднялся уходить.

— Я отвечу, — голос Королевы проник в сознание и задержал движение.

Михаил вернулся.

— Ты прав, Горгония не воин. Она не остановила бы меня силой. Но ей не нужна сила.

— Гипноз?

— Нет, — Стратим зябко передёрнула плечами. — Любовь. Нежность. Доверие.

— Не понимаю. Вы что спите вместе?

Королева посмотрела внимательно, словно подозревая его в нечестности.

— Горгония — жрица для гнезда, — наконец медленно сказала она. — Но Горгония и первая воспитательница для Королевы.

— Воспитательница?

— Да, — Стратим опустила взгляд. — Она здесь, чтобы воспитывать нас в милосердии и чуткости. Чтобы Королевы сдерживали своих детей, и чтобы всех сдерживала вера.

— Мать моя женщина, — потрясённо процедил Михаил, — убили няньку! Детский сад…

— Это наш первый учитель, — чёрные глаза зло сверкнули углями, волосы туго взвились. — У нас нет матерей, как у вас, — когда рождается новый выводок королев, старую матку убивают. Это закон! Чтобы воспитать юных в понимании себя и мира, нужна кормилица. Она сдерживает нас от взаимного уничтожения, а гнездо спасает от вымирания.

— И мы убили единственную надежду твоего гнезда на выживание? Нет, я, конечно, далёк от ваших проблем, но просто для справки — разумные существа имеют инстинкты сохранения рода, не позволяющий им совершать преступления против своего народа.

— Разумные — имеют, — хищно улыбнувшись, отмела Стратим. — Не волнуйся, Отец! Горгония не одна. Сколько королев в гнезде, столько кормилиц. Они приходят из другого мира и уходят туда же, когда кончается жизнь воспитанниц.

— Так, — протянул Михаил задумчиво, — А Королев много?

— У меня три сестры. Одна правит, две служат в храмах.

— А ты почему не в храме?

— Я была в изгнании, — Стратим гордо распрямилась. — Видишь знак на мне? Я родилась первой и должна была принять правление. Но Горгонии решили, что я не способна на это! Что в моё правление гнездо потеряет больше, чем приобретёт! И меня клеймили, лишив сил. И выгнали в другой мир, как только подросла.

— А теперь ты вернулась… С обидой и местью.

— Не с местью — с правом перворождённой. Не с обидой — со знанием того, как надо править! Другие миры — это боль без родины, без родных, без любящих. Но это и боль понимания.

— Много ли даст это понимание, если к трону придётся идти по трупам своих же родных и любящих?

— Много. Но потом. Все изменения начинаются с крови. Женщина течёт, прежде чем зачинает и течёт, когда рожает.

— Нет добрых царей и нет бескровных революций, — покачал головой Михаил, — это и у нас так. Но начинать кровавую жатву с беспомощной старой няньки — это верх цинизма! Она не стала

бы помехой.

— Эта Горгония — моя кормилица. Её прислали, зная, что я иду за тобой. Если бы твой страж не убил её — я бы не пошла войной на гнездо. Не решилась бы… — Стратим закрыла глаза, словно не хотела видеть, как он отнесётся к её глубокому признанию.

— Да… И вот из-за этого всего… — Михаил не закончил, зло сплюнув в снег.

— Сирин восстановит его быстро. Пожелай, — не поняла Королева.

— Нет. — Михаил покачал головой. — Сам Юрка не хотел, а я поперёк не пойду. И думаю, что теперь он пойдёт на поправку.

— Ты — отец, — с достоинством кивнула Стратим. — Как пожелаешь.

— А чего Сирин, почему не сама?

— Нет сил, — позвучало в голове.

— Не можешь или не умеешь?

— Не могу. Нет сил, — повторила Стратим и плотнее закуталась в мех.

Снег размеренно засыпал мир. На смоляных волосах стервы белым венчиком клубились снежинки. Изредка осыпались, запорашивая плечи. Может, оттого не являлись уже почти ставшие привычными клубки змей. Волосы лишь едва шевелились тугими волнами, но не более.

Михаил подошёл к сваленному кучей сушняку и, выудив ветку потолще, поломал об колено. Подкинул в затихающий в бессилье костёр. Пламя с треском приняло дерево и благодарно разгорелось, обдавая жаром кожу.

— Мне казалось, что самой сильной в гнезде должна быть Королева, — равнодушно произнёс Михаил, снова присаживаясь у живого огня.

— Королева — всех сильнее! — гордо кивнула Стратим. — Я ещё не Королева. Буду.

— А когда будешь…?

Королева посмотрела удивлённо, словно он спрашивал о чём-то известном даже ребёнку.

— Когда стану матерью. Ты сделаешь меня королевой.

Настолько ярко прозвучала в нём эта мысль, словно взрыв или лавина, завалив неожиданным пониманием. Михаил почувствовал, что теряет опору. Откашлялся, прочищая горло от внезапно схватившего спазма. Задумчиво покрутил в руке палку и досадливо сунул её в огонь.

— Слушай, девонька…

Стратим перевела на него спокойный внимательный взгляд.

На влажных чёрных глазах отсветом плясало пламя. Михаил смутился и хмуро стиснул ладони, начав разглядывать заживающие порезы.

— Я всё-таки не стерв, понимаешь? Я — человек. Биологически другой вид. У нас с тобой может не получиться… Понимаешь?

— Получится, — ответила Стратим. — Ты — отец. Я — мать. Получится.

Михаил тяжело долго выдохнул, провёл руками по голове, словно снимая груз, и начал заново:

— Мы — разные. Совсем разные, — втолковывал он. — У совсем разных детей не бывает! Если скрестить суслика и бегемота, то детей не будет!

— Не будет, — кивнула Стратим, — Не волнуйся, у нас — будет!

— Ой, мама-мама, — прошептал он и попробовал вновь. — Понимаешь, ты, вот, как птица, да? А я — как медведь. Большой и косматый. Понимаешь? Птица и медведь могут дружить, могут даже любить друг друга, но детей не будет! Потому что у медведя — медвежата, а у птицы — птенцы. Понимаешь? И клетки, из которых детки получаются, у них разные. И органы для того, чтобы детей делать, очень разные.

— Понимаю. У медведя и птицы не получится, — губы Королевы неумело дрогнули в улыбке. — Им нужны клетки. Тебе и мне — не нужны. Хватит моих клеток. Твои я сделаю. Не волнуйся! Получится!

— Замечательно! — процедил сквозь стиснутые зубы Медведев. — А вот как быть с тем, что ты меня не привлекаешь? Что я предпочитаю всё ж таки настоящих женщин? Как быть с тем, что мужчине, чтобы делать детей, надо женщину любить? А?

Стратим задумчиво посмотрела на огонь. Под шапкой снега шевельнулись волнами волосы. Медленно-медленно задвигался клубок змей.

— Любишь свою женщину?

— А как же без любви-то, — осторожно ответил Михаил, — Люблю. Иначе бы и не была моей женщиной.

Рассеянный взгляд Стратим пробежал по зимнему лесу, по касательной зацепил мужчину и побежал дальше, словно мячик, оттолкнувшийся от препятствия.

— Любовь, — Стратим впервые за разговор потратилась на одно слово, сказав его вслух. Она выдохнула ломкий звук, и пар пушистым облачком поднялся вверх, словно отлетела душа. Стерва усмехнулась, смотря на таящий пар. — Любовь и рабство. Это разное.

— Конечно, разное, — угрюмо кивнул Михаил. — Но «своя» значит не то, что я ею владею, а то, что мы — люди друг друга. Как она — моя женщина, так и я — её мужчина. Понимаешь? И каждый из нас любит другого.

— Любит? — переспросила Королева, и напряжённые губы дёрнулись, обнажая острые зубы. — Взгляни, Отец! Костёр — это огонь. Огонь — это тепло. Тепло — это жизнь.

Она поднесла к пламени ладонь, согревая тонкие пальцы.

— Кто бы сомневался, — хмуро буркнул Михаил, но на жест покосился, отрывая внимание от лица стервы.

— И огонь — это жар. Жар, который смерть.

Маленькая ладошка ринулась в пламя, словно птица на добычу. Одно короткое движение вперёд, один рывок и от боли напряжённые пальцы до судороги распрямились и задрожали. У Михаила вдох прервался на полтакта. Совершенно безотчётно захотелось броситься, надавить на плечо девушке, вытащить её руку из огня. Остановился, мысленно крикнув себе, что перед ним не женщина, а тварь другого мира. Стиснул кулаки. Вроде помогло, но тело осталось пружинисто-звенящим. А безучастное пламя весело лизало плоть. Ему было всё равно, что жрать.

Секунда, две… Стерва сидела, закаменев, и смотрела на горящую ладонь. Лицо бело, как окружающий снег, на лбу потный подтёк, а волосы бьются и вьются напряжёнными жгутами, словно выводок змеи под острым каблуком.

Туго натянутый нерв не выдержал испытания.

Зарычав, Михаил подскочил к стерве. Рванул за плечо.

Стратим вздрогнула всем телом, сипло вздохнув от боли и её ладонь вышла из огня. Красная, в лопающихся пузырях, она уже не походила на руку человека. Бесформенное обожжённое мясо. Михаил живо дёрнул липучку кармана, потянул индивидуальную аптечку, лихорадочно соображая, какое вкалывать обезболивающее и что делать дальше. Стационаров поблизости нет и не предвидеться, а лечить такое можно только в условиях постоянного контроля врачей.

Облизав дрожащие губы, Стратим, опустила изуродованную руку в снег.

— Куда?! — зашипел на неё Михаил, — Дай сюда!

Королева подняла на него глаза. Тёмные, уставшие, без желания и без страдания. Но огромные, почти детские глаза. И Михаил на секунду остановился — пакет противоожоговых салфеток в зубах, в руках охапка медикаментов.

— Огонь бывает жизнью. И это хорошо. Но только на расстоянии, — голос Стратим, раздавшийся внутри, показался безжизненным и безучастным. Королева отвела взгляд и снова

облизала губы. — И любовь так. Она хороша, пока ты близок к ней, но не в ней. Когда ты дышишь ею, когда она вокруг, это значит, что ты уже внутри. Ты горишь. И это — смерть. Нельзя любить — это боль. Нужно быть любимым. Это тепло. Когда горишь, не можешь быть сильным — очень больно. Когда тебе тепло — можешь.

Закрыв глаза, она опустила голову. Бешеные змеи, свистя и шурша, дрожали чешуйчатыми волнами на её плечах. Михаил перехватил перевязочный пакет и сел рядом с Королевой. Покосился на вьющийся выводок пресмыкающихся в опасной близи, потом на золотистый бок мирно спящего скимена и хмуро приказал:

— Дай руку…

Острый взгляд коснулся его лица и снова убежал, будто испуганный солнечный зайчик. Огромные ресницы взлетели и опали. Королева медленно подала ладонь. Красную, в белых снежинках, быстро тающих на горячей изувеченной плоти.

— Дура, — хмуро констатировал Михаил, усаживаясь так, чтобы на колено легло запястье обожжённой руки. Кисть свешивалась свободно. Вяло и мёртво, словно брошенный на сцене тряпичный Петрушка. Раскрыл упаковку — стандартная салфетка двадцать на двадцать — едва хватит прикрыть внешнюю поверхность, а надо каждый палец замотать! Вытащил нож — покромсал тряпицу на ленты. Осторожно подхватил ладошку.

— Не надо, — мягко отозвалась она, — сама.

— Надо! — рубанул Михаил и распластал на ране белую ленту салфетки.

Стратим промолчала.

Он мгновение сомневался, а потом решительно прикрыл пальцы пропитанной лекарством марлей, выдавил тюбик рекомендуемого средства на обожжённую кисть и наложил бинт. — Вот! Держи в тепле. Больше пей. И меняй повязку.

Сказал и тут же понял, что произнёс лишнее. Он совершенно не представлял себе анатомии чужеродного существа. Поднял лицо — столкнулся с внимательным изучающим взглядом. Взгляд сковал, повязав мысли и желания. И потребовалось усилие, чтобы встряхнуть плечами, сбрасывая напряжённость тела. Встал, отошёл, хмуро собирая выпавшие пакеты и тюбики обратно в пакет. Внезапное озарение пронзило до сердца — всё, что произошло, было только проверкой его способностей, лишь способом привлечь его, не красотой и не желанием, но желанием защитить и помочь слабому. Внутри разгоралось холодное бешенство, и только усилием воли удавалось сдерживать себя, вспоминая: «У тебя будет тогда союзник сильнее меня, и Балу, и

тех волков Стаи, которые любят тебя. Достань Красный Цветок!». Королева стала его Красным Цветком, его шансом против судьбы. И повторял, словно мантру: «Договор, договор, договор! Договор, мать твою!».

— Хороший Отец. — Пробилась в поток его мыслей задумчивая речь Королевы. — Сильный. Умный. Свободный.

— Только на голову стукнутый, — хмуро отозвался Михаил.

Как ни странно, ему самому от этого полегчало.

Стратим улыбнулась.

— Буди людей ото сна, Отец, — сказала она, непревзойдённо прямо поднимаясь, — пора!

«Договор! Договор, мать твою!» Вдох-выдох.

— Есть! — отозвался Михаил.

Вставая, подумал, что самому так и не удалось поспать. Дальше будет дорога, не обещающая быть лёгкой и короткой. Дорога и бои.

Вскинул взгляд. Ни сосны, ни костра, ни скимена, ни Королевы… Только заснеженная лесная полянка да угрюмые внимательные глаза горгулий за границей открытого пространства. Сон? Гипноз? Магия? Он обернулся рывком и увидел стоящего метрах в пяти за его спиной Маугли. Дальше легко угадывались в полутьме рассвета очертания походного шатра.

— Кто прислал? — хмуро спросил Михаил.

— Никто, — хмуро ответил Всеволод и отступил.

— Значит, сам сподобился, — зло усмехнулся Михаил.

Возникло желание наступить, прошипеть в упрямое мальчишеское лицо всё, что думает о «ведомстве», о поднадоевших играх тэра, но вместо этого махнул рукой:

— Иди, народ поднимай. Выходим.

Глава 18
Граница

Гнездо оказалось громадным.

Сплошной каменный блин, относительно ровный и круглый. Только в высоту метров пять, а где-то и больше, да с диаметром небольшого города. С нескольких сторон — хорошо охраняемые входы. Далеко впереди, над серединой постройки, пирамида — дворец. Поверхность всего строения зашлифованная, крытая разноцветной плиткой, создающей мозаику, рисунок которой можно было б разглядеть только с высоты птичьего полёта. Но Медведев лежал значительно ниже, на вершине каменного столба, определённого тэра, как часть укрепления границы гнезда. Этот блокпост, собранный из каменных дисков, величиной со слона, тоже поражал воображение. А уж для того, чтобы взобраться на него, потребовалось немало усилий и хорошая сноровка. Магуры легко вскарабкались, двигаясь рывками, словно белки-летяги, а вот людям даже в связке пришлось туго. Михаил шёл довольно легко, Яромир тоже взбирался сноровисто, а Степана страховали на пару. Утомились все. Благо к моменту подъёма, на площадке никого из стерв дозора в живых не оставалось. Только «свои» гарпии-охранники, прильнув к камням, оглядывались.

Теперь, распластавшись на присыпанных снежком камнях, можно без суеты рассмотреть гнездо.

— Я вообще-то в ряды камикадзе не записывался… — задумчиво сказал Степан, оглядывая тёмную постройку.

Михаил покосился на раверсника. Несмотря на то, что вчерашний конфликт погасили, ощущение напряжения между Полынцевым и тэра всё равно чувствовалось.

— Что скажешь? — повернулся Медведев к ведущему Щитов Одина-тэ.

Яромир пожал плечами:

— Крепость. Для открытой атаки нужна хорошо подготовленная армия.

— А для скрытой?

— А есть варианты?

Поймав его спокойный насмешливый взгляд, Михаил тоже усмехнулся. Дружеская связь, завязавшаяся при давнем разговоре над картой, всё больше крепла. Он уже мог признаться себе, что был бы рад с одинатом посиживать по вечерам на даче, попивать чаёк или что покрепче, беседовать за-жизнь. Летом мотаться по

лесам, а зимой, распарено вылетая из бани, ухать в стылую прорубь. И не возникало сомнений, что Яромир из тех, кто шагать будет без устали, пить без слабости, а сражаться без колебаний.

Распростёртые на камнях магуры зашипели, привлекая внимание людей. Полынцев, оказавшись ближе к указанной стороне, выглянул и живо отринул от каменного бортика. Обернулся, сухо прокомментировав:

— Смена.

Яромир рывком оказался ближе, посмотрел и пожал плечами:

— Может, и смена… Но вряд ли. Королева не дура, Отца бы сюда не пустила, если б был хоть малейший повод считать это опасным. Скорее, пост не отозвался, когда внеурочно Сирин позвала.

Михаилу тотчас вспомнился разговор с Стратим. Королева, кутаясь в серебристую шкуру, попросила отказаться от глупой затеи, напоминая, что он дорого стоит, лишь пока жив. А волосы её змеились, выдавая скрытое напряжение. Но она согласилась. Как ни странно, убедительным доводом стало заявление, что он устал от опеки.

— Ему по любому ничего не угрожает, — проворчал Степан, — и от тех и от других. Они его облизывать будут… Потайски.

Пропустив слова Полынцева мимо, Медведев тоже глянул на приближающийся десяток гарпий. Летели они почти над самой землёй, трудно и небыстро, как и следовало тяжёлым воинам. Обернулся, мысленно посчитал трупы на площадке и задумчиво почесал висок:

— Да слишком много их прётся для смены…

— Угу, — Яромир лёг на спину и вытащил пистолет. Подумал, поглядел на серые облака, на чёрный ствол и сунул оружие обратно. Вытянул ножи из чехлов. Неспешно накинул темляки на запястья. Михаил краем глаза пригляделся к незнакомым конфигурациям клинков. Это было оружие удобное для мясорубки, а не для похвальбы. Тронул рукоять своего боевого ножа. Яромир прав — тут стрелять нельзя. И чёрт понёс его своими глазами посмотреть на гнездо! Сам-то ладно, Полынцев прав — ничего ему не сделается. А вот сподвижников покрошат.

Магуры-охранники, тревожно шипя, подползли к людям ближе. Одна уткнулась лбом под спину Михаилу и начала давить, сдвигая к краю.

— Тьфу, овца рогатая! — выругался он, извернулся и упёрся стерве в лоб руками. — Вот тупая скотина! Да оглядись ты! Некуда уже уходить! Мы тут как на кол посажены — вертеться

можно, а слезть — нельзя. Будем спускаться — порешат сразу. Здесь хоть в высоте преимущество.

Но тварь упорно продолжала давить. Подползла товарка — взялась помогать сбоку. Яромир снисходительно сощурился от бортика блокпоста, а Полынцев усмехнулся — их стервы не трогали. Михаил, тихо ругаясь, пытался избавиться от мягко выдавливающих с площадки магур. Получалось плохо.

— Иди с ними, — махнул Яромир, — Они тебя на себе вытащат до королевы.

И передал раверснику запасной нож.

— Давай, не тяни, Топтыгин. — Полынцев хмуро прихватил рукоять остроносого тесака, кивнул тэра. — Время — не водка — много не скушать.

Медведев мгновение оторопело смотрел на то, как быстро спелись непримиримые противники, а потом схватил стерву за уши, рыкнул и притянул к себе. Она зашипела, зазмеилась всем телом, тщетно стремясь умерить боль, но сопротивляться не стала. Взглянув в темно-синие кошачьи глаза, Михаил раздельно произнёс:

— Никуда я без них не пойду.

Стерва вздрогнула, съёжилась, веки упали и она обмякла.

Удивиться Михаил не успел. Почти сразу тварь встряхнулась и выпрямилась. Сквозь внезапно появившуюся мутность лица проступили черты Стратим. Глаза сверкнули, словно начищенные эбонитовые набалдашники. А в голове зазвучал уже знакомый голос:

— Ты уйдёшь сейчас!

Михаил отпустил мятые уши стервы и откинулся на снег.

— Без своих людей я не уйду, — покачал головой Михаил. Оглянулся — стервы гнезда резво приближались. Через минуту-две будут на столбе.

Стратим бешено оскалилась.

— Ты важен! Ты должен уйти!

— Мне трогательна твоя забота, но, полагаю, что Отцу и его людям ничего страшного не грозит, — миролюбиво усмехнулся Михаил.

— Грозит Стражу! — рявкнула стерва.

Михаил дёрнулся, рывком сев. Едва приметным движением оказавшийся за спиной магуры, Яромир присел, зарядив вооружённые руки готовностью к удару.

Затвердев лицом, Михаил смотрел на стерву, стремясь не выдать глазами движений тэга Одина-тэ. Стерва бесилась, но пока ждала ответа. А выбор был прозрачен: уходить — оставлять на смерть двух, не уходить — убьют Юру-сана и с ним ещё полтора

десятка людей. Он не сомневался в том, что королева, взбешённая потерей единственного шанса на трон, убьёт всех его сподвижников до того, как её саму положат воины гнезда.

— Не смей! Тронешь кого-то и на мою лояльность можешь не рассчитывать!

Стратим по-кошачьи забила хвостом и оскалилась, прижимаясь к земле:

— Если она тебя возьмёт — тем более!

— Не дури!

— Ты уйдёшь со мной или никому не достанешься!

Лапы подобрались, готовя мощный бросок, но Яромир оказался быстрее. Стоя за спиной стервы, он шагнул вперёд и, прихватив плечо, тронул клинком шею магуры. Она замерла. Стервы вокруг вскинулись, зашипели, прижимаясь к земле.

Тихо чертыхнувшись, Полынцев рывком встал к одинату спина к спине. Сгорбился, выставляя вперёд нож. Стервы-телохранители могли теперь сколь угодно карябать камень и снег, шипеть и мотать хвостами — пока Стратим оставалась на ноже, людям ничего не угрожало. А пройти к одинату стало ох-как непросто.

— Ваше величество, вы здесь не в своём образе, — заговорил тэра, напряжённо оглядываясь на стерв вокруг. — Выкованный же в полную луну клинок может нанести поражение не только образу, но и Вам настоящей. При всём моём почтении к бездне вашего лона и нежности утех, я защищаю Отца по сути и друга по силе. И прошу принять это.

Стратим сжала губы и отвела глаза. Медведеву показалось, что она может всё-таки решиться на бросок, если не дожать. И он миролюбиво развёл руки:

— Девонька, ну, сбавь обороты. Ты мою верность договору уже проверила на годы вперёд. Успокойся. Никуда я не уйду от тебя. Тем более по принуждению. Что мы с десятком летучих кошек не сладим, по-твоему? Лучше готовь воинов к штурму. Через минут десять мы будем возле отряда.

Нервно облизав губы, Стратим отвела глаза. Позволить себе согласиться с чужой волей не смогла, но растворилась в мутности чужого тела. Стерва, послужившая проводником образа, сомкнула веки и вяло повалилась вниз, прижав ноги Михаила.

— Ох и ревнивая баба тебя охомутала, — усмехнулся Полынцев, выглядывая на споро приближающийся отряд. Воины гнезда уже взбирались на пограничный столб. Шли они ходко и уверенно, не сбавляя темпа.

— Беда не в том, что ревнивая, — вздохнул Михаил, сталкивая приходящую в себя магуру, — беда в том, что не

одна…

Когда первые птицедевы, распаренные быстрым переходом, рывком взлетели над заснеженным парапетом, стервы-ренегаты встретили их бешеной атакой. Одинат и раверсник, потеснив плечами Медведева себе за спины, встали защитным кольцом. Четыре магуры охранения, отобранные королевой как лучшие, на десяток нападающих. Никто не сомневался, что второй заслон понадобится.

Бой стерв ужаснул. Метаясь и визжа, они создавали хаос взмахами крыльев и выбрасываниями тонких копий. Воздух бесился, насыщаясь влагой и криками. Это была просто мясорубка. Ни одна часть не оказывалась без поражения — руки, ноги, корпус, крылья — всё шло под молотьбу металлом и тренированной плотью. На точность не было времени — лишь бы достать побольше и почаще, а там всё сделает потеря крови. Кожа лопалась от прикосновений стали, мясо разваливалось, кости трещали… Меч на меч, сталь на плоть, страх на боль.

Медведев стоял, чувствуя странное оцепенение внутри, и тискал рукоять боевого ножа. Тот предано цеплялся рукоятью за потную ладонь, но дела ему пока не находилось.

Раз! — и глаза пришлось закрыть от хлёсткого удара кровью из перебитой артерии. Только утёрся — почти перед носом оказалась морда стервы. Чужачка? Своя? Полынцев сбоку подцепил атакующую лапу. Сомнения разрешились. И Михаил ударил. Широкое лезвие ножа вошло в корпус стервы, пробив порядочную дыру. С упором вытянул клинок, и кровь хлынула, словно из прорвавшегося крана. Хрипя, магура свалилась, тушей перекрыв путь к Отцу. Кровь сразу прекратила бить — сердце остановилось.

Принявшие на себя первый удар, стервы-защитницы полегли тёмными грудами на каменной площадке. У одной, обезглавленной, подёргивалось крыло, другая ещё пыталась подняться, словно не понимая, что лап больше нет, третья вяло шевелилась на самом бортике, четвёртая весом мёртвого тела придавливала к земле противницу, выжимая её силы и кровь.

Справа охнул Яромир. Михаил обернулся — в теле тэра сидело перо. Углубившись до трети под грудь, оно уже стало бордовым. Одинат лишь наклонил голову вперёд, сгорбился, напряжением мышц зажимая рану, и продолжил рубиться.

Искажённая морда в тёмно-красных брызгах надвинулась, мелькнула в сторону, обходя бьющее оружие, и снова опасно приблизилась. Из кулака рвануло рукоять ножа. Зарычал, двинулся навстречу твари, спасая оружие и жизнь. Но нож уже выдавило — от силы захвата пальцы отказались служить. Ладонь

раскрылась. И в сумятице боя громко прозвучал звон удара лезвия о камни. Михаил вцепился в горло твари. Лапы стервы тотчас сжали рёбра, да так, что дыхание перехватило. Оторвало от земли — забил ногами, руками, головой! В тело. В мясо. В кость. В живое! На долю секунды яростные глаза магуры оказались напротив. Яростные, но… больные, жалкие. С такими глазами не побеждают. И Михаил рванулся, переводя руки на уродливую морду. Вжал большие пальцы в глаза, стремясь взяться за кости висков, как за штурвал. От боли тварь завизжала и замолотила руками и крыльями. Воздух засвистел, взбитый ударами лезвий. Михаил сжался, спрятал голову меж плеч. Под пальцами словно треснул тонкий декабрьский лёд — и стерва рухнула, как подкошенная.

Михаил упал сверху. Тяжело дыша, краем глаза осмотрел себя. Кровь везде. Но на поиск ран времени нет.

С одной стороны матерился Степан, бешено крестя воздух немалым тесаком и отодвигаясь от наседающих стерв. С другой — с двух рук орудовал Яромир; его клинки не оставляли зазора для атаки меж стальными лезвиями. Но оба друга уже ослабли: один просто устал настолько, что всё тело ходило ходуном от взмахов, а другой сквозь перекрытую лезвием рану терял кровь. Против каждого по две стервы, тоже подранные, раненные и утомлённые короткой, но буйной схваткой, но всё-таки более сильные. Люди могли рухнуть в любой момент.

С трудом нашарил в скользком киселе снега, каменной крошки и крови свой нож, — рукоять остро глянула в небо косым обломком клинка. Михаил сжал ещё не растерявший тепла пластик и поднялся на ноги. Шатало — земля то приближалась, то удалялась. Но сил на то, чтоб зарядить к удару руку, ещё хватало. И он рявкнул, призывая к себе тварей.

Тонкие сиреневые перья ударили с воздуха, вонзаясь в гривастые спины стерв. Михаил поднял голову — лёгкие скопы уже заходили на второй круг. Туда, куда не могли добраться тяжеловесные гарпии, с трудом, но всё-таки взлетели охотницы опальной королевы. Медведев успел только устало усмехнуться. Всему сразу: и тому, что Стратим так и не оставила его без опеки, и тому, что послать скопов против магуров — шаг лихой и бесшабашный, но единственно верный, и тому, что бой закончен и, кажется, они победили. Сильные лапы вонзились в плечи, подхватили под ноги, и просоленная смертью каменная площадка стала удаляться.

— Мать вашу наперекосяк! — закричал Михаил, выворачиваясь. — Всех заберите!

И тут же увидел, как ещё одна пара охотниц тяжело

стаскивает с площадки Яромира. Третья подняла в воздух Степана. Вот теперь всё стало правильно.

Правильно. Только в глазах потух свет. И в темноте, растелившейся перед взглядом, проросли серебряные струны. Они тянулись, завивались, пускали отростки, сплетались, вились гороховыми усами, разделялись и снова сходились. Потом приблизились, и он увидел, что это не струны, а хрустальные каналы, похожие на трассы для санных соревнований. И по ним бегают капельки ртути. Капельки катятся, словно мячики, иногда вытягиваясь на поворотах, а иногда сжимаясь, и не вытекают из канальцев. Он стал присматриваться к каплям и понял, что это и не капли вовсе, а полые сферы с решёткой жидкого металла. И в этих сферах, вращая их и заставляя двигаться, бегут люди. Бегут давно и тяжело, падая и поднимаясь, едва справляясь с телом, с мыслями, со своим «я». И эти люди все ему близко знакомы. Родные сердцу и душе. Он попытался дотянуться до них, докричаться, сказать, что видит их, сказать о людских целях, которые далеки от бесполезного метания в рамках каналов. Сказать о том, что каждая капля может подняться над трассами и лететь свободно, достаточно только немного прыгнуть в тот миг, когда земля и небо меняются местами и кажется, что всё летит в тартарары. Всего лишь прыгнуть, не опасаясь потерять опору под ногами! И лететь! Свободно и легко. Но голос зажимало в тисках горла, а тело тянуло в другую сторону. И, как бы он ни бился, стремясь к своим, неведомая сила оттаскивала его, пока серебряные струны завитых в сложную сеть дорог не остались далеко-далеко. Тогда он снова открыл глаза и увидел небо. А опустив голову, понял, что стервы-охотницы уже донесли его до лагеря.

С воздуха его принимали свои. Катько, крякнув, подхватил под корпус, а Батон и Родимец приняли ноги. Белые лица друзей почти сливались с окружающим снегом. Уложили, засуетились. Смазанные контуры заходили ходуном перед глазами. Вроде молчаливо и слажено, а всё равно видно, что внутри волнение. Красное, трепещущее, словно окровавленная тряпка на древке — уже не опознать, какого цвета, какой страны, какая бригада, каков номер. Склянки, бинты, уколы. Мир, как в тумане, и даже боль идёт едва ощутимым фоном, словно это происходит уже не с тобой, а с героем дрянного боевика, где всё неправильно и понарошку, но как-то надо выжимать из зрителя сопричастность смерти и грязи, и потому главный герой в конце обязательно умирает. И именно так — преодолев не мыслимые испытания, на руках друзей, за полшага до победы. «Кругом зима, опять зима… И идиотский твой штандарт[1]…» Вот это и называется спеть

песню Смерти над поверженным врагом…

— Так! Разошлись!.. Мих, не дури! — голос Зуброва просто нашпилил на себя все ощущения и звуки. Словно раскалённый гвоздь в лыжную мазь вошёл — легко, влажно, с запахом сосны и костра. Вспомнилась белая палатка с трепещущим на ветру оранжевым клином, алой змеёй бьющаяся по хрустящему насту сорванная растяжка, запакованное в спальник закоченевшее тело, стянутое стропами, тонкий быстрый пар над кружкой сизого металла, непослушные пальцы на пластиковой рукояти и запах огня как запах жизни…

Открыл глаза — Юрий сидел рядом. Остальные мелькали дальше. Так и не ушли.

Облизал в пылу боя разбитые губы:

— Там Яромир ранен…

— Им уже занялись его люди, — посмотрел куда-то в сторону Юрий.

— А Степан?

— В лёгкую. Тэра его поднимут.

— А я…?

Зубров пожал плечами:

— А ты сейчас уже встанешь и побежишь к Стратим — остужать её буйную голову.

— Юр!

— Тебя ещё в полёте Сирин начала врачевать. Ещё минута-две и останутся только царапины на теле.

Медведев пошевелил руками и с удивлением почувствовал, что действительно ощущения тела изменились. Не осталось и следа от слабости умирания и яростной боли. Только горечь и усталость заполняли через край. Да тоска несмываемая. И ещё… Что-то остро засело в сердце. Так, словно второй раз оказался свидетелем смерти брата, и не сумел ему помочь ничем. Вроде и не остра, как тогда, но осязаема. Вспомнишь — ужалит, переключишь внимание — вроде и не бьёт. Михаил хмуро оглядел тяжёлую хвою синего леса и тронул грудь над теснившимся сердцем.

— Это называется «след», — посмотрев исподлобья, сказал Юрий. — Чудовищная тоска, да? Это нормально при вмешательстве в твою судьбу и жизнь чужих энергетик.

— Ты поэтому отказывался от помощи?

— Испытать ещё раз потерю охраняемого? Благодарю покорно, — усмехнулся Юрий. — Второго раза у меня не будет!

— Понимаю. — Михаил хмуро оглядел себя. Раны уже затянулись, оставив на коже только красные царапины, но подранная окровавленная куртка указывала на то, что жизнь его

была ещё недавно под вопросом. Бордово-зелёные лоскуты «комка» уже смёрзлись, став похожи на пластик. — Забавно. Я жив, а куртка убита… Судьба, что говориться…

— Только то, что может брать и давать, можно заживить. То, что не умеет ни брать, ни давать — мертво по своей сути.

Михаил обернулся на голос. Маугли склонил голову:

— Жизни вам, Пресветлый! — и протянул только что снятый свитер.

Медведев сунулся одеться, и почувствовал, что левая рука до сих пор мёртво сжимает рукоять боевого ножа. Острый слом сверкнул на солнце белым краем.

— Чёрт! — Михаил сглотнул и посмотрел на Зуброва. — Хрен с ней с курткой, но нож… Твой нож, Юрка. Который ты подарил тогда, помнишь? Ещё в учебке. Вот, веришь-нет, на пустом месте! Просто из рук упал и на камне раскололся. Ну не бывает же так! Он же гвозди строгал! Кость рубить можно было! Надёжный, сотни раз проверенный, старый друг и товарищ, каких сыскать! И вот так глупо и непутёво, а! Ну, не бывает же!

Юрий внезапно посерел, глянув на осколок. Дёрнулся, словно что-то особое увидел для себя в сломанном клинке. Поднял глаза и вымучено улыбнулся:

— Видимо, бывает…

— А! — Михаил расстроено махнул рукой и сунул огрызок в ножны. Закрепил ремень. — Может, удастся восстановить дома.

Натягивая свитер, огляделся. Над Яромиром и Степаном без суеты и излишних движений колдовали тэра. Лица сосредоточены, но чувства надвигающейся потери на них нет — добрый знак. Посмотрел в другую сторону — на краю леса, как над обрывом, прямая, будто вытянувшаяся в небо, стояла Королева. Её взгляд не отрывался от далёкого гнезда.

— Пойду, — кашлянул Михаил, — остужать гнев государыни-барыни.

Подходя, невольно вглядывался в смолистые волосы. После недолгого самоанализа, он мог себе признаться в том, что ненависть к магическим змеям — не более чем отражение общего трепета, вызываемого Стратим. Быть рядом с ней не хотелось, не моглось, но было нужно и это заставляло ломать себя. Редкие падающие снежинки не задерживались на струящихся прядях. Разговор предстоял тяжёлый.

Подошёл, встал рядом, так же холодно и сурово оглядывая далёкие укрепления. Снизу гнездо казалось одной монолитной каменной стеной, протянувшейся от горизонта до горизонта. Лишь над центром виднелся купол дворца, крытый полированным камнем и потому сияющий под зимним солнцем

холодным отблеском.

Королева молчала. И он молчал.

Стервы за спиной давно уже выстроились в походный порядок, готовясь к последнему рывку. Люди перетаптывались в ожидании приказа.

— Командуй движение. Ещё несколько минут ожидания и вся подготовка коту под хвост! — не выдержал Медведев.

Королева медленно обернулась на голос.

— Нам быть вместе… Нельзя оставлять в молчании ошибки.

Чтоб не сорваться, Михаил прикусил губу. Чертыхнулся, задев рану.

«Договор! Договор, мать твою! Красный Цветок требует ухода! Если его не кормить — оно умрёт!» Вздохнул — выдохнул.

— Послушай, сейчас есть вещи важнее. А разбором отношений можно заняться и попозже.

Стратим подняла глаза:

— Нет ничего важнее, чем взаимопроникновение Отца и Матери. Не будет ровного соединения — и не будет рождения судеб, не будет времени и границ, ничего не будет. Два пламени могут пылать одним костром, но могут и погасить друг друга.

— Девонька, в гнезде наверняка уже переполох идёт из-за невернувшегося патруля! Сейчас поднимут все ближайшие группы и подтянут силы. Войти тогда будет невозможно! И тогда реально ничего не будет! Нам итак тяжело, так давай не будем всё усложнять.

— Усложнять? Понять источник поступи того, с кем срастаешься, значит, упростить взаимность до идеального чувства.

— Стоп! — Михаил потряс головой, — либо лыжи, либо я… Девонька, давай так. Что для тебя важнее: попасть в гнездо или «ровно срастись»?

Стратим пожала плечами:

— Это одно. Срастись с тобой, значит, — войти в гнездо.

— Когда мы будем во Дворце, наше сростени… тьфу! срастание может оказаться важным для решения в твою пользу. Но сейчас от него нет толку! Сейчас мы впустую тратим время на препирательства, вместо того, чтобы двигаться к цели!

Сокрушённо покачав головой, Королева вздохнула и неторопливо подняла руку. Обожжённую вчера, а теперь — целую, живую, с гладкой атласной кожей на изящной ладошке. Медведев стиснул зубы. Белая снежинка, гонимая неожиданным лёгким порывом, вскользнула сквозь приоткрытые пальцы и села в центре чаши ладони.

— Посмотри! Если кожа будет холодна, то снежинка не

растает. Если горяча — появится вода. От жизни и смерти зависит её жизнь и смерть. Мнится, что они не связаны, но есть рок: ветер и моя воля поднять руку, — чтобы свести вместе два пути. И этого достаточно, чтобы всё решило только одно — тепло или холод ладони. Понимаешь?

— Нет, — честно ответил Михаил и снова оглядел Гнездо. — Твои аналогии для меня неясны.

Стратим улыбнулась:

— Не имеет значения то, что происходит в гнезде. Рок уже привёл нас под его стены. Теперь значение имеет только наши пути. Если они срастутся, то мы выиграем, если нет — то нет.

— Не вижу логики, — хмуро отозвался Михаил.

— В мире нет логики, — терпеливо отозвалась Королева. — То, что люди именуют логикой и связывают, как причины и следствия, лишь отражения на поверхности глубоких течений миротворения. Миры, как кора дерева — слоисты и чешуйчаты, в каждом слое — свои чувства и их носители. Люди, как жуки, ползают меж слоями, не замечая, когда кончается один и начинается другой. Только ощущают, что что-то изменилось в них. Стало грустнее или счастливее. Но не видят, что и весь мир вокруг, весь слой, на который попали благодаря чужой или собственной воле, уже не тот, что был вчера. Они слишком заняты собой, чтобы успеть заметить счастье и горе всего мира. Понимаешь, Отец?

Медведев хмуро почесал переносицу, кинул взгляд назад, на застывшие ряды стерв и предположил:

— Теория параллельных миров? В одном мы выигрываем, а в другом проигрываем? И нужно выбрать мир? И перейти на его слой. Так?

— Не так. Я не из тех, кто выбирает слой. Я из тех, кто его творит! — Стратим снова открыла ладонь, и маленькая снежинка потянулась с неё вверх, неторопливо поднимаясь в небо. — И ты из тех, кто творит! Ты — Отец, я — Мать. Мужчина и Женщина. Феникс и Рарог! Нам суждено сотворить новое для мира. Суждено построить своё огненное гнездо, свой мир. И что это будет — зависит от нашего союза.

Михаил посмотрел, как в вышине тает среди белёсых облаков серебристая искорка, взлетевшая вверх, вопреки законам природы, и поднял воротник. Время летело, бежало, задыхаясь и спотыкаясь, и он чувствовал, что до финиша осталось недалеко.

«Договор! Договор, мать твою! Если его не кормить — он умрёт» — стучало в висках.

— Я никогда не полюблю тебя, — медленно сказал он. — Сколько бы веков у нас не было впереди. Постараюсь не сойти с

ума — это тоже обещаю. И я не прощу попыток меня загипнотизировать или так же, как нынешней ночью, проверить… Но, ради твоего спокойствия и ровных отношений, и я согласен строить отношения.

Стратим засмеялась в голос — словно хрустальные бубенчики упали и раскатились по паркету. Но голос её прозвучал неожиданно ласково:

— Риск умереть сейчас был вызовом мне за костёр!? Ах, Отец! — она замолчала, внезапно погрузившись в грусть, а потом тряхнула волосам, приходя к решению: — Пусть будет так — я никогда больше не подвергну тебя пытке выбора, а ты не станешь пытать меня страхом! И ты, и я откажемся от доброй игры во взаимную проверку. Мы шагнём дальше! За один круг солнца мы станем ближе, чем наивность и боязливость влюблённости. Мне не суждено будет испытывать свои чувства, а тебе — свою силу! Но мы будем вместе, как Муж и Жена. Мы — Феникс и Рарог!

И снова горько засмеявшись, Королева тряхнула волосами. Быстрый скимен взрыл снег, становясь перед ней — словно из ниоткуда упав на землю. Легким прыжком Стратим оказалась на спине золотогивого рысака, и тот тут же поднялся в воздух. Сильный ветер ударил в лицо — за грифоном ввысь потянулись стервы.

Пушок, неожиданно оказавшийся рядом, преданно ткнулся в плечо тёплым лбом, но Михаил не отреагировал, глядя на тёмный вал тел, проплывающий над головой. В ушах ещё звенел смех Стратим, и отчего-то казалось, что всего мгновение назад он проиграл очень важный бой.

[1] Из песни О. Медведева «Идиотский марш»

Глава 19
Алконост

Гнездо встретило открытыми воротами.

Огромный круглый портал больше напоминал транспортный люк звёздного корабля, чем подъезд. С боков входа на стенах повисали каменные коконы-балконы, с них вниз, на пришельцев, смотрели жирафоподобные звери, на шеях которых виднелись привязанные трубки. Дымящиеся жерла явно указывали на сущность живых орудий. Проверять, что там — газ, горящие смеси или пороховая система — совершенно не хотелось. Может быть потому, что звери зорко нацеливались на чужаков, синхронно с их перемещениями двигая змеиными головами. Медведев кожей чувствовал их плотоядный интерес к нему, верно несущему его на себе Пушку и строгому каре людей и тэра вокруг.

— Артиллерия. «Земля — воздух». Змеи Горынычи…

Медведев обернулся на голос. После ранения Яромир стал скуп на движения и эмоции, но сохранил прямую осанку и ровный тон. И одно только небо знало, что это ему стоило. Михаилу как-то пришлось спускаться с гор с переломанными рёбрами, потому он представлял себе, что такое удерживать спину прямой и сохранять пусть поверхностное, но спокойное дыхание. Ему тогда не удавалось ни то, ни другое. Яромир же уверенно сидел верхом на скимене, и лишь капли пота на висках говорили о состоянии одината. Тэра восстановили ведущего, насколько смогли, насколько самих вскладчину хватило, а всё равно — видно, что человека штормит, что движение ему не в радость и подтачивает изнутри боль. «Щиты» подле ведущего, стремясь сохранить вид безучастности, незаметно поглядывали за командиром. И то, что они готовы в любой момент подставить плечо, подхватить с седла или закрыть собой, чувствовалось в напряжении спин, повороте плеч и намерено отведённых взглядах. Михаил и сам себя ловил на том, что оборачивается к одинату, когда скименов от усталости качает на неровностях. Хотелось увериться, что Яромир продержится, но просто предложить помощь не мог. Натыкался на острый взгляд одината и тут же понимал, что не стоит.

Снова тряхнуло, да так, что Михаил сам едва удержался на спине скимена. Беспокойно обернулся вправо, встретился с сухим холодным взглядом Ведущего «щитов» и, спешно отвернувшись, заговорил, отвлекая и отвлекаясь от происходящего:

— Удивляюсь беспечности охраны. Тут к ним целая вооружённая процессия после того, как покрошили их пост, а они сидят — не шевелятся.

— Нет нужды в беспокойстве, — тихим колокольчиком прозвучало в воздухе. — Гнездо радостно и светло ждёт прихода Отца! Прилёт Влекомого в объятия сладкотелой Королевы ждут веками…

Голос Стратим не выражал ни гордости, ни обиды, только констатация. Но людям, услышавшим её, от этого легче не было. Родимец напрягся, Батон сквозь зубы выматерился, исподлобья оглядываясь, а Катько хмуро повёл плечами. Есть особое чувство неприятия, когда с тобой разговаривает тот, кого нельзя увидеть. Появляется ощущение, что невидимка стоит у тебя за спиной и готов в любой момент недобро подшутить.

— То есть — Топтыгину ничего не угрожает? — поинтересовался Катько.

Помедлив мгновение, Стратим снизошла до разговора с рядовым человеком:

— Никто не поднимет пера на летящего в Гнездо Финиста, влекомого страстью и силой. Только радость и свет ждут его. Только объятия Рарог и обращение в Отца, вечно горящего светом созидания.

— То-то ему ребра промяли! От великой любви и радости, видать! — хмуро огрызнулся Батон.

— Умерший, но быстро доставленный, он был бы сожжён и оживлён обновленным, — ровно отозвалась стерва. — И стал бы Фениксом. Так поступают с финистами, дабы они стали настоящими созидателями, и поступают с устаревшими отцами для обновления, когда они становятся немощны от старости или умирают от ран. Обновлённый Феникс-муж — желанный свет для Рарог и ликующая сила для Гнезда. Обновление — это хорошо! Лишь одно лишает радости делать это вечно — хрупкость человеческого сознания. Оно стирается до младенческого при частых возрождениях.

— Приятная перспектива, — поперхнулся Михаил.

— А остальные люди? — вклинился Полынцев.

— Свита Влекомого не важна. Пока она рядом с ним и не мешает — она не нуждается в умерщвлении. Но, если Финист не захочет идти к сладкотелой сам — они станут его слабиной.

Медведев задумчиво повёл плечами. Зубров, шагающий рядом с Пушком, усмехнулся, словно поймал его тайные мысли. Подмигнул ободряюще.

— Значит, я в Гнездо могу пройти свободно… — кашлянул Михаил. — А ты?

— Я — нет, — сухо отозвалась стерва.

Разговор набирал обороты, хотя ситуация вокруг не предполагала откровений.

— Почему?

— Я — изгнана на три перерождения солнца без права возвращения. Если я смогу вернуться в Гнездо — падёт вера в непогрешимость решения совета Горгоний.

— Но тебя это не пугает…

— Когда твои глаза видят тысячи солнц, Отец, многое иное блекнет. Горгонии не выше и не божественнее любой другой расы. Древнее, но не лучше. Они — змеедевы, дочери первой расы Драконов, — и приходят в наш мир для поучения и управления из своего мира. Но и им свойственно ошибаться. И им свойственны личные амбиции…

— Понимаю, — кивнул Михаил. — И ты решила попасть на трон любой ценой?

— Не любой, Влекомый. Но высокой ценой.

— И тебе понадобился я как прикрытие.

Стратим молчала. Молчали и люди.

Медведев ждал ответа.

Мягкий снег на серых камнях пылился, словно впопыхах забытый на полу оставленного дома мех белого медведя — роскошное украшение, охотничий трофей или память о победе и желании жить.

— Мне не нужно прикрытие, Влекомый, — наконец, медленно заговорила Стратим. — Мне нужен Отец. И об этом мы сговаривались. Ты за твоих людей. Твои люди свободны, Отец! Прикажи им уходить и освободи своё сердце от забот. Ты войдёшь в Гнездо желанным Финистом — влекомым зовом страсти женихом. Я войду смертью и болью. Ты станешь Фениксом, обновлённым Отцом. Я — чёрной сестрой, идущей к трону. Если мы встретимся во Дворце — вспомни своё обещание.

Медведев не успел ничего сказать, как Юрий, идущий рядом, подшагнул, прижался к скимену и зашептал наверх, другу:

— Не дури, Мих. Здесь по территории стерв переться трое суток до ближайшего выхода. А там пернатые погранцы положат. А, если твоя избранница проиграет, это будет повод для войны!

Медведев недовольно тряхнул головой и хмуро отозвался:

— Юр, хорош мозги промывать. Чай, простейшие задачки и сам соображу.

Лицо Юрия странно разгладилось и, кивнув, он отодвинулся.

Михаил распрямился в седле и ответил в пустоту:

— У нас есть договор, девонька… Значит, будем пробиваться!

Стратим отозвалась сразу:

— На входе встретят поединщики от Гнезда. Если они не остановят меня, то дальше будет бой только за сам Дворец. За возможность бросить вызов Королеве. Я брошу ей вызов, и мы сразимся с ней один на один. Выигравшая в поединке будет править дальше. И это буду я!

— Вот и ладушки, — внимание Михаила уже переключилось на происходящее возле Гнезда.

Гамаюн, ведущая колону, достигла ворот и две магуры её личного охранения, сияя блеском фиолетовых крыльев, подлетели к Отцу и опустились рядом с человеческой свитой. Эдакие огромные свежие кляксы на только что нацарапанном письме — сверкающие, перетекающие, образные и вроде даже красивые, но чувства будят только неприятные.

Зубров снова подошёл ближе. Поправил шкуры, лежащие широкой попоной на крупе Пушк*а*. Расставаться с оружием, трудно добытым из подпространства, Юрий не собирался, потому перед выходом её скрытно подвесили на скимена. Зубров сунул руку под шкуру. Притороченная там катана ощутимо сдвинулась, выходя из пазов ножен, и ткнулась рукоятью под голень всадника. Михаил приготовился убрать ногу сразу, как только друг дёрнет меч из ножен.

Оглядевшись, Михаил выпрямился. От езды и общего напряжения спина утомилась, но именно теперь ей нельзя было давать отдыха. Сейчас требовалось показать гордость, величие и спокойствие будущего Отца. И утешала, и заставляла скорбеть, и вызывала горькую усмешку одна мысль — как бы оно ни получилось, а царём здесь ему предстояло провести не один век.

У входа гнезда толпились стервы. Глазели, разинув клювы и распахнув крылья, как человек, опешив, развёл бы руки в знакомом жесте «вот те на!». Толкались, спешили взглянуть на небывалое зрелище. А зрелище им представляли достойное. Сладкоголосая Гамаюн звенела негромким колокольчиком, распевая восхваления Влекомому, идущему на ложе сладкотелой. Её голос подхватывали Сирины, распахивая крылья, словно цыганки пёстрые платки. Иногда и стервы низкого сословия позволяли себе фанатичные взвизгивания. Потому всё вокруг звенело, жаля виски тонкими голосами. Напоминало начало женской истерики. Казалось, что ещё немного, звук достигнет апогея и начнутся визг, плач, вой. Предощущение давило на нервы, вытесняя спокойствие и разумность. Глаза слипались, руки потряхивало, мутило, как с перепою. Но всё-таки это влияло значительно меньше, чем песнь озверевшей Гамаюн два дня назад.

Михаил мысленно поблагодарил Стратим за поддержку.

Королева не ответила. Только чувство коротко встряхнутого колокольчика тронуло сознание. Почудилось, что чёрные ресницы вздрогнули, опускаясь, и птицедева чуть улыбнулась. Не так, как обычно. Красиво, мягко, так, как могут улыбаться мужчинам женщины, знающие о том, что они важны. Михаил хмуро подумал о том, что она разительно поменялась за прошедшие сутки общения. Но это совсем не упрощало отношения.

Вход приближался, стена закрывала неяркое солнце и на подходящих людей наваливалась густая тень. Воины свиты Отца всё больше напрягались, морщась от головной боли, и ждали встречного удара. Ожидание затягивалось настолько, что Медведев ощущал, как подрагивает подобранная брюшина и ребра ходят ходуном от сильных толчков сердца. Хотелось, чтобы быстрее что-нибудь произошло — либо встречу в ножи, либо добрый приём, либо драться, либо быстрее оказаться по ту сторону портала. Но приходилось сидеть, замерев, и скупо оглядывать стерв, выбежавших навстречу. Те, натыкаясь на его взгляд, тушевались и отступали. А вот на других людей поглядывали оценивающе. Такая демонстрация говорила сама за себя.

— Пожалуй, сейчас зайдём… — Катько сплюнул в утоптанный грязный снег.

— Не зайдём, — хмуро отозвался с другого края Зубров.

— Не каркай, Юр-сан, — тихо попросил Батон.

Ещё несколько шагов утомлённого Пушка, и Михаил увидел, как Гамаюн на самом пороге Гнезда внезапно остановилась. И не просто остановилась — одёрнула скимена, заставив пятиться и сминать задние ряды.

Плавный абрис женской фигуры едва проглядывался во тьме. Неровный свет ручных солнышек, озаряющих туннель, иногда падал на обнажённую кожу, и тогда она расцвечивалась в яркие тона огня. Неизвестная стояла в тени, скрываясь от взглядов, но, увидев её, можно было не сомневаться — это не рядовая стерва, а козырный туз гнезда.

— Алконост, — мелодично раздалось в голове. — Королева прислала достойных поединщиков… Будет хороший бой! Бой до смерти. Никто, кроме клыков трона, не посмеет убить королеву-отступницу. Но, выжив, мы уже не встретим сопротивления до самого Дворца.

— Замечательно, — процедил Михаил и поинтересовался: — А у нас есть шансы выжить и дойти до Дворца?

— Да.

— А до нас кто-нибудь подобное совершал?

— Нет. И поэтому у нас есть шанс.

— Потому что нет статистики?

— Да.

— Ё-моё! — процедил Медведев и нервно стёр с подросшей щетины капли растаявшего снега. — Ты обо всём позаботилась, да? Но в следующий раз предупреждай о таких финтах заранее, ладно?

— Много знания — много хлопот. Не думай о мелочах! Думай о будущности мира — и будешь великим Отцом!

Михаил скрипнул зубами. Опять глупые препирательства под-стать детям! Нужно заниматься делом! Он обернулся к Юрию.

— Это Алконост. Они будут драться…

— Не только они, — вклиниваясь, поправил Яромир и окинул глазами столпившихся вокруг процессии стерв гнезда. Оскалы уже не выражали радости по поводу пришедшего Отца, только угрюмую решимость. Тэра словно по команде вытащили оружие. Быстро сориентировались и другие. Михаил и сам тронул рукоять боевого ножа, но тут же вспомнил, что клинок стал бесполезной вещью, памяткой о прошлом, хранящим лишь добрые тёплые мысли, но неспособным пронзить врага. Пришлось вытащить из-за пояса срезанное когда-то перо магуры.

— Мих, ты главное — не суйся, — оказался рядом Юрий. — Они сейчас нападают, чтобы тебя оттащить в гнездо, оторвать от Стратим, чтобы у неё шансов не было… И у нас. Поэтому — сиди в центре, никуда не лезь. Хорошо?

Медведев в горячке собирался послать с такими просьбами подальше, но остановился. Юра-сан смотрел устало, словно дедок, присматривающий за непоседливым внуком. И внезапно стало понятно, что просит не только ради целостности его шкуры и шансов групп. Для себя, уставшего и уже не способного полноценно защищать.

— Точно, командир! Посиди в тенёчке — гамбургеры поешь. Само то! — посоветовал Батон, наработанным жестом накидывая на кисть темляк.

— Будет у тебя видео со стереоэффектом! — подбодрил Катько.

— И ко-ко-кола с поп-ко-корном! — мрачно закончил Родимец. Последствия припадка сказывались — он плохо координировал руки и говорил с заиканием.

Ответить Михаил не успел.

Богиня шагнула из тьмы. Тело, сотканное из света, переливалось перламутром. Кожа ходила тугими радужными разводами, создавая впечатление неспокойной глади лунной дорожки на озере или вращения мыльного пузыря. Контур фигуры не менялся, оставаясь таким же идеальным, но сама кожа,

казалось, немыслимым способом двигалась по телу, будто накинутая для парадного выхода оболочка. Фигура Алконост казалось воплощением женственности. Чуть припухлые плечи, изящные кисти рук, округлый живот, очерченный провисающим поясом кожаной юбки, приподнятые груди под меховой накидкой — всё казалось созданным для материнства и любви. Может быть потому странные радужные разводы, неторопливо плывущие по телу, показались сперва чем-то сродни косметике.

— Это воин? — поражённо прошептал Медведев. — Да она даже безоружна!

— Она сама — оружие Гнезда, — прозвенел в голове тихий колокольчик на напряжённой леске. — Она — клинок Королевы-Рарог! Зуб её и коготь её!

— На одиннадцать часов! — воскликнул Катько, указывая остриём ножа на незамеченную людьми Алконост, выходящую из тени с другой стороны входа.

— Ещё одна!

Гамаюн и передовые воины-магуры, ощетинившись перьями, медленно отступали, тесня задние ряды. Отступали, боясь даже на миг отвести взгляды от переливающихся всеми цветами радуги тел. Вот и до свиты Отца докатилась волна — магуры стали давить на людей. Яромир выпрямился и рявкнул в напряжённые крылатые спины:

— Стоять!

Скимен под ним заплясал, вбивая каждым шагом боль в раненного. Яромир стиснул зубы и натянул повод. Стервы — и свои, и чужие, — смешались, задёргались, мотая мордами, остановились, застыв на месте.

— Вот так! — поморщился Яромир, успокаивающе теребя серую гриву грифона.

— Три Алконосты… — быстро пересчитал Зубров и покачал головой. — Считай, влипли.

Радужные девушки одновременно шагнули вперёд и подняли руки.

Закричав, Гамаюн рванула своего золотистого скимена за гриву, подняла на дыбы. Но удара избежать не смогла. От бьющих вдаль рук Алканост оторвались радужные капли и неторопливо полетели на цель, в полёте превращаясь в стрелы и покрываясь стальной коркой, словно рыбьей чешуёй. Все три, как самонаводящиеся ракеты, плавно извернувшись, нашли цель. Пронзили. И рассыпались металлическим конфетти. Раскинув руки, Гамаюн откинулась. Напугавшийся смерти на себе, грифон рванул, сбрасывая в грязный снег вмиг закостеневшее мёртвое тело.

Никто из стерв, кроме Стратим, уже не собирался оказывать сопротивление. Понимая это, Алконосты неторопливо двинулись на процессию. Радужные, плавные, гибкие, опасные. Стервы поверженной Гамаюн, шипя и приподнимая крылатые плечи, прижимались к земле и уходили с их дороги, освобождая коридор до Отца.

Гибкая чёрная фигурка появилась из ниоткуда, загородив собой от неприятеля. Змеи-волосы шелестели, взвиваясь рваным знаменем над напряжёнными плечами. Опущенные руки неровно сияли в приглушённом свете, и казалось, что снег вокруг блестит ярче. Дрожа, бежали по Королеве цветные искры и срывались с ломаных линий контура. Отлетая — гасли. Михаил вздрогнул — искры были, как капли-решётки на трассах в его целительном сне. Не такая ли судьба ждала бы тех, кто, послушав его призыв, оторвался от своей дороги? Нет ли в этом единении глубинного смысла — человека и дороги?

— Три, — задумчиво повторила Стратим. — Сестра боится. И правильно боится!

Тихий колокольчик разлился знакомым смехом. Королева над землёй поплыла навстречу противницам. Воительницы и охотницы — свои и чужие — прыскали в сторону, словно тараканы от света.

Алконосты, изящно притопнув ножками и вскинув руки, взвились в воздух.

— Бэтманы, блин — сплюнул Зубров, рывком вытягивая катану из-под попоны Пушк*а*.

Стервы Гнезда, будто ненароком окружившие свиту Отца, напряжённо раскинули крылья и из оборок обнажили лезвия-перья.

— С богом! — выдохнул Полынцев, сводя плечо с плечом стоящего рядом тэра. У круга образовался ещё один опасный острый угол, ощетинившийся клинками.

Михаил скользнул со спины скимена: ездить верхом ещё куда ни шло, а вот сражаться ему не по плечу — и навык не тот, и слаженности мало. Хлопнул крылатого коня по крупу и глазами указал — уходи. Отодвинулся, давая крыльям распахнуться. Пушок трудно взмахнул, взбивая снежную пелену под перьями, и через пару мгновение его дымчатый силуэт уже затерялся среди тяжёлых туч. Проводив его взглядом, Михаил стиснул перо во вспотевшей ладони. Огляделся. Спины товарищей надёжно закрывали его от стерв. Но небольших щелей и вида над плечами хватало, чтобы понимать сложность обстановки. Стервы накручивали себя криком и ритмичным перетаптыванием. Периодически то одна, то другая делали выпад на людей, с

бешеным рыком тыкая клинками-копьями или размахивая усеянными стальными остриями крыльями. Люди не отвечали. Атакованные лишь чуть сдавали назад и этого вполне хватало, чтоб избежать удара — дистанция оставалась дальней.

Неловко спустившись со скимена, Яромир, так же, как и Медведев, велел ему уходить. Подождал, когда грифон уйдёт за тучи, неспешно накинул темляки больших ножей, повторяющих плавные обводы меча, и прошёл к живому кольцу. Движения сильного плеча оказалось достаточно, чтобы люди в круге потеснились. Каким бы ни был ослабленным вождь, а место его рядом никто не осмеливался оспаривать. Михаил стиснул зубы, глядя в одеревенелую спину одината…

— Маугли! — окликнул Медведев недоделка и глазами указал на тэга — «защищай!». Всеволод понял. Изменился глазами, словно услышал недобрую новость, но перечить не стал. Молчаливо склонился, поднял к груди руки в жесте, схожем птице с поднятыми крыльями, и ушёл.

Михаил обернулся к Гнезду. Стратим невесомо парила в воздухе, поджидая радужных воительниц. Тонкая, она казалась царапиной на небосклоне. Словно весь этот мир — иллюзия, нарисованная крупными мазками облаков и камней на грубом холсте и оживлённая умелым художником, но кто-то невидимый и всесильный сколупнул хищным когтём краску, обнажив чёрную просмолённую ткань.

Маленькой стайкой фей Алконосты приблизились к Королеве. Хрупкие, яркие, праздничные, они совершенно не походили на воинов. И вся ситуация напоминала мальчишеские фантазии — несколько полуобнажённых девушек, которые собрались драться за одного парня. Если бы не то, что синяками и выдранными локонами тут дело не обходилось, да и друзья избранника гибли вполне по-настоящему…

Дальний колокольный набат, звучащий в голове, подсказывал, что там, под тяжёлыми тучами, разгорается суровый разговор, которому суждено закончиться только схваткой. Магур Гнезда обмен мыслями предводительниц словно вдохновлял — они стали живее приплясывать и чаще тыкать в сторону людей оружием. Яромир одёрнулся от острия, мелькнувшего перед ним, и напомнил стоящим рядом, словно остерегая от благородного порыва:

— Патроны беречь!

Ему никто не ответил, но, то, что все приняли к исполнению, Михаил не сомневался. За время общения с тэра уже стало ясно, что говорят они мало и делают свою работу с точностью и спокойствием автоматики. Качество, которого ему подчас не

хватало.

Небо и земля дрогнули. Заходило ходуном перед глазами мироздание. Заволокло белым туманом, словно жарким маревом. Так, что едва разглядишь магур, присевших на лапы, таращась на людей, да людей, держащихся друг за друга и до ломоты открывающих рты. Михаил, преодолевая естественное желание сложиться пополам, лечь и заклубиться эмбрионом, с трудом поднял голову. Кричала Стратим. Страшно кричала. Как и другие, Михаил проглядел начало боя, совпавшее с накрывшей звуковой волной. Но теперь видел происходящее в небе.

Королева сходилась с Алконостами, едва касаясь их тел. Но от её рук, ног, любой атакующей части плотным валом сияния шла сила — живая, яркая, чувствующаяся теплом и покалыванием даже на расстоянии. Натыкаясь на эту силу, девы — когти и клыки Рарог — светились, слово жемчужины, поднятые ювелиром под сильную лампу. Радужные разводы бешено вращались по коже, гася излучение изгнанницы. Но иногда удар оказывался так силён, что Алконостов складывало пополам и отбрасывало. Но только — иногда.

Внизу противостояние перешло в схватку. Кто-то из стерв зарвался, резко сократив дистанцию и уколов человека. Этого хватило, чтобы началось…

— Боры! — взревел Яромир.

Заорав, люди выдвинулись вперёд. Тесный круг раздался, разбившись на части, на грани, острые и опасные. Заходили ходуном тела, выбрасывая в стерв металл. Схлестнулись. Кололи, рубили, резали, били…

Тёмная громада в один рывок крыльев перемахнула через защитное кольцо. Медведев упал на землю, выставляя перо. Но до него дело не дошло — стерва напоролась на катану Зуброва, внезапно оказавшегося рядом. Пока тот с ноги вытаскивал глубоко оставшийся в рубленой ране клинок, появилась ещё одна. Эта сбила лапами кого-то из людей в круге и опустилась на голову упавшему, меся его когтями. Михаил бросился к магуре, кто-то сбоку помог, Зубров навалился — в три клинка положили.

— Михалыч! Павел! В центр! — рыкнул Яромир, не оборачиваясь.

Пара тэра — пожилой, почти старик и молодой, в первой ещё схватке раненный в плечо — отодвинулись к Медведеву и Зуброву, внутрь, и круг слаженно сузился.

Пожилой сходу застрелил магуру, падающую с неба. Молодой принял на меч ещё одну прорвавшуюся. Но и Юре-сану ещё хватало дел, и Топтыгину самому.

Изредка бросая напряжённый взгляд на бьющихся в небе

птицедев, Михаил некоторое время не мог понять сути происходящего поединка: Королева в защитной сфере и трое нелепо тыкающихся в неё дев — всё это не походило на результативное сражение. Подлетающих Алконостов отбрасывало зарядом силы Стратим, не давая развернуть атаку. Но трое на одну — расклад не в пользу Королевы. Стратим быстро начала уставать. И сфера защиты становилась тоньше и бледнее, и тело начало ошибаться от утомления. Алконосты, словно именно этого и ждали, — усилили натиск, стремясь пробиться в непосредственную близость.

Внизу закричал Яромир. Прикрывающего его тэра накрыло жёстким взмахом крыла, а самого чуть не сшибло с ног. Устоял, но напарника потерял. Когда стерва под его натиском вспорхнула со сбитого, тот остался лежать на земле комком разделанного мяса.

Маугли выступил вперёд, закрывая одината от следующей горгульи. Несколько движений он уверено защищался, обходя взмахи крыльев и скрытые в их кружении тычки копьями, а потом напоролся на стальной наконечник. Вздрогнул, сдав назад, и осел, зажимая бок, почти под ноги Яромиру. Ведущий «щитов» обернулся, почувствовав толчок упавшего в бёдра. Глаза его побелели от ярости. Зарычал, и, прыжком перемахнув через недоделка, ринулся на стерву. Словно на полтакта пружину сорвало из тисков. Остриё ударило ближайшую стерву в горло до того, как крылья начали схлопываться. Шагнувший на подмогу, Михаил прянул — тёмная струя мощно хлестнула в лицо. Следующая стерва успела только метнуться в сторону, пытаясь разглядеть за ещё стоящим телом товарки происходящее. Яромир уже нырнул под вздрагивающее крыло и, поднимаясь к груди второй магуры, резанул клинком снизу вверх. Приседая и спешно утираясь, Михаил едва успел подхватить Маугли, пытающегося подняться. А Яромир, не останавливаясь, кинулся вперёд, в самую гущу подходящих магур. Тэра заревели и рванулись за ведущим. В диком оре неудержимый клин, идущий за жестоким остриём, начал сметать воительниц гнезда.

Михаил стиснул перо и кинулся вслед за воинами.

— Куда? — рявкнул Зубров, и двинулся следом. Катана стала входить в тела стерв, как в масло, сея смерть там, где прошёл страж, идущий за своим охраняемым.

В небе Королева обволокла сиянием своей защитной ауры напавшую Алконост. Радуга на её теле стала красной, словно взвилось пламя между серых облаков. Она рухнула на землю, не успев восстановиться. Шлепок падения в какофонии боя услышать было невозможно. Но тихий звон в ушах дал знать, что

смерть радужной девы не осталась незамеченной ни для врагов, ни для друзей.

Михаил вскинулся, оглядываясь. Стратим, уставшая настолько, что сияющая сфера стала лёгкой вуалью вокруг её фигурки, сходилась с противницами в ближнем бою. Плоть против плоти. Но её тело, затянутое в чёрное одеяние, оставалось обычным, а вот «клыки и когти Рарог» меняли своё обличие. Несущиеся к королеве части тел становились металлическими. На бьющих ладонях и локтях, коленях и стопах словно нарастали щитки рыцарских доспехов — округлые, шипастые, хищные. Стратим увёртывалась, стараясь не попадать под атаку, но получалось не всегда. Ткань её наряда уже была порвана, сквозь неё выдранные куски набухали кровью. Но Алконосты тоже устали.

— Спускай их вниз! — крикнул Михаил, — Мы разберёмся с тварями!

Она не ответила. Секунду он колебался — услышала ли?

— Это мой поединок! — раздалось в голове. Устало, но уверенно, так, словно победа оставалась делом нескольких движений.

Услышала…

Яромир творил бой. Сражение перестало быть столкновением воль и желаний победы двух сторон. Перестало быть действом множества душ, участвующих в нём. Оно превратилось в дело одного человека. Его воля и сила духа стали стержнем, вокруг которого наворачивался вихрь движения. Щиты неслись вслед за предводителем, не нуждаясь в командах и жестах, — нутром чувствуя своё место и роль. Магуры, словно сами стали частью воли яростного человека, — в смятении отступали, нелепо размахивая крыльями. И Михаил понял, почему тэра называли своих командиров Ведущими…

Стратим упорхнула из-под двойной атаки, развернулась с хода и ударила Алконост, пролетевшую чуть дальше, чем хотела. Заряд силы и мощь руки сделали своё дело — радужная дева, горя всеми оттенками красного, изогнулась. Был бы человек — сказал бы, что сломала позвоночник, а так… Пока она, нелепо кувыркаясь, летела к земле, Стратим набросилась на последнюю противницу.

— Давай! — крикнул Михаил.

Но Стратим не нуждалась в поддержке. Сойдясь вплотную и позволяя месить тело ударами магических доспехов, она обняла противницу. Крепче, крепче! Словно самые жаркие объятия любовниц. И Алконост завизжала он охватившей ласки. Королева нежно положила голову на её плечо и та бессильно опустила

руки. Ещё мгновение и ещё. И радужная дева, запрокинув голову, стала заваливаться. Перламутр кожи остановил своё кружение. Королева секунду ласково поддерживала её за талию, удерживая в небе, а потом нехотя разжала руки. Оставшись без поддержки, Алконост камнем обрушилась вниз. Глубокая магия настоящей Королевы Гнезда, полной чувств и силы слияния с Отцом, переполнила мир и переломила чужие воли.

— Стратим! — рявкнул Михаил, вскидывая вооружённую руку.

Магуры, ещё держащие оборону, попятились назад.

— Стратим! — заревел впереди Яромир.

Стервы гнезда кинулись к порталу, но наткнулись на скопов и магур погибшей Гамаюн, не участвующих в схватке, но теперь готовых рвать любого.

— Стратим! — закричали тэра, потрясая оружием.

Королева медленно опустилась на землю. Вскинула огромные глаза:

— Ты приносишь удачу, Влекомый.

И осела наземь, прижимая руки к кровоточащей груди.

Глава 20
Ветвь

Михаил вжался в ров на стене и обернулся. Все рядом, все тут. В свете зелёных «солнышек», хаотически витающих в трубе коридора, лица людей кажутся заострившимися и бледными, словно у покойников. Только отточенные движения и скорые взгляды выдают бурлящую жизнь.

Туннель всё больше походил на большую нору. И крот, его пробивший в камне, размером превосходил экскаватор. Художественно исцарапанные стены служили прекрасным укрытием. Словно заранее прошёл стройбат и аккуратно, со смыслом и хорошим вкусом, навёл траншеи на все поверхности. Впрочем, у такой неровности оказывалось вполне рациональное объяснение. Достаточно было посмотреть на то, как, живо перебирая когтями по гребням, скользят вдоль стен туннеля магуры.

Передовые стервы вновь покачали крыльями, подавая уже всем знакомый знак. Гарпии-разведчики, посланные на развилке в разные стороны, возвращались. Чисто. Впереди снова были только работники.

— Стратим, — едва отдышавшись, позвал Михаил, — Чисто. Сколько до Дворца?

— Две ветви.

— Метров триста осталось, — быстро пересчитал Михаил. Зубров передал дальше — ведущему «щитов». Одинат кивнул и, прикрыв глаза, привалился к стене. Ни на шаг не отходящий от него Маугли принял эстафету.

— Там устье Дворца. Там будут ждать войска Сестры, — сказала Королева.

— Понял. Продолжаем движение.

Рванулись, уже отработанным порядком пошли в «ветвь» — прямую часть туннеля.

Короткими бросками по сводам коридора одна за другой мелькали стервы-воины. Снизу они казались скоплением огромных летучих мышей. Или миграцией тараканов. Крылья, рыла, лапы, когти. Бегущие по неровному полу люди не могли привыкнуть к тому, что над головой шуршит, колышется и грозится упасть в любой момент живое скопление лезвий. Благо, стервы не срывались. Лишь иногда неловкое крыло или лапа, соскочивши, рассекали воздух над головами, но и то — лезвия-когти оказывались вовремя спрятанными.

Впереди зашевелились стены.

— Работники! — привычно определил Полынцев, идущий на пару с Катько первым.

Моголы — большие неповоротливые птицы, имеющие ещё меньшее сходство с людьми, чем другие стервы — испугано жались к стенам, закрываясь крыльями. Лезвий они не носили. Редко где блестели металлические украшения средь перьев. Но и это вызывало усиление внимания. Убеждение Королевы, что работники-стервы безопасны, учитывая их размеры, не успокаивало людей.

У следующей развилки снова прижались к стенам. Тихо скользнули в проходы разведчицы.

— Мих! На пару слов!

Полынцев оказался рядом, поломав привычный порядок. Пожилой суровый тэра заменил, не задавая вопросов. Степан прижался к стене, с трудом отдышался, вытирая рукавом лицо. Погримасничал, явно решаясь.

— Ну, не тяни! — оглянувшись, поторопил Михаил.

Степан вытащил пакет с документами. Достал из него конверт. Удивительно белый. В мире, где всё покрылось грязью, пылью и кровью, он показался похож на маленький осколок настоящего, той реальности, дорогу к которой они преодолевали с предельными усилиями.

— Вот. Посмотри, — сухо предложил Степан.

— Что это?

— Рекомендательное письмо, с которым шёл Маугля. От одной школы в другую…

Взяв в руки белый лист, Михаил развернул и посмотрел на бумагу. Не поверив глазам сразу, вытащил фонарик, подсветил, исследовав каждую сторону. Лист был чист.

— Может, какая тайная система записи? — предположил он.

— Нет. Всё проще.

Михаил задумчиво вгляделся в усталое лицо «раверсника». Степан усмехнулся:

— Объяснять или сам?

— Он не должен был дойти до цели. Значит, по пути его должны были перехватить…

— Ну, — поощрительно кивнул Полынцев.

— Донор для «Р-Аверса»?

— И да, и нет. Школа ведомых действительно отдавала его нам… Но он ещё и ловушка.

— Для Юрки?

— Да что Юрка! Дался тебе Юрка! — поморщился «раверсник», — Один из тех, кто так завёрнут на своей роли, что

ничем и никому не мешает. Тут ставки выше!

Степан хмуро огляделся. «Таёжники», припавшие к гребням, уставшие настолько, что каждую свободную секунду прижимаются к стенам, чтоб не свалиться. Тэра, напряжённые, словно канат под акробатом. Стервы, тяжело водящие боками от бега и сонно моргающие. Долгая дорога. Кому-то — на трон, равный электрическому стулу, кому-то домой, кому-то — в смерть.

— Всё должно было быть просто, — стиснул зубы Степан. — Обычная комбинация! Мы взяли Маугли в зоне действия школы Одина-тэ. Вести его специально прихватили вас — команду, сплошь состоящую из куколок плюс твой Юрка в качестве няньки. Конечно же, вид истязаемого «своего» давил бы на нервы всем. Но Юрка бы точно сломался бы. Он бы не стал идти напролом, чтобы не раскрыться, но уж весточку бы своим бросил. Ему бы не отказали, ведь ведомый — дорогая игрушка в их мировоззрении. И выслали бы «щиты» под руководством Яромира — они там единственный серьёзный отряд. Понимаешь? А на точке контакта, на лысом склоне, тэра бы ждала горячая встреча…

Михаил устало оттёр лицо:

— Три зайца сразу. Вы бы имели донора для экспериментов, Юрия в качестве раскрытого агента и…

— Яромира в заложниках… Одного из четырёх военных вождей новой армии Храма. Трое других пошли бы на уступки.

Безотчетно Михаил обернулся на одината. Яромир, привалившись к гребню, отдыхал. Глаза закрыты, плечи опущены, руки вздрагивают. Уставший раненный человек. Не поверишь, что час назад одного его вида было достаточно, чтобы стервы бежали.

— Твою мать! — сплюнул Медведев.

— Плохо не то, что было. Плохо то, что будет. Тэра в нашем мире будут ждать там, где мы провалились… На том же маршруте. Понимаешь?

— Ловушка. Хочешь, что бы я это пояснил Яромиру?

— Можно не пояснять, — болезненно скривился Степан. — Достаточно просто сообщить, что один из выходов небезопасен. Не указывая причин.

— А сам?

— Сам не стану, — Степан отвёл глаза. — Мы — враги, Мих, понимаешь? Временные союзники, прикрывающие задницы друг другу, но всё равно — враги. И эта война дольше, чем все войны мира. Война идеализаций. Никто не прав, но это и не имеет значения. Главное — движение. Капля за каплей. Чёрное, белое. Кто-то из нас чёрное, кто-то белое. И мы движемся по кругу, догоняя друг друга, убивая друг друга, но этим и заставляя весь

этот грёбанный мир плясать и кувыркаться. Жить заставляем, понимаешь? Не важно, кто победит. Главное — мы двигаем эту Вселенную. Она живёт потому, что есть мы.

Михаил почувствовал, что капля за каплей падающего времени подтачивает не камень — сердце. Двое так и не ставшими друзьями людей останутся врагами меж собой. Всегда.

— Хорошо, — отозвался Михаил. — Сделаю.

— Письмецо забери — пригодится.

Степан сунул конверт в руки «таёжника» и споро ушёл вперёд. Там уже возвращались разведчицы.

Складывая письмо, Михаил заметил взгляд Маугли. Ведомый заворожено следил за листом в его руках. Губы дрогнули, словно хотел окликнуть. Но не решился.

«Успел ли он заметить, что бумага пуста? Расстояние, вроде, большое, но кто знает… Эх, самое поганое в жизни — понимать, что те, кого выбрал в вожди, предали тебя. И чувствовать себя тупой скотинкой на заклании! Лучше быть растерзанным зверями, чем убитым людьми. Но хуже того — убитым людьми, которых считал своими!» — Михаил торопливо сунул конверт во внутренний карман и отвернулся. Сейчас говорить с Всеволодом он не был готов.

Магуры покачали крыльями, и Стратим тихим колокольчиком указала на своё присутствие.

— Двигаем! — отреагировал Михаил.

И первым оттолкнулся от стены. Оторвался плечами от холодного камня, сорвался и тотчас почувствовал, что тело не верно разуму. На каждой неровности поводило, пошатывало, словно пьяного. Колени норовили бессильно согнуться. Уже через десяток метров перебежкой в висках зашумела, застучала кровь. Шум её перекрывал шорох крыльев, звяканье металла, негромкий гомон суетливо вжимающихся в стены моголов. Раны, уже затянувшиеся, заломило.

Сразу за ним шёл Зубров. Шёл ровно, словно автомат. Также как и другие тэра. Было что-то нечеловеческое в строгой равномерности, в сосредоточенно-отрешённых лицах и точных руках. Казалось, что вот так размеренно и уверенно они могут двигаться вечно. Но сердце подсказывало, что и они уже выходят на предел.

Михаил уже дошёл до следующей развилки, когда сзади раздался шум. Обернулся — из только что проверенной норы, пикируя на Яромира, вывалилась стерва-работница. Одинат вскинул бледное лицо, поднял, защищаясь, руки. Огромный ком перьев накрыл человека, словно лавина. Михаил рванулся, нацеливая клинок. Сталь хищно ударила в незащищённый бок

стервы. Та только вздрогнула. Крутанул лезвие, расширил рану и рванул нож назад. Зажмурился от струи. Снова всадил. Рядом заметил блеск чужой стали. Полетели порезанные перья. Плоть под ударами ходила ходуном, но стерва не сопротивлялась.

— Она мертва! — крикнула проявившаяся Стратим, останавливая безумство.

Михаил схватил пернатую тварь за окровавленное крыло и подтащил её в сторону. Кто-то рядом — слева и справа — тоже подхватил, помог. Даже на троих могола оказалась тяжёлой, словно рухнувший комель столетнего кедра.

— Яр!

— В норме! — раздался хриплый голос одината. — Всеволод!

Яромиру придавило лишь ноги. А вот Маугли, оттолкнувшего его, под тушей погребло. Точный удар клинком вышиб дух из стервы, но вот для тэра-недоделка времени разорвать дистанцию уже не осталось.

Оттащили стерву, присели рядом со скрючившимся на земле ведомым.

— Сева?

— Сейчас… Я сейчас… Сейчас… — стиснув зубы, шептал Маугли. — Сейчас… Я встану… сейчас…

Михаил бросил липкий нож и потянулся к запястью ведомого. Взял за пальцы.

— Сева, ты мою руку чувствуешь?

— Сейчас я… встану… сейчас…

Вены на висках зазмеились, завились от напряжения. Из ноздрей рванула кровь. Чёрная в свете подлетевшего солнышка. Дыхание стало частым и поверхностным. Пальцы ведомого в руке Михаила висели тряпочками.

Яромир, вставший рядом, закаменел лицом. Пряча взгляд, отвернулся.

Молчаливые тэра раздвинулись, когда их отстранила властная рука Стратим. Королева присела на корточки перед искалеченным. Чёрная, гибкая, опасная. Кошка. Только взгляд холодный, словно приморожденный. Без сострадания, без понимания. В чём-то даже удивлённый взгляд. Будто не ясна ей, живущей странной мистической жизнью, сила смерти и её значение для остающихся жить дальше.

Зубров положил руку на плечо друга. Наклонился ближе:

— Звездец.

Молчали люди. Молчала Королева. Зелёное «солнышко» испугано металось над кругом. Дрожал воздух, гонимый сквозняками из нор и ходов. Скулили по стенам моголы. Скупо перетаптывались в ожидании команды к движению стервы-воины.

Михаил потерянно смотрел на паренька едва ли восемнадцати лет, которому оставалось сдохнуть в утробе норы пернатых тварей просто потому, что угораздило его родиться в среде подлецов, отправивших на закланье. Пустой листок в конверте, словно заплатка на совести, холодил грудь.

— Маугля…

Ведущий щитов обернулся, придвинулся и вытащил пистолет. Щёлкнул затвор. Стёр рукавом с лица пыль, и тихо сказал:

— Идите. Я всё сделаю…

Медведев стиснул зубы. Взгляд ведущего «щитов» вздрагивал. Но руки не дрожали. Сделает.

Зубров потянул за плечо:

— Пошли, Мих. Нужно двигаться…

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — Михаил стиснул кулаками виски. — Ну нельзя же так! Неправильно так! Нельзя так глупо!

Ощущение дежа вю сколупнуло корку на душевных ранах — тут же заныли недавние шрамы. Инстинктивно потянулся и вытащил из ножен обломок. Старый добрый клинок, послуживший не один год, не одну рану нанёсший, и так бездарно погибший на площадке каменного форпоста. Михаил смотрел на сверкающий чередой изумрудных искр острый край и чувствовал, что наполняется теплом. Так тепло, так воздушно и мягко однажды он уже ощущал себя. Тогда, когда, уходя на смерть, его плечо сжал страж-сирота. Как и сейчас, тогда тело стало подобно пустой оболочке, наполненной горячим воздухом и светом, ходуном ходящим внутри плотской пустоты. Тогда он видел себя в глубине колодца, смотрел вверх, на звёзды и чувствовал их пытливый взгляд. И казалось, что всякая звезда — колодец с таким же узником внутри… А ещё однажды он видел как по серебристым трассам бегут капли-решётки, с заключёнными в них людьми… Но раньше, много раньше, он помнил Лес, огромный, как само бытие, словно весь состоящий из Дерев Жизни и Древ Познания. У Леса были старшие братья — Лунь и Дождь, но они уже отчаялись встретить того, кого ждали… Знать бы только — не его ли?

— Мих, не надо!

Медведев поднял глаза:

— Ох, Юрка… Это ведь то, чего ты ждал, правда?

— Мих? — Зубров опустился на колени, не отрываясь, глядя на острый излом клинка, мягко рисующий восьмёрки в руках друга.

— Сколько можно жить и не жить? Сколько? — усмехнулся Михаил. — Я жил полной грудью только тогда, до смерти брата. Сопливым пацаном, дураком, но — жил! Не пытался быть кем-то,

кем быть не мог! Рюкзак на плечи и — айда! А теперь? Ты скажи, сколько так можно? Сидеть в колодце и смотреть на звёзды? Стоять на пороге и не перешагивать? Сидеть в капле и не вырываться?

Он оглядел стоящих вокруг. Тэра, словно почувствовав что-то невероятное, происходящее с ним, стояли замерев. Многие сложили на груди ладони в знаке взлетающей птицы. И ждали.

Юрка сидел, зажмурившись и стиснув на коленях кулаки.

Михаил усмехнулся и задрал рукав. Вены бесились под кожей. Змеились, путая след, словно прячась от ослепительно-зелёной искры, горящей на ломаном острие. Рассматривая, как вьётся отпущенным гидрантом бьющийся сосуд, Михаил продолжил:

— Я, возможно, не тот, кого ждёт Лес. Возможно и не тот, кому суждено быть Отцом. Но Стратим права — для того, чтобы создавать, нужно чувствовать себя творцом. Мать — та, что вынашивает и кормит. Отец — тот, кто воспитывает. А способ передачи воспитания… Ты помнишь? Воспитание — это возможность напитать собой, не так ли? Получается, быть отцом, значит отдавать себя. Не больше и не меньше!

Изумрудная искра коротко полоснула по предплечью. Рассечённая кожа раздалась под остриём. Брошенный нож звякнул на каменном полу и испуганное солнышко метнулось от раскрывшейся раны. Михаил пережал пясть и протянул руку к губам Всеволода.

— Михаил! — дёрнулся Яромир.

— Я помню! — рявкнул он, не оборачиваясь: — Моя кровь — оружие. Возможно, я убиваю его этим. Но делаю то, что чувствую правильным и единственно верным сейчас. Чувствую сам, без оглядки. Потому: не лезь! Нажать на курок ты всегда успеешь…

Кровью вымазанные губы дрогнули, раскрываясь. Капля потекла в рот. И — ничего. Ничего не изменилось. Всё такая же бледность кожи, заострённость черт, едва вздрагивающие веки закрытых глаз.

Чуда не произошло. Михаил зажмурился и опустил голову. Теперь — стрелять и уходить. Время поджимает. Пережимая предплечье, неловко поднялся. Огляделся — люди стояли вокруг молча. И все смотрели не на раненного, а на него.

Стратим склонила голову на бок, пытливо приглядываясь к ране. Потом протянула руку к протекающему предплечью и тонкими пальцами тронула самый исток ручейка. Михаил почувствовал, как рану опалило холодом. Морозом проняло до костей всё тело. Мгновенная вспышка и тут же — боль исчезла, оставив в нём только послевкусие стылой проруби. Стратим

слизнула чёрную каплю с пальца и улыбнулась. Легко и свободно, как улыбнулась бы женщина его реальности.

— Сейчас…подождите, Пресветлый… — хрипло повторил Маугли.

Михаил крутнулся на пятке, присел перед раненым.

Глубоко вздохнув, Маугли открыл глаза. И с трудом начал подниматься на локтях.

— Ох-ты ж, мать! — вздохнул за плечами Батон.

Яромир оказался возле Маугли первым — помог приподняться, сунул флягу в губы, поддерживая, начал поить. Но Медведев уже не смотрел — выдохнув, он, как был, сел на землю, устало бросив плечи.

Зубров присел рядом и сжал перепачканную кровью руку — у самого Михаила сил не нашлось. Плыл перед глазами мир, искрились зелёным и алым его берега, смешивались дороги, капли оплывали в лужицы и стремительно вливались в единый поток, уходящей за горизонт. Рушились стены колодцев, осыпаясь и выворачиваясь наизнанку, на ладони бурлящего песка поднимали к звёздному своду. Бешеный ветер трепал ветви, срывая и унося листья к бледному лику небесного светила. Листья били в полный диск луны, и раздавался гулкий колокольный звон, похожий на голос Ярослава…

— Кто он? Слышишь? Кто? Ей-свет, я тебя всем святым прошу!

— Я знаю не намного больше, чем ты! Он — Отец! Не Великий, не Святой, не Чудотворец! Никакого другого потенциала, кроме этого!

— Послушание молчания?

— Да не скрываю я ничего, Яр! Что знаю, то говорю! Сам не понимаю, что случилось!

Михаил, не открывая глаз, улыбнулся. Стало неважно — что произошло. И также неважно, кто он. Роли, статусы, победы, поражения, мнения, решения, оценки… Он словно побывал в параллельной реальности, откуда можно смотреть на жизнь отстранённо и легко, зная истинные ценности. Только вот вспомнить их теперь никак не удавалось — образ таял где-то возле сердца. Он предчувствовал, что это состояние понимания законов всего мироздания ненадолго — страхи и сомнения затрут его, словно ветер и песок рисунки на скалах. Но, возможно, наступит час, когда оно повториться. И ещё. И ещё. И однажды останется в нём знанием истины, чувством своего места и пониманием правильности мироздания.

Открыл глаза — Юрий и Яромир. Такие разные люди: пожилой и молодой, приземистый крепыш и рослый атлет,

светлый и тёмный — они показались ему похожими, словно братья. Одновременный поворот, нелегкие взгляды, усталые плечи. Остро пронзило невесть откуда взявшееся понимание, что двоим, таким похожим, не хватит места в этой дороге.

Михаил стиснул зубы, привстал и махнул рукой:

— Двигаем! Времени мало!

Он точно знал, что оно на исходе. Знание бралось из ниоткуда, оно просто жило внутри. Там, во внутренней копилке всяческих знаний — от тех, что сохранились после зверепредков до тех, что получались собственным опытом, — словно прошло цунами. Оно свалило стройные ряды башен и пирамид понимания, сровняло с землёй, казалось, вечные постулаты, опрокинуло идеи и представления. Оно убило спокойный холодный город иллюзий, по кирпичу, по блоку, по представлению собранный им за всю его жизнь. Город, где было страшно душе, блуждающей в непонимании среди недостроенных зданий и небоскрёбов, нуждающихся в тысячах подпорок. Цунами смыло шаткие дома, казавшиеся на века отстроенными произведениями логики. И на страшной, избитой, исковерканной стихией земле, полной обломков вер и огрызков пониманий, медленными тонкими ростками потянулось вверх Знание. Он, затаив дыхание, смотрел на то, как проклёвываются из древних, ссохшихся, потерявших надежду семян зелёные листики, видел, как они упирают лбы в грязевую корку, оставленную стихией, и как трескается земля, пропуская мощь будущего леса. Видел, но не мог знать — что за деревья будут расти в его мире…

Руки привычно держали оружие, тело работало, уже буксуя, с трудом выдавая необходимую мощь на преодоление препятствий, но сердце звенело странным восторгом, словно, оторвавшись от происходящего, оно уже смотрело далеко в будущее и знало — всё будет хорошо. Но это нутряное знание никак не укладывалось в представления рассудка. И не было триединства чувств, логики и тела. Вырвавшееся из оков обыденности сердце летело, таща за собой, словно во времена первой влюблённости, когда весь мир по колено, когда на самом пределе, предела не ощущаешь, и когда ты способен на алогизм и крайнее дуралейство, и, что наиболее странно, — мир с тобой соглашается.

Всеволод бежал недалеко. Он шугался предлагаемой помощи тэра, шарахался от заботы Яромира, стремящегося поддержать. Он не помнил. И это тоже наполняло сердце Медведева радостью — была победа над смертью, была помощь, равная жизни, но не возникло обязательств, обременяющих обоих — и дарителя, и получателя дара. И принять решение становилось легко, так же легко, как и понять простое, что Всеволод, преданно смотрящий

на него и готовый на исполнение любого приказа и прихоти, — обуза для него и подарок судьбы для Ведущего тэра.

— Стоп! Устье.

Остановились, вжались, замерли.

Туннель поднимался вверх и заканчивался узким горлышком дыры, в которой виделся красный свет. Пролетающие там вишнёвые «солнышки» будто маркировали пространство знаком опасности — «Не входить!».

Медведев прислушиваться к предостережению не стал. Выдвинулся, не предупредив своих. Пока добирался до дыры, чувствовал сзади движение. И, только дойдя, сориентировался — Юр-сан, Батон, Яромир и Маугли. Хмыкнул. Страж не мог отпустить его одного, Батон настолько балбес, что, как бывало, проигнорировал чужой приказ, Яромир не из тех, кто слушает чужие команды, а Маугли… У Маули тут было два значимых человека.

Тихим привидением возникла Стратим, плавно опустилась на землю рядом.

— Ну и хрень… — протянул Анатолий.

И выразил ощущение всех.

Большой круглый зал вмещал в себя сотни охотниц-скопов. Едва шевелящимся, тихо шуршащим покровом кожистых крыльев они укрывали все поверхности. Стены, потолок, пол — везде к камню приникли притихшие гарпии и ждали. Кого — не трудно было догадаться.

— Вот жопой чувствовал, что слишком легко идём! — сплюнул Батон.

— Легко, — задумчиво согласился Юрий и указал. — Вот там проход дальше.

— Стратим? — повернулся Михаил.

Королева кивнула.

— Но почему скопы? Не понимаю! Где воины-то? — хмуро сплюнул Зубров.

— Судя по всему — дальше. Вкусное на третье, — ответил Яромир и повернулся к Стратим. — Что за этим залом?

— Лифтовый зал. Маленький. Закрытый. За ним Зал Цветочных Поцелуев, — быстро отозвалась стерва. — Круглый. Высокий. В два раза больше этого. Стены гладкие, стервам не подняться. Летать сложно, лучше ходить. В зале будет сладкотелая.

— И всё? — недоверчиво спросил Юрий.

— И вся личная охрана Рарог, — отчеканила Стратим, не глядя на Зуброва.

Переглянулись. Встречаться с Алконостами ещё раз не

хотелось.

— Сколько их осталось? — нахмурился Яромир.

— Шесть.

— Много, — покачал головой Зубров.

— Я вызову Рарог на поединок силы, — вскинула голову Стратим. — Она примет вызов и битвы не будет!

— Хорошо бы… — проворчал Михаил. Уверенность в том, что «всё будет хорошо» с каждой минутой таяла. Может, и будет, но явно не для всех. — Ну, ладно — дальше разберёмся, куда кривая выведет. А вот как сейчас проходить? У этих куриц наверняка приказ меня спеленать, а остальных положить…

— Похоже на то… — Яромир покатал желваки. — Переться напролом? Ну, допустим, метров надцать мы отыграем. А толку? Если другие входы?

— Нет.

— Хреново, — подвёл итог Одинат.

— Я буду держать Жест Власти… — опустив глаза, тихо сказала Стратим. — Это священный жест. На меня и тех, кто будет касаться меня, не нападут. Я — Королева, пусть и изгнанница… Я — защита тем, кто идёт рядом. Вы станете на время моими птенцами. Тогда не тронут.

— Касаться тебя… — тупо повторил Михаил и посмотрел на Юрия.

Зубров покачал головой:

— В такой зоне сможет двигаться только очень маленький отряд.

Михаил с яростью потёр переносицу:

— Десяток человек. Стерв ещё меньше.

— Только люди, — отозвалась Королева. — Под защитой пойдут только люди. И Сирины.

Мужчины переглянулись. На языке вертелся один вопрос, но задавать его было горько. Что для неё жизнь её воинов? Что — жизни людей? Лицо Королевы не дрогнуло, когда она решила участь тех и других, но значит ли это, что святое для человека ничего не стоит для неё? А может, вот эта странная гордость, явленная внезапно, — как узкая щель в стене ценностей стерв. Время не оставляло шансов на то, чтобы разобраться.

— Идём! — кивнул Медведев и обернулся к Якоби: — Подтягивай ребят. Пойдёте с Королевой.

— Есть! — Батон сдал назад и, ловко перекатившись и поднявшись на ноги в тени, ушёл к отряду.

— Я пойду с теми, кто не попадёт под твой щит, — обернулся Михаил к Королеве. — Мне щит не нужен. Я сам — щит. И меч.

Стратим, не переча, опустила глаза.

Глава 21
Устье

— Пресветлый…

Михаил вздрогнул. Повернулся к незаметно подошедшему. Маугли подавал пистолет.

— От Ведущего, — скупо прокомментировал он. — Бейте в глаза или гениталии. Есть вероятность, что зацепите, даже если не наповал.

По давней привычке проверять снаряжение перед походом или боем, Медведев выбросил на ладонь обойму. И понимающе кивнул сам себе. «Таёжники» по незнанию и со страху остались без патронов ещё во время прорыва из домена. Да и он сам ничем не был лучше, расстреляв всё, что имелось. Было бы больше — ушло бы в холостую больше. Бывалые тэра подобного расточительства себе не позволили.

— Время! — окрикнули сбоку.

— Передай Яру мою благодарность.

— Я иду с Вами, — угрюмо отозвался мальчишка. — Передам, если пройдём.

— Так… — протянул Медведев.

Опять коса находила на камень. И вид пацана был таков, что Михаил сразу понял — рыком в этот раз не обойтись. И как бы парню самому не хотелось идти за понятным и близким по духу одинатом, в котором крылся настоящий ведущий, а вот сложилась так ситуация, что уже признал старшим простого человека, пусть и со способностями Отца, — и теперь никуда от этого не деться. А тому эта покорность и упорство — как нож по горлу. А время поджимает.

Михаил хмуро оглядел юношу, а потом махнул рукой:

— Чёрт с тобой! Хочешь сдохнуть без пользы — вперёд! Зря только учителя на тебя время тратили. Вырос дурак упрямый — ничем не прошибёшь!

Маугли выпрямился, губы сжались, но — ни слова в ответ, ни жеста.

— Тебе, идиоту, дали шанс быть рядом с настоящим великим ведущим. А ты профукиваешь такую возможность, — криво усмехнулся Михаил и отвернулся. Секунда. Две. Три. И невыразительно, тихо скомандовал: — Поступаешь в распоряжение Яромира из Одина-тэ.

— Да, Пресветлый.

Оборачиваться, чтобы посмотреть на притихшего пацана, не

стал.

— Выполнять.

Тень за спиной метнулась назад, к людям, уже стоящим молчаливым, собранным каре возле Стратим. Переливчатые сирины отодвинулись, пропуская человека. Медведев спиной ощутил долгий взгляд Яромира.

— Зря. — Юрий зубами затянул концы бинта на подраненной руке. — Ещё один страж тебе бы сейчас пригодился.

Михаил улыбнулся и ткнул друга в здоровое плечо:

— Мне и за тобой, как за взводом назюзюканных в хлам самураев!

Зубров, не приняв тона, покачал головой:

— На свою уникальность Отца особо не рассчитывай. В мясорубке могут и просто спутать, но скорее, у них есть приказ взять живым или мёртвым. Живым на целостности можно особо не заморачиваться, а мёртвым — захватить и доставить тело в кратчайшие сроки.

— Помню, было.

— Вот и соображай, голова.

Медведев только пожал плечами в ответ.

Лавина крыльев накрыла стены. Зелёным в свете «солнышек» засверкали обнажённые лезвия. Стервы-охотницы шли молча, без привычного боевого повизгивания. Только шорох соприкасающихся тел да позвякивания металла и камня. Охотницы неслись мимо, почти касаясь человека. Сухие вытянутые морды сосредоточены на цели, глаза уже не смотрят на оставшихся в стороне. Оставшихся жить. И грузно оседало на сердце сравнение. Уходящие стервы были тварями, чужими по своей сущности созданиями, ничем, казалось бы, не походившими на то, что завещано любить и оберегать. Были, но… Ничем они и не отличались. Тоже — жизнь. То же умение любить, ненавидеть, бояться, стремиться, умирать. Может и не человек, но…

За рамой входа в устье сшиблись тела, зазвенела сталь, закричали первые раненные.

В окно портала было видно мало. Но достаточно, чтобы почувствовать закипание крови. Пикирующие тела, отлетающие срезанные перья, брызги…

Сверкающие фиолетовым лоском крыльев, магуры встали рядом в два ряда. Морды сосредоточены, крылья подобраны. В отличие от охотниц, воины клинки выставлять не торопились. При беге могут помешать да и успеется. Глазами старались не встречаться. Но и так всё ясно.

Тэра, стоящие около Медведева, молчаливо и неспешно накидывали темляки. О чём-то негромко переговаривались меж

собой. Шестеро отданных Яромиром бойцов откровенно не были новичками. Может в таком странном бою — сборный отряд против стерв — и не участвовали, но пасовать не собирались. Медведев увидел рядом с собой и Михалыча — старика с уверенными крепкими руками и зорким взглядом, и Павла, уже не раз оказывающегося на пути к нему стерв. Да и другие были не раз видны в схватках, как серьёзные бойцы.

— Боры! — раздался клич одинатов.

Михаил махнул рукой, из-за спин присевших перед рывком стерв приветствуя уходящих в устье воинов. Яромир уводил под защитой Стратим его «таёжников», молчаливого Полынцева и нескольких подраненных тэра. В кольце воинов мелькнули смоленные волосы королевы. Один взгляд пронзительно-чёрных глаз — и вот они уже за порогом каменного портала.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Вдох поглубже, словно перед выходом из палатки в буран.

И — вперёд!

Туда, где уже не было моментов тишины, где кружился воздух, испугано мотаясь между смертями. Где дрались ненужные, незначимые ему твари, погружая друг друга в боль и бездну отчаянья. Где не было ничего, за что стоило бы умирать. Ему, его друзьям, его недругам. И даже Королеве — не за что. Но это ощущение бесцельности затрат было всего лишь чувство. Такое же нелепое, как и десяток дней назад ненависть к пленнику за его существование, за проблемы, что потянулись вслед за его захватом. Глубоко внутри он уже знал, что всё в мире имеет свою цель и ценность. И что встреча Отца и Матери не может быть случайностью, как не бывает случайностью падение яблока на землю, таяние снега под солнцем, рождение и умирание. Закон распространения сил стал таким же значимым и явным, как закон всемирного тяготения или сохранения энергии. А значит там, впереди, за лезвием, по которому предстояло бежать, его ждало нечто, что для мира важнее его жизни, значимей прерывающихся сейчас судеб. И нужно дойти, чтобы понять — что это.

Магуры слаженно шли рядом. Хрипло дыша, тихо и быстро перебирали лапами. Напряжённые мышцы, уже разогретые к бою, обливали кожу кисло-пряным потом. Ускорились. Как один — и люди, и магуры — ринулись в проём. Прыжок. Со всех сторон взорвалось пространство — хлопнули, раскрываясь, крылья. Когда Михаил упал, неловко придя на колено, вокруг об каменный пол сначала ударили пружинящие стопы, а потом жёстко врезались когти мощных лап. Выпрямлялся рывком. Тэра уже стояли наготове. А магуры мгновения медлили. Кожистые крылья, увешенные клинками, словно украшением из красного золота,

оставались в неподвижности, давая ему возможность встать, а охотницам Гнезда осознать приход воинов.

А потом они закричали. Вместе. Не сговариваясь, люди и магуры огласили рёвом итак сотрясающийся от криков зал. И приковали к себе внимание всех.

Михаил ещё успел увидеть впереди, где-то на центре зала, каплю цвета хаки вокруг чёрной тонкой фигурки.

И началось.

Кто раз хотя бы был в глубине ножевой схватки группа на группу, тот на всю жизнь, наравне со шрамами, сохраняет память о лезвиях, разбивающих воздух на осколки. О перечёркнутом линиями клинков и чёрными струями пространстве. О скользких руках. О внезапном холоде в подрубленной кисти. И жаре в ране, где коснулся клинок. О досадном взмаргивании на чужое лезвие. О толкотне. О грязи под ногами. А, может быть, уже и не грязи. О вскриках и хрипах, которые ни с чем не спутаешь.

И о боязни зацепить своего…

Так получилось, что Михаил и тэра и мугур в этой бойне принял как своих. Как тех, против кого не направляют оружие.

Стиснув зубы, Михаил метался в центре каре, используя любую возможность всадить клинок в нападающих скопов. Так же поступали и тэра. Сперва пробиться удавалось нечасто. Магуры шли плотно, прилежно защищая своего Отца. Набрасывающимся на них охотницам один на один — да даже десять на одну! — не оставалось бы шансов, но в схватке, где врагов сотни, и новые прибывают на место выбывших с чёткостью подающего механизма обоймы, магуры выдержать не могли. И вокруг всё чаще взметались вверх фиолетовые крылья падающих защитниц и освобождалось пространство, в которое лезли скопы. Стервы-воины стягивались к Отцу, стремясь закрыть, но их оставалось всё меньше. А вход во Дворец, — большая чёрная дыра, посреди мелькающих звёзд и туманностей перед глазами, — был уже почти рядом, но всё равно — очень далеко, на расстояние десятка жизней, теряемых с каждым шагом.

Вкладываясь в бой, Михаил не глядел вперёд, туда, где шли Стратим и люди. Возможности не представлялось. Но нутряным знанием понимал, что они прошли. Должны были пройти. И теперь дело за ним. Потому без сомнений вкладывался в клинок. Рядом разрезала пространство долгими дугами катана друга. Зубров шумно выдыхал, подавая напряжение в удары. С другой стороны с размеренностью и стойкостью автомата работал ножом седой тэра. Он же сваливал из пистолета тех стерв, которым хватало ума и ловкости перепрыгнуть заслон магуров. Стрелял тэра отменно, как и колол. Пока не споткнулся на полдороге.

Замер и стал рушиться.

— Черт! — Прошипел Медведев и подцепил рукой падающего. Не удержал. Пришлось упасть на колено, чтобы перехватить удобнее. Обшарил взглядом — ран не было. Крови много, но вся чужая. Раны не видно.

— Михалыч! — вспомнил старика по имени. Тэра не отозвался.

— Брось! — рявкнул Зубров, продолжая рубиться. — Он мёртв!

— Ран нет!

— Мёртв! Оставь!

— Своих не бросаю! — упрямо отозвался Михаил, подсаживаясь под упавшим.

Блеск стали возле корпуса скорее ощутил, чем увидел. Прянул в сторону.

— Мёртв! — повторил Зубров, с ноги вытаскивая катану из груди тэра. И тут же отвернулся, клинком отсекая налетевшей стерве полкрыла.

Михаил мгновение смотрел на лицо старика. Белое, в подтёках крови и пота. Под слипшимися седыми волосами. Лицо не сдавшегося старости человека. Рядом кто-то из «щитов» припал на колено и вытащил из руки мёртвого товарища пистолет. Тут же рявкнул выстрел. Сиреневое крыло царапнуло по спине. Михаил выгнулся, почувствовав, как лопнула ткань на плечах. А может, что и под тканью — не понял. Отпустив труп, встал. Возле него, помимо десятка воинов-стеры, осталось только трое тэра и Юрий.

— Двигаем! — Михаил перехватил рукоять ножа и бросился вперёд.

Магуры слажено рявкнули.

Злость — невероятная, чужеродная злость — закипела в крови. Он никогда не считал себя образцом терпимости и гуманизма, но без нужды старался в конфликты не ввязываться и на жестокость не идти, а теперь вдруг почувствовал, как кружит голову бешеное желание рвать и крушить. Мир сузился до зоны поражения. Голову залило кипящим оловом ненависти. К другу, к себе, к миру, заставляющему делать непотребное. И тело заработало, перемалывая эту ненависть через жернова движения. Яростного движения, на самом пределе возможностей. За доли секунды он вырвался вперёд, миновав своих телохранителей. И тут же понял, что не нужны ему они. Как живые щиты, как закрывающие собой существа — не нужны. Это он им необходим. Как смысл этой дороги. Потому и место его — впереди!

Скопы, попадающиеся на его дороге, отлетали, нелепо

барахтаясь вооружёнными крыльями в попытке сохранить равновесие и не попасть под лезвия товарок. Пленить безумца, дико орущего и ищущего мясо, чтоб вонзить клинок, не просто. Да и догоняющие его клином магуры и люди давили и раздвигали противника, словно нос корабля тонкий ледок, не оставляя шанса на результативную атаку.

До чёрной дыры перехода оставалось совсем чуть-чуть. Там, охраняя вход и защищая людей и стерв, уже стояли Яромир и его люди. Да Батон затесался. Вроде не бог весть какой вояка по сравнению с тэра, но вот выдавить его за спины им не удалось.

Ор оглушил.

Михаил сбился, поднял голову, инстинктивно вжимая плечи. Потолка не было. Над ним висела тёмно-фиолетовая клякса. Нет, не висела — стремительно падала. Он дёрнулся в сторону, но мощный удар по загривку сшиб с ног. Полёт был короток, а приземление жёстким. Почувствовал, что воздух вышибло из груди и его самого смяло, словно человечка-оригами. Болью оглушило до кисло подступившей тошноты. Чьи-то лапы-руки, цепко захватили за корпус, руки, ноги и подняли в воздух. Скопы утаскивали его под потолок, подальше от людей. Сквозь приглушённый ор стерв и крики людей услышал короткий лай автомата.

Открыл глаза.

И сразу же закрыл. В лицо ударил тёплый ливень. Вознесение кончилось — раненные скопы выпустили его из лап. Снизу налетел ветер. И почти тут же Михаил врезался в податливую неровность. Повторная боль сдавила все ощущения до стремительно приближающегося к горлу комка ярко-горящей кислоты. Не открывая глаз, повернулся на бок. И свалился с туши, на которую упал. Вырвало. От спазма пошла новая волна боли. Остро и жарко сдавило бока. Закипела голова. С трудом поднялся на колени и локти, сослепу ткнувшись лицом в тёплую лужу под собой. С двух сторон схватили за подмышки и потащили, словно неживого. Кто? — он не понял.

Крики, брань, выстрелы, ор — всё проникало через ватный заслон оглушённости, глухо и постороннее, словно его не касалось. Но рассудком он понимал, что именно к нему всё это относится в первую очередь и только потому нашёл в себе силы открыть глаза. Каменный пол с пятнами крови и частями тел мотался, быстротечно уплывая назад. С трудом приподнял голову, скосил взгляд. Лапы. Настолько мощные, что сомнений не оставалось — магуры. Только вот — «свои» или чужие?

Дёрнулся, но тут же затих. Подбегали люди.

Магуры передали его, почти бросив на руки тэра, и утопали

назад, в схватку. Перед глазами поплыл потолок, с тенями мечущихся клякс, сбивающих друг друга. Его медленно заволакивало туманом. Сознание сужалось, и воли не хватало удержать его в теле. Только хриплый стук выстрелов отдавался в голове.

— Боры! Страж!

Михаила словно кипятком ошпарило!

— Юр?

Он охнул и рванулся.

Тэра удержали. Дотащили и бережно опустили на пол. Михаил искал взглядом друга, но мотающиеся ноги защитников загораживали мир. С трудом опираясь о каменный выступ, поднялся. Мир зашатался, стремительно заволакиваясь туманом, в груди запульсировала бешеная боль. Стиснул зубы — мир нехотя вернулся на место.

Зубров бежал, прикрываемый парой магуров. Бежал последним из людей. Спотыкаясь и едва удерживаясь на бегу. Уже бесполезная катана утяжеляла руку, поднятую к груди, и путала бег. Меж пальцев сочилось.

— Юр… ка… — Михаил оттолкнулся от поддерживающей опоры и шагнул к другу.

— Нет! — Стратим как всегда оказалась точно перед ним. Вскинула чёрные глазищи. — Заслон уже падает!

Усиливающийся шорох камней ударил по сознанию. Он поднял глаза и только теперь понял, почему люди стоят на невидимой черте. Сверху, отсекая зал Устья, опускалась мраморная стена.

— Юр!

Его сцапали за разгрузку, схватили за руки, повисли на плечах. Яромир что-то влажно-жаркое закричал в уши, но он не услышал — паровым механизмом в голове билась от напряжения кровь. Мир шатался и периодами терял чёткость, но всё-таки Михаил видел, как пули сшибали скопов, нападающих на Зуброва сверху. Стрелять на уровень человека тэра не рисковали.

Михаил тянулся к другу, но тяжесть удерживающих не позволяла даже шагнуть. Оставалось только рваться и смотреть в туман впереди, боясь пропустить хоть мгновение.

Немолодой тэра прикрыл Зуброва от налетающих стерв, обезумевших от поражения. Закрыл жизнью.

Магура с разворота кинулась на нападающих и рухнула, стянув на себя четвёрку разъярённых охотниц.

И Зубров остался один. Ещё десяток шагов и успеет под падающую переборку! Не успеет… Скопа с налёта сшибла его с ног. Отлетев, Юрий скрючился. С воздуха налетела пара стерв —

их раскрытые крылья закрыли его от взглядов.

— Ааа! — Батон метнул с обеих рук ножи и сам кинулся следом.

— Боры!

Михаил, вздрагивая внутри от невозможности самому оказаться в гуще действий, не сразу осознал, что его держат уже только двое. Остальные скользнули за Яромиром в щель между падающей плитой и полом.

— Останови заслонку! — прохрипел Михаил, вырываясь и хватая Стратим за плечи.

Королева дернулась всем телом. Сжалась, испуганно глядя на него. И зашептала что-то оправдательное. Он не услышал, — ни голос, ни мысль, — но понял, что просит невозможного. Выпустил острые хрупкие плечи и шагнул к выходу.

А там уже «Щиты», подхватив, тащили Зуброва с неистовой силой, так, что тот не успевал передвигать ногами. А, может быть, уже и не мог.

Плита падала. Оставшиеся в лифтовом зале тэра как по команде опустились, продолжив одиночную стрельбу с колена. Результативно, но Михаилу нужно было больше! Ещё больше! Но тэра остерегались стрелять на уровень «своих». Стервы бешено атаковали заслон.

Дух-дух, дух-дух — стучало в голове. Началась битва со временем за секунды…

Раз! Тэра нырнули под падающую плиту заслона, втащив раненного. Заслон упал.

Два! Михаил подлетел к другу. Упал на колени в уже натёкшую лужу и зажал в кулак плечо, глубоко и жестко вонзив пальцы в подмышку Юрия. Тот замотал головой, забился, мыча.

Три! Катько опустился рядом, разрывая перевязочный пакет. С другой стороны Родимец в темпе наполнял шприц. В ногах тэра пережал бедро над раной дёргающейся нервно ноги.

Четыре! Возле головы Зуброва тяжело опустился, почти упал, Яромир и положил ладони на виски раненного. Юрий прекратил биться и замер, смотря прямо в немигающие глаза одината. Рядом тэра накинул ремень на раненное плечо.

Пять! Стиснув зубы, Михаил, наконец, опустил глаза. Перебитая рука висела на ломте мяса. Красная, сочащаяся бахрома порванных мышц ещё пульсировала спазмом.

— Сирин? — облизал он губы.

Мысли в голове ворочались медленно-медленно.

Яромир, не отрывая взгляда от глаз Юрия, отозвался коротко:

— Нет! Это убьёт его! Режь!

Шесть! В висках заломило, а сердце ухнуло в воздушную яму.

Хватанул воздух ртом — легче не стало. Полевая хирургия. Экстренная ампутация дистальной части конечности.

— Пресветлый, — в плечо ткнулась рукоять чужого ножа. Наскоро очищенное лезвие отражало свет красных «солнышек», собравшихся одним созвездием. Михаил вытёр потную ладонь о штанину и взял клинок.

Семь! Тэра рядом зафиксировал плечо Юрия над жгутом. Михаил примерился, смиряя дыхание. Бросил взор на лицо друга. Лучше бы не смотрел! Юрий оставался в сознании. Глядел на мирно вращающееся созвездие солнц, словно боялся закрыть глаза и оказаться в темноте. Боялся на мгновение потерять контроль и потеряться в происходящем, поплыть по течению в никуда. Губы его дрожали, а по пятнистой от брызг коже текли слёзы и пот.

— Не тяни! — Яромир одарил тяжёлым взглядом. — У меня ещё двое лежат!

Восемь! Вдох!

С силой нажал на рукоять и потащил к себе. Мощный рез хорошо правленого лезвия в одно силовое движение развалил мясо. Только что ещё живое, принадлежащее телу, живому, сильному, через одно короткое движение стало чужим, мёртвым. Только что — рука друга, не раз пожатая, не раз поднимавшая стакан, не раз протянутая для помощи. Через мгновение — просто обрубок мяса.

Михаил отвернулся и бросил нож. С трудом сглотнул жар, предательски незаметно подползший к горлу. Взглянул. Зубров всё ещё был в сознании. Только зажмурился. Яромир отпустил его виски и ушёл к своим. Здесь остались только «таёжники» да Полынцев, спешно бинтующие раны.

Михаил подхватил новую упаковку бинта и стиснул в кулаке — полиэтилен лопнул. Достал бинт, наложил первый, круговой тур.

Подошла Стратим, опустилась на колени рядом.

— Время, — просто сказала она.

— Ага, — не отвлекаясь от перевязки, отозвался он.

Юра-сан лежал неподвижно, сквозь слёзы глядя на плывущие под потолком «солнышки». Магия, вложенная Яромиром, похоже, ещё действовала, умеряя боль. Родимец подрубал концы бинта, плотно, со сдавливанием, перебинтовав рассечённое до кости бедро. Катько туго перевязывал культю. Степан стягивал поверхностный рез на рёбрах.

— А где Батон? — обернулся Михаил.

— Нет Батона, — скупо ответил Катько, — Не вышел.

— Чёрт.

Михаил тупо уставился в заслон. Каменная стена, перегородившая путь назад, закрывала собой не только зал, полный врагов, но и где-то там упавшего, не заметно в кутерьме и суматохи боя, товарища. Вспомнил, как это было: Батон летит вслед пущенных ножей, сбивая по пути стерв, подбегает к раненому, подхватывает под руку, и… всё. Дальше его закрыли спины бежавших навстречу тэра. А спустя пару секунд они уже возвращались. Но Анатолия среди них не было. Он остался там, не сумев увернуться, или даже не успев заметить врага. Раненный? Убитый?

— Яр? — потянулся Михаил к одинату.

Ведущий щитов не отозвался. Он, так же, как минуту назад, сжимал голову раненного. Молодой тэра кривился от боли, но молчал, пока друзья бинтами плотно стягивали раны. На большее времени не было.

— Кто-нибудь видел, что с Батоном?

— Мёртв он, — неохотно отозвался Полынцев. — Поднял Зуброва, тут ему и прилетело. Чисто, голову смахнуло.

Михаил медленно кивнул. Вжался лицом в локоть. Не слёзы, нет. Просто глаза, сухие и горячие, словно песком осыпало. Стёр — вроде полегче стало. Прерывистое дыхание сбоку привлекло внимание. Обернулся. Магура, стоящая между людьми и заслоном, тяжело поводя боками, упиралась в стену руками-лапами. Исполосованное в схватке тело сочилось и дрожало. Ещё секунда и стерва свалилась на колени. Опёрлась о пол. Помотала головой, словно вытряхивая боль и страх. Свалилась на локти и сжалась, нелепо разбросав крылья, сразу переставшие казаться сильными, гибкими и изящными. Приподняла голову и протяжно застонала. Близстоящие стервы устало подтянулись к товарке, прижались, поддерживая. Кожа к коже, крылья к крыльям. Замурлыкали тихо, успокаивающе. Стояли и ждали, глядя на то, как закатываются глаза, как тише становится стон. Стояли, поддерживая, пока она не затихла и не обмякла. Когда отошли — осталась лежать фиолетовая глыба с заломленными крыльями. Словно скомканная салфетка, небрежно брошенная на стол спешащим клиентом.

— Время, — снова тихим колокольчиком напомнила Стратим, опустив ладонь на плечо.

Михаил поднялся. Мир пошёл радужными разводами среди наплывающего тумана. Не в первый раз жар сконцентрировался под рёбрами и тугим клубком пополз наверх. Михаил стиснул зубы, подавляя боль.

— Кирпич, несёшь Зуброва. Родимец — на подхвате. Инквизитор — замыкающим.

— Кто? — выдохнул Степан, откидываясь.

— Ну, не святым же батюшкой тебя называть! — хмуро отозвался Михаил, про себя чертыхнувшись оговорке.

Полынцев криво усмехнулся и, подхватив с пола катану, поднялся.

Кирпич, с помощью друзей, принял на плечи Зуброва. Михаила передёрнуло от тихого стона. «Ничего, Юр, ничего… Выберемся! Обязательно выберемся! Я ещё на твоей свадьбе гулять буду… Все выберемся! Обещаю», — стиснул Медведев зубы. Пьяное шатание мира перед глазами и дрожь в руках — не в счёт. До цели три шага. До смерти идти не надо. Как всегда, как в любой дороге — достаточно просто остановится и устало сесть, чтобы сдохнуть. Смерть — дама не гордая, она и сама прибежит. Оглядел поредевший отряд. Стратим. Два Сирина. Пять магур. Яромир. Шестеро «щитов». Полынцев. Маугли. Родимец. Кирпич. Юрка. И сам.

— Яр, готов?

— Пять секунд!

Тэра спешно тасовали патроны.

— Куда дальше, девонька?

Он посмотрел на хрупкую чёрную фигурку и вдруг понял, что за прошедший день что-то изменилось. То ли сама Королева стала острее и тоньше, то ли странное чувство близости появилось. Бывшая чем-то мистическим и чужеродным, она стала понятнее с того момента, как перестала казаться непобедимой и опасной.

— Туда же, — указала Стратим назад.

— Обратно?!

— Нет. Когда поднимется заслон, мы окажемся в Цветочном Зале. Перед троном Рарог.

— Магия? — кротко принял Михаил.

— Нет, — Стратим устало улыбнулась. — Лифт.

— Замечательно, — он преодолел себя и тоже попытался улыбнуться. Не получилось — только зло ощерился окровавленными губами. Повернулся к «щитам». Те уже были в сборе.

— Готовы. — Яромир пристроился рядом.

— Двигаем! — кивнул Королеве Михаил.

Стратим закрыла глаза, и каменная плита поползла вверх.

Глава 22
Феникс

Пряный ветер ударил в лицо. Медовый, ласковый запах трав и душистых плодов укутал душным одеялом. Засвербело ноздри, и от желания вздоха заломило под рёбрами, снова жаром потянулось к горлу. Брюшина напряглась, подтягиваясь почти под грудину. Михаил с трудом подавил кашель.

Синее небо с несущимися вдаль тёмно-сиреневыми тучами при рассмотрении оказалось иллюзией. Так же, как и колонны, уходящие в него. И яшмовый пол. И малахитовые стены. И ступенчатая пирамида с водружённым троном. Реальность же являлась в образе десятков магур, выстроенных строгими рядами, пестрых Сиринов над ними, шеренги Гамаюнов у подножья пирамиды, Алконостов возле престола и человека на нём. Пугающая недвижимость и тишина.

Михаил бросил короткий взгляд на своих. Впереди — Стратим, её Сирины и магуры. Яромир и Полынцев рядом, дальше с боков — тэра. За спинами, в кольце, раненые. Во все стороны — стволы и клинки.

— Я, может, чего не понимаю… Но на Королеву-Мать это мало похоже, — угрюмо сплюнул Михаил, держа под прицелом приоритетный объект.

Стратим обернулась. Глаза потерянные, в лице боль.

— Это Феникс, — звякнул тихий колокольчик. — Отец.

Медведев шумно вдохнул. Дыхание перехватило.

Понимание того, что сам вскоре станешь таким, просто вышибло на миг рассудочность и силу. Он, как и многие, хотел дожить до старости и умереть в своей постели, в своими руками отстроенном доме, в окружении родных и близких, но был готов, при надобности, помереть и в поле, среди друзей или просто зная, что смерть не доберётся до них именно благодаря его, пусть маленькой, но победе. И, когда мысль натыкалась на возможность провести последнее время жизни в параличе или безумстве, силы духа пасовали, подталкивая к спасительной идее эвтаназии или суицида.

— Кажется, я полюблю харакири… — глухо сказал Михаил.

Человек на троне походил на исхудавший анатомический манекен. Сухая старческая кожа в трещинах и морщинах нездорово белела. Почти лысая голова с выпирающими стыками черепных пластин, словно граненный подмастерьем камень, едва держалась прямо на тощей шее. Пряди волос, спадающие на

впалую грудь, редки и жидки, и даже не седы — почти бесцветны. Фигура настолько суха, что видны все мышцы, провисающие от недостатка движения тонкими лентами. И благо, что есть одеяние, скорее напоминавшее накинутый на плечи небрежно рваный мешок, чем тогу властителя. Человек поднялся на ноги и Михаил понял, от чего накатывала брезгливость. Лицо. Белые мутные глаза и блаженная улыбка идиота.

Стиснул зубы, процедив на выдох:

— Мать моя — женщина…

Яромир едва заметно толкнул плечо в плечо и, не поворачиваясь, сказал:

— Лет двести в вечной иллюзии и частые возрождения никого не красят.

— Полагаю.

— Тебя мы в этой клоаке просто так не оставим.

— Ну, спасибо, — сказал Михаил и тут же поправился: — То есть — не «спасибо», а «отплачу». Если смогу… То есть не «оплачу», а «отвечу добром»… В смысле…

Яромир усмехнулся и Михаил понял, что продолжать не следует.

Не успел толком оглядеться, как Стратим перед ним вздрогнула и начала заваливаться. Шагнул, подставил руки. Растеряно вгляделся в белое лицо. Королева тяжёло дышала, и её взгляд пронзал насквозь, словно силился рассмотреть что-то далеко за тучами.

— Обморок?

— Не похоже, — отозвался Михаил и, не тратясь на поиски застёжки, рванул жёсткий ворот обтягивающей одежды. Ткань натянулась до предела и, когда отпустил, запела тонко, словно скрипичный аккорд. Но не поддалась. Чертыхнувшись, повторил рывок. Со звуком лопнувшей струны полотно разошлась рваными краями, обнажив меловую кожу.

— О-па. — сказал кто-то рядом.

Между грудей на тонкой цепочке висело лезвие в форме месяца — куда не коснись — заточка. Михаил одёрнул порезанный палец и с недоумением пожал плечами — кожа Стратим оставалась целой и невредимой, не смотря на постоянное прикосновение изогнутой бритвы.

— Девонька, — едва прикасаясь, похлопал по щеке. Знал, что нужно сильнее, но не смог.

Стратим вздрогнула, приходя в себя, тут же спала с лица и потянула руки закрыться. И так это получилось естественно и невинно, что Михаил нахмурился и отвернулся.

— Не вовремя ты, — сухо сказал он. — У тебя тут поединок

впереди! Не время сопли распускать!

— Нет поединка, — тихо отозвалась Стратим, безуспешно пытаясь собрать рваный ворот.

— Что? — Михаил с угрозой повернулся. — А договор?

— А договор есть, — кротко ответила Королева и опустила глаза. — И сражаться я буду. Не с Королевой придётся, но всё равно… Для поединка я должна бросить вызов напрямую. А Рарог должна его принять. Но я не могу пробиться в её реальность. Их трое, а я — одна. Дорога закрыта.

— Не понимаю… Нужно ещё пройти — пройдём! Скажи — куда?

— Никуда, — устало ответила она, — Мы уже пришли…

— Девонька…

— Рарог здесь, в этом зале, — хмуро оглядываясь, вмешался Яромир. — Но и не здесь. Этот зал — всего лишь один из пластов реальности. На него наслоено ещё несколько. Как сэндвич. Мы находимся в этом сэндвиче все вместе, но Рарог — на одном этаже, а мы — на другом. Но лестниц здесь не предусмотрено.

— Значит, должен быть лифт! — Медведев сжал кулаки.

— Нашим лифтом была она, — кивнул на Стратим одинат. — Раз не может пробиться, значит, это и невозможно.

— Их трое, — повторила изгнанница и прикусила губу. — Все сёстры вместе, чтоб не пустить меня. Теперь будет просто бой. Бойня. Поединка не будет.

Михаил медленно оглядел зал. Стратим права. Бойня. С таким численным перевесом — никаких шансов. Но стервы молча ждали. Чего? Людям уже не меньше трёх минут давали возможность просто стоять, осматриваться и вкушать торжественное великолепие встречи. Явленные угрожающая мощь и неподвижность наводили на невесёлые мысли об ультиматуме. Либо — либо. А время давалось на то, чтобы осознать и сделать выбор.

Взгляд Михаила вернулся к Стратим. Маленькая потерянная женщина. Опущенные плечи и уставший взгляд. Ласковая улыбка сквозь слёзы и мирно покачивающиеся локоны-змеи над белой грудью. Она показалась похожа на кошку, замёрзшую голодную кошку, заклубившуюся на подоконнике дома, из которого уехали хозяева. Или даже на котёнка. Беспомощного и напуганного. Его хотелось взять на ладонь, так, чтоб мохнатые лапы свесились меж пальцев, а узкая мордочка ткнулась в запястье. Беззащитно и доверчиво. Или, хотя бы, схватить за плечи и прижать к себе. Успокоить.

Он не успел приблизиться.

Человек на троне встал. Трудно и тяжело, трясущимися

руками опираясь о подлокотники роскошного кресла. Выпрямился, пошатываясь, словно тело забыло, что такое равновесие. Простёр дрожащую руку. И заговорил. Он лепетал, нелепо подёргиваясь, словно марионетка в сети верёвок, шамкая кривящимся ртом, с оттянутыми непослушными губами, останавливался на полуслове для того, чтобы отдышаться, и снова продолжал трудно говорить. И слова комкались и ломались до неясных звуков.

— Что он там бормочет? — хмуро высунулся Полынцев.

— Вещает о том, что он — Царь великого народа и долго ждал нас, изменников и предателей, для показательной казни, — прислушавшись, отозвался Маугли.

— Весело. Спасибо, — вежливо отозвался Степан. — Очень вдохновляющее начало.

— Знаешь язык? — спросил Михаил.

— Старославянский, — коротко ответил Маугли и продолжил переводить: — Изменница будет сослана в монастырь для замаливания грехов на веки вечные. Князя приблизят и обласкают. А командира его армии четвертуют в назидание. Другим просто отрубят головы.

— Командир — это ты? — повернулся Михаил к Яромиру.

— Ага. А ты — князь.

— Меня не тянет быть им обласканным.

— Не им, а Рарог, — вмешалась Стратим, устало вставая рядом. — Он — ничто. Всё решает она. Для него просто создана реальность, в которой он — король и принимает решения. Все решения — это решения Рарог. Он лишь голос её. Он даже видит не нас, а только созданные образы. И с твоим приходом доживает последние дни.

— А Рарог нас слышит?

— Слышит.

— Замечательно, — криво усмехнулся Михаил и шагнул вперёд. Коротко кивнул Всеволоду «Переводи!»: — Царь великого народа! Мы пришли не для войны! Мы не изменники и не предатели! Всё, что вело нас — известная всему миру слава красоты сладкотелой! Её голос подобен шёпоту заблудившегося ветра в поющем тростнике! Тело равно амфоре, наполненной полынным мёдом, собранным в жаркий день перед ливнем! Её груди…

— Топтыгин, ты в ударе, — угрюмо прокомментировал Кирпич.

— Жи-жить за-захочешь, — отозвался Родимец.

— Заткнитесь! — процедил Михаил, — И так фантазия пасует. Её груди…, - вспомнился рваный ворот, серебреное

лезвие-месяц и два белых холма, привлекающих руки. Встряхнулся, изгоняя видение: — Её груди — два спелых плода с запретного дерева! Её бёдра — крутой склон под ногами неловкого путника! Её глаза…

Феникс закричал, замахал руками. Упал в кресло и, словно обиженный и напуганный ребёнок, с ногами забился в дальний угол. Вскинул кулак — магуры привстали и неторопливо двинулись к людям.

— Довольно, — равнодушно перевёл Всеволод. — Ты и только ты увидишь её после того, как остальные умрут. Я хочу узреть, как будут визжать под пытками твои люди, а ты будешь на коленях молить Полнотелую о милости для них и себя.

— Ясно, — коротко ответил Михаил.

За прошедшую неделю он внутренне готовился к смерти, мысленно облачаясь в чистое исподнее и прощаясь со всем, что дорого, уже раза три. И каждый раз был уверен, что вот он и настал, тот самый предел жизни, за которым вера превращается в реальность и фантазии о загробном мире подтверждаются или опровергаются, убивая надежду. Каждый раз надеялся, что на его гибели мир остановится, и смерть вполне удовлетворится им одним, не пройдя дальше, к тем, кто стоит за спиной. Но теперь получалось наоборот. Ему предстояло провести неведомое время либо в спасительном безумии, либо в глухой безнадёжности. А вот товарищей, прошедшим бок о бок суровый путь сюда, ожидала смерть, которую и врагу не пожелаешь. И главное — выхода нет. Даже, если сам себе сейчас пулю в висок загонишь, оживят и заставят глядеть на то, как уходят друзья. Да как бы в наказание не продлили их мучения…

— Боры! — смотря на подходящих стерв, громко сказал Яромир. — Освобождаю вас от слова жизни! Умрите в схватке!

После секундного замешательства тэра отозвались нестройным многоголосьем:

— Освобождаем от слова жизни, Тур! Умри в схватке!

Яромир кивнул, что принял.

Усталость и безвыходность заполнили, утяжелив и так опущенные плечи. Магуры надвигались, как механизмы, необратимо и размерено. Не торопились, то ли прекрасно понимая, что им деваться некуда и наслаждаясь моментом, то ли всё же чего-то опасаясь. По спине Михаила поползли капли пота, ноги задрожали, а в руках ходуном заходил ствол. Усталость. Хватило бы сил на последний рывок!

— Всё, — равнодушно сказала Стратим. Оглянулась на миг, кинула взгляд — глаза оказались тусклы и пусты.

— Ну, дамочка, — мрачно усмехнулся Полынцев. — Для тебя-

то не всё. Ссылка — не смерть.

— Королевы — матери. Их убивают в исключительных случаях, — устало отвернулась она. — Сейчас — исключительный.

Михаил посмотрел на тонкую фигурку и внезапно понял, что до этого дня воспринимал её выше и сильнее. Только теперь осознал, что нелепое «девонька» приклеилось к языку и срывалось к месту и не к месту совершенно не случайно. Королева и казалась маленькой и хрупкой. Девочкой ли, девушкой, девой? Девонькой. Пусть её возраст, наверняка, и по меркам её народа, переваливал за тот юный, цветущий, когда всё кажется созданным из плюшевых слонов и розовых облаков, но… Маленькая собачка до старости щенок. И она оставалась полной сил и желания переделать мир по сердцу. И сердце это ещё не знало толком ни любви, ни не-любви. Оно было заполнено силой без знака, ни позитивной, ни негативной, просто природной, дикой силой, подчинённой странному рассудку и строгой цели.

— Крепись, девонька, — сказал он в гордо распрямлённую спину. — Ты сильная. Выдержишь. И ещё найдёшь возможность выиграть.

Игнорируя подходящих воинов-стерв, Стратим развернулась. Быстро, словно отпущенная пружина. Посмотрела, как обожгла. В одну линию сжала губы и отвела взгляд:

— Не то страшно, Влекомый, что проиграла… А то, что тебя теряю…

Пушистые ресницы вздрогнули, заблестев. Михаил замер, глупо задеревенев на месте.

— Здесь хоть у кого-то башка варить начнёт?!

Зубров выпрямился, пошатнулся и, собравшись, двинулся вперёд, мимоходом забрав меч у Полынцева — тот только охнул, когда рукоять, подхваченная хозяйской рукой, вырвалась из кулака, больно скрутив кисть.

— Яромир! Растудыть тебя в качели! Тут два Отца! Соображаешь? — и Юрий встал меж магурами, продолжающим молчаливую психологическую атаку, и Медведевым. Катана со свистом рассекла воздух перед ним в известном жесте — тут не пройдёт никто.

Яромир «соображал» недолго. Обернулся, встретился взглядом с Михаилом. Уголок рта дёрнулся. Рука взлетела в приветствии.

— Боры!

Одного клича хватило, чтобы сорвать с места людей. Тэра осели назад, заряжая пружинной мощью ноги, и тут же с криком вырвались навстречу неторопливым стервам. Бегом, полностью

выкладываясь. Уже в беге начали стрелять. Всеволод припоздал, задержавшись на миг, кинув взгляд на Михаила- но быстро догнал ведущего «щитов».

— Нет, — охнула Стратим: — Отец священен!

— Не для нас! — отрезал Зубров. — И это единственный способ сровнять шансы!

Михаил дёрнулся вперёд, но напоролся на вооружённую руку Юрия. Зубров локтём ударил в грудь и потеснил назад:

— Один шанс из тысячи. Но тебе туда нельзя!

С кровоточащего через повязку обрубка на пол упали просочившиеся капли. Страж терял силы и жизнь, решая в этот момент за всех. И единственный имел волю и знание что-то исправить. Медведев, стиснул зубы, мгновение сражаясь с собой, а потом отшатнулся и поднял пистолет. Для этого оказываться в гуще боя не требовалось. Перед мушкой вертелась схватка. Словно под лопастями миксера — магуры взлетали, опускались, нападая на бегущих к трону. Люди сражались со скоростью, смазывающей сияние лезвий в искрящиеся дуги. Вертелось в пространстве винтом — магуры, люди и бьющая кровь, усеивающая пространство. Она, чёрная в неярком свете, насыщала мир, становясь полноправным участником бойни. Глаз. Гениталии. Глаз. Гениталии. Глаз…

— Мать твою, Юрка… — не отрываясь, прошептал Медведев, — Там же всех замесят!

— Юр-сан, — выдвинулся Катько. — Это ж наши! Наших убивают, Юр-сан!

— Подождите, ребята… — глухо отозвался Юрий. — Христом-Богом прошу — подождите! Сейчас всем работа найдётся. По самое «не могу!» нахлебаетесь…

— Ждем чего? — Полынцев нервно перекидывал с руки на руку нож. — Чего ждём?

— Алконостов! — коротко ответил Зубров. — Их нужно стянуть от трона!

— Чёрт! Да это невозможно!..

Стоящая рядом Стратим опустила голову. Тронула рваный ворот. Нащупала лезвие и сдёрнула его. Блестящая цепочка лопнула гнилой ниткой. Маленький клинок-месяц, сверкая крутыми гранями заточки, словно бриллиант, хищно оскалился на ладони. Закусив губу, Стратим резко сжала руку. Из кулака побежали капли крови. Королева кротко взглянула на Зуброва:

— Стрелять бесполезно. Защитная сфера. Поглотит летящее неживое. Прикоснувшегося живого отбросит заряд прямой силы. Нужно медленно…

— Ясно!

— Прощай, Влекомый, — кинула Стратим через плечо.

— Девонька…

Звенящий миллионом бубенцов визг потряс зал. Он усиливался и истончался, быстро переходя за границу слышимого. Уходя туда, откуда не доносилось ни звука, но тело ощущало каждой клеткой силу крика стервы-королевы. Мышцы расслаблялись, оплывая. А кровь в голове с мощью приливной волны билась о черепные своды. Смешалось и замерло мироздание. Скрючились, упав, люди, попавшие под звуковой удар. Свалились, нелепо расправляя крылья, магуры. Тяжело дыша, сложились Сирины. Гамаюнов прижало к ступеням пирамиды, как к нерушимому рубежу. Отец, оплывая на троне, нелепо открыл рот, глотая воздух, будто последнее лекарство.

— Девонька… — хватаясь за голову, в нелепой надежде удержать её от взрыва, прохрипел Михаил. И сам себя не услышал.

Стратим выдохнула остатки отравленного криком воздуха. Глубоко вздохнула, подняв плечи, и… расправила крылья. Огромные, чёрно-радужные, как масленая плёнка на воде, тонкие и хрупкие, с едва приметными разноцветными прожилками, словно крылышки стрекозы, они разорвали одежду до талии. А над ними, под клубком рассерженных змей, собирающихся в живую чешуйчатую корону с зубьями-головами, запульсировал круторогий месяц. От него во все стороны тянулись тончайшие нити света. Такие яркие, что, казалось, можно о них порезать пальцы.

«Месяц под косой блестит, а во лбу — звезда горит!», — вспомнил Михаил.

Поведя обнажившимися плечами, преобразившаяся Королева двинулась к трону. Она шла, не торопясь. Но, как обычно, её не успевали остановить. Ни Медведев, шатнувшийся вслед и упавший, не удержав равновесия, ни цепляющиеся за ноги магуры, над которыми она проплыла чёрным лебедем. Она двигалась по кратчайшей, и с каждым шагом в её стремлении пробуждалась грозная опасность.

Оглушённый Феникс на троне закричал, забившись в истерике. Сирины вспорхнули и прыснули от трона, словно бабочки, вспугнутые с клумбы. Гамаюны разом раздались в стороны. И только Алконосты — зубы и когти Рарог — одновременно шагнули навстречу отступнице. Шесть против одной. Притопнув, взвились в воздух; расплавившись в металл, преобразовались в стрелы и обрушились на Стратим.

Огромные траурные крылья королевы-отступницы взмахнули, одарив шквалом тронную пирамиду и человека на ней, и чёрная

стерва поднялась под нарисованные облака, уйдя от атаки.

Алконосты шестью серебристыми каплями ударились об пол и обернулись в гигантских грозных птиц. Быстрые крылья хищниц светились металлическим блеском под искусственным солнцем и отражали фиолетовые тучи. Все шесть поднялись в небо быстрыми ястребами, размерами не уступающими Стратим. Заметались, закружились в вихрях птичьего боя. Чёрные прозрачные крылья королевы сталкивались с серебреными перьями.

— Стянули Алконостов! — победно закричал Михаил, разворачиваясь к Юрию.

И тут же охнул, скрючиваясь. Друг, не меняясь в лице, с размаху всадил рукоятью катаны ему под дых. Хватая воздух, Михаил свалился на колени.

— Не лезь туда, — коротко сказал Юрий. — Прощай.

Зубров, вскинув катану и раззявив рот в диком оре, с которым не в атаку — в преисподнюю идти, — двинулся вперёд. Уже через мгновение его обогнали бешено орущие Катько и Полынцев. Рядом пошёл Родимец. Не тратясь ударом и выстрелом на ещё оглушённых магур, таёжники помчались через пространство боя к трону.

Медведев тяжело поднялся на ноги. Двигаться уже было можно, но в глазах двоилось. И он вглядывался, стремясь понять в общей кутерьме диспозицию.

Изловчившись, птица-Алконост ринулась на Стратим сверху, пророщенными из тела металлическими стержнями вонзаясь в трепетные крылья. Королева закричала, изгибаясь от боли. Надорванное полотно крыл задрожала от встречного ветра с земли. Вращаясь, Стратим обрушилась. Серебристые ястребы, не отставая, преследовали её.

— Девонька!

Хватанув воздуха, Михаил кинулся в гущу боя. И магуры изгнанницы, оставленные телохранителями, завопив, стронулись с места. Сознание ещё успевало заметить происходящее вокруг, но главным оставалась только падающая женщина под шлейфом порванного чёрного шифона.

Тэра, кто сумел подняться, встали кругом, стягивая на себя враждебных магур. Ножи и короткие мечи крестили пространство на смерть и боль.

Стратим падала.

Маугли в стороне от круга, стоял над упавшим ведущим «щитов», на последнем дыхании защищая его от напирающих воинов-стерв. Одинат пытался приподняться, подтягивая ноги, но всякий раз сваливался, не сумев оторваться от пола. Лицо его

затекало кровью из резанной раны головы. А вокруг валялись грудами положенные им на пару с ведомым магуры.

Стратим падала.

«Таёжники» шли напролом. Случайная Сирин заверещала, наколовшись бабочкой на нож. Второй удар играючи смахнул голову с тонкой хрупкой шейки. А Гамаюн, успевшая прикрыть трон, под взвизгнувшей катаной развалилась на ломкие части, фаянсовыми осколками упавшими на ступени.

Феникс закричал, поднимаясь на троне. Вцепился руками в высокую декоративную спинку и запричитал, с ужасом глядя на приближающихся.

Стратим падала.

Магуры, обогнув Медведева, взвились в воздух, подставляясь под падающую властительницу. Удар обрушил их на землю, поломав и без того израненные тела. Они тоскливо закричали и приникли к полу, боясь пошевелиться от боли. Как на гамаке, на распластанных фиолетовых крыльях своих воительниц, лежала замершая Стратим. Волосы раскинуты, крылья — полотнища праздничного шарфа, — разодраны.

А на троне вопил Феникс.

Алконосты, забыв об отступнице-королеве, кинулись на защиту Отца. Бешено спикировали на восходящих по пирамиде людей. Сбросили двоих назад. Только однорукий страж, невероятно изогнувшись, пропустил удар птицы мимо. И остался на ступенях.

Когда Михаил подбежал — Стратим уже почти оправилась от удара и пыталась подняться. Вскинул голову на свист. Несколько Алконостов пикировали на поверженную отступницу.

— Девонька!

Стратим обняла его за шею, и Михаил выдернул её из хаоса поломанных крыльев, словно дюймовочку из помятого бутона. Выдернул и, вскинув на руки, побежал от постанывающей кучи-малы. Вовремя — серебренные перья осыпали мир. За спиной взвыли магуры, получив новый заряд боли. Крик и свист ближе, ближе…

Стрела ударила в плечо. Да так, что удержаться на ногах не смог. Рухнул на колени, выставляя руки, накрыл выпавшую Стратим. Над головой заклёкотала, запричитала хищная птица.

Застонав, Михаил развернулся и двумя руками вцепился в наконечник, выходящий из-под ключицы. Стрела пробила, да засела, наполовину выйдя из тела.

«Задела артерию? Не задела? Задела? Не задела?» — тукало в висках.

Гладкий серебряный кончик острия, липкий от обильной

крови, никак не поддавался, выскальзывая из ослабевших пальцев. Михаил зажмурился, откидываясь на спину. Боль пульсировала в плече, руки слабели с каждым движением всё больше. Едва хватило сил рывком подползти к неловко приподнявшейся Стратим.

— Влекомый!

«Даже, если сейчас сдохну, оживят… А как было бы здорово развалиться на травке, на солнечном склоне над тихой речкой… Здорово… А как же Феникс?! Если его убить — тоже возродят? Хотя нет, он слишком стар. Но речка — это да… И солнышко… И травка… И чтоб руки не мёрзли…», — поплыло сознание. Собрав волю в кулак, приподнялся и огляделся сквозь красный туман перед глазами.

Родимца и Полынцева гнали атакующие с воздуха птицы-Алконосты. Те фактически не оборонялись — смысла не было рубить металл металлом, — только ускользали перед носом пернатых врагов. Удавалось с трудом. Усталость и раны давали о себе знать.

Зубров отмахивался от подходящих Гамаюнов и магур, медленно спиной вперёд поднимаясь по ступеням.

Катько с диким ором махом взлетел по пирамиде — в одной руке нож, в другой — перо. Рыкнул, прыжком преодолев последние метры. Взмахнул правой, рубанул неистово верещащего на троне Феникса. Сейчас!

— Нет, Кирпич! — закричал Зубров, оборачиваясь.

Рука и корпус Катько провалились во внезапное радужное сияние. Он ввалился в свет наполовину, входя трудно, словно в вязкое масло. Сияние натянулось тугой волной, заискрило, осыпая пирамиду и окружение яркими искрами, и, будто вздохнув, вытолкнуло человека. Сильнейший удар выбил Кирпича, как выплюнул, от трона. Оплывая и складываясь, он осел на лестнице и покатился вниз обожжённым, сломанным телом. Прямо под ноги поднимающихся магур.

— Кирпич…

Зубров перехватил катану и, шатаясь, пошёл наверх.

— Юр-ка! — прохрипел Михаил.

С трудом стал подниматься.

Стратим за спиной всхлипнула, поддержала под плечи, когда он потерял опору, и встала сама. Поднялась, словно не было пикирующих птиц и осыпающихся стрел — не закрываясь, во весь рост. На миг её окутало сияние, но тут же рассеялось — королева обратилась птицей. Просто птицей. Чёрное воронье крыло и взъерошенные перья. Простые, обычные. Только окровавленные, как после свары с кошкой. Подлетевшие Алконосты попытались

прижать её к земле, но побоялись задеть Влекомого, и с обиженным клёкотом поднялись выше. Королева трудно взлетела.

Михаил, держать за стрелу в теле, побрёл к пирамиде. Мир шатался влево — вправо, влево — вправо…

Зубров шагал наверх. Ступень — шаг. Ступень — шаг. Ступень — шаг. Ступень… Он не заметил и не понял, как рядом оказались друзья. Когда перед ним растелилась площадка с троном, за его спиной уже сражались Родимец и Полынцев. А в небе над троном металась огромной траурной птицей Стратим.

Феникс тонко заверещал, когда Зубров оказался рядом. Страшно это, когда человек с обрубком плеча, сжимая меч в оставшейся руке, движется на тебя. И нет на его лице ни злости, ни страха, только бесконечная усталость и осознание цели.

Юрий подошёл к сиянию вплотную. Дошёл до самой границы и остановился, не двигаясь. А потом поставил острие меча перед собой и, улыбнувшись, кольнул воздух, будто иглой вену — коротко и неторопливо. Скос японского меча раздвинул волокна радужного света и потянулся к человеку на троне. Феникс вжался в спинку кресла, подтягивая к корпусу непослушные конечности, зашептал что-то оправдательное.

Не замечая суеты битвы, Зубров подавливал меч неторопливо и уверенно. Пока кончик не упёрся во впалую, трясущуюся в рыданиях грудь. Там он замер. Двигаться вперёд было некуда. Радиус сферы равнялся длине меча.

— Юр-ка!

Михаилу оставалось совсем немного до пирамиды с троном. Всего чуть — шагов пятнадцать!

Юрий усмехнулся и шагнул.

Сияние на миг ослепило и поглотило Зуброва, меч, Феникса, трон. А через мгновение дикий ор стерв заглушил предсмертный хрип безумца. Юрия отбросило уже мёртвым.

— Суки! — захрипел Медведев. — Жрите, суки! Хрен вы теперь меня получите! — и собрав в непослушные пальцы скользкое острие, рванул стрелу из плеча. От ярой боли рухнул на колени, начал хватать ртом воздух — не полегчало. В плече запульсировало жаркой ломотой. Сложился пополам, чувствуя, как холодит сердце. Последнее, что увидел, как кровь толстой струёй полилась на пол.

Глава 23
Отец

Он был Человеком-в-колодце, смотрящим на белые звёзды и далёкие миры, в одночасье превращающиеся в такие же каменные холодные колодцы, из которых пытливо заглядывали в душу такие же человеки…

Он был Лесом. Старым, дремучим дубовым лесом, скрывающим в морщинах коры мудрость земли. Лесом, цепляющим узловатыми ветвями-пальцами сизые облака, и ласково подставляющим ладони листьев под нежные брюшка птах. Роняющим потрескивающие жёлуди под ноги зверью и редким путникам. Вздыхающим ветер и свет звёзд, и знающим, что где-то на свете есть человек, бегущий к солнцу…

Он был ножом. Уверенным хищным клинком, знающим цену страха и боли. Умеющим вгрызаться в жизнь и вытряхать её из плоти. Клинком, который любил прижиматься к хозяйской руке. В бою ли, в работе, да просто для того, чтобы покрасоваться! Но — быть с ней. И, когда настало время понимания и необходимости предостережения, он не сомневался ни мгновения, покидая ладонь и наваливаясь ему одному известной слабиной на острую грань…

Он был Лунем. Седовласым Лунем, ночь за ночью проводящим над листами мироздания, мечтая разглядеть следы небывалого. Лунем, зажигающим свечу в лампе, и долго сидящим над загадками земли и неба, мусоля бороду и по старой привычке кусая губы и хмуря брови….

Он был Каплей, летящей по серебристой дороге в бесконечность. Капля знала, что внутри неё бежит беззащитный человечек, не ведающей о тяжести взлёта и падения, об опасности пути вне трассы. И нежно смыкаясь вокруг ранимого тельца, капля обнимала его свой податливой плотью. Она хотела защитить бьющуюся в клетке душу…

Он был Дождём. Старым худосочным ливнем, целеустремлённо шагающим по травам и камням тонкими ногами, словно землемер. Иногда забывающим, куда шёл, и долго топчущимся на месте, превращая мир в болотце. Дождём-растеряхой, рассеянно путающим растения и зверей, и поливающим и тех и других, с надеждой на быстрый рост и благодарное благоухание. Дождём-бродягой, который мог позволить себе шляться, где вздумается…

Он был старым Тэра, на последнем своём шаге в темноту не

несущим на плечах груза стыда. Только сожаление, что сердце, так ровно горящее и трудолюбиво стучащее всю жизнь, отказало именно тогда, когда его рука надобилась для защиты и боя. Но, себе он мог признаться, смерть в бою оказалась легче и ценней, чем могла бы…

Он был Мотыльком. Мотыльком, летящим к свече. К огромному белому шару сплошного света, в котором сгореть — значит возродиться в следующей жизни обновлённым, чистым, лишённым оков трёх измерений. Мотыльком, который опасался только одного — что страшная птица окажется проворнее, найдя его хрупкое тело до того, как его примет шар сплошного света…

Он был Магурой. Любящей и нежной девочкой, ещё не вошедшей в пору зрелости тела и ума. Восхищённой до трепета не вполне окрепших крылышек от выпавшей ей участи быть рядом с Королевой, пронизывающей светом любви одним своим присутствием. Ловить её взоры, направленные, как казалось, в самую глубину естества, и чувствовать, как нутро переполняет жаркой лавой наслаждения…

Он был Братом. Братом, смотрящим в чёрное небо над фиолетовым пиком и жаждущим разглядеть звёзды. Братом, чьё сердце бешено колотилось, и в этой бьющейся метрономом вселенной не оставалось места окрику-предостережению. Звёзды так близки, что протяни руку, и они сядут на ладонь. И можно уже никогда не ходить по земле, если звёздная паутина ляжет под ноги забытыми картами улетевших ангелов…

Он был Командиром.

Пресветлым.

Другом.

Мужем.

Братом.

Он был Михаилом Медведевым.

Он был…

Он есть.

Михаил открыл глаза и тут же зажмурился. Но и краткого взгляда хватило, чтобы понять, что солнечный луч, разбудивший теплом на веках, пригрезился. Неба не было. Только серый каменный свод, под которым носились разноцветными стайками ручные «солнышки» стерв. Словно воздушные шарики, отпущенные неловким торговцем.

— Как себя ощущаешь?

Облизывая губы, Михаил задумался — и вправду, как? Тело ныло, и, отказываясь служить, казалось живым фаршем, набитым в оболочку теста. Вспомнив последнее мгновение перед потерей сознания, потянулся руками к ключице. Ладонь остерегающе

схватили, прижали к груди:

— Не береди. Ещё не затянулась.

Расслабившись, Михаил снова облизал губы. Всё-таки рана была реальностью. А значит, и смерть тоже. Вспомнив Феникса, Михаил настороженно прислушался к себе. Признаков безумства после воскрешения не заметил, но это не успокоило — мало ли на каком по счёту оживлении даёт о себе знать возникающая «дурка»! «Впрочем, — усмехнулся он, — Это не имеет значения. Сколько бы ни воскрешали, однажды придётся остановиться. Отец, склонный к суициду, — не только кандидат в безумцы, но и плохой генетический материал. Они будут Зуброва до скончания веков помнить!».

— Как он?

Знакомый колокольчик заставил встряхнуться. Михаил совладал с телом и открыл глаза. Стратим рядом не было. Склонившийся над ним старик уверенными пальцами пробежал по его лбу, вискам, шее и ободряюще улыбнулся в пустоту:

— Угрозы жизни нет.

— Кто вы? — настороженно спросил Михаил, разглядывая сухое морщинистое лицо, окружённое волнами седых волос.

— Елисей.

— Вы — человек?

— Гм… Странный вопрос! — старец оторопело почесал нос, — А могу быть кем-то иным?

— Тэра, например…

— А есть разница? — с лукавой улыбкой поинтересовался Елисей.

Михаил устало усмехнулся и покачал головой. Разницы не было. Стервы, тэра, люди, деревья, звёзды, звери, птицы, ангелы… Обняв мир одной кончиной, он увидел, что всё состоит из паутины предельных смыслов — жизни и смерти, солёно замешенных на любви. Он был центром её вселенной. Был им не за что-то, не потому что являл особенность или раздавал авансы, а просто так. Каждый, кто шёл рядом, прикрывал его, дарил надежду и надёжность, оставаясь рядом, делал это не за его поступки или высокоценный рассудок, не за что-то, а для чего-то. Для того, чтобы сидящий под грудиной маленький незримый жёлудь, чьё тихое потрескивание они слышали, смог однажды раскрыться, пропустив росток. Они держали его в клетке защиты и понимания, направляя и влияя напрямую и косвенно, правдой и ложью, ничего не требуя взамен, и даже не будучи уверены в успешности своего труда. Так пахарь разбрасывает зёрна, не зная, какая земля их примет — каменистая сушь или плодородная почва.

Приподнялся на локте, огляделся. Спины, ноги, вооружённые руки… Словно и сама судьба оберегала, из раза в раз располагая в тесном защитном кругу. Пока крутил головой, подошёл неизвестный, от которого веяло силой ничуть не меньше, чем раньше от Яромира. Силой и опасностью, хотя он единственный не носил ни меча, ни автомата. Зрелый, мощный, тугой, как клубок стянутых жгутов, удерживаемых невидимой рукой — отпустит, и развернуться во весь зал, хлеща и сминая. Воин склонился, внимательно разглядывая Медведева. Тот, не смотря на своё горизонтальное положение, бесшабашно ответил уверенно-смешливым взглядом. Теперь он уже мог себе это позволить. Незнакомец кивнул, будто принимая что-то недосказанное, и представился:

— Стоян Тихий, Ведущий «мечей» Ростислава-Сокола.

— Рад, — коротко ответил Михаил. — Откуда вы здесь? Все же порталы перекрыты!

— Мы — оттуда, — Стоян головой указал на вход с развороченной стеной. — Юрий-Чудотворец пробил новый туннель. Всего в полутора километрах от Гнезда. Дошли быстро…

— Что тут происходит?

— Происходит не-пойми-что. В самом разгаре. Если поднимешься сейчас, то ничего не упустишь.

Михаил не стал медлить. Перевернулся на бок, на живот, подтянул под себя ноги, начал разгибаться. Стоян с интересом наблюдал за его слабыми ещё движениями, однако помогать не спешил. Михаил поднялся, под полный вздох ощутил, как жаром заполняет грудную клетку. Прислушался к себе — очаг пылал, опаляя рёбра, но кашель так и не появился.

Огромный тронный зал оказался заполнен почти до отказа. Ближе всего находились «мечи». Тэра держали оборону вокруг оставшихся в живых людей и нескольких тел, которые, видимо, успели принести в кольцо. Это радовало. Оставлять своих мёртвых врагам — бесчестье равное трусости. Дальше, возле тронной пирамиды, оказавшейся монолитом чёрного камня, находились стервы, — рядовые и старшие. Ряды магур, Сиринов, Алконостов. Стратим стояла с поникшей головой на первой ступени пирамиды в окружении двух сестёр, равных ей, но одетых в красные одежды, облегающие фигуры. За ними высились тощие мумии горгоний. И выше, возле опрокинутого трона… Кинув взгляд, Михаил прикусил губу — отвести глаза не нашлось сил.

Прекрасная птицедева смотрела на него глазами восхищения и безграничного доверия. В первую очередь выделились именно глаза — огромные, как озёра, влажно-блестящие, живые. И только потом Михаил смог увидеть лицо и разглядеть тело. Платье — не

платье, шлейф — не шлейф, а какая-то путаница снежно-искрящейся прозрачной ткани обволакивала её. Вроде и одета, но при малейшем движении свет «солнышек» проникал за взбитое облако чудесного материала, обнажая и расцвечивая совершенную фигуру. Тело богини, королевы, блаженства, воплощённого в плоть. Всё, что хотелось, — это прикасаться, сливаться, каждой клеткой кожи, соединяться дыханием. Он не просто вожделел её, он хотел просыпаться рядом, дышать с ней в такт, делиться теплом в самую холодную ночь, дожить до старости, всё также нежно подавая её руку на вечерней прогулке и умереть на её коленях, когда настанет срок. Внезапно накатившее желание прожить с единственной женщиной всю жизнь, всю без остатка, потрясло его. Ему оказалась нужна только она…

…Она стояла, такая нежная и хрупкая в своём любимом лиловом платье, зябко куталась в накинутый на острые плечи плащик и теребила букетик сирени, сорванной рядом, в городском саду. Она с волнением смотрела на часики, добротную «чайку», подаренную им на заре отношений, притоптывала ножками в излишне лёгких для осени туфельках в тон платью и заглядывала в окна подходящим машинам. Она покусывала мягко очерченные губы под розовой помадой, поправляла локоны, которые нещадно трепал ветер, сбивая с таким трудом собранную причёску. И, возможно, неосознанно прикасалась горячей ладонью к чуть-чуть округлившемуся животику…

— Наташа!

Окно в сизых разводах дёрнулось, когда дежурный «ПАЗ» встал на остановке. Она, не скрывая слёз, счастливо засмеялась и бросилась навстречу, ещё легко и свободно, но уже со странной бережливой грацией, доступной только самым счастливым женщинам. Будущим мамам.

— Наташка! Наташенька! — зашептал он горячечно, вырываясь из пут ремня безопасности. Дурацкая система никак не хотела отпускать, клавиша вдавливалась, а замок всё также жёстко держал широкие стропы. Он рванул лямку, надеясь порвать.

— Уймись, Отец! Это морок! Уймись! Не она это! Не она, слышишь?! — шептал водитель, странно кривясь, и корявыми, но сильными руками пытаясь удержать его на кресле.

— Наташка! Я сейчас! Я уже иду! Я вернулся! — бешено рвался он, отталкивая водителя и пытаясь порвать ремень.

Она протягивала ему сирень, она шла, словно плыла, словно входила в него через глаза, жаркое дыхание и влажные поры. Она заполняла его ночным лепетом под короткие вздохи, под

стиснутые мокрые простыни и жаркие прикосновения тел.

— Стой же ты!

— Отец!

Колокольчик? Звон выпавших монеток?

Он удивлённо обернулся. Рядом с остановкой стояла девушка. Чёрная куртка над обтягивающими джинсами, стопка учебников в одной руке и маленький трёхцветный котёнок в другой. Девушка смотрела, закусив губу. Во взгляде плескалось целое невыплаканное море. И чем-то неуловимым, неясным она казалась хорошо знакомой, даже родной. Такой родной, что с радостью бы назвал сейчас сестрой или подругой… Только вот никак не мог вспомнить — кто же?

— Иди ко мне! — позвала Наташа. — У меня для тебя подарок! — и, словно по барабану, похлопала ладошкой по большому животу. Михаила передёрнуло. Сочетание жеста и внезапной улыбки превосходства так не шло Наташе, его Наташе, что захотелось подольше остаться в тисках упорного ремня и что-то немо кричащего водителя.

Снова звякнул колокольчик.

Девушка в чёрном со вздохом опустила руки и книжки полетели на осенний асфальт, словно черепицей усеянный листьями. Разлетелись, открываясь, на ветру шелестя страницами. Котёнок с бубенцом на голубой ленточке спрыгнул вниз. Пушистой лапой растрепал листы. Выпала картинка неба с созвездием лебедя. Котёнок примерился укусить царственную птицу за светящийся хвост, но передумал и забил лапами, заиграл, захлопывая фолиант. «Славянская мифология» — значилось на обложке.

— Отец!

Бубенчик на ленточке снова звякнул, привлекая внимание. Знакомо, ласково прозвенел. И тихий котёнок сел, грустно развесив уши и поникнув усами. Михаил потянулся к нему, желая утешить, погладить, взять на ладонь и унести в дом…

И внезапно котёнок показался единственным живым из всего, что окружало. Единственным, на кого стоило тратить крохи любви, жгущие сердце.

Михаил встряхнул головой.

Лиловое платье, сирень, окно в сизых разводах, чёрная куртка, остановка, котёнок, книги…

И открыл глаза.

Давящим на плечи ремнём оказались крепкие руки сдерживающих тэра.

Водителем, настойчиво уговаривающим вернуться, — Стоян.

Девушкой в чёрном — Стратим.

Наташей… Наташей оказалась стерва в белом. Сияющая светом дева.

— Рарог, — нахмурился Стоян, проследив за его взглядом. — Королева Гнезда. Дева-лебедь.

Всего мгновение Михаил соображал. А потом окунулся с головой в жар бешенства. Его напоили иллюзией! Напитали, словно окунули в дерьмо. Взяли его сущность, взболтанную прошедшими событиями, рассмотрели на свет и нашли звезду, ведшую его всё это время. И, скопировав неловко, даже не тратясь на должную огранку, выставили перед ним подделку, поманили ею, словно собачку косточкой!

Михаил зарычал, оправдывая прозвище, и стряхнул с плеч удерживающих людей. Может, стряхнул, может, Стоян успел дать знак оставить в покое. Главное — освободился. И пошёл. Сквозь строй, раздвигая защищающие спины людей, туда — к чёрному монолиту трона. К белой деве, стоящей с усмешкой победителя.

— Ты! Тварь! Даже последняя гадина на земле не бросит своих детей на смерть ради мужика! Хочешь родить новых? Почему бы тебе не научиться беречь старых? Почему бы не начать разговаривать на равных, чтобы получить что-то? И не попробовать завоевать любовь и тогда уж рожать деток? Дура ты круглая! Смотри!

Наработанным движением вытянул из ножен свой боевой нож. Верный нож от гарды до острия оскалился недоброй усмешкой лезвия. Думать о том, почему клинок цел, времени не оставалось. Вскинул и, уверенно взяв двумя руками, направил в грудь. Остриё встало чётко, словно само нацелившись меж рёбер.

— Меня ты не получишь! Ни живым, ни мёртвым! За Юрку! За ребят! Ну!

Внутренний жар опалил лёгкие, засвербело в носу, полилось кровью.

Он был. Он был многим и не был ничем. И только после полного осознания этого, он теперь видел и слышал сам, как тихо потрескивает под сердцем зрелый жёлудь, раскрываясь по трещине, словно крылышки майского жука. Как шевелиться, когда раскрывается тонкий мятый, липкий от влаги рождения стебелёк. Как тянется вверх, трогая испуганно стучащее сердце, словно проверяя его ладошкой листа на прочность.

— Остановись!

Две тощие фигуры, обмотанные чёрными тряпицами, поднялись к трону. Рарог побелела, отступая и закрываясь руками. Горгонии просто встали перед Королевой, загородив её телами. Голоса воспитательниц лились синхронно и неслись со всех сторон. Они протягивали звуки, делая слово похожим на

капающий с ложки тяжёлый мёд — тягучим, плавным, но весомым.

— Чего ты хочешь, Отец?

Михаил задержал нож, чувствуя вгрызшуюся меж рёбер боль от проникшего в мышцы острия. Дышать становилось всё сложнее — внутри пылал жар и маленький листик тыкался в сердце, пытаясь пробиться наверх.

— Честности! — рявкнул он.

Сзади подтянулись тэра. Стоян с одной стороны и Елисей с другой показались двумя большими крыльями за спиной. Взмахни — взлетишь. Уверенность в себе, в людях, в правде, которую защищаешь, пьянила новыми возможностями и новой жизнью, в которой не оставалось места для сомнений и оглядки на суждение тех, кто сам из раза в раз смотрит на тебя с надеждой.

— Всё честно, — ответили горгонии в унисон. Большая капля янтарного мёда утекла с ложки и мягко ударилась о фарфоровую тарелку.

— Всё? — Медведев засмеялся, — Тогда почему меня не устраивает ваша честность? А вас не устраивает мой выбор?

Горгонии замерли, синхронизируя мысли.

Михаил почувствовал, что воздуха не хватает. Угрожающее острие ходило ходуном, задевая края раны, но давило не оно, а жар, рвущийся изнутри. Пожар охватывал грудную клетку, пульсируя и расширяясь. Он уже вытягивал горячие щупальца в плечи и живот, словно языком лизал тело.

— Честность Гнезда творится ради чести и блага Королевы, — наконец, отозвались горгонии. Заговорили тягуче и медленно, все, как одна: — Ты — мужчина. Не рожаешь. Участвуешь. Можно пренебречь.

— Пренебречь? — Михаил тяжело рассмеялся, задыхаясь, закашлялся. Руки задрожали, углубляя рану. С трудом поборов кашель и отогнав на время жар из-под грудины, утвердил клинок. Со лба потекли капли пота, но вытереть их не предоставлялось возможности. — Что ж! Попробуйте игнорировать отсутствие Отца! Попробуйте игнорировать его нежелание!

Горгонии молчаливо замерли, обдумывая его слова.

Затолкав боль глубже, огляделся. Стратим стояла, выпрямившись до ощущения натянутой нити судьбы. Гордая, сильная, смотрящая на стерв с превосходством победительницы и со слезами на глазах. Обычными, прозрачными и тихими. Такими, которые текут, не вызывая плача, сами, но остановить которые невозможно. Слёзы сильных. Улыбнулся ей, ободрил. Стратим выразительно зажмурила глаза — поняла.

— Гнездо ради будущего. Гнезду нужно продолжение. Мать — высшее творение рода. И у стерв. И у людей. У людей мужчина — помощник. Работник. Добытчик. Защитник. Собеседник. У стерв — нет. Гнездо самодостаточно. Есть работники. Есть добытчики. Есть воины. Есть собеседники. Мужчина для стервы — семя.

Горгонии объясняли, механически разделяя фразы, будто отмеривая их. Медведев вдруг понял, где он слышал подобное — первые разговоры с Стратим были похожи. Это уже потом, общаясь с ним, она всё больше переходила на плавную разговорную речь, не бьющую мысли на суждения классической логики.

— Мечта эмансипации! — Хрипло рассмеялся Михаил. — Иллюзии обиженных убогих. Максимализм недорослей! Женщина, мать — да, это святое! Но унижать своё отражение может только тупица! Мужчина — зеркало для женщины! И он — лишь то, что видит в нём женщина! Захочет верного рыцаря рядом — будет рыцарь! Захочет последнюю сволочь — так и будет! Мужчина вбирает отношение, но он и зеркалит отношение! Хотите отца на семя? Получите! Но не удивляйтесь, что и он не увидит в вас ничего, кроме яйцеклада! И не плачьте, если предложенный аппарат для воспроизводства себе подобных Отец считает ненадёжным, да и королеву попросту — дурой!

Горгонии смешались — чёрные одеяния заходили ходуном, словно под ними скрывались змеиные туловища. Но скоро подруги успокоились.

— Будет иллюзия. Рарог — твоя жена. Разницы не увидишь. Будешь жить долго. Счастливо. Любые желания будут исполняться.

— Нет, — усмехнулся Михаил и облизал губы. — Теперь уже нет и вы это знаете! Я переиграл её! Я вижу её, как она есть! И повт043Ерно атаковать меня она не сможет! Я — зеркало! Попробуйте рассмотреть желания зеркала и ими купить его!

Горгонии опять взяли передышку на размышления. Но теперь пауза необходима была и Михаилу. Тело горело. Горело всё — корпус, конечности, голова. И только под грудиной, которую отвоевал у боли и жара, тихо разворачивался, оплетая сердце маленький росток. Ладошки-листики нежно прикасались к стучащим стенкам, влажно налипали и начинали двигаться с ними в такт. Тонкий стебелёк тянулся, ветвился и пускал всё новые листики. А снизу ставшего вялым жёлудя прорастали тонкие до прозрачности корни. Жар душил тело, вплавляя боль в каждое движение. Каждое — даже самое незначительное подёргивание лица! Только лишь сосредоточение на маленьком

росточке под грудиной заставляло сохранять рассудок.

— Один отец — один спор. Один спор — одна победа. Одна победа — одна королева, — наконец, решили горгонии хором. — Рарог и Стратим — пусть дерутся!

Михаил зарычал:

— Чёрто-с-два! Силы неравны! Стратим ранена, а Рарог — нет!

— Не имеют значения раны. Только вызов.

Стратим без слов согласно повернулась к трону и начала подниматься к сопернице, стоящей белым изваянием, подобным древнеримским Венерам. Сёстры не остановили отступницу. Остановил Михаил.

— Нет, девонька! Поединка не будет! Я сказал!

Тяжёлый жар превратил мир вокруг в пылающий туман, в котором блестящими каплями выделялись только лица. Но сердце оплетал маленький дубок, уверенно набирающий рост и силу. Корни входили в солнечное сплетение, закружившись вместе с ним в маленькую галактику. Михаил закрыл глаза, чувствуя, как начинает закладывать уши. И, пока ещё оставались силы, крикнул в сторону трона:

— Один отец — одно решение! Либо Отец жив и в гнезде, но со своей избранницей, либо Отец мёртв! Выбирайте! Мне недолго вогнать нож в сердце! И тэра не отдадут вам моего тела! Битва и смерть!

— Она — не Королева! — тягуче заныли горгонии. — Её власть — смерть Гнезду! Она — не Мать!

— Тогда и я не Отец!

Горгонии молчали долго.

Он чувствовал их молчание и напряжение, повисшее в зале, словно застывающую сосновую смолу, сковавшую в янтарной капле мушек и муравьев. А внутри горело тело. И ощущение костра, от которого, опаляясь, скручивались жгуты мышц, принуждало стискивать зубы и тесно смыкать веки, не выпуская слёз. Михаил напрягся, перенося внимание с огня на влагу новых листьев странного дубочка, вьющегося вокруг сердца, словно лоза хмеля. Где-то наверху, среди сплетения дрожащих от толчков сосудов, стебли собирались вместе, и пышной шапкой выбрасывали вверх свежие влажные листья. Как и положено, похожие на брюшко зелёной сороконожки, раскрывшей широкие объятия. Дубок оплёл сердце и победно потянул свои ветки по сосудам. Он тыкал в огонь только что народившимися листьями, и пламя, шипя, отступало от грудины.

Чем больше Михаил думал о дубке, тем стремительнее и сильнее тянулись ветви, а огонь всё дальше отползал испуганной

и недовольной змеёй. Но отступал до тех пор, пока не загнездовался в ладонях, свернувшись в клубки. Кисти от этого стали тяжёлыми и горячими, но этот жар уже не воспринимался как что-то опасное. Скорее — укрощённая стихия, силу которой можно направить в любую сторону.

— Одна Королева — твоя! — ответили горгонии, и Михаил тяжело открыл глаза.

Тело, уставшее до предела, наполнялось звенящей радостью мирно качающихся внутри листьев. Тонких, маленьких, позвякивающих, словно выкованных из металла. И — удивительно — от музыкального тонкого звона, похожего на перешёптывание трубок китайских колокольчиков, становилось на душе уверенно и спокойно. Будто не деревце вплеталось в тело, а жёсткий каркас несминаемого убеждения в правильности происходящего и понимания своего места в нём.

Горгонии расступались перед Стратим, стоящей на ступенях тронной пирамиды. Она подняла голову, смотря на престол, и на мгновение замерла в нерешительности. Ей открывалась дорога до трона, возле которого уже не было Рарог. Сверженную белую деву, скрючившуюся возле пирамиды, сёстры покрывали красным шёлком. Стратим встряхнула волосами, неугомонно бьющими по плечам, и сделала первый шаг.

— Вот и ладненько, — облизал губы Михаил.

Дубок внутри покачал листьями кроны, соглашаясь.

Глава 24
Прощание

Мир — кольчуга, существующая в четырёх измерениях, где каждое звено — сущность. Все связаны, всё связано — и живое, и мёртвое. У всех одна цель и все вместе — плоть мироздания. И отдавая ближайшему, ты отдаёшь миру и в нём тому, дальнему, кто помог тебе когда-то. Отдавая, ты берёшь…

Смотря, как подруги наряжают Стратим, Михаил усмехнулся. Кем бы ни была женщина, к какому роду не принадлежала, а внешний вид для неё оставался на первом месте. Объявленная новой владычицей, Стратим успела огласить три веления, после чего позволила уговорить себя на смену одежды, приличествующую королеве. Три закона, необходимые в сложившейся обстановке. Провозглашение нового Отца. Объявление мира с Пределом Людей. И придание статуса дружественной делегации находящимся в Гнезде тэра. Всё остальное меркло перед возможностью спокойно переодеться, скрыв, наконец, изувеченное боями тело.

С трудом подошёл Родимец. Раны после лечения тэра стали почти не заметны, но контузия сказывалась — он тяжело ориентировался в пространстве и щурился, будто целился, разыскивая знакомые фигуры в мутности мира.

— То-топтыгин! — позвал он. — Ка-катько в сон по-погрузили. Типа, за-заморозка. До-до врачей до-доберёмся, там восстановят.

Михаил кивнул. Накатило странное чувство. Захотелось товарища обнять, прижать поближе к звенящим дубовым листочкам возле сердца, подарить часть внутреннего покоя, поделиться уверенностью и силой. Но знал — не получится. Пока — не получится. Не готов ещё сам. Потому протянул руку, горячую от свернувшегося в ней огня. Родимцев не сразу нашёл её в воздухе, раскоординированно махая своей. Но, когда ладони сцепились, вздрогнул, обжигаясь до кости ласковым теплом, стремительно разворачивающимся в нём. Тепло пробежало волнами по телу — от кисти до живота, — и стало хорошо, словно с проруби — в баньку, а потом вышел, остограммился и почувствовал себя по-настоящему живым. Михаил видел, сочувствовал то, что происходило с товарищем. И оттого на душе становилось легко и свободно. То, чего хотел, — получалось.

Родимцев, преодолев себя, расцепил хват и, глядя куда-то под ноги, поблагодарил, медленно растягивая слова, чтоб не потерять

и не изувечить ни одного звука:

— Спасибо, Топтыгин.

— Не за что, Игнат. Ну, прощай…

— Увидимся ещё.

— Как судьбе будет угодно…

— Увидимся! — хмуро отрезал Родимец и ушёл к Кирпичу.

Медведев проводил товарища взглядом. Двое их осталось у него. Двое из всех, что шли последние годы рядом. Их жизни, их судьбы стали предельно близки в дороге, и теперь чувство разрыва давило. Вроде понимал, что это и не разрыв вовсе, и каждый из них будет помнить других — и живых, но далёких, и погибших, — такими, какими принял в своё сердце, но… Узник по собственной воле, по когда-то заключённому договору, он понимал, что встреча, на которую надеялся Родимец, невозможна. Пределы не пересекаются. Любое их пересечение — война. Война — значит, смерти. А это то, на что пойти он теперь не мог. Ни за какие ценности мира. Внутри китайской «музыкой ветра» пели тонкие листики. И кое-где набирали завязь серёжки. Чешуйчатые листики уже скоро станут шапочками, прочно держа, словно в тесных ладошках, крепкие жёлуди. Вот это действительно ценно.

— Пресветлый…

Михаил обернулся, не успев скрыть мягкой улыбки:

— Тоже попрощаться?

— Нет, — хмуро отозвался Маугли. — Вас зовёт Пресветлый Стоян.

Вот теперь улыбка погасла сама. И дело не в ведущем «мечей». Просто «нет» Всеволода прозвучало сильно и прочно, словно ударило молотом. Он не собирался уходить. Ни сейчас, ни потом.

Стоян ждал у стены, в стороне от своих людей, расположившихся на отдых. В кругу врачевали Катько, Полынцева и нескольких одинатов. Молчаливое, но заботливое отношение друг к другу тэра даже вызывало зависть. Они могли себе позволить то, что не практиковалась меж людьми. Михаилу вспомнилась девочка-магура, умершая в кругу нежно поющих сестёр. Тэра действовали похожи. Они не пели, но возле каждого раненного сидело несколько человек, которые просто присутствовали и молчали, пока целитель Елисей и его помощники кромсали и штопали тела. Сидели, подчас даже не смотря на кривящихся от боли. Лишь изредка прикасались — стереть пот со лба, придержать бьющиеся плечи или будто случайно тронуть за руку. А человеку зримо становилось легче. И никаких слов. Даже принятых в среде людей соболезнований, ободрений, уговоров потерпеть или обещаний отомстить.

Тишина, иногда прерываемая вырвавшимися стонами.

— Звал?

— Звал, — хмуро кивнул Стоян. — Мы уходим минут через двадцать — маги обещали протянуть хороший портал отсюда до домена.

Медведев волевым усилием сохранил спокойное выражение лица. Он ожидал, что времени на прощание судьба даст больше. Но не ему роптать. Сам выбрал.

— Хорошо, — кивнул он. — Что-то от меня требуется?

— Два момента. Позволить нам забрать своих мёртвых…

— Без вопросов. И?

— Попрощаться, — угрюмо отозвался Стоян. — Яромира, кажется, мы не вытянем.

Михаил почувствовал, как внутри жалобно застонали ветви. Словно шквал прошёл.

— Чёрт… Настолько серьёзно?

Стоян пожал плечами.

— Я скажу Стратим. Она прикажет Сиринам заняться им. Восстановят!

— Не надо, — предостерёг Стоян. — Это не поможет, а только вернее добьёт.

Михаил про себя чертыхнулся. Как он мог забыть!

— Да, помню. «След».

— Дело не только в нём. — Стоян замолчал, словно засомневался, стоит ли говорить, но всё-таки продолжил: — Яромир — один из четырёх младших ведущих Славянского Схода, и неспроста. В нём слились и ярость боя, и рассудительность мира. Но он молод. Он моложе других ведущих и намного. В отличие от нас, он ещё не знал, что такое остаться одному… И, впервые узнав, не хочет идти дальше. А с его упёртостью…

— Не понимаю.

Стоян посмотрел прямо:

— У него было тридцать ведомых. Осталось в живых трое.

Михаил сглотнул и отвернулся. У него было шесть человек. Осталось двое. Полынцев лишился всех. Но потери тэра не шли ни в какое сравнение.

— Почему… — Михаил закрыл глаза. — Почему они всегда брали на себя самое тяжёлое? Зачем лезли вперёд? Потому что лучше подготовлены? Быстрее регенерируются? Меньше устают?

— Потому что старше.

Михаил открыл глаза. Стоян смотрел в сторону круга, где возле Яромира изваяниями сидели тэра — и «щиты», и «мечи». В голосе ведущего сквозила неприкрытая усталость.

— Он не хочет жить, потеряв своих людей?

— Да. Ну, ещё и предельная усталость. Полагаю, он просто загнал себя. Молодой ведущий, желающий быть идеальным… Срыв неизбежен. Жаль только, что пришёлся на такую пору. Обычно срываются уже по возвращении.

Михаил стиснул зубы. Сказанное словно напрямую относилось к нему. И лишь одно было исключение — он оставался жить. И внутри кренился от бешеного ветра молодой дубок, только пожелавший взрастить плоды. Михаил отошёл к стене, серой монолитной полусферой создающей Цветочный Зал, и прижался лбом к холодному камню. Постоял и вдруг с размаху ударил. Ещё и ещё! Замолотил, срывая кожу об неровную поверхность и разбивая костяшки.

Рука загудела от сильного столкновения.

Схватился за расцарапанную и отшибленную ладонь, ухнулся спиной на стену, сполз вниз, обдирая с камня серую крошку. Приложил руку к холодному монолиту. Замер, запрокинув голову. И стало на душе плохо — стыло, пыльно и пусто. Вынужденная остановка сознания истерзала невозможностью сорваться в бег и что-то изменить. В мире, в судьбе, в людях, в себе…

— Тэра устают не так, как люди, — Стоян подошёл ближе, сел рядом, также опёршись о стену. — Выносливость-то у всех разная. Кто-то устаёт тогда, когда чувствует, что работать дальше в том же режиме опасно. Кто-то — тогда, когда уже не может сохранять бешеный ритм. А кто-то до последнего держит темп, и не замечает, как оказывается за чертой умирания. Последнее — наше свойство. Без него мы не смогли бы исполнять свои обязанности перед богами…

Михаил взглянул на Стояна. Его лицо оставалась угрюмым. Вспомнилось другое лицо. Пожилого тэра, заваливающегося на бегу. Руки мёртво держат оружие, глаза открыты и ещё хранят напряжение боя, а сердце уже встало. «Мёртв!» — кричал Юрий, но тогда Михаилу было не понять, что вот так, оступившись на полтакта, можно просто сгореть. От усталости. Не от раны.

— Марафонец, принёсший весть согражданам, был тэра?

— Скорее, просто человек, — устало отозвался ведущий. — Выносливость тэра — это качество сознания, помогающее выполнить основные задачи. Не более. Ты ж знаешь, при должном настрое и лошадь с развороченной взрывом грудью бежит.

— Значит, в отличие от людей, изнашивающихся как ботинки, вы перегорите как лампочки. Но у всех есть шанс работать до последнего. Главное — настроиться.

— Именно, — качнулся Стоян. — Всегда и во всём главное — настроиться. На победу. На поражение. На работу до конца. На

жизнь. И на смерть.

— Понятно. — Михаил прикрыл глаза. Дубок клонился от ветра. Тонкие тревожно звенящие листочки не выдерживали порывов и срывались с веток. — Значит, сейчас Яромир настроен на смерть? И никто и ничто не может ему помочь?

Стоян посмотрел на него внимательно и неопределённо протянул:

— Кто знает… Кто знает…

Михаил сгорбился, сунул руки в карманы и спросил:

— А если как-нибудь силу передать? Кровью, например. Моя однажды помогла…

— Твоя кровь помогла твоему же ведомому, — потёр уставшие глаза Стоян. — А они на неё настроены. Кровь ведущего их и с того света поднимет — бывали такие чудеса. Чудо то, что он на тебя настроился… Ну да это загадка для магов, не для нас. Но для Яромира кровь Отца или кого-то из нас ничего особенного не значит. Она не несёт ему важного чувства привязанности. Понимаешь?

Михаил кивнул. С самого начала он чувствовал, что дело не только в составе и силе крови донора, но и в том — на что и на кого настроен реципиент. Подтверждение догадки не принесло радости. Разум лихорадочно искал способ восстановить Яромира или дать ему желание жить. Он уже знал, что способ есть, додумывался даже, что сам имеет к нему прямое касательство. Иначе бы Стоян говорил об этом не с ним. Да и знакомы показалось интонации этого странного «кто знает». Так же Яромир спрашивал о том, есть ли у него магические силы. Спрашивал, уже догадываясь, что нечто важное кроется в собеседнике. Но давить себе не позволял. Спрашивал, будто намекал, что неплохо было бы признаться. И не более.

Прошедший внутри шквал растрепал дубок, взъерошив ветки. Михаил успокоил дыхание и сердцебиение, смиряя разбушевавшуюся стихию, и окинул мысленным взором мешанину листьев. Среди пятен светлых и тёмных тонов искал маленькое сокровище, единственно способное помочь в эту минуту. И он его нашёл. Крохотный шарик жёлудя, только набирающий крепость стенок и вес зрелого плода, скрывался под листьями от ветра и стороннего взгляда.

— Есть! — сказал Михаил и открыл глаза. Повернулся к Стояну: — Ты говоришь — кто знает?

Поднялся аккуратно, тревожась за ранимое создание внутри. Кивнул — «пошли!».

Подходя к кругу, вгляделся. Как и ожидал, Маугли сидел рядом с Яромиром. Он единственный постоянно держал ведущего

за запястье, не смущаясь косых взглядов окружающих. Ведомый сидел также молчаливо, как и другие. И смотрел в пустоту перед собой.

Яромир лежал на впопыхах расстеленных куртках. Елисей уже сделал всё, что смог, и теперь ведущий «щитов» равнодушно пялился в серый потолок. Боль умирания целитель у него забрал, а силы духа ведущему хватало, чтоб встретить смерть достойно.

Когда Михаил подошёл к одинату, ему тут же уступили место рядом. Присел на одно колено. Маугли сдвинулся и опустил голову.

— Умираешь? — бесцеремонно спросил Михаил, тронув Яромира за плечо.

Одинат оторвался от созерцания каменных сводов и посмотрел на товарища. Взгляд побежал дальше, наткнулся на Стояна, стоящего за ним, и остался прозрачно-пустым. Медведев понял, что ответа не дождётся. Ни при ведущем «мечей».

— Ты лучший воин из всех, с кем я встречался. И я горд, что шёл рядом с тобой! — Выпрямился Михаил. — Теперь, как Царь своего нового народа, я объявляю свою волю! Твоё тело будет сожжено на погребальном костре, как это достойно великого вождя! Это будет огромный костёр!

Михаил поднялся. Подошедший Полынцев, ошалело покачал головой и выразительно покрутил пальцем у виска. Даже тэра, стоящие рядом, непонимающе напряглись. Только Стоян опустил голову, глухо закашлявшись в кулак. Возможно, разгадал.

Лихорадочно подбирая слова, Михаил прислушивался к мирному росту первого жёлудя на дубке. Ему нужно было ещё совсем немного времени. Чуть-чуть. И только потому требовалось говорить патетические нелепости, приковывая внимание окружающих.

— И после на пепелище я прикажу насыпать курган. А на его вершине поставить большой камень, и высечь на нём твоё имя. К кургану будут допускаться паломники из всех Пределов! Имя твоё будут чтить и поминать в молитвах разных вер!

Яромир, прикусив губу, приподнялся на локте. Он многое хотел сказать в ответ. Горького и больного. Ударить словом, изувечить им, поскольку руки давали слабину, и веры им не оставалось. Только время уже бежало, летело, стремительно вращалось бешеной воронкой вокруг маленького жёлудя. Теперь уже и просто сильного вздоха хватит сорвать с черешка сокровенный плод. Михаил расправил плечи и продолжил, не давая одинату возможности заговорить:

— И чтобы там, куда тебе суждено уйти, тебе нашлись не только достойные сподвижники, но и приличествующие твоему

подвигу слуги, я сделаю тебе подарок!

Нож уверенно лёг в ладонь. Идти далеко не пришлось. И звать тоже. Шагнул к Маугли, сидящему рядом. Тот только успел вскинуться. Михаил сграбастал его за волосы и, наклонив вихрастую голову, приставил лезвие. И так уверенно это получилось, что сам не ожидал. А Всеволод только дёрнулся и тут же застыл. Даже держать не пришлось.

— Я обещал тебе человека в оплату, если ты выведешь нас! Я считаю, что договор выполнен! Первым, кто ляжет на твой костёр, будет Всеволод, ведомый из школы Мирамира. И пусть он тебе на том свете служит честью и правдой!

Яромир побелел, сжав губы, боясь выпустить слова, скопившиеся в горле. Совладал с ослабевшими руками и ринулся. Повис на клинке, подставляя под лезвие ладони. Отвёл от шеи Всеволода и оттолкнул его из-под удара. Упали они одновременно — Маугли не устоял на коленях от толчка, а Яромиру сил удержаться не хватило.

Зелёный жёлудь затрещал, заходил ходуном на тонкой ножке. И сорвался с ветки, уже в полёте давая трещину под напором сильного ростка.

Подоспевшие тэра уложили одината обратно, пережали вены. Одинат лежал смирно, но дышал тяжело и взгляд у него оставался бешеным.

Михаил убрал нож. Оставалось только радоваться, что спектакль удаётся на славу, но вместо этого наваливалась усталость. Вытянул из нагрудного кармана мятый конверт, когда-то бывший белым. Разгладил на ладони и протянул одинату. Сел рядом и уже без всякого пафоса сказал:

— Это забрали при обыске Маугли. Письмо в Одина-тэ. Ведомый Всеволод был подготовлен для ведущего Яромира как подарок и жест мира. Он — твой ведомый, Яр. И, если ты сейчас сдохнешь, я колебаться не буду. Незачем ему будет жить. И незачем со мной оставаться.

Яромир с трудом развернул лист. Как ни старался быть аккуратным, но красные пятна с ребристым рисунком пальцев остались оттисками на краях бумаги. Вгляделся остановившимся взглядом. Перевёл взор на Медведева, мирно сидящего рядом.

— Видишь? — хмуро спросил Михаил.

— Вижу, — почти беззвучно ответил одинат.

Михаил знал, что он видит. И что хочет увидеть — тоже.

— Ну, вот, — усмехнулся Михаил. — Убедился? Он — твой.

Яромир снова угрюмо поглядел на бумагу в руках. А потом смял, не дав постороннему взгляду успеть присмотреться, и, словно окровавленный платок, сунул в карман. Задумчиво

взглянул на Маугли, зажмурившегося и стиснувшего кулаки, не веря в происходящее.

— Убедился, — голос Яромира не дрогнул. Только глаза стали живыми. Понимающими.

— Вот и ладушки, — тяжело поднялся Михаил. — Удачи вам!

И пошёл, уже зная, что сделал всё, что мог. Тонкий росток из ставшего вялым жёлудя, поднимался вверх, неся два листа, соединяющих судьбы.

— Михаил! — окликнул Одинат. — Пересечёмся!

Медведев только рукой махнул. Но тонкий звон дубовых листьев внутри зазвучал тихой музыкой, похожей на кошачье мурлыкание. Один друг из тэра у него точно остался. Проходя мимо Стояна, ненароком столкнулся плечами. Ведущий «мечей» проводил долгим взглядом. Таким, что стало понятно, что не один друг…

Стратим ждала его у пирамиды. Она давно разогнала приближённых, и теперь в одиночестве сидела на высокой ступени, обхватив поджатые ноги и положив голову на колени. Острый подбородок точно входил в ямку меж ними. Волосы едва заметно змеились по плечам. Грустная Ассоль в ожидании алых парусов.

— Почему в чёрном? Я думал, теперь ты наденешь белое, как Рарог… — сел рядом Михаил.

Королева, не меняя положения, отозвалась:

— Я ещё не Мать.

— Понятно.

Михаил устало откинулся спиной на высокую ступеньку. Матерью её сделать предстояло ему. Огляделся. Тэра спешно собирались на выход. Полынцев и Родимец суетились возле Катько, помогая «мечам» его пеленать. Маугли толково распоряжался предоставленными «мечами», должными нести Яромира. Там — десятиминутная готовность и дорога домой. А здесь — только Он и Она. Вдвоём. И не о чем говорить… Просто не о чем. Стерва и человек. Мать и Отец. Михаил сцепил руки в замок. Он уже знал, как это будет. Один контакт, в котором, борясь с собой и тупо повторяя «договор, договор, договор», он на время вынудит себя забыть Наташу, забыть родную землю, забыть себя и то, что женщина, которую обнимает, даже не человек. Вот он — супружеский долг! А потом… Потом они иногда будут встречаться и даже разговаривать. Потому что без этого настанет абсолютная пустота, за которой начнётся падение в безумье. Они станут говорить друг другу слова, смысл которых понимают по-разному. Но — лишь бы говорить, заполняя вакуум между двумя разными и чужими, по сути. Говорить о бегущем вне каменных

стен ветре. О том, каким бывает снег. Каким было прошлое. Как спалось и что снилось ночью. Хотя, нет. О том, кто приходит во снах, он рассказывать не захочет. Это останется только его тайной. Стратим — умная стерва, а значит, она не спросит, подразумевая ответ. И он будет просыпаться среди ночи и смотреть в серый потолок. Он будет бредить невозможность дотянуться до своего мира… Словно похороненный заживо.

— А почему дуб? Я думала, это будет медведь, — Стратим повернула к нему лицо, прижавшись к коленям щекой. Бесцеремонная прядка прикрыла припухлость губы, с ещё не поджившими шрамами последнего боя.

— Почему? — Михаил растерялся. — Действительно, почему?

Ничего путного в голову не приходило.

— Дуб — символ древний, — нахмурилась Стратим. — Мудрость и сила. Он встаёт там, где уже росли другие деревья. Он приходит на смену тогда и там, где не остаётся надежды. И поднимает рощи. Он впитывает память земли и передаёт её небу и всему живому. Сильный символ. Рода.

— Ну, вот… — Михаил натянуто улыбнулся. — Ты о нём знаешь больше меня.

— Знание — не чувство, — скупо пожала она плечами. — Я знаю, а ты чувствуешь. Знание — отражение происходящего, знание — взгляд извне. Холодный и беспристрастный. В нём есть ответы на все вопросы, но нет действия. И знание ничто не значит, когда приходит чувство. Приходит как буря, ломающая крылья. Чувство не ждёт ответов и отметает чужой опыт. Чувство — это ты и только ты. Это единственно сокровенное, сидящее в душе как её сердцевина и стержень. Без чувства сущность мертва. Но знание и чувство вечно спорят за существо…

Стратим сидела, не шевелясь. Даже волосы лежали на плечах спокойно, едва шелестя концами змееголовых прядей. Глаза, напоминавшие колодцы, из которых можно разглядеть звёзды, смотрели уныло. Словно не кружила голову победа, не преклонялись бывшие враги, не был рядом тот, кто ценился выше сокровищ.

Раскрыв ладони, Михаил вгляделся в линии судеб под свежими шрамами. Линии тянулись длинными морщинами от края до края. Слишком длинными. И мало в этом оставалось радости. Долгая жизнь для двоих вместе… Наверное, потом они научатся разговаривать так, чтоб оставаться вежливыми и спокойными, не тревожа омуты душ друг друга. Возможно, сумеют даже улыбаться, произнося банальности. Смеяться вымученным шуткам. Радоваться тому, что есть. Помнить о своём долге и верить, что так нужно. Ради Гнезда. Ради Договора.

Ради… Только потому она пошла на то, что ранее стервам казалось невозможным, оставив Отца без спасительной иллюзии, а себя — без его любви. А он… А он поступился собой.

Линии на ладонях тянулись и тянулись, грозя стать бесконечными. И напоминали переплетающиеся корни деревьев.

— У неё дочь и сын, — тихо сказала Стратим.

— Что?

Он выпрямился, мгновенно поняв, о чём идёт речь.

Королева отвернулась.

— У неё дочь и сын, — повторила она глухо. — Через полгода они выйдут из лона как дети любви. Хранители душ наградят девочку способностями к творению миров, а мальчика — талантом ведущего армий. Матери предстоит следить за созреванием своих чад и направлять их. Если Мир будет к ним благосклонен, а Храм сумеет сохранить их там, где время начинает течь вспять, то жизнь их станет благодеянием Предела Людей…

Михаил сжал кулаки и зажмурился. Напряжение внутри стиснуло тихий дубок в предгрозовом безветрии. Лишь сердце не слушалось — стучало и стучало, наращивая темп и вбивая в сосуды тугие приливные волны, бегущие по телу, тукающему в такт пламенному мотору. Знать будущее… Но главное — знать, теперь уже по-настоящему твёрдо знать, что Наташа носит в тугом животике его детей. И пусть отныне только во снах и мечтах можно прикоснуться к тёплой упругой коже и, защищая, накрыть ладонями… Главное он уже знает. Теперь у него появилось ещё одно будущее. Будущее, в котором можно мечтать о том, какими вырастут дети, думать каждую минуту, чем они занимаются в этот момент, как выглядят, что говорят, как шалят и познают мир. Теперь там, где зияла чёрная дыра памяти, возникнет новая галактика надежды и уверенности. Да, эти дети вырастут без него, под опёкой других людей, смотря на примеры неизвестных ему мужчин, но… Главное в том, что они будут. Он — будет. В них.

Открыл глаза. Стратим сидела всё также недвижимо. Она прекрасно понимала, какой пожар разжигает в нём. И какое тихое счастье вкладывает в душу. Захотелось погладить блестящие волосы и поблагодарить за драгоценный подарок. И отвагу, презревшую риск потерять его, ушедшего блуждать в мир фантазий.

— Девонька…

— Уходи, Отец.

Напрягся, словно горлом налетел на выставленный клинок. Таковым жёстким и острым оказалось брошенное слово. Вдохнул

побольше воздуха, чтоб прекратилась бешеная пульсация в висках и рассудок прояснился. Полегчало. И только теперь стал понятен смысл высказанного. Поразительный, невозможный, сметающий с таким трудом выстроенные внутри переборки, позволяющие держать за границей тоску и безнадёжность. Одно слово заставило заколыхаться, казалось, незыблемые представления о будущности своей и окружающего пространства. И музыкой ветра запела крона над сердцем.

Остановил. Одёрнул себя. Запретил думать и надеяться.

— У нас договор, девонька, — Михаил протянул и осторожно опустил на острое плечо руку. Прямо под тихо струящиеся змеиные головы. Стерва напряглась, выгибаясь кошкой от неожиданного прикосновения. Испуганно сжалась, оборачиваясь. Осталось только улыбнуться ей, ободряя и успокаивая. Но, растянув губы, почувствовал, что рот дрожит и кривится, едва справляясь с желанием выть.

Стратим поняла. Огромные пушистые ресницы забились крыльями прижатой к земле подраненной птицы. Справилась с собой и медленно выскользнула из-под его руки. Грустно улыбнулась:

— Я не «девонька», Отец. Мне больше лет, чем дряхлым старикам твоего мира! И я знаю, что делаю. Я отпускаю тебя. Я освобождаю тебя от Слова. Уходи!

Упрямо покачав головой, Михаил повторил:

— Девонька… — договорить не успел.

— Ты думаешь о ней. Пусть вспоминаешь не в каждый момент своей жизни, но каждый посвящаешь ей, — Стратим отстранилась и закрыла глаза. — Ты там, рядом с ней… Тебя нет здесь, нет совсем. Только отсвет, отражение, эхо… Это не ты. Это — твой долг! Всегда и везде долг — часть тебя. Твои обязательства перед одними и другими. Долг за смерть брата повлёк долг за жизни подчинённых, долг за дружбу привёл к долгу передо мной… Но на долге не построить Дома. Не сковать счастья. Не сотворить новой жизни, не вдохнуть в неё понимание женского и мужского, мудрости и силы, не подарить счастье гармонии. Долг — это одиночества духа, это внутренняя пустота. Пустота, из которой нечего взять и в которую невозможно что-то влить, ибо она бездонна…

Михаил опустил руки. Мир вокруг шатался. Тихий дубок свертывал подсыхающие листья. Влага, так необходимая деревцу, вся поднялась куда-то под гортань и там свернулась в ледяной комок, и ни туда — ни сюда. А ладони опалило разгорающимся пожаром.

— Прости всех. Прости себя. И уходи. Всё, что получилось —

уже получилось. И твоя доля была в нём не больше чужих, — Королева поднялась и встала, отвернувшись.

Несколько мгновений решаясь, Михаил поднялся, шагнул ближе и взялся за острые плечи.

— Если я уйду, то тебя лишат трона… — хотелось сказать о другом, но уж как получилось.

— Я знаю, что будет дальше, — устало сказала она. — Слишком хорошо знаю, что будет, и если ты останешься, и если ты уйдёшь. Да, я буду чёрной королевой. Да, как было напророчено, Гнездо останется без нового поколения и род мой сгибнет, оставив после себя только серый монолит дома на равнине… Но я люблю тебя. Люблю, и потому отпускаю. Нет! Не отпускаю — гоню! Гоню, зная, что будет дальше… Потому что, если ты останешься, будет ещё хуже…

Горло сдавило ледяным комом так, что даже слова стали даваться с трудом:

— Хуже?

Королева тряхнула волосами, но змеиные головы не захотели жалить, а вяло трепыхнувшись опали.

— Да. Хуже! Будет боль. Вечная боль, в которой будет жить Гнездо. Боль женщины, которая не нужна и всегда оказывается противоположностью той единственной и светлой, образ которой разлука заполняет божественными чертами. Боль матери, которая вынашивает ненужных детей, чьи беззащитные комочки не вызывают у родителя ничего, кроме неудовольствия. Боль сущности, чья гордость растоптана желанием дарить радость тому, кто отрицает её как источник. Боль, Отец… Вот чем от меня напитается мой мир, мой дом, мои сёстры… Не верой в себя, как дарила сестра, и не любовью, как хотела я… — она помолчала, справляясь с собой и продолжила тише, — А если ты уйдёшь, память о тебе будет сжигать моё сердце в нежности и безысходности. Но, может быть, крохи этой нежности позволят Гнезду выстоять до той поры, пока не найдётся та, которая сместит меня, отыскав себе мужа и отца роду… И в благодарность ей я подарю один совет… Никогда не заключать договоров с мужчиной. Никогда не верить в эти договора. И никогда не позволять мужчине видеть мир таковым, какой он есть! Для того, чтобы все были счастливы, мужчина должен жить в сказке…

— Девонька…

— Уходи! — она зло тряхнула волосами. И теперь пробудившиеся змеи подняли сонные головы, зашипели, трогая воздух раздвоенными языками. — Уходи сам или я прикажу гнать тебя!

Михаил одёрнул руки из-под змеиной атаки и отшагнул.

Она стояла тонкая и хрупкая. Беззащитная. Одинокая. Живая. Женщина. Все, что и было в ней мистического, — только бьющиеся клубком гадов волосы. Но они — не защита от тоски и боли. И они — не препятствие для сильных ласковых рук. И можно сейчас, прямо в эту минуту, шагнуть под укусы чешуйчатых голов, схватить за плечи, развернуть и впиться в губы. И она растает в руках, позволяя себя ласкать. Волосы лягут широкими тугими волнами, утихнут, словно океан в безветренности… А губы будут солёны от слёз, и он закроет глаза, чтоб не знать, чьи это слёзы. А потом… Будет жизнь. И он уже знает, какая…

Смотря на бешеное биение клубка тонких змеек, Михаил сделал шаг назад.

Потом — ещё один.

Эпилог

Михаил прикрыл ладонью слезящиеся глаза от остро жалящего света и взглянул против солнца. Сквозь частокол коричневых стволов и красно-бурый вал кустарников меж ними несложно было заметить человека в чёрном. Полынцев сидел на комле рухнувшей сосны у самого края поляны. Спина сгорблена, плечи опущены. Как не старались тэра, а восстановить людей полностью оказалось им не под силу. Да и дорога сюда, на точку контакта, по заросшим склонам гор не мёд. Одно хорошо — в отличии от мира стерв, тут было солнечно, прозрачно и тепло.

— Устал вояка, — хмыкнул Медведев, вглядываясь в спину Степана, и, подволакивая ногу, двинулся к раверснику. Игнорируя шум в голове и подкатывающую тошноту. Не то, чтобы было зачем. А просто так нужно.

Степан скосил глаза и повёл плечами, когда услышал за спиной шум движения. Михаил ухмыльнулся про себя: «Ну, вот — пробирается медведь сквозь густой валежник… А неделей раньше он бы меня и не учуял!». Подошёл, встал сбоку от раверсника, не позволяя себе даже взгляда в его сторону: если захочет — сам поймёт. С востока сверкала залысиной высота, с запада серебрились облака, с юга солнце заливало кроны. Полынцев молча полез в карман и вытащил смятую белую пачку с красующимся мишенью красным кругом. Встряхнул. Посмотрел. Даже пальцами внутрь залез. Пусто. Смял в кулаке бесполезную обёртку, хотел, было, выбросить, но, покосившись на стоящего рядом, сунул обратно в карман. Топтыгин на его памяти ни разу не бросал в лесу окурки. Не взглянув, Михаил тоже потянул из кармана пачку. Золотистая коробочка, промятая до формы блина, после встряхивания как последним зубом оскалилась единственным белым фильтром. Медведев нахмурился, покосился на раверсника — тот сидел, не глядя на стоящего рядом. Вложив сигарету в губы, Михаил вытащил из другого кармана спички. Восковая сера мгновенно занялась от удара о коробок по касательной. Но Полынцев на знакомый звук не обернулся. Таёжник закурил на неглубокий осторожный вдох и, сделав пару неловких шажков, тяжело опустился на комель рядом с раверсником. И подал ему сигарету. Тот принял, благодарно кивнув, и затянулся.

Теперь, когда всё осталось позади, перед самым возвращением домой, сердце сжало предчувствием будущности. Там, в ситуации за-пределья, думалось только о том, что бы вернуться. И прощание с тэра сквозило радостью понимания, что

до дома осталось несколько шагов. Может быть, именно это понимал Яромир, усмехающийся чему-то своему. Он не первый раз возвращался. И потому на прощание пожал руку и коротко сказал «Зови!». Знал, что придётся. Никто — ни «Р-Аверс», ни Сваро-га, ни своё же начальство — в покое не оставят. И самое меньшее, что ждёт…

Михаил кашлянул:

— Однако, трибунал… Расследование и всем подружкам по кружке.

Раверсник молча мусолил фильтр.

— Ага, — лениво отозвался он.

И передал сигарету обратно. Михаил хотел было отстранить, — мол, докуривай, — но потом подумал, что прозвучит это как бравирование своими возможностями и обвинение в слабости, и сигарету взял. Дымок сизой змейкой свернулся-развернулся, поиграл кольцами и пополз ввысь.

— Общее командование на мне. Приказ мой. С меня и начнут, — сплюнул Степан и сцепил ладони. — Ты в это дело не суйся. Главное, потянуть подольше, а там, может, и отвяжутся. Слишком уж всё закручено… Своих сам, думаю, научишь, что надо говорить…

Уставшие глаза слезились от обилия света, болящее тело пронзалось холодом под порывами ветра, и даже ломота в суставах не отступала под тёплыми лучами.

— Научу, Стёп, — задумчиво отозвался Михаил. Затушил бесполезный окурок и сунул его в карман. До костра. Будет ли он когда-нибудь, этот костёр? — Только насчёт командования… Хреново получается. Вся ответственность-то на мне. За бунт на корабле. А ведь с него всё началось. Так что, топать нам отсюда вместе.

— Да пошёл ты, Миш, — усмехнулся Степан. Повернулся, впервые посмотрел прямо. Рана поперёк лица сочится сукровицей, надорванный рот бесформенной медузой. — У тебя жена пузатая, а ты тут героя строишь! Как расследование закончиться — в отставку и подальше отсюда! От наших, от ваших, от хрен-знает-чьих! Дом построй, дерево посади. — Он помолчал, прислушиваясь. Закончил тише: — Сын будет — Юркой назови.

Скулы свело.

Она сказала, что будут дочь и сын… Сын — Юрка. А дочь… Стратим? Ох и возмутиться же Наташка, ведьма любимая!

— Знаешь, я подумал, — медленно сказал Михаил. — Мы созданы «по образу и подобию»… А тэра раньше нас. Получается… Ангелы?

Полынцев устало потёр слезящиеся глаза и негромко запел:

— Ты выходишь за порог — крылья, плечи… Полуптица, полубог — человечек… Сознавая от чего отмежёван, отличая «своего» от «чужого»…

Михаил взглянул на друга. Раны сочатся, лицо подёргивает от боли, разговаривает с трудом, а тут…

— Разбегаешься, бежишь и, пожалуй, — тихо присоединился он. — В голове твоей Париж да Варшава…

С душой пели. Только душа выходила сиплая, хриплая, словно чужая.

— Смотришь, слышишь — тишина, только эхо… Землю жаль — она больна человеком. Занедужила всерьез и надолго. Но что бы к ней ни привилось — все от бога …

Где-то закричала птица.

Михаил вскинулся. Так и есть — вертолёт. Слева.

— Ты выходишь за порог — крылья, плечи. Полуптица, полубог — человечек…, - закрыв глаза, продолжал шептать-петь Степан. — Лишь Харон унылый Стикс переехав, шепчет: «Господи, прости человека»…

Михаил обернулся, глянул на Родимца — самому двинуться оказалось сложно. Ещё требовалось время отдыха, что б набраться сил на последний рывок. Лейтенант понимающе кивнул и оставил раненого. Доковыляв на открытую площадку, подал в небо знак посадки. Зелёное днище проплыло над головами. Борт пошёл на поворот. Начал снижаться. Ветром ударило по деревьям, заклубило и вздыбило кроны. Осыпало иголками.

Вдох. Выдох.

— Пойдём, что ли… — Михаил, тяжело поднявшись, подал руку раверснику.

Держась друг за друга, они трудно и тяжело пошли против ветра.